МАТЕРИАЛЫ XVII МЕЖДУНАРОДНОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

ЕВРОПА-2015 ЭФФЕКТ ПЕРЕСТРОЙКИ: РЕЖИМЫ И РИСКИ МНОГОГОЛОСОГО ЗНАНИЯ

15—16 МАЯ 2015 Г.

ВИЛЬНЮС

ЕВРОПА-2015:

ЭФФЕКТ ПЕРЕСТРОЙКИ: РЕЖИМЫ И РИСКИ МНОГОГОЛОСОГО ЗНАНИЯ

Материалы международной студенческой научной конференции

15–16 мая 2015 г.
Вильнюс

Европейский гуманитарный университет

ВИЛЬНЮС
2016

ЕЎРОПА-2015:

ЭФЕКТ ПЕРАБУДОВЫ: РЭЖЫМЫ І РЫЗЫКІ ШМАТГАЛОСАГА ВЕДАННЯ

Матэрыялы міжнароднай
студэнцкай навуковай канферэнцыі

15–16 мая 2015 г.
Вільнюс

Еўрапейскі гуманітарны ўніверсітэт

ВІЛЬНЮС
2016

EUROPE-2015:

PERESTROIKA'S EFFECT: REGIMES AND RISKS OF MULTI-VOICE KNOWLEDGE

Proceedings of the International Student Scientific Conference

May 15–16, 2015
Vilnius

European Humanities University

VILNIUS
2016

УДК 32+34+7+008](4)+940
ББК 66+67+85+71+63.3(4)
Е24

Рекомендовано к изданию
Комитетом по науке и развитию Сената Европейского гуманитарного университета
(протокол № 13 от 28 марта 2016 г.)

EUROPEAN HUMANITIES UNIVERSITY
EHUTF TRUST FUND

Издание осуществлено при поддержке Трастового фонда
Европейского гуманитарного университета

Е24 **Европа-2015**. Эффект перестройки: режимы и риски многоголосого знания : сб. науч. тр. / редкол. : Г. Я. Миненков (отв. ред.) [и др.]. – Вильнюс : ЕГУ, 2016. – 478 с.

ISBN 978-9955-773-91-7 (online)
ISBN 978-9955-773-92-4

В сборник включены материалы международной научной конференции студентов «Европа-2015. Эффект перестройки: режимы и риски многоголосого знания», состоявшейся в Европейском гуманитарном университете в мае 2015 г.
Для преподавателей, аспирантов, студентов гуманитарных специальностей.

The volume includes the proceedings of the International Student Conference "Europe-2015. Perestroika's effect: regimes and risks of multi-voice knowledge" that took place at European Humanities University in May 2015.
Intended for teachers, Ph.D. students and students of humanities.

УДК 32+34+7+008](4)+940
ББК 66+67+85+71+63.3(4)

ISBN 978-9955-773-91-7 (online)
ISBN 978-9955-773-92-4

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2015 г. исполнилось 30 лет с начала социальных преобразований, получивших название перестройки. В этом же году Литовская Республика отметила четверть века со дня восстановления независимости страны. В определенном смысле юбилейным был этот год и для Европейского гуманитарного университета – минуло десять лет со времени восстановления его деятельности в Вильнюсе.

По-разному оцениваются результаты перестройки в научном и социально-политическом дискурсе, так же как и в обыденном сознании. Что и понятно: события подобного масштаба будут вновь и вновь осмысливаться и переосмысливаться спустя десятилетия и столетия в силу радикальности их воздействия на все стороны жизни общества и человека. Не приходится сомневаться, что все, что с нами происходит сегодня и будет происходить завтра, в существенной мере есть результат перестройки, ее достижений и неудач, надежд и разочарований. Самым органическим образом с процессами, начатыми перестройкой, связана и история Европейского гуманитарного университета: его создание и драматические процессы его развития, его разрушение в Беларуси и восстановление его деятельности в Литве, его трудности, удачи и неудачи, его перспективы.

Замысел очередной ежегодной студенческой конференции ЕГУ как раз и заключался в том, чтобы пригласить студентов, специализирующихся в самых разных областях социальных и гуманитарных наук, к междисциплинарному разговору о перестройке и ее эффектах, прочитываемых предельно широко. Важно было увидеть в перестройке не только совокупность конкретных исторических событий, радикально изменивших социально-политический, культурный и дискурсивный ландшафты современности и обозначивших перспективы движения социума в XXI столетии, но и мощный концептуальной ресурс для междисциплинарной работы с изменениями, вносимыми в социальные конструкции и практики в условиях распада одних символических порядков и формирования новых. И при этом понять, с какими режимами и рисками многоголосого знания мы здесь встречаемся, можем ли мы с ними справ-

ляться, каким образом двигаться к новым горизонтам такого знания в ситуации общества социальной неопределенности и негарантированности любого символического капитала.

Представляя сборник материалов конференции, отобранных для публикации (что составляет примерно четверть от всех докладов, озвученных на конференции), не считаю преувеличением сказать, что в основном наш замысел реализовался. Мы видим, что большинство докладов не претендует на какие-то широкие обобщения и посвящено очень конкретным и частным социальным проблемам и практикам. Временами кажется, что они вообще имеют весьма отдаленное отношение к проблематике конференции. Но это обманчивое впечатление. С одной стороны, еще пару десятков лет назад многие из рассматриваемых участниками конференции проблем просто отсутствовали в аналитическом поле, не опознавались в качестве предмета исследования, по крайней мере, в постсоветском пространстве. С другой, знакомство с текстами сборника обнаруживает реальное многоголосие социального и гуманитарного знания, стремление осваивать его новые режимы и языки, выходить за пределы формальных дисциплинарных границ, сталкивать парадигмы, видеть иные перспективы. И тогда за совершенно, казалось бы, частными вопросами мы обнаруживаем глубокие смыслы, видим, что сама постановка таких вопросов в существенной мере есть именно эффект перестройки, что каждый голос здесь ведет свою оригинальную партию. Конечно, все эти голоса далеко не складываются в гармоничный хор познавательного поиска. Впрочем, возможно ли это? Да и нужно ли?

Конечно, хотелось бы во многих случаях видеть более глубокую аргументацию, более широкое и осмысленное включение авторов во всю палитру современного социального и гуманитарного знания, в освоение его разных и зачастую весьма необычных языков. Тем не менее уже имеющиеся результаты убеждают, что с течением времени авторы публикуемых материалов с этим смогут успешно справиться, будь то дальнейшие научные исследования или же новые и постоянно меняющиеся социальные практики. Последнее особенно важно. Мир XXI столетия таков, что мы, если хотим быть успешными, будем вынуждены постоянно обретать новые и новые знания, двигаясь в море постоянно обновляющихся социальных практик. Мы должны обладать компетенциями производства знания непосредственно в самих этих практиках, причем такое производство есть одновременно и реализация обретенного знания. По моему мнению, результаты конференции свидетельствуют, что ее участники в

той или иной степени близки к владению подобными компетенциями. Пожелаем им в этом успеха.

И последнее. Результаты конференции убеждают, что, несмотря на все проблемы и трудности нашего существования за пределами Беларуси, своеобразный юбилей которого мы тоже отмечаем студенческой конференцией, ЕГУ в целом справляется со своей миссией – открывать для молодых поколений новые поля и векторы социального знания и социальных практик, содействовать возвращению новейшего знания в родную страну, готовить жителей новой социальной эпохи, которая еще более радикально изменит ландшафты и перспективы нашей жизни.

Григорий Миненков,
профессор

FOREWORD

30 years have passed since 2015 when social transformations known as perestroika started. 2015 was also the year when the Republic of Lithuania celebrated twenty-five years of regaining its independence. In a way it was also a jubilee year for the European Humanities University: ten years have passed since it resumed its activities in Vilnius.

The results of perestroika in the scientific and socio-political discourse as well as in ordinary consciousness are evaluated differently. It is quite understandable – events of such a scale will be thought over again and again decades and centuries later because of their radical influence on all aspects of the lives of society and humans. There is no doubt that everything that is taking place today and will take place tomorrow is to a great extent the result of perestroika, its achievements and failures, hopes and disappointments. Closely connected with the processes that perestroika started is the history of the European Humanities University, its creation and the dramatic process of its development, its destruction in Belarus and recommencement of its work in Lithuania, its difficulties, successes, failures and its perspectives.

The concept of the EHU regular annual conference was to invite students who specialize in various fields of social sciences and humanities to have an interdisciplinary discussion about perestroika and its effects, which we interpret quite widely. It was important to see perestroika not only as an amalgam of concrete historical events, which radically changed the socio-political, cultural and discursive landscapes of the contemporaneity and which determined the perspectives of the development of society in the 21st century, but also as a powerful intellectual resource for interdisciplinary work with the changes that are introduced into social constructions and practices in the conditions of the collapse of the old symbolic orders and the formation of the new ones. It was also important to understand what regimes and risks of polyphonic knowledge we come across here; can we deal with them; how to move to new horizons of such knowledge in the situation of a society of social indeterminacy and lack of guarantees of any symbolic capital.

Presenting the collection of conference papers that have been selected for publication (approximately a quarter of all the papers presented) I think it will be no exaggeration to say that on the whole our concept was success-

fully realized. We can see that the majority of papers do not claim to make wide generalizations but deal with concrete or particular social problems and practices. They may sometimes seem to be hardly related to the conference problematics. However, this is a delusion. On the one hand, a few decades back many of the problems that are discussed by the conference participants were non-existent in the analytical field; they were not identified as the subject of research, at least, in the post-Soviet space. On the other hand, the conference proceedings display a real polyphony of social and humanitarian knowledge as well as the intention to acquire its new regimes and languages, to go beyond the limits of formal disciplinary boundaries, to bring together paradigms and to see other perspectives. And then we discover deep meanings in seemingly particular issues and see that the questions themselves are to a great extent the effect of perestroika, that each voice maintains its own original part. Of course, these voices do not always make up a harmonious chorus of cognitive quest. Well, is it possible? Is it necessary?

Of course, in a number of cases it is desirable to find deeper argumentation, a wider and more sensible inclusion of the authors in the whole palette of knowledge in the contemporary social sciences and humanities in the acquisition of its diverse and often very unusual languages. Nevertheless, the results that we have today show that with time the authors will manage to cope with it successfully, be it further research or constantly changing social practices. The latter is especially important. If we want to be a success in the 21st-century world we will have to acquire ever new knowledge moving about in the sea of constantly renewed social practices. We must possess competences of producing knowledge directly within these practices, and the production of knowledge is simultaneously a realization of the acquired knowledge. I think that the results of the conference show that the participants are in this or that way close to possessing such competences. May success attend them!

And last but not least. The results of the conference prove that in spite of all the difficulties of our life outside Belarus, the jubilee of which we commemorate with a student conference, EHU on the whole manages to cope with its mission – to open up new fields and vectors of social knowledge and social practices to young generations, to contribute to the return of newest knowledge to our Homeland, to train residents of the new social epoch, which will change the landscapes and perspectives of our life even more radically.

Prof. *Ryhor Minianko*u

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ В СИТУАЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО МНОГОГОЛОСИЯ

Анастасия Байдалова
(Беларусь/Литва)

ЧТО ПРОИСХОДИТ С СОЦИАЛЬНЫМ?

The article deals with the concept of the social. The main idea is to show that today the social is constantly changing. The definition of the concept is given followed by the discussion of how it is presented in today's world and which aspects have the greatest influence on the social. Because of the notion "residue" introduced by the sociologist Jean Baudrillard, the social gets the opportunity to develop. It is also shown that politics and the state make the social change. Marginality is analyzed from the perspective of the development of the social. Based on the work of Alain Touraine "The Return of the actor", the concept of individualization is investigated. Conclusions are drawn that despite the fact that there are some contradictions between the social and individualization, the latter helps to develop the former.

В повседневной жизни мы очень часто слышим слово «социальный» в разных сочетаниях: социальный работник, социальный статус, социальное пособие, социальный пакет, социальный институт, социальные науки. Можно привести и другие примеры. В наше время это понятие получило широкое распространение. Однако интересно, что стоит за этим словом? Какое значение имеет социальное? Социальное в моем понимании – это то, что возникает в результате совместной деятельности людей, их взаимодействия в процессе общения, выполнения определенной функции в общественных структурах. Другими словами, социальное создают сами люди своим взаимодействием друг с другом, связями между собой. Социальное – значит ориентированное на общество, на людей. Социальное было создано людьми для того, чтобы они могли организовать свою жизнь, удовлетворять свои потребности. Социальное создает общество, основанное на взаимодействии и взаимопомощи. Человек не может жить один. В его жизни тем или иным образом присутствуют другие люди, с которыми он, так или иначе, взаимодействует. А если есть взаимодействие, значит, есть и социальное. Таким образом, социальное присутствует в нашей жизни всегда, оно незаменимая часть нашего существования или сосуществования. Таким представляется мне социальное. Итак, разобравшись с данным понятием, думаю, стоит приступить к ответу на главный вопрос: что же происходит с социаль-

ным в нашем мире? Оно умирает или, наоборот, процветает, развивается? Оно изменяется или остается неизменным? Вот те вопросы, ответы на которые я попытаюсь представить в данной работе.

Поразмыслив, я поняла, что социальное имеет свое материальное воплощение. Создание различных институтов, организаций, труд, обучение, образование, социальное обеспечение – все это материальные, визуальные аспекты социального. А также медицина, здравоохранение, урбанизация, рост производства, создание новых институтов, организаций и многое другое. Рост и увеличение такого рода социальных аспектов свидетельствуют о том, что социальное постоянно расширяется, пополняется новыми элементами, растет. Мы стремимся переселиться в город для того, чтобы больше интегрироваться в общество, чтобы идти в ногу с ним, взаимодействовать с людьми, быть причастными к различным общностям, структурам, организациям (школа, университет, суд, больница, развлекательные центры, клубы по интересам), наращивать связи с другими людьми. Средства массовой информации играют здесь важную роль, так как помогают нам интегрироваться в общество, взаимодействовать с людьми. Все эти примеры свидетельствуют о «живом существе» под названием «социальное», которое растет и развивается.

Французский мыслитель Ж. Бодрийяр писал о том, что есть несколько гипотез относительно существования социального: 1) социального никогда не существовало; 2) социальное существовало, существует и постоянно нарастает; 3) социальное существовало, но сейчас его больше нет [2: 78]. Как уже упоминалось, я придерживаюсь мнения, что социальное – неотъемлемая часть нашей жизни, поэтому для меня более близкими являются идеи второй гипотезы. Если рассматривать социальное с точки зрения производства и распределения остатков, то, действительно, выходит, что оно живет и процветает. Как писал Ж. Бодрийяр: «Социальное призвано следить за бесполезным потреблением остатка с тем, чтобы индивиды были готовы к полезной для них организации их жизни» [2: 85].

Выходит, что социальное существует, пока существуют те самые остатки. Люди всегда что-то создают, производят, строят, возделывают, а социальное тем временем следит, чтобы после всех этих действий оставался какой-то остаток, который впоследствии оно (социальное) направит на обеспечение общественных интересов. К примеру, чтобы поддерживать имидж страны (содержание армии, разработка новых технологий), а также такие принципы, как равенство, справедливость, защищенность, взаимопомощь (содержание больниц, клиник, детских

домов, домов для престарелых, для душевнобольных). Социальное здесь выступает в роли своеобразного разума, который знает, что и как нужно сделать, чтобы интегрировать людей в общество, чтобы хорошо и полезно организовать жизнь людей.

Однако социальное может ошибаться в том, что нужно, необходимо людям для организации их совместной деятельности, а чем можно пренебречь. Здесь, на мой взгляд, важную роль играют политика и власть, которые, несомненно, оказывают непосредственное влияние на социальное. Если в государстве возникает проблема, то она возникает не на социальном уровне, а на государственном, политическом. К примеру, ситуация в Украине. Война, которая сейчас там происходит, использует социальное в политических целях. То есть социальному навязываются определенные ценности. Как будто власть и политика руководят социальным. Да, действительно, эта ситуация говорит о влиянии власти и политики на социальное, однако, на мой взгляд, это не означает, что социальное исчезает. Оно, скорее видоизменяется, приобретает другую форму, очертания, но не исчезает.

Французский социолог А. Турен в работе «Возвращение человека действующего: Очерк социологии» пишет: «Государство не является теперь принципом единства общественной жизни. Его принимают как руководителя предприятия, бюрократа или как тоталитарную власть, но не в качестве агента интеграции действующих лиц общества» [1: 48]. Если раньше, по словам социолога, государство было символом единства, интеграции и объединения, то сейчас оно превратилось во власть, которая стремится навязать людям определенные ценности, установить свои правила. В связи с эти люди стремятся избежать всякого рода влияния государства на общественную жизнь. И этот факт является еще одним подтверждением того, что социальное не исчезает, а учится приспосабливаться к различного рода трудностям, которые предлагает ему жизнь.

Продолжая говорить о том, что поддерживает или же разрушает социальное, можно вспомнить так называемых маргиналов. Социальное всегда требует некого подчинения правилам, нормам, порядку, однако эти люди отклоняются от заданных правил, а следовательно, нарушают социальное. Наркоманы, преступники, душевнобольные не могут интегрироваться в общество. Действительно, на первый взгляд может показаться, что они на самом деле разрушают социальное. Однако можно рассмотреть этот вопрос с другой стороны. Если задуматься, именно социальное помогает маргиналам существовать. Оно не бросает их на произвол судьбы, а всячески следит за ними, заботится: создаются цен-

тры, чтобы вылечить наркоманов и вернуть их к нормальной жизни (интегрировать в общество), для преступников создаются тюрьмы, для душевнобольных – специальные учреждения. Здесь можно говорить о качестве проделываемой работы для возвращения/интеграции этих людей в общество, о том, насколько правильно и добросовестно проводятся работы по возвращению этих людей в социум. Однако это уже другой вопрос, не имеющий принципиальной важности для того, что я хочу подчеркнуть. Самое главное здесь, на мой взгляд, – это понять, что маргиналы и есть те самые «остатки», о которых говорит Ж. Бодрийяр [2: 80]. А раз эти остатки существуют, следовательно, существует и социальное.

Теперь мне бы хотелось определить роль новых технологий в нашем сегодняшнем социальном. Часто можно услышать (особенно от наших мам, пап, бабушек и дедушек), что телевизоры, компьютеры, планшеты, смартфоны заменили людям общение, что теперь мы общаемся с техникой, а не с людьми. Вновь возникает вопрос: а можем ли мы тогда вообще говорить о социальном в таком случае? По моему мнению, социальное никуда не ушло. Оно все равно существует, правда, значительно изменив свою форму в силу развития технологий. Высказывается опасение, что мир новых технологий приведет нас к обществу, когда люди просто перестанут общаться друг с другом, что они полностью переключатся на общение с технологиями: «Ваше поколение только в интернете сидит. Вы вообще забываете о реальном общении!» Верно, наше поколение действительно живет в еще одной реальности – виртуальной, однако это совсем не означает, что мы перестаем друг с другом общаться из-за технологий и масс-медиа. Они не заменяют человеку общение. Я бы сказала, наоборот, они расширяют горизонты социализации. Теперь люди могут интегрироваться, обмениваться информацией, взаимодействовать друг с другом не только при личной встрече. Благодаря новым технологиям и масс-медиа мы можем взаимодействовать друг с другом в любое время и на любом расстоянии. Следовательно, наше современное социальное живет, хоть и меняет свои формы.

Еще одно важное понятие – индивидуализация. Не правда ли, когда мы слышим это слово, то сразу возникает ассоциация, что это нечто противоречащее социализации? Да, если подходить к вопросу поверхностно. Однако, рассматривая это понятие глубже, можно понять, какую роль в этом процессе играет социальное.

Что ж, наш мир сегодня действительно индивидуализирован. Каждый из нас имеет свободу и право выражать свое мнение, носить одежду, которую он хочет, делать то, что считает нужным, общаться с тем, с кем

ему приятно. Другими словами, все хотят подчеркнуть свою индивидуальность. Отсюда появляются личные психологи, индивидуальные занятия, а также люди, которые говорят: «В нашем мире важно понять, кем ты хочешь быть, чем заниматься. Каждый должен понять это для себя. Это важно!» Все это свидетельствует о том, что в мире развивается разнообразность и индивидуальность. Где же в таком случае место социального в этой сверхиндивидуализации и сверхразнообразности?

А. Турен пишет: «Самая главная особенность классической социологии заключается в том, что, создавая из больших исторических ансамблей носителей собственного смысла, она сводила анализ общественного действия к поиску позиции действующего лица в системе. Социология действия отбрасывает такое объяснение действующего лица посредством указания на его место в системе. Напротив, она видит во всякой ситуации результат отношений между действующими лицами, имеющими определенные культурные ориентации и включенными в социальные конфликты» [1: 21]. То есть раньше задача классической социологии состояло в том, чтобы найти место человека в определенной системе общественной организации. Сейчас социология определяет отношения между людьми в той или иной ситуации. Иными словами, социальное – не просто та функция, которую выполняет человек в обществе (к примеру, я студентка, и в этом мое социальное). Социальное – это процесс моего взаимодействия с сокурсниками, коллегами, друзьями, знакомыми. Социальное – это то, как мы действуем, как строятся наши отношения, какие конфликты, противоречия между нами возникают, как мы их решаем. Благодаря развитию индивидуальности меняется и социальное, его функции. Мне представляется это следующим образом. Прежде все социальное строилось вокруг некоторой идеи общественного порядка, некой общей ценности. Эту идею можно представить своеобразным центром, к которому все стремились. Сейчас внутри каждого человека находятся маленькие центры (так как люди все больше индивидуализируются). Люди не стремятся к какому-то единому центру. Теперь другая задача: научится взаимодействовать, сочетая эти многочисленные центры между собой. Как пишет А. Турен, «работа социологии состоит в том, чтобы помочь увидеть действующее лицо и услышать его слова» [1: 32]. То есть мы можем видеть, что индивидуализация развивает социальное. Она влияет на социальное, изменяя его, но ни в коем случае не уничтожая.

Таким образом, исходя из вышесказанного, мы можем видеть, что происходит сегодня с социальным. В современном мире социальное ви-

доизменяется, потому что на него действуют различные процессы, такие как власть, государство, масс-медиа, новые технологии, наше стремление к индивидуальности, маргиналы. Замечая эти изменения социального, можно подумать, что оно умирает, исчезает, однако оно всего лишь меняется, подстраиваясь под мир, который также постоянно меняется. Таким образом, социальное сегодня существует в постоянной динамике, в движении, в изменении.

Литература

1. Турен, А. Возвращение человека действующего: очерк социологии. М.: Научный мир, 1998.
2. Бодрийар, Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000.

Екатерина Корзун
(Беларусь)

ЭКСПЕРИМЕНТЫ ПО РАЗРУШЕНИЮ ФОНОВЫХ ОЖИДАНИЙ КАК СПОСОБ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ОБРАЗЦОВ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

The topic has been chosen due to the fact that with the development of modern post-industrial society the need to address the recurring problems of theoretical sociology and application of innovative methods of empirical sociological research increases. In this regard, a rich arsenal of world sociological thought actualizes the ideas of ethnomethodology. It is known that a comprehensive scientific development and systematization of these ideas can be found in the works of the outstanding American sociologist H. Garfinkel and his followers.

Этнометодологическое движение зародилось благодаря преподавательской работе и научным трудам американского социолога Г. Гарфинкеля. В числе его предшественников можно назвать Т. Парсонса, А. Шюца, А. Гурвича, Э. Гуссерля. Также Гарфинкель называет в качестве своего учителя предшественника Э. Дюркгейма. Однако все эти авторы у Гарфинкеля оказываются, как замечает профессор Л.Г. Ионин, «поставленными на голову» [4: 74], т.е. выводы, к которым он приходит на основе их доктрин, в корне противоречат общепринятым и широко распространенным интерпретациям их оригинальных идей. Лучшим примером здесь может служить Дюркгейм. В книге «Программа этнометодологии: разрабатывая афоризм Дюркгейма» [5] Гарфинкель прямо ссылался на Дюркгейма, в частности на его тезис о том, что «объективная реальность социальных фактов есть фундаментальный принцип социологии» [5: 66]. В других работах Гарфинкель соглашался с требованием Дюркгейма рассматривать социальные факты как «вещи» [4: 74]. Однако если у Дюркгейма социальные факты имеют «внешний» и «принудительный» характер, то у Гарфинкеля социальные факты – это то, что создается самими участниками взаимодействий. Если для Дюркгейма факты сначала есть, а потом с ними начинает работать социолог, то для Гарфинкеля работа заключается в выяснении, как возникают социальные факты, и на этом она и заканчивается. В результате то, что у Дюркгейма являлось

лишь философской предпосылкой социологии, в этнометодологии Гарфинкеля становится ее главной темой или главным предметом исследования.

В своей книге «Исследования по этнометодологии» Гарфинкель так определял этнометодологию: «Этнометодологические исследования анализируют повседневные действия как используемые их участниками методы представления этих действий наглядно-рациональными-и-сообщаемыми для любых практических целей, то есть “понятными” (accountable) с точки зрения организации обыденных повседневных действий» [2: 7]. Смысл этого высказывания заключается в том, что, преследуя повседневные цели, участники социальной деятельности организуют свои действия (вербальные и «материальные») таким образом, чтобы они для них самих и для других участников деятельности выглядели разумными, рациональными, понятными и «сообщаемыми», т.е. могущими быть объясненными и понятыми не с точки зрения научной рациональности, а с точки зрения достаточности для практических целей, т.е. в рамках самой деятельности.

Подобные методы и являются сутью этнометодологии; ими и занимается этнометодологическое исследование, задача которого состоит в том, чтобы узнать, «как обычная актуальная деятельность участников состоит из методов, применяемых для того, чтобы сделать практические действия, практические обстоятельства, обыденное знание социальных структур и практическое социальное суждение анализируемыми, и в открытии формальных свойств обыденных, основанных на здравом смысле действий “внутри” актуальных ситуаций их совершения, а также в развертывающемся создании самих этих ситуаций» [2: 7].

Если попытаться выразить это высказывание Гарфинкеля более доступным языком, то можно сказать, что «этнометоды», имеющие универсальный характер, то есть организующие любые ситуации повседневной жизни, существуют только «внутри» этих ситуаций и фактически конституируют их в том смысле, что «нормальная» ситуация возникает только тогда, когда она сделана «нормальной», т.е. понимаемой как таковая посредством самих этих методов. Дело в том, что при наличии ситуации мы не используем какие-либо методы для такой интерпретации, чтобы она стала понятной для нас и других. Наоборот, ситуация как таковая существует лишь в той мере, в какой она понята посредством этнометодов. И, лишь будучи понятой как таковая, она приобретает объективность, становится «социальным фактом» или «вещью».

Тем не менее приведенные цитаты оставляют вопросы: что представляют собой «формальные свойства практических действий» и какими методами они должны изучаться?

Сами по себе практические человеческие действия могут быть бесконечно разнообразными и поэтому вряд ли могут быть классифицируемы; формальные свойства – это те свойства, что присущи каждому из практических действий, и именно они создают возможность их этнометодологического изучения. Гарфинкель выделяет четыре основных формальных свойства обыденных действий [4: 77].

Первое – ***отслеживаемость,*** или ***идентифицируемость*** (***accountability***). Это свойство состоит в том, что человек в обыденной жизни в состоянии отследить, чем он занимается, или в какой ситуации находится, или почему его поведение приняло именно такой характер, какой приняло, иными словами, отслеживаемость конституирует нормальные ситуации обыденной жизни.

Это происходит благодаря второму формальному свойству – ***рефлексивности (reflexivity)***. Рефлексивность в этнометодологии не означает требование к ученому, состоящее в том, что он постоянно на каждом шагу должен корректировать ход своих исследований и размышлений. Рефлексивность – это характеристика практических действий, заключающаяся в том, что «действия, посредством которых участники производят и регулируют ситуации организованных повседневных дел, тождественны процедурам, которые они используют для того, чтобы сделать эти ситуации “постижимыми”» [4: 77].

Третье формальное свойство обыденных практических действий – ***индексичность*** (или ***индексальность***; у Гарфинкеля – ***indexicality***). В лингвистике индексичными выражениями считаются такие, смысл которых зависит от речевой ситуации, т.е. определяется временем, местом и обстоятельствами высказывания. Такие выражения, как «ты», «там», «завтра» и т.д., – индексичны. По Гарфинкелю, целью традиционной социальной науки является подстановка объективных выражений на место индексичных, в чем и состоит рациональное научное объяснение [4: 77]. Этнометодология стремится вскрыть рациональный (упорядоченный) характер индексичных выражений, обеспечивающий понимание участниками практических действий друг друга и тем самым «постижимость» этих действий.

Четвертое формальное свойство обыденных практических действий – ***документальный метод (the documentary method***). Это не только и не столько метод социологов, сколько метод самих практиче-

ских деятелей. Как разъясняет Гарфинкель, «метод состоит в рассмотрении актуального проявления как "свидетельства о", как "указания на", как "выступающего от имени" некой предполагаемой под-лежащей (underlying) модели. Но не только эта под-лежащая модель выводится из индивидуальных документирующих свидетельств, но и эти свидетельства, в свою очередь, интерпретируются на основе того, что "известно" о под-лежащей модели. Одно используется для выработки другого» [2: 78].

Рассмотренные четыре пункта – формальные свойства обыденных практических действий – можно назвать категориями практической социологии.

Остается вопрос: как должны исследоваться сами этнометоды? Здесь неприменимы обычные социологические методологии. Поскольку этнометодология – это исследование процедур здравого смысла, она сталкивается со специфической «проблемой невидимости здравого смысла» [4: 78]. Этнометодолог исследует обыденные ситуации изнутри и тем самым рискует попасть в положение обыденного деятеля. Поэтому перед ним встает двойная задача: «с одной стороны, минимизировать ненаблюдаемое использование здравого смысла, а с другой – максимизировать его наблюдаемость» [4: 78]. Развитие этнометодологии позволяет выделить здесь четыре применяемые стратегии [4: 78].

1. Использование (или создание) ситуаций, в которых деятельность участников по выработке их смысла становится ощутимой, т.е. таких ситуаций, где существующие ожидания не соответствуют *реальному поведенческому развитию*, что заставляет участников прибегать к непривычной для участника эксперимента интерпретационной деятельности. Это может происходить как в контекстах, существующих независимо от исследователя, так и в ходе искусственно созданных.

2. Вторая стратегия заключается в том, что исследователь с целью описания этнометодов помещает себя в необычную ситуацию, которая необычна потому, что приходится либо решать трудную проблему, либо овладевать новыми компетенциями, специфическими для определенной сферы жизни. Исследователю в таких случаях приходится «стать феноменом» и самому исследовать этот феномен.

3. Третья стратегия напоминает традиционную этнографическую полевую работу, т.е. пристальное наблюдение и описание деятельности в естественных жизненных ситуациях и обсуждение с участниками, каковы те компетенции, которые необходимы для рутинного выполнения соответствующих действий. Это исследования работы ученых в лабораториях, присяжных в судах, сотрудников социальной службы и др. [4: 78].

4. В четвертой стратегии обыденные практики изучаются путем записи реального, в основном речевого, поведения – либо механической, либо с использованием аудио- и видеоаппаратуры. Эта стратегия легла в основу так называемого ***анализа разговора*** (***conversation analysis***) – направления, которое наряду с этнометодологией стало самостоятельной областью исследований.

Социолог («традиционный социолог») в этнометодологической его трактовке не может понять природу «жизненного мира» (по Э. Гуссерлю) в силу двойственности своей позиции. С одной стороны, он, как социолог, стоит вне «жизненного мира» и не может дать его адекватного описания, поскольку его схема интерпретации этого мира отличается от схемы интерпретации, применяемой действующим индивидом. С другой стороны, он не в состоянии различить основополагающие структуры «жизненного мира», поскольку как субъект деятельности рассматривает обыденные, неанализируемые суждения и действия индивидов как источник данных и материал обобщений, не «тематизируя» их, не делая темой исследования. С этой точки зрения социолог является обычным участником социальной деятельности, ибо он принимает на веру все то, что принимают на веру другие ее участники. Тем самым этнометодология приписывает традиционной социологии статус обыденного типа деятельности, принципиально не отличающегося от любой другой из обыденных систем социального поведения.

Этнометодологическое исследование, как и «традиционное» социологическое исследование, стремится, оставаясь в «жизненном мире», объективировать его с целью анализа его фундаментальных структур. Но, во-первых, в отличие от «традиционного» подхода этнометодология осознает свою укорененность в «жизненном мире» и делает ее предметом постоянной рефлексии. Во-вторых, в отличие от традиционного исследования, объективизирующего обыденный мир в соответствии с требованиями формальной рациональности, этнометодология рассматривает этот мир в качестве своеобразного феномена, обладающего собственными оригинальными, конституирующими его чертами. В результате обыденный мир становится одновременно средством и темой исследования.

Осуществляя своеобразную этнометодологическую редукцию, «заключая в скобки» все то, что этнометодолог знает в силу своей физической и социальной позиции в реальном мире, он обращается к обыденной жизни, стремясь обнаружить ее систематический рациональный характер, т.е. те ее свойства, которые как практиком, так и традиционным со-

циологом принимаются на веру, берутся как таковые, не анализируются, «видятся, но не замечаются», являются «морально принудительными», всем известными, естественными свойствами повседневной жизни, служащими основой практического решения и действования [3: 144].

Гарфинкель именует эти черты повседневной деятельности «фоновыми ожиданиями» [3: 145]. С целью обнаружения «фоновых ожиданий» социолог должен рассмотреть обыденное поведение как «антропологически чуждое», заняв позицию отстраненного наблюдателя, став чуждым «жизни как обычно».

Но как реализовать эти рекомендации на практике? С помощью студентов-добровольцев Гарфинкель организовал целую серию экспериментов по выявлению «фоновых ожиданий». Применяемый им оригинальный экспериментальный метод, называемый иногда в социологической литературе по имени его создателя «гарфинкелинг» [3: 145], заключается в нарушении нормального хода взаимодействия, основанного на предпосылках обыденной жизни, благодаря чему эти предпосылки (при попытках восстановить «законное положение дел») должны были выявиться в чистом виде, обнаружив себя как «фоновые ожидания», лежащие в основе актуального взаимодействия. Фоновые ожидания могут быть выявлены с помощью «индексации» [3: 146], т.е. вписывания в конкретную ситуацию. По существу, любые интерпретации или объяснения членов общества в их повседневной жизни всегда осуществляются со ссылкой на конкретные обстоятельства или ситуации. В связи с этим Гарфинкель сделал вывод, что смысл любого социального действия можно понять только в определенном локальном контексте [3: 146].

При разработке экспериментальной процедуры Гарфинкель решил «начинать с привычных ситуаций, задаваясь вопросом: что можно сделать для их разрушения? Возникающее дезорганизованное взаимодействие должно было сказать нам кое-что о том, как привычно и рутинно возникают и поддерживаются структуры повседневной деятельности» [3: 145].

Экспериментаторам была дана следующая инструкция: вовлечь знакомого, приятеля, друга в обычный разговор и, не показывая вида, что задаваемые ими вопросы необычны, настаивать на том, чтобы собеседник разъяснил смысл своих обыденных и в обыденности понимаемых реплик. Цель экспериментаторов – разрушение стандартизованной структуры взаимодействия и выявление действия «фоновых ожиданий».

Известен эксперимент со студентами психиатрического факультета, которым было предложено принять участие в тестировании новой

формы психотерапии. Необходимо было четко обозначить какую-либо личную проблему и задать психотерапевту ряд вопросов. При этом психотерапевт мог отвечать на вопросы студентов только односложно – «да» или «нет» и совершенно рандомно, в соответствии с таблицей случайных чисел. Причем ответы психотерапевта не имели фактически никакого отношения к проблемам студентов, тем не менее многие из участников эксперимента отметили, что действительно получили полезные советы и смогли переосмыслить ситуацию.

Эксперименты такого рода пролили свет на то, что фоновые ожидания могут быть «индексированы», т.е. их смысл вытекает непосредственно из контекста ситуации, в которой находится индивид. Студенты, участвовавшие в эксперименте, были уверены, что имеют дело с настоящим психиатром, и поэтому интерпретировали его ответы в соответствии с ситуацией. Если бы ответы на эти же вопросы были получены в другой ситуации, то фоновые ожидания и интерпретация были бы совершенно другими. Так Гарфинкель приходит к выводу, что понять смысл любого социального действия представляется возможным только в конкретном контексте.

Гарфинкель уделял много внимания анализу экспериментов. Если резюмировать высказанные Гарфинкелем соображения, то можно сделать некоторые выводы. Эксперименты показали:

1) наличие у участников экспериментов «фоновых ожиданий», представляющих собой «видимые, но незамечаемые», постоянно реализующиеся в ходе взаимодействия, но неосознаваемые описания членами общества структур взаимодействия, в которых они участвуют;

2) существование этих описаний в форме моральных правил, санкционированных группой, а также обусловленность описаний целями взаимодействия [3: 147].

Кроме того, эксперименты позволили выявить функции «фоновых ожиданий», состоящие:

1) в стандартизации и категоризации всякого обыденного взаимодействия;

2) в ориентации и координации взаимодействия индивида с другими членами группы;

3) в обнаружении отклонений от нормального хода событий;

4) в коррекции хода взаимодействия и в осуществлении успешного поведения [3: 147].

Важность концепции «фонового ожидания» трудно переоценить, ведь обыденные типы, т.е. стихийно формулируемые понятия и зако-

номерности, представляют собой субстанцию обыденного сознания. Говоря о «фоновых ожиданиях», мы говорим о формах существования и функциях обыденного сознания, о том, как оно реализуется в повседневном социальном взаимодействии. «Фоновое ожидание» есть социально одобренный и без всякой рефлексии существующий в сознании индивида образ действия, личности, объекта и т.д., одинаковый для всех членов социальной общности, в рамках которой он сложился и функционирует [3: 147].

Литература

1. Гарфинкель, Г. Исследование привычных оснований повседневных действий // Социологическое обозрение. 2002. № 1. С. 42–70.
2. Гарфинкель, Г. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007. 336 с.
3. Ионин, Л.Г. Понимающая социология: историко-критический анализ. М.: Наука, 1979. 208 с.
4. Ионин, Л.Г. Социология как non-fiction. О развитии этнометодологии // Социологический журнал. 2006. № 1-2. С. 74–83.
5. Garfinkel, H. Ethnometodology’s program: Working out Durkheim’s aphorism / H. Garfinkel. NY.: Rowman & Littlefield, 2002. 286 p.

Матвей Рыбалов
(Россия)

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА КАК ПРОСТРАНСТВО ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

The article deals with approaches to the study of world politics. The contemporary political world is a complex space. It is impossible to build up a decent future for the human race without real knowledge about world politics. Intensification of the world's political life dictates a need to forecast and search for alternatives, which could create new variations of the world development. However, without a genuine awareness of the whole variety of the world's political life it is impossible to determine the place of a human and his communities in it.

Научное знание о мировой политике на современном этапе представляет собой сложное пространство, в котором существует большое количество методологических, парадигмальных и теоретических сложностей и разночтений, препятствующих всеобъемлющему осознанию феномена мировой политики. Неоднородность и различность значений, заключенных в этом понятии, создает дополнительные барьеры, которые необходимо преодолевать исследователю для последовательного и глубокого изучения мирополитических реалий.

Стоит отметить, что некоторые исследователи отрицают само понятие «мировая политика», сводя весь политический процесс в рамках мира к «международным отношениям» [10]. На наш взгляд, эта позиция является неверной, упрощающей многообразие существующих взаимодействий. Само понятие «международные отношения» заключает в себе взаимодействие определенных акторов, в то время как мировая политика также может представать в качестве комплекса определенных мер, которые реализуются посредством общемировых институтов. Международные отношения – это некоторый уровень межгосударственного (по большей мере, но не только, так как проблема акторности – это отдельный пункт в теории международных отношений и мировой политике) взаимодействия, включающего в себя определенные каналы коммуникации, обмена различными ресурсами, дипломатических отношений и т.п.

Мировая политика, в отличие от международных отношений, – это и арена борьбы за мировое лидерство, гегемонию, и глобальные инсти-

туты, мероприятия, которые реализуются усилиями немногих стран, целеполагания в рамках единого мира. Международные отношения имеют более продолжительную историю существования, уходя корнями в древность, в то время как мировая политика – относительно новый феномен. Никогда раньше мир не был столь глобален, а его части столь близки друг к другу и взаимозависимы, как сейчас, поэтому увеличивается значимость мировой политики, а поле познания становится все шире и насыщенней.

Для осмысления феномена мировой политики можно использовать некоторые признаки, которые условно делятся на две группы. К первой мы отнесем те, которые указывают на всеобщий характер явлений и процессов. Здесь рассматривается глобальный уровень развития, то, что происходит во взаимовлиянии глобальных процессов, регионов, стран и локальных местностей. В этом смысле анализ мировой политики предполагает исследование региональных, субрегиональных особенностей, которые воздействуют на процессы во всем мире. Одной из главных составляющих здесь является понимание усиления взаимозависимости мира. Ко второй категории мы отнесем обращение к сфере общественных взаимоотношений, в которой происходит реализация интересов, целей, ценностей участников либо путем согласования и убеждения, либо путем обмена, угроз, соперничества и насилия. Здесь принципиально важным становится властное измерение мирополитического пространства.

Концептуальная составляющая подходов к мировой политике сильно разнится от парадигмы к парадигме. Несмотря на то что объективность – это одна из важнейших составляющих научного знания, возможно, не будет преувеличением сказать, что ценностный компонент играет важную роль как в самой мировой политике, так и в способах ее изучения. Ведь именно от ценностей, которые исповедует и которым следует в мирополитическом пространстве актор, зависит формирование общей картины политического бытия человечества.

Важно при этом то, на каком из уровней абстрактности (в аспекте проблемы соотношения частного и общего) анализируется пространство мировой политики. Анализ внешней политики, анализ принятия решений, стратегические исследования, проблемы мира – это теории частного характера. Теориями же общего уровня принято называть как раз достаточно ценностные парадигмы: реализм и его современная форма – неореализм, либерализм (реалистами называемый идеализмом), глобализм, геополитика, конструктивизм, постпозитивизм [8: 45].

Очевидно, что основой выделения парадигм являются представления о совокупности базовых принципов и субъектах политического процесса. Частные теории при этом могут быть частью общих теорий, черпая из них ценностные основания.

Долгое время одной из влиятельнейших теорий для анализа мировой политики был политический реализм, который фокусировался на проблемах войны, мира, власти. Реалисты основывали свои взгляды на довольно протяженной во времени научной традиции, начиная с трудов Фукидида, Н. Макиавелли и заканчивая К. фон Клаузевицом и Н. Спайкменом. На этой почве работало достаточно большое количество влиятельных ученых-реалистов (Г. Моргентау, Р. Арон, Г. Киссинджер и др.).

Главными принципами политического реализма служат постулаты о том, что в человеке преобладают негативные качества – агрессивность, стремление к власти, эгоизм, и это порождает мир, основанный на насилии. Поэтому, чтобы понять мировую политику, необходимо глубокое изучение человеческой сущности (это роднит представителей данной позиции с бихевиористами в политологии). Главным субъектом мирового политического процесса в данной парадигме является государство, которое обладает суверенитетом, его власть унитарна, автономна от общества, но действует в его интересах [5: 7]. Для политических реалистов мировая политика – это постоянная борьба государств за свои интересы, ресурсы, существование и полная анархичность отношений.

Реалистическая парадигма мировой политики имеет много общего с традиционной геополитикой, и ее сторонников часто называют и геополитиками, и реалистами. Правда, геополитика имеет серию негативных коннотаций, поскольку, как известно, геополитика К. Хаусхофера активно использовалась для формирования стратегии нацистской Германии. Однако это никак не помешало развитию геополитики в США в 1980-е гг.

На современном этапе с точки зрения геополитики анализом мировой политики занимаются С. Хантингтон, З. Бжезинский, Д. Найт и др. После окончания холодной войны из геополитики стали уходить идеологические акценты, уступая место вопросам управления, эффективной экономики, распределения ресурсов. В сравнении с реализмом геополитика рассматривает мировую политику в усложненном контексте, учитывая связи общества и географо-экономического региона. По одному из определений, она изучает то, «как политические системы и структуры, от локального до международного уровня, взаимовлияют на пространственное распределение ресурсов, событий, групп, а также на субнацио-

нальные, национальные и супранациональные политические образования» [9].

Исходя из этой парадигмы, главная цель мировой политики – это владение ресурсами и территорией, которая включает в себя демографическое, социоэкономическое, культурное, природное и политическое пространство.

Оппонирует двум рассмотренным выше парадигмам, и в особенности реализму, либерализм. Идейные истоки либерализма (идеализма) связывают с трудом «О праве войны и мира» Г. Гроция, идеями Ж.-Ж. Руссо, а также трудами И. Канта «Критика чистого разума» и «К вечному миру». Их всех объединяла мысль, что можно построить такой миропорядок, в котором не было бы тирании и неравенства. Человек, с точки зрения либеральной парадигмы, – по природе добр, склонен сотрудничать, развивать многостороннее взаимодействие на взаимовыгодных началах. Мир без войны возможен благодаря рационализму, науке и образованию. Государство здесь выступает эволюционным продуктом всего общества. Идеи либерализма в мировой политике развивали В. Вильсон, Б. Рассел, К. Дейч, Р. Даль и др.

Проявления антигуманности либералы склонны относить к несовершенству общественных институтов. И, несмотря на то что реалистами либералы прозваны идеалистами, их влияние на мировую политику вполне ощутимо. Лига Наций, впитавшая в том числе и идеи либерала Вильсона, в конечном счете трансформировалась в до сих пор существующую (критикуемую, неидеальную, но все-таки институционально оформленную) Организацию Объединенных Наций. В некотором смысле ее можно назвать плодом либеральной парадигмы в мировой политике.

Либералы отмечают рост роли негосударственных акторов в мировой политике (например, когда активисты «Green Peace» устраивают акции, влияющие на государственную, частную добычу ресурсов). Государство для либералов не обладает унитарной властью. Конечная стратегия, позиция, действия государства формируются в итоге разновекторной борьбы бюрократии, групп интересов, влиятельных политиков. В связи с этим политика не может быть рациональной в полном смысле, борьба снижает ее рациональность, качество принимаемых решений. Война, таким образом, становится неизбежной, но противоречия все-таки можно преодолевать коллективно, работая сообща, пытаясь договариваться. Взаимозависимость государств вынуждает их искать общий язык друг с другом, потому что уже невозможно автономное (как у реалистов) и в связи с этим более конфликтное существование [7: 29].

Взаимозависимость и углубление сотрудничества на мировой политической арене также является отправной точкой для парадигмы глобализма, оформившейся в 1960–1970-е гг., основными представителями которой являются И. Валлерстайн, Д. Розенау, Р. Мансбах и др. Само направление разделяется на несколько школ, которые отстаивают разные аналитические подходы к мировой политике, – это неомарксисты (мир-системный анализ), сторонники глобального управления и всемирного правительства, школа мирных исследований (идеи Л. Толстого и М. Ганди о ненасилии). Внутри парадигмы мы можем наблюдать, насколько ценностный аспект важен в анализе мировой политики. И неомарксисты, и школа мирных исследований используют глобалистский подход, однако их идейные истоки разнятся: для неомарксистов насилие – движущая сила человеческого развития, в то время как представители школы мирных исследований исповедуют идеалы ненасилия, что, естественно, отражается на их аналитических подходах, деятельности и результатах [3: 47].

С точки зрения глобалистов, государства утрачивают свою роль, все активнее действуют такие акторы, как транснациональные корпорации, оказывающие все большее влияние на политику государств. Как и либералы, глобалисты активно поддерживают создание международных институтов, с помощью которых можно было бы проводить скоординированную мировую политику.

Важная составляющая – проблематика глобальных вызовов, потому как именно здесь и формируется поле мировой политики, в котором необходимо искать общие решения, заниматься не утверждением собственной гегемонии (хотя это, конечно, и используется), а реализацией совместных программ, направленных на лучшее и гарантированное будущее. К данным вызовам можно отнести борьбу с голодом, демографические взрывы и ямы, утилизацию отходов, защиту окружающей среды, покорение космоса, использование океана, международный терроризм и пр. Размах этих вопросов настолько широк, что отдельные страны сами по себе не способны их решить, поэтому глобалистский взгляд на них может оказаться полезным, привести к какому-то решению, в то время как при использовании неореалистического подхода можно лишь усугубить имеющиеся проблемы.

Следует также иметь в виду авторов (например, М. Фуко, Ю. Хабермас, Д. дер Дериан и др.), которые стремятся расширить и обогатить наши представления о мировой политике. Например, понятие «безопасность» не сводится только к военному измерению, но расширяется посредством

включения политических, социальных, экологических и экономических аспектов. Для данного подхода характерен определенный гносеологический пессимизм, а также акцент на этическом измерении политического. Государство деградирует, а основную роль начинают играть социальные группы, управляемость в мировой политике довольно низка, поэтому неизбежно падение авторитета государственной власти, обострение глобальных проблем, в том числе появление новых [2: 115].

В это же время формируется конструктивистская парадигма анализа мировой политики, ориентированная на привлечение к анализу мировой политики ряда социологических концепций, поскольку без таких маркеров, как идентичность, культура, норма, политические действия бессмысленны. Конструктивисты схожи с неореалистами в том, что в мировой политике важны структурность отношений, национальный интерес, сила, но в отличие от реалистов они больше внимания уделяют процессам, подвижным вещам, а не жестким иерархичным системам. Значимость дискурса (а следовательно, отдельных методов вроде дискурс-анализа, интент-анализа, когнитивного картирования) для конструктивистов представляется безусловной, так как они акцентируют важность влияния на политический процесс языка, культуры, знания, идеологии, информации. Война рассматривается ими не как следствие природной агрессивности людей, но как результат близости-дальности культур, практик людей в общественном пространстве [4: 257].

Мы рассмотрели основные направления, которые занимаются анализом мировой политики. Сможем ли мы благодаря им понять все, что происходило, происходит и будет происходить на этой арене? Ответ на это вопрос сложно дать, потому что каждый из нас составляет лишь часть этого мира, пытаясь при этом проникнуть в его глубины. Наша размерность в некотором смысле детерминирует наш взгляд, ограничивая возможности познания. Человек в любой области знания сталкивается с этой проблемой. Кроме того, многие научные проблемы решаются лишь благодаря усердной работе нескольких поколений; также важна роль появления новых методов, способов познать реальность как можно полнее. Важно, конечно, учитывать, что здесь мы обращаемся к человеческому фактору, а область Человеческого сопряжена с вариативностью. Мировая политика – это огромное количество субъективностей (акторов, личностей, концепций и пр.), и в ней нет универсального подхода. Соответственно, и исследователи, которые занимаются изучением мировой политики, культивируют тот или иной подход. Одним из возможных вариантов, как нам представляется, является в этой связи комплексный

подход, который включает в себя отказ от абсолютизации какой-либо идентичности (национальной, парадигмальной, государственной и пр.), использование различных методов, дабы избежать узкого взгляда.

Литература

1. Ачкасов, В.А., Ланцов, С.А. Мировая политика и международные отношения. М.: Аспект Пресс, 2011. 480 с.
2. Барыгин, И.Н. Теория международных отношений и регионоведение в контексте основных научных парадигм // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2005. № 3. С. 114–123.
3. Бахтуридзе, З.З. Особенности современных международных отношений и трансформационные процессы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 3-1 (53). С. 46–48.
4. Киселев, И.Ю. Проблема образа государства в международных отношениях: конструктивистская парадигма // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2007. Т. 3. № 3. С. 253–260.
5. Панченко, М.Ю. Реалистская парадигма международного порядка: прошлое и настоящее // Полис. Политические исследования. 2009. № 5. С. 6–17.
6. Песков, Д.Н. Мировая политика, или бег на месте // Политические исследования. 2005. № 1. С. 156–160.
7. Сетов, Н.Р. Неореализм и неолиберализм в теории международных отношений // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2012. № 2. С. 28–32.
8. Katzenstein, P. J., Rudra, S. Analytic Eclecticism in the Study of World Politics: Reconfiguring Problems and Mechanisms across Research Traditions // Perspectives on Politics. № 8. 2010. P. 411–431.
9. Лебедева, М. Предметное поле и предметные поля мировой политики. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.intertrends.ru/five/008.htm свободный. Дата доступа: 12.01.15.
10. Цыганков, П. Мировая политика: содержание, динамика, основные тенденции. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://polit.msu.ru/pub/unn_mpmo/library/014Tsygankov.%20%D0%9E%D0%9D%D0%A1_95-5.pdf свободный. Дата доступа: 13.01.15.

Анна Холод
(Беларусь/Литва)

СОЦИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В СФЕРЕ ТУРИЗМА: ПРЕДЕЛЫ АВТОНОМИИ (теоретическое и практическое измерения проблемы)

With the advent of virtual networks social interaction in tourism got rid of the control of the tourism industry or tourism institutions, but it depends on the interaction between the actors: tourists, hosts, and tourists-hosts. At the same time, these relationships can also be permeated with power and control not only on the part of the host, but also of the guest. The objective of the paper is to measure the extent of social interaction in tourism and, therefore, set the limits of the autonomy of a tourist by the theoretical and practical study of the problem. The key issue is that technologies of hospitality industry assume the ongoing exchange of the roles in host-guest interaction; the performance of these roles reveals the limits of the autonomy of the tourist.

Туризм по своей природе дихотомичен: с одной стороны, он подразумевает свободу выбора объекта туристического интереса, свободу выбора передвижения и обращения к той или иной культуре, а с другой, индустрия туризма – это всегда довольно жестко контролируемая деятельность, которая обусловлена местами размещения, схемой дорог, туристскими маршрутами и др., помещая туристов в строго ограниченное пространство и отделяя их от местных жителей.

Благодаря процессу глобализации, а именно с появлением интернета и мобильных технологий, преобразовываются все аспекты общественной жизни и практики коммуникации «в движении», что привело к появлению новых форм пребывания в другой стране и организации гостеприимства.

Смит (1989) определят туризм как «социальное взаимодействие между посетителями и местными жителями в туристской дестинации “хозяев”» [11: 2]. Согласно Мерфи, под социальным взаимодействием в туризме понимается в основном совокупность ежедневных столкновений с другими людьми [8: 51]. Рейзингер и Тернер определяют социальный контакт в туризме как личные столкновения, происходящие в

определенное время и в определенном месте между двумя заинтересованными в туризме субъектами [8: 126].

Иными словами, индустрия туризма включает двух акторов взаимодействия: гостя и хозяина, последний же разделяется на два типа – местные жители и работники туристской индустрии. Социальное взаимодействие в туризме может происходить как между туристом и местным жителем, так и между самими туристами. В данной статье уделяется основное внимание встречам, которые происходят непосредственно между туристом и хозяином.

Как предполагает Де Кадт (1979), такие встречи происходят в различных контекстах: когда посетитель приобретает товары или услуги, когда обе стороны используют одни и те же туристские объекты, когда обмениваются информацией или идеями [5: 126]. Как считает автор, первые два контекста имеют место намного чаще. Рейзингер (2009) подчеркивает тот факт, что социальный контакт между туристом и местным жителем случается чаще в туристских аттракциях, а также когда туристы покупают товары или услуги у местных жителей [5: 126]. Другие исследователи – Кастенхольц, Карнейро, Эусебио, Фигейредо – обратили внимание на то, что встречи туристов и местных жителей случаются чаще в барах, на дискотеках, на природе, в ресторанах. Такие выводы были сделаны исходя из того, что большинство туристов посетило эти места [5: 126]. При этом зачастую контакт между туристом и местным жителем является коротким, формальным, временным и неповторяющимся. Кроме того, взаимодействие туриста и хозяина часто открыто для обмана, эксплуатации и недоверия.

Осуществление туристских практик исключительно в пространственных координатах было обязательным условием путешествия вплоть до конца XX в., когда предполагалось, что для совершения путешествия должны в обязательном порядке быть пересечены географические границы. В связи с появлением интернета и мобильных технологий происходит преобразование бесчисленных аспектов общественной жизни и практик коммуникации «в движении». «Эти технологические усовершенствования повлекли за собой изменения способов путешествия, а также форм пребывания в другой стране. К примеру, сегодня становится возможным потреблять пространство не только реально, задействуя движение “во плоти”… “когда возможно через себя пропустить понятие движения, природы, вкуса и желания и когда устанавливаются сложные связи между физическими ощущениями и социокультурными чувственными ландшафтами, опосредованными дискурсом и языком”

(туризм), но и "виртуально ("armchair" туризм)» [6: 5]. Он даже может определяться «пассивным просмотром фильма или телевизионных программ» [6: 5]. Киберпространство представляет собой окно в мир, пространство досуга, когда путешественники могут странствовать по миру, не покидая дом. «Кибертуризм предполагает разные типы онлайн-практик, например переход от одного сайта к другому, совершение онлайн виртуальных туров, погружение в среду виртуальной реальности» [7: 175].

Как пишет Гольц, «теоретики, исследуя отношения между виртуальным и реальным, как правило, основываются на одном из нижеприведенных подходов. Ранние теоретики рассматривали виртуальность как пространство, абсолютно отличное от реального, где пользователи могут участвовать в виртуальном сообществе, играть с вымышленными идентичностями и вести отдельную жизнь на экране. Другие теоретики утверждают, что виртуальность берет верх над физическим пространством и дистанцией и фактически их поглощает. В отличие от двух предыдущих подходов третья группа теоретиков акцентирует внимание на сложной связи между двумя пространствами» [7: 175]. При этом «одно пространство не замещает другое, между ними существуют сложные пересечения, и различия начинают быстро стираться» [9: 171].

Пересечения виртуального и реального пространств трансформируют туристские практики. Именно поэтому важно сфокусировать внимание не только на путешествиях в киберпространстве, но также и на том, когда путешествия виртуальные включают в себя физические путешествия, и наоборот.

Благодаря «слиянию пространств» взаимодействие в туризме перестает существовать в традиционном виде. Оно выходит за рамки исключительно реального «здесь», когда турист приезжает в дестинацию и непосредственно в ней «физически» сталкивается с местными жителями. Данный процесс трансформируется, задействуя виртуальное пространство в том смысле, что взаимодействие между туристом и местным жителем может рассматриваться еще и в онлайн-среде. В таком случае в качестве уточнения предлагается следующее определение взаимодействия: встречи, происходящие при пересечении виртуального и реального пространств между агентами, заинтересованными в туризме.

***

Виртуальные гостевые сети создают собственные реалии, которые изменяют саму природу гостеприимства, ставя вопрос о гостеприимстве как о взаимном социальном отношении между хозяином и гостем при запутанных переплетениях двух пространств, что существенно отличается от коммерческих форм гостеприимства или семейных обязанностей, когда принимают родственников или друзей.

Весной 2015 г. я посетила Аугсбург (Германия), отправив запрос на сайт виртуальной гостевой сети Couchsurfing. Меня принял немец по имени Дженай. Сам он из Мюнхена, но на время практики переехал жить в этот город. Мы разговаривали о политике, делились планами на будущее, он познакомил меня со своей девушкой – Лоттой. Вечером они пригласили меня вместе с ними посетить «Grandhotel Cosmopolis». В одной части здания здесь располагается жилое помещение, где проживают беженцы, в другой находится культурное пространство для проведения различных концертов. Для посетителей работает кафе-бар с нефиксированной ценой (заплатить можно столько, сколько считаешь нужным).

Дженай рассказал, что в Аугсбурге есть свой городской сумасшедший, который очень любит помогать пьяным. Местные называют этого персонажа королем Аугсбурга, потому что его часто можно встретить возле Ратхауса. Дженай также порекомендовал мне посетить в Мюнхене кафе, которое находится на крыше технического университета, откуда открывается красивая панорама города. После я добавила Дженая в facebook.com в друзья. И хотя в сети мы не общаемся, но лично еще раз встречались.

Конечно, сказать о том, что абсолютно между всеми «хозяевами» и всеми «гостями» будут складываться дружеские, близкие отношения, нельзя. Многие путешественники находятся исключительно «в поиске дивана» и просмотра достопримечательностей и, вероятно, воспринимают этот проект лишь как возможность бесплатного размещения в другой стране. Тем не менее следует отметить и тот факт, что также это будет личным выбором участников.

Очевидно, что такое взаимодействие в определенной степени пропитано отношениями власти. «Зиммель и Вольф говорили о том, что “хозяева”, обладая знанием или собственностью, пользуются своей властью. Хозяин, предлагая размещение, неизбежно подтверждает следующее: “Это мое, я у себя дома, добро пожаловать в мой дом”. То есть можно интерпретировать это как “ты мой гость, потому что это все мое”» [2: 249].

Так, некоторые встречи могут быть пропитаны властью и контролем со стороны «хозяина», другие встречи – со стороны «гостя».

***

Благодаря процессу глобализации, в особенности с появлением интернета, становится возможным выбирать между постоянно растущими вариантами путешествий. Интернет выступает не столько в качестве альтернативы физическому путешествию, сколько становится неотъемлемой его частью, в таком случае виртуальность и реальность создают сложные пересечения; такие же пересечения имеют место и между понятиями туриста и местного жителя. Они больше не могут существовать в чистом или же природном виде, но создают при перекрещивании новую категорию «турист – местный житель», когда принимающий индивид может быть хозяином для гостя и в то же время может идентифицировать себя как гостя данной дестинации, что случается тогда, когда люди постоянно меняют свое пространство и свой дом. И хотя в таком случае может утрачиваться подлинный локальный характер, тем не менее опыт, полученный при взаимодействии, будет аутентичным.

Феномен виртуальных гостевых сетей создают собственные реалии. Во-первых, они порождают новый контекст взаимодействия, когда «гость» попадает в дом к местному жителю, где происходит обмен информацией, опытом, идеями между акторами, и позволяют говорить о том, что такой контакт носит личностный характер в отличие от формального взаимодействия, как, например, покупка товаров или услуг у местного населения. Во-вторых, гибридность пространства говорит о социальном взаимодействии как о многоуровневой интеракции между акторами, так как данный контакт происходит до поездки, во время поездки и после нее, а не ограничивается исключительно дестинацией. С появлением виртуальных сетей имеет место трансформация природы гостеприимства, поскольку взаимодействия выстраиваются на принципе взаимности в отличие от коммерческих форм гостеприимства или форм-обязательств. Опыт, полученный при социальном взаимодействии, дистанцирован от контроля со стороны индустрии туризма или от институций туризма, но зависит от акторов взаимодействия: туриста, местного жителя, туриста – местного жителя. Между тем эти отношения также могут быть пронизаны властью и контролем не только со стороны хозяина, но и со стороны гостя. Проявление власти в социальном взаимодействии может носить как явный, так и неявный характер. Проблема власти и знания будет ба-

лансировать между двумя понятиями, оказывая влияние то на одну, то на другую сторону благодаря их способности быстро меняться ролями. Идея выбора является ключевой для определения автономии.

Автономия индивида в процессе социального взаимодействия в туристской индустрии проявляется в нескольких аспектах:

- Индивиды способны выбирать форму путешествия.
- Они способны выбирать роль, которую хотят выполнять – быть хозяином или быть туристом.
- Индивиды способны выбирать из большого многообразия участников виртуальных гостевых сетей.
- Принятие роли предполагает выбор путей исполнения этой роли, ролевое предписание определяет лишь общую схему поведения.

Итак, на сегодняшний день существует многообразие проектов автономии, которые направлены на то, чтобы сделать нас современными. В экзистенциальном понимании быть современным означает понять себя и других в мире. А понять себя и других мы сможем в том случае, когда мы путешествуем и встречаемся с этими другими. Длительное путешествие может повлечь за собой отстранение от своей страны, в конце концов, даже от самих себя, в то время как туризм представляет собой частный случай путешествия и может помочь нам стать современными. Быть современным – значит быть автономным. Однако индустрия туризма и институции туризма стремительно присваивают себе право быть опекунами: защищать туристов от «странностей» внешнего мира, снимать с них всякую ответственность за свои действия, в том числе отгораживать их от других, наверное, для того, чтобы они не особо задумывались. Следует отметить, что далеко не все туристы преисполнены желанием отказаться от опеки, предлагаемой профессионалами в сфере туризме. На такой выбор их толкает леность, да и некоторая трусость. Ведь это так удобно, когда кто-то за тебя решает, делает выбор, снимая с тебя ответственность. Для некоторых туристов такая форма пребывания в другой стране кажется вполне естественный, и они не придают этому особого значения. Зачем мне мыслить самому? Я уже заплатил за то, чтобы мыслили за меня. Иными словами, турист, полагаясь на профессионализм опекунов, за свои собственные средства продает свою свободу.

Процесс глобализации стал предвестником расширения автономии. Мобильность – это уже сама по себе свобода, свобода передвигаться. Нельзя «сохранять свою неподвижность» в нашем постсовременном мире. Другими словами, движение определяет ощущение того, что тело еще живо и что оно способно совершать какие-либо действия. В то время

как одни передвигаются физически, пересекая границы до пределов сжатого пространства, другие могут, не выходя из дома, совершать путешествия, просматривая телевизионные программы, переходить по ссылкам в интернете. Сжатие пространства останавливает и время. Такой способ путешествия позволяет познакомиться с незнакомыми местами со скоростью, которая в значительной степени превосходит возможности физического передвижения. Таким образом, реальное движение – это всего лишь одна составляющая свободы.

Однако просто двигаться не будет означать, что мы будем автономными. Нужно не просто совершать действие, а взаимодействовать. Тогда можно понять других и понять себя. Но не каждый социальный контакт будет содействовать пониманию другого. С появлением виртуальных гостевых сетей становится возможным находиться в социальном контакте с другими в иных контекстах. Такая форма контакта в большей степени позволяет понять себя и других в силу неформального характера взаимодействия. Виртуальная гостевая сеть – эта тот способ путешествия, который позволяет туристам стать действительно современными и освободиться от «заботы» индустрии или институций туризма, стать совершеннолетними в кантовском понимании этого социального феномена, т.е. научиться пользоваться своим рассудком без посторонней помощи. Поиск другого, выбор другого, того, каким образом взаимодействовать с другим, – это те действия, которые исходят от самого индивидуального субъекта. Более того, турист может выбирать – быть ли ему туристом и когда перестать им быть, хотя бы потому, что он всегда имеет возможность вернуться к себе домой. Туристы делают свой собственный выбор, и пока выбор не сделан – возможно все.

Литература

1. Bialski, P. Intimate tourism: friendships in a state of mobility–the case of the online hospitality network // Master Thesis. University of Warsaw, 2007. 89 p.
2. Bialski, P. Technologies of hospitality: How planned encounters develop between strangers // Hospitality & Society. 2012. 1.3. P. 245–260.
3. Bialski, P., Batorski, D. From Online Familiarity to Offline Trust // Social Computing and Virtual Communitie. 2010. P. 180–190.
4. De Kadt, E. (ed.). Tourism – Passport to Development? Perspectives on the Social and Cultural Effects of Tourism in Developing Countries. New York: Oxford University Press, 1979. 135 p.

5. Eusébio, C.A., Carneiro, M.J.A. Determinants of tourist–host interactions: An analysis of the university student market // Journal of Quality Assurance in Hospitality & Tourism. 2012. 13.2. P. 123–151.
6. Mazierska, E., Walon, J. Tourism and the moving image // Tourist Studies. 6.1. London: Sage, 2006. P. 5–11.
7. Molz, J. Playing online and between the lines: round-the-world websites as virtual places to play. Routledge, 2004. P.169–181.
8. Murphy, P.E. Tourism: A community approach. Abingdon: Routledge, 2013. 218 p.
9. Urry, J. The tourist gaze. London: Sage, 2002. 183 p.
10. Социальные сети от А до Я: путеводитель по социальным сетям интернета [онлайн]. [Просмотрено 5 мая 2015; 21:00.] Доступ через интернет: http://www.social-networking.ru/article/social-interaction.
11. Yasumara, K. The Sociological Sphere of Tourism as a Social Phenomenon. Available from Internet: < http://yasumura.info/files/02-01.pdf>

Олеся Штык
(Украина)

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ УКРАИНЦЕВ ПЕРИОДА ГОСУДАРСТВЕННОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ

The article describes social well-being of the Ukrainians according to the data of the methodology of the Integral Index of Social Well-being in full and condensed versions with the use of the data of the monitoring of the Institute of Sociology of the National Academy of Science of Ukraine, and the data of the studies that were made in Lutsk. The author states the decrease of the meaning of welfare in material and everyday spheres and, simultaneously, fixation of the general index of the Integral Index of Social Well-being that is proved by the increase of the meaning of social welfare of non–material character. Accordingly, as the result of the study three key spheres of social vital activity are singled out: social relations, socio-political and social security spheres. In modern conditions social welfare that is included in these spheres is of the most importance for Lutsk residents. The methodology of the formation of the Integral Index of Social Well-being, in particular its condensed version, requires additional revision.

Изучая любое общество, чрезвычайно важно исследовать такой его феномен, как социальное самочувствие, выступающее обобщенным индикатором эмоциональных реакций людей на социальные процессы, изменения, происходящие в обществе, «своеобразной латентной оценкой формирующейся общественной системы, ее приемлемости» [3: 177]. Изучение социального самочувствия населения играет особую роль тогда, когда общество переживает трансформации и/или кризис.

Для нашего случая – изучения украинского общества – это особенно важно по двум причинам: первая – резкие изменения социального строя, «ломка» социальной структуры, аномия и дезорганизация и т.п. вследствие распада Советского Союза; вторая – длительный период неопределенности развития [2: 122], завершившийся революцией и войной, а значит, социальное самочувствие украинцев еще не скоро можно будет назвать удовлетворительным.

Социальное самочувствие – это состояние, описывающее, насколько хорошо или плохо индивид чувствует себя в обществе; оно зависит также

от того, удовлетворены или не удовлетворены социальные потребности человека. Степень удовлетворения социальных потребностей людей зависит от существующей в обществе системы социальных благ, их производства и распределения. Чем больше человек ощущает нехватку социальных благ, тем хуже его социальное самочувствие.

Мы в этом случае использовали методику, разработанную украинскими учеными Н. Паниной и Е. Головахой [1: 3–5]. Социальное самочувствие в рамках данной методики выступает как обобщенная оценка определенного восприятия каждым человеком собственного благополучия в основных сферах жизнедеятельности, т.е. конкретно обеспеченности или необеспеченности соответствующими значимыми социальными благами. Интегральный индекс социального самочувствия (ИИСС) выступает дополнительным критерием определения направленности (положительной или отрицательной) социальных изменений в обществе.

Идея этой методики такова: авторы выделили 11 сфер жизнедеятельности, в каждой из которых индивид так или иначе себя обнаруживает. В табл. 1 указаны сферы и блага, которые учтены в полной версии методики ИИСС. Суммарное «ощущение» и является общим показателем социального самочувствия.

Таблица 1. **Сферы и блага, ИИСС**

Сферы социальной жизнедеятельности	Социальные блага
Сфера социальных отношений	Стабильность в государстве и обществе; уверенность в том, что ситуация в стране будет улучшаться; наличие норм и ценностей, объединяющих людей; ощущение справедливой оценки заслуг человека перед обществом
Социально-политическая сфера	Соблюдение в стране прав человека; политические свободы (слова, совести, передвижения и т.д.); определенность политических идеалов; доверие к политическим лидерам
Сфера социальной безопасности*	Защита населения от преступности; экологическая безопасность; юридическая помощь в защите прав и интересов*; государственная защита от снижения уровня жизни
Рекреационно-культурная сфера*	Возможность проведения полноценного досуга*; возможность полноценного отдыха*; состояние здоровья*; возможность получения необходимой медицинской помощи*

Сфера национальных отношений	Уверенность в предупреждении межнациональных конфликтов; знание государственного языка; возможность участвовать в своей национальной культуре; взаимопонимание между людьми разных национальностей
Информационно-культурная сфера*	Достаточность информации об изменениях, которые происходят в обществе; достаточность экономических знаний*; достаточность политических знаний*; достаточность научно-технических знаний
Материально-бытовая сфера (2-го уровня)*	Возможность питаться в соответствии со своими вкусами*; модная и красивая одежда*; автомобиль; садовый (приусадебный) участок
Профессионально-трудовая сфера*	Достаточность образовательного уровня; удовлетворенность содержанием работы (наличие соответствующей работы)*; удовлетворенность условиями и возможностями рабочего места*; возможность получения дополнительных заработков*
Личная сфера (качества личности)*	Умение жить в новых общественных условиях*; уверенность в своих силах*; решительность в достижении своей цели*; инициатива и самостоятельность в решении жизненных проблем*
Сфера межличностных отношений	Достаточность социально-психологической поддержки (доброта и сочувствие окружающих людей); наличие настоящих друзей; благополучие в семейной жизни; поддержка близкого человека
Материально-бытовая сфера (1-го уровня)*	Возможность покупать необходимые продукты*; необходимую одежду*; хорошее жилье*; необходимую мебель*

Примечание: * – сферы и блага, которые входят в сокращенную версию ИИСС.

Каждая сфера состоит из четырех индикаторов[1], которые характеризуют основные социальные блага в этой сфере жизнедеятельности. Также стоит отметить, что с появлением новых реалий, особенно в наше время резких и острых социальных преобразований, значимость и содержательность сфер социальной жизнедеятельности может изме-

[1] Особенностью методики ИИСС является двухуровневое измерение социального самочувствия: шкала достаточности социальных благ, которая состоит из 1 – не хватает, 2 – трудно сказать, хватает или нет, 3 – хватает, 4 – не интересует, может быть изменена в трехбалльную шкалу путем объединения 2-й и 4-й градаций. В результате мы получим порядковую шкалу с диапазоном значений 1–3: 1 – совсем не хватает, 2 – условный нуль, 3 – полностью хватает. Трансформация шкалы позволяет построить количественный интегральный показатель – индекс социального самочувствия.

ниться. Подтверждением этому служит иерархия потребностей Маслоу, которая свидетельствует, что только после удовлетворения благами материальной сферы, человека начинают волновать проблемы другого, нематериального, плана: экология, социальная безопасность, самореализация и т.п.

Поскольку методика разрабатывалась в 1990-е гг., то доминирующим был один набор благ (в значительной степени преобладали социальные нужды материального плана), они и вошли в сокращенную версию методики ИИСС. После 2000-х гг. наблюдается постепенный экономический рост, что приводит к небольшому улучшению материального достатка украинцев. Социальные блага материально-бытового характера потеряли свою былую острую востребованность (табл. 2). Поэтому значимость и наполненность сфер социальной жизнедеятельности несколько изменились.

Таблица 2. **Распределение ответов на вопросы-блага из материально-бытовой сферы, % (ИС НАН Украины, 1996–2012 гг.; г. Луцк, 2014 г.) [5]**

	1996	1998	2000	2002	2004	2005	2006	2008	2010	2011	2012	2014*
Возможности приобретать самые необходимые продукты												
Не хватает	–	60,6	57,8	49,6	37,4	43,6	35,7	32,2	32,4	28,0	31,8	5,4
Трудно сказать, хватает или нет	–	18,2	17,2	17,5	17,8	17,3	19,4	17,5	17,8	17,5	21,5	10,9
Хватает	–	19,4	22,8	29,6	41,6	37,5	42,3	47,5	47,3	53,2	44,3	81,4
Не интересует	–	1,0	1,9	2,7	2,4	1,6	2,4	2,4	2,3	1,3	1,8	2,2
Возможности приобретать необходимую одежду												
Не хватает	42,9	46,6	43,7	44,9	32,3	31,1	25,7	21,0	23,7	18,0	24,0	6,0
Трудно сказать, хватает или нет	19,3	20,1	19,1	18,0	16,5	19,4	20,4	15,2	17,4	16,3	20,9	9,1
Хватает	33,4	28,0	31,2	31,2	45,5	43,4	46,6	57,6	52,4	61,1	50,3	82,5
Не интересует	4,4	4,4	5,8	5,3	5,5	5,9	6,8	5,9	6,4	4,6	4,5	2,5

Возможности приобретать хорошее жилье												
Не хватает	34,7	39,4	35,4	42,4	36,3	40,9	36,1	34,1	35,1	31,7	38,8	22,6
Трудно сказать, хватает или нет	15,5	18,7	17,8	16,2	15,0	14,2	17,3	14,9	15,8	18,7	19,1	12,8
Хватает	46,7	36,7	41,9	36,0	43,4	40,6	42,7	46,3	45,8	45,1	39,1	63,5
Не интересует	3,2	4,1	4,2	5,0	5,1	4,2	3,4	4,4	3,4	4,4	2,7	1,1
Возможности приобретать необходимую мебель												
Не хватает	35,5	37,6	32,0	40,2	33,0	35,2	30,9	27,0	27,4	21,5	28,8	9,5
Трудно сказать, хватает или нет	18,3	17,8	16,2	15,1	15,4	15,4	16,7	14,5	15,1	14,8	17,2	12,3
Хватает	32,6	29,4	35,4	28,9	38,7	35,0	40,0	45,9	46,4	54,8	42,9	75,3
Не интересует	13,6	14,3	16,0	15,2	12,7	14,2	11,9	12,0	10,9	9,0	10,6	2,9

Примечание: * – результаты опроса по г. Луцку.

Итак, необходимой одежды в 1996 г. не хватало 42,9% украинцев, тогда как в 2004 г. – 32,3%, а вот в 2012 г. – 24,0%. Дефицит необходимой мебели в 1996 г. испытывали 35,5% населения, в 2004 г. – 33,0, а в 2012 г. – 28,8%. Возможности купить необходимые продукты в 1998 г. были недостаточными у 60,6% населения, в 2004 г. – у 37,4, в 2012 г. – у 31,8%.

Данные табл. 2 служат еще одним подтверждением тому, что существует «сдвиг» по сферам и по количеству благ в каждой из них, чего нельзя сказать об интегральном показателе (табл. 3).

Таблица. 3. **ИИСС, средний бал (ИС НАН Украины, 1996–2012 гг.) [2: 123]**

	1996	1998	2000	2002	2004	2005	2006	2008	2009	2010	2011	2012
ИИСС-20	35,1	33,7	34,8	34,8	37,3	36,8	38,3	39,4	38,9	38,6	38,8	37,4

Согласно усредненным значениям ИИСС для Украины в целом, можно проследить «небольшой положительный курс» динамики социального самочувствия [2: 123] за период с 1996 по 2012 г.

Итак, общий уровень социального самочувствия существенно не изменился, однако произошли перемены относительно внутренней структуры социальных потребностей, скорее всего, доминирование потребностей материального потребления сменилось доминированием потребностей иного, нематериального плана.

Резкие социальные изменения на протяжении всего периода независимости Украины не способствовали улучшению социального самочувствия ее граждан. Тем не менее наблюдаются некоторые изменения внутренней содержательной наполненности социального самочувствия: снижение одних показателей происходит при улучшении других, при этом, например, материальные ценности по значимости уступают место социальным благам из сферы социальной безопасности. Происходит переструктурирование социальных благ в соответствии с тем, каких из них нам больше всего не хватает и какими из них мы в определенной степени обеспечены.

Впервые обозначила проблему того, что значимость социальных благ переструктурировалась, социолог С. Сальникова в монографии «Динамика ценностно-нормативной системы и жизненные шансы: опыт постсоветской трансформации в Пограничье» в разделе «Особенности нормативной регуляции в украинском и белорусском социумах» [2: 91–187]. Мы же пытаемся определить, какие именно социальные блага стали для украинцев более востребованными, а какие менее (табл. 4).

Таблица 4. **Рейтинг социальных благ, % (ИС НАН Украины, 2012 г.) [2: 333–334]**

Социальные блага	**Не хватает**	Трудно сказать, хватает или нет	**Хватает**	Не интересует
Сбережений, поддерживающих благосостояние хотя бы в течение года в случае тяжелой болезни, безработицы, имущественных потерь*	**80,6**	**13,3**	**4,5**	**1,6**
Порядка в обществе*	**73,5**	**18,0**	**6,2**	**2,3**
Уверенности в собственном будущем*	**72,5**	**19,4**	**6,7**	**1,4**
Соблюдения действующих в стране законов*	**72,1**	**19,1**	**6,1**	**2,6**

Возможности полноценно проводить отпуск	60,9	15,9	14,2	9,0
Необходимой медицинской помощи	57,7	20,9	18,6	2,8
Возможности дать детям полноценное образование*	**55,3**	**24,1**	**8,9**	**11,8**
Юридической помощи в защите своих прав и интересов	54,8	25,9	10,9	8,4
Возможности питаться в соответствии со своими вкусами	52,1	22,0	23,9	2,1
Возможности подрабатывать	51,3	16,3	16,0	16,4
Здоровья	50,1	18,1	31,2	0,6
….	…	…	…	…

Примечание: * – социальные блага, не входящие в сокращенную версию ИИСС-20.

Для этого исследования мы взяли только фрагмент данных по рейтингу социальных благ, представленных в порядке убывания меры их значимости: начиная от самых востребованных к менее актуальным. Те блага, которые не входят в сокращенную версию ИИСС-20 (сбережения, поддерживающие благосостояние хотя бы в течение года в случае тяжелой болезни, безработицы, имущественных потерь; порядок в обществе; уверенность в собственном будущем; соблюдение действующих в стране законов), являются самыми значимыми и занимают доминирующее положение в структуре интегрального индекса социального самочувствия.

Но стоит заметить, что это данные 2012 г. – относительно стабильного, эмоционально евроинтегрированного года. А вот данные лета (июнь) 2014 г.[2] – это уже период войны; здесь переструктурирование еще более заметно.

Понятно, что после окончания войны перемены в структуре еще будут, но факт того, что у украинцев произошло переосмысление ценностей (вряд ли человек, оценивший политические свободы, переживший войну, утратит ценность этого блага), остается фактом.

[2] Исследование проводилось студентами Института социальных наук СНУ им. Леси Украинки в рамках социологической практики (объем выборки – 651, выборка репрезентативна по полу, возрасту, району проживания; ошибка – 5%) с использованием методики ИИСС-44 (руководитель – С. Сальникова).

Итак, учитывая распределение социальных благ по сферам (см. табл. 1), ключевыми являются следующие сферы:

1) сфера социальных отношений;

2) социально-политическая сфера;

3) сфера социальной безопасности.

Действительно, если рассмотреть социальные блага из первых трех сфер – сфера социальных отношений, социально-политическая сфера, сфера социальной безопасности, – то их порядок по убыванию значимости будет выглядеть следующим образом (табл. 5).

Таблица 5. **Распределение ответов жителей г. Луцка на вопросы-блага, % (Луцк, 2014 г.)**

Социальные блага	**Не хватает**	Трудно сказать, хватает или нет	**Хватает**	Не интересует
Стабильности в государстве и обществе (1)*	**73,5**	13,6	**11,2**	1,7
Руководителей, способных управлять государством (2)*	**67,4**	18,6	**13,1**	0,9
Государственной защиты от снижения уровня жизни (3)*	**66,9**	18,3	**12,2**	2,6
Соблюдения в стране прав человека (2)*	**60,1**	28,5	**36,8**	6,8
Политических идеалов, заслуживающих поддержки (2)*	**56,2**	23,2	**16,2**	4,5
Уверенности в том, что ситуация в стране улучшается (1)*	**54,5**	26,3	**17,8**	1,4
Справедливой оценки заслуг человека перед обществом (1)*	**48,1**	30,2	**17,9**	3,9
Защиты от преступности (3)*	**44,9**	24,8	**28,5**	1,8
Экологической безопасности (3)*	**39,5**	32,0	**25,5**	2,9
Юридической помощи в защите своих прав и интересов (3)	**38,9**	24,6	**27,8**	8,5

Примечание: * – социальные блага, не входящие в сокращенную версию ИИСС-20.

В этом фрагменте таблицы социальные блага расположены в порядке убывания меры их значимости. Те социальные блага, которые не входят

в сокращенную версию ИИСС-20, как видим, являются самыми значимыми для жителей г. Луцка.

Здесь стоит также отметить, что социальные блага, которые относятся к сфере социальной безопасности и не были учтены в сокращенной версии методики ИИСС, а именно государственная защита от снижения уровня жизни (66,9%), защита от преступности (44,9%), экологическая безопасность (39,5%), являются более востребованными, чем те, которые учитываются: юридическая помощь в защите своих прав и интересов (38,9%).

Итак, можно подытожить, что в современных условиях произошло переструктурирование значимости и актуальности социальных благ, а именно в сфере социальных отношений, социально-политической сфере и сфере социальной безопасности. Такие изменения свидетельствуют о качественных переменах «внутри» самого украинского общества, что может свидетельствовать о выходе Украины на новый уровень развития и об изменениях в качестве гражданского общества.

Таким образом, методика построения интегрального индекса социального самочувствия в свою очередь требует дополнительного пересмотра в целом. Особенного внимания требует методика ИИСС относительно ее репрезентации сокращенной версией, с тем чтобы она достаточно полно могла воспроизводить реальное социальное самочувствие людей на момент исследования.

Литература

1. Головаха, Є.І., Паніна, Н.В. Інтегральний індекс соціального самопочуття (ІІСС): конструювання і застосування соціологічного тесту в масових опитуваннях. К., 1997. 205 с.
2. Мурадян, Е.С. Динамика ценностно-нормативной системы и жизненные шансы: опыт постсоветской трансформации в Пограничье: кол. моногр. / Е.С. Мурадян, С.А. Сальникова, Л.Г. Титаренко, А.А. Широканова. Вильнюс: ЕГУ, 2014. 366 с.
3. Панина, Н.В. Избранные труды по социологии: в 3 т. Т. II. Теория, методы и результаты социологического исследования образа жизни, психологического состояния и социального самочувствия населения / сост. и ред. Е.И. Головахи. К.: Факт, 2008. 312 с.
4. Сальнікова, С.А. Місто крізь призму соціального самопочуття // Проблеми розвитку соціологічної теорії: українське суспільство та глобальні соціальні зміни: зб. наук. пр. VI Всеукр. наук.-практ. конф. (4 груд. 2009 р.). К., 2009. С. 404–413.
5. Официальный сайт ИС НАНУ. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://i-soc.com.ua/institute/public.php.

ПРОЦЕССЫ «ПЕРЕСТРОЙКИ» ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И БАЛТИИ

Halyna Sofiia Kanevska
(Ukraine)

"PERESTROIKA" PERIOD AND MODERNITY: A CHANCE FOR COUNTRIES OF CENTRAL AND EASTERN EUROPE AND THE BALTIC STATES TO INCREASE THEIR COMPETITIVENESS IN THE GLOBAL ECONOMY

В статье проводится сравнение уровня экономического развития постсоветских республик в рамках периода перестройки и изучаются причины, позволяющие объяснить, почему некоторым странам Центральной и Восточной Европы и Балтии удалось активизировать экономический рост, в то время как другим это до сих пор не удается. При исследовании использовались следующие методы: наблюдение, обработка социально-экономических данных и сравнительный анализ. Работа основана на таких показателях экономической ситуации, как глобальной индекс конкурентоспособности (GCI) и индекс экономической свободы (IEF). Предлагаются рекомендации по повышению конкурентоспособности развивающихся стран.

Introduction

Apparently, "perestroika" period is characterized by an extensive array of profound changes as long as it altered not only political and economic traditions of the former USSR, but also the structure of global relations.

By the 1980's Soviet economy suffered under slow national income growth, deficit of consumer goods, stagnating labor productivity and obsolete technologies. This state of things changed towards the increase of efficiency at all fronts. This colossally difficult and extremely ambiguous shift was embodied in the course of "perestroika". On the one hand, the "perestroika" period marked the beginning of the end of the USSR not only as a superpower, but also as a sovereign-turned-fragmented state, not to mention that it became a core reason for a sweeping wave of revolutions that rolled over Eastern Europe afterwards. On the other hand, it was the genuine new beginning, as after the collapse of the Soviet Union it was clear that the former republics would be able to choose their own path towards a newly-found independence boom both politically and economically without any center-planning input. Further-

more, they had to establish and ramify their foreign contacts in order not only to carve their niche on the global arena but also to stay competitive.

Over the span of 30 years since "perestroika" was first announced, each former USSR republic carried out its own "perestroika"-induced reforms and gained different results in terms of global competitiveness. Consequently, the research is targeted towards defining the importance of "perestroika" for global political and economic relations, towards identifying opportunities presented to CEE and Baltic States as well as towards elevating their global competitiveness.

Ideas of "perestroika"

In 1985, the then-Soviet leader M. Gorbachev confessed for the first time that the political and economic systems of the USSR were ineffective. Following this, he stated that Soviet society was spiraling down into stagnation as the system itself had been developing signs of irreparable pre-crisis situation.

Evidently, the state system of that time was earmarked by the absence of pluralism in the Soviet government, economy and ideology, not to mention total bureaucratization poisoning each and every one from top to bottom. In turn, bureaucracy includes a slew of corrosive features: elitism, inflexibility and administrative command structure, which strictly subordinates its middle ranks to the higher echelons and completely disregards any democratic control from below, often with negative consequences [7, p. 2].

As a viable solution M. Gorbachev planned changes in central planning policy and reformation of Soviet economy. "Perestroika" itself meant "restructuring" and referred to the restructuring of the Soviet political and economic system [15].

The groundwork of the aforementioned restructuring was laid with well-known slogans: economic reform, "glasnost", democratization (i.e., new principles for selecting leaders), social justice, new political thinking and the priority of the common human goals of survival and development over particular state, class, ethnic, departmental and private interests.

For instance, "glasnost" (in English – "publicity") was intended to create a new moral climate in the souls of the Soviet people by delivering to them truth and the right to express their thoughts freely. On the other hand, "glasnost" was set to eliminate corrupting lies and outright hypocrisy to tap the potential of bold initiative in Soviet society.

In addition, "perestroika" was to promote openness as a fundamental prerequisite for the moral, political and economic health of the former Soviet re-

publics, to build up international trust and to extend security. The concept of openness envisages public monitoring of the key government decisions, freedom of opinion, freedom to receive and impart information, freedom to choose one's country of residence and one's domicile within that country. All these points are laid down in the Universal Declaration of Human Rights adopted by the United Nations in 1948 and in the UN Covenants on Human Rights ratified by the USSR and referred to in the Helsinki Final Act [7, p. 6, 7, 9–10].

In the light of the above-mentioned things, significant restructuring processes in economy began in 1987, when in accordance with the freshly-implemented law enterprises could not expect rescue from the government and had to cover their expenses by themselves. This meant transition from soft budget constraints to hard ones. Consequently, it led to the rise in business effectiveness and secured budget money.

After the communist system collapsed, it took double efforts to catalyze political transformation and to establish economic stability. The time-period at issue was a game-changer as long as economic success was at stake, which required willingness of the government to implement profound reforms.

Only after that it is possible to fix democracy and to even out different democratic institutes while economic growth becomes stable owing to total liberalization of private initiative. Gradually, democratic political culture and the entrepreneurial tradition become real[14, p. 105–106].

Overall, "perestroika" translated market reforms into practice and promoted democracy. This period laid down important principles, which helped former USSR republics to draw the line on authoritarianism and to enter the path towards their future on the principles of free market economy. However, in the course of 30 years some CEE countries still have not seen any positive change in that respect. The next part of the research outlines economic potentials of CEE and Baltic States as well as the principles they used to implement reforms in order to increase the level of competitiveness during the last 30 years.

Capacity-building in CEE countries and Baltic States

For the purpose of abiding by the principle of impartiality the data used in the survey was taken from the sources of the International Monetary Fund (IMF), i.e. "World Economic Outlook Database", and globally recognized World Economic Forum (WEF) reports.

The table below specifies the stages of development based on the amount of GDP per capita set out in US$ [8, p. 38].

Table 1: Subindex weights and income thresholds for stages of development

	STAGE OF DEVELOPMENT				
	Stage 1: Factor-driven	Transition from stage 1 to stage 2	Stage 2: Efficiency-driven	Transition from stage 2 to stage 3	Stage 3: Innovation-driven
GDP per capita (US$) thresholds*	<2,000	2,000–2,999	3,000–8,999	9,000–17,000	>17,000
Weight for basic requirements	60%	40–60%	40%	20–40%	20%
Weight for efficiency enhancers	35%	35–50%	50%	50%	50%
Weight for innovation and sophistication factors	5%	5–10%	10%	10–30%	30%

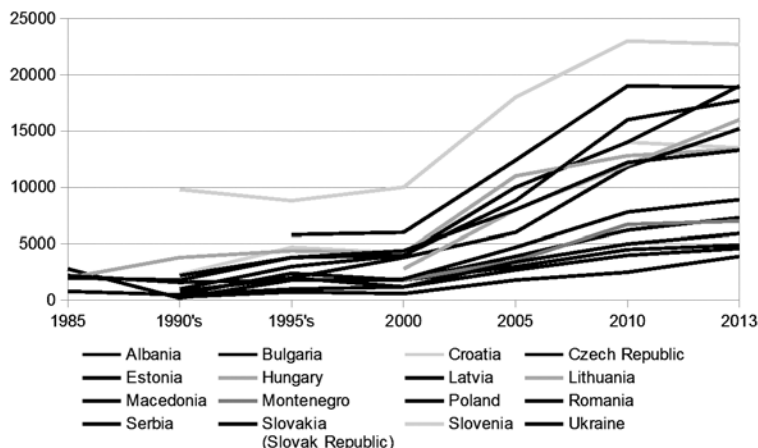
Note: See individual country/economy profiles for the exact applied weights.
* For economies with a high dependency on mineral resources, GDP per capita is not the sole criterion for the determination of the stage of development. See text for details.

As a rule, economists use GDP per capita as one of the most important indicators of economic growth. It determines relative productivity of different countries towards the usage of their resources. It also roughly measures material welfare in different countries, namely, the fact if this welfare results from good fortune with respect to land and natural resources or superior productivity in their use [10, p. 11].

No one can deny that countries face multiple challenges as they move from resource- to knowledge-based economies. As an economy develops, so do its structural bases of global competitiveness. At low levels, economic growth is determined primarily by land, primary commodities, and unskilled labor. As economies move from low- to middle-income status, global competitiveness becomes Investment-Driven. In such conditions, economies, which are more open to foreign direct investment (FDI), gain economic and financial freedom and become Efficiency-Driven. As a result, it changes their adaptability of transnational corporations' technologies (i.e. CEE and Baltic States managed to do it, while Serbia and Ukraine failed). FDI, joint ventures, and outsourcing arrangements help to integrate national economy into international production systems, thereby facilitating the improvement of technologies. The evolution from middle- to high-income status involves the transition from a technology-importing economy to a generating ones economy, which innovates globally in at least some sectors. For high-income economies (Innovation-Driven), global competitiveness is critically linked to high rates of science-based learning and the rapid ability to shift to new technologies [6, p.17].

The aforementioned graph illustrates changes in GDP per capita based on purchasing power parity (PPP) in CEE and Baltic States between 1985 and 2013.

A nation's GDP exchange rates are the sum value of all goods and services produced in the country valued at prices prevailing in the US [12], while PPP is used to compare economies and incomes of people by adjusting for differences in prices in different countries [9].

It has been outlined that over the span of almost 30 years, GDP has increased in CEE and Baltic States. In effect, the turn of the XXIst century came to be the turning point, when GDP per capita (PPP) showed exponential growth in the majority of the listed countries.

The largest amount of GDP both at the beginning of 1990s and 2013 was in Slovenia (9800 US$ and 22700 US$), while the lowest both in 1990s and 2013 was registered in Ukraine (300 US$ and 3900 US$ respectively).

Interestingly, all the countries started with almost the same level of GDP in in the 1990s (except Slovenia). However, by the end of the surveyed period, the said countries can be divided into two groups, in particular those which beat 1000 US$ barrier, and those which failed to do it. Taking this into account, the first group encompasses Slovenia, Czech Republic, Estonia, Slovak Republic, Lithuania, Latvia, Croatia, Hungary, and Poland. The remainder of the countries forms the second group, namely Romania, Bulgaria, Montenegro, Serbia, FYR Macedonia, Albania, and Ukraine.

From the tables below it can be deduced that at the beginning of the "perestroika" period the majority of CEE and Baltic States were Factor-driven. Nonetheless, the situation changed dramatically over the recent years [8, p. 38][1]:

[1] However, there is no agreement among scientists about such a classification. It was grounded on a qualitative assessment of experts "at locus". It is thought that in reality neither Ukraine, nor Serbia is Efficiency-driven. To be more specific, they seem to be in Transition from Fac-

Countries/economies At each stage of development, GI WEF report, 2015		
Efficiency-driven	Transition from Efficiency-driven to Innovation-driven economy	Innovation-driven
Albania	Croatia	Czech Republic
Bulgaria	Hungary	Estonia
FYR Macedonia	Latvia	Slovak Republic
Montenegro	Lithuania	Slovenia
Serbia	Poland	
Ukraine	Romania	

As some countries hit the top extremely quickly, it is worth outlining the indicators, which contributed to the economic growth and those that hampered it.

Index of Economic Freedom (IEF) of CEE and Baltic States

For two decades the IEF has tracked the progress of economic freedom around the globe [5, p.13]. The ideals of economic freedom are strongly associated with healthier societies, cleaner environments, greater per capita wealth, human development, democracy, and poverty elimination. The measurement of economic freedom is based on 10 pillars grouped into four broad categories, which are listed in the table below:

- **Rule of Law** (property rights, freedom from corruption);
- **Limited Government** (fiscal freedom, government spending);
- **Regulatory Efficiency** (business freedom, labor freedom, monetary freedom);
- **Open Markets** (trade freedom, investment freedom, financial freedom).

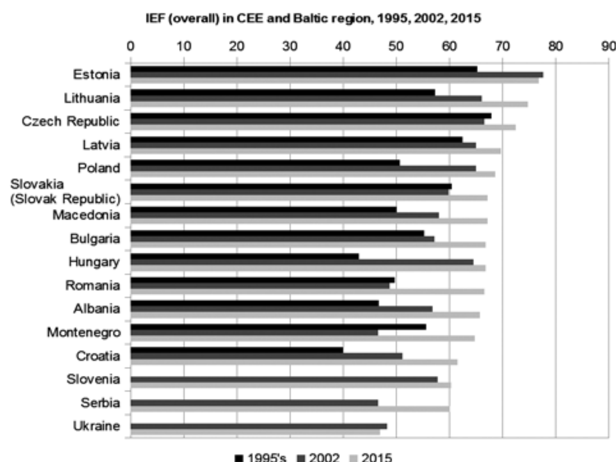
Each of the ten economic freedoms defined within these categories is graded on the scale ranging from 0 to 100. A country's overall score is determined by averaging these ten economic freedoms, with equal weight being given to each [1]

The foregoing line-graph shows overall IEF-score of CEE and Baltic States in three main periods: the initial stage (1995), breaking point (2002) and present-day situation (2015). In general, IEF shows positive dynamics in all the countries (except Ukraine).

Authoritarian administrative mechanisms, which functionally served communistic model, were rejected by Hungary, Poland, Czech Republic, Slovakia, countries of Baltic region, Slovenia and Croatia. These coun-

tor- to Efficiency-driven. Performances of Slovak and Czech Republics are also argued to be exaggerated. In turn, Hungary is more likely to be Innovation-driven.

tries had defined tendencies of changes, which deliberately approximated them to the West and created a new geopolitical situation in Central Europe [14, p. 255].

In principle, IEF-leaders overlap with the Innovative-driven countries. However, in this case Slovenia slid down as its judicial system remains inefficient and vulnerable to political interference, and corruption remains a cause for concern [5, p. 391]. Interestingly, Lithuania joined the leaders' cohort as it displayed outstanding performance due to the vibrant private sector, which was established in the best traditions of market openness, regulatory efficiency, and the rule of law [5, p. 289].

One more interesting fact is that Latvia and Poland could outrun Slovak Republic. It became possible via trade liberalization, privatization, implementation of competitively low tax rates, and modernization of the regulatory environment [5, p. 277, 357].

As regards Serbia, it showed significant growth from 2002 to 2015, while during the same period Ukraine saw a slight decrease of this index, due to deterioration of state management and social capital after a slight improvement in the 2000s.

To summarize, nowadays Czech Republic, Estonia, and Lithuania enjoy the best IEF (rate stands at 70-79.9). By contrast, Ukraine lags far behind (40-49.9), while other countries fall into the category of moderately free economies (60-69.9) [3].

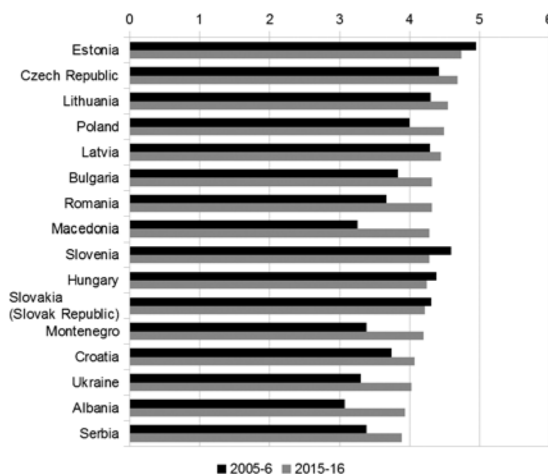
Global competitiveness index (GCI) of CEE and Baltic States

Competitiveness means the creation of conditions that allow an economy to efficiently allocate scarce resources where opportunities arise as external and internal conditions change. Countries that want to boost the productivity of their economies need to cooperate for functioning and up-to-date supranational institutions and frameworks [2, p. 7].

GCI is determined by the indices and pillars provided in the table below:

Indices	Pillars	Resulting output
Basic requirements	Pillar 1: Institutions Pillar 2: Infrastructure Pillar 3: Macroeconomic environment Pillar 4: Health and primary education	Factor-driven economies
Efficiency enhancers	Pillar 5: Higher education and training Pillar 6: Goods marketing efficiency Pillar 7: Labour market efficiency Pillar 8: Financial market development Pillar 9: Technological readiness Pillar 10: Market size	Efficiency-driven economies
Innovation and sophistication	Pillar 11: Business sophistication Pillar 12: Innovation	Innovation-driven economies

GCI (overall) in CEE and Baltic region, 2005-6 till 2015-16

The aforementioned bar-chart represents GCI-score ranging from 0 to 7 points of CEE and Baltic States during the last decade. In general, the period is marked by a positive tendency.

Overall, IEF and GCI leaders go hand-in-hand: Estonia, Lithuania, and Czech Republic. Poland and Latvia still have high positions. These countries have good macroeconomic environment, high scores on health and primary

education, higher education and trainings and infrastructure. Nevertheless, the last three pillars tend to score high in the developing countries as well. This means that they do not define their competitiveness but signal about their potentials.

As regards Ukraine, Albania and Serbia, it should be noted that the problem of macroeconomic environment is quite acute in these countries, not to recall eroding governmental bureaucracy, political instability and hardcore corruption. The solution to these negative issues can be found in Max Weber Iron Cage model and the Estonian innovative model of fighting corruption (e-government) [13, p. 81–84].

All things considered, Efficiency-driven countries should start with implementation of openness principle, which was laid down during the "perestroika" period, but failed to become functional.

Conclusion

It should be reiterated that the "perestroika" period brought substantial changes not only in political and economic traditions of the former USSR, but also reshaped the structure of global relations. In particular, it set the core principles, which formed the basis for the spread of democracy in CEE and Baltic States.

Apart from that, IEF and GCI play a crucial role in melding an unbiased opinion and strong comparative analysis pertaining to the state of economies of the respective countries under survey.

Overall, CEE and Baltic States are characterized by positive macroeconomic environment, vibrant health and primary education, competitive higher education and trainings and sound infrastructure. However, these foregoing elements should not be regarded as sufficient to create Innovation-driven economy.

To this end, regulatory efficiency should be enhanced via open-market policies that support the increased trade and investment flows [5, p. 289].

Furthermore, the countries under examination should implement the principles of openness and transparency at their fullest in order to guarantee market fair play, eliminate bureaucracy and fight down corruption.

Finally, "perestroika" slogans seemed to do credit to those countries, which tended to implement them with innovation-oriented effort in mind. Consequently, further simulation of reforms should be replaced by "perestroika"-induced principles propelled by real steps towards making a better future economically, politically and socially.

Literature

1. About The Index, 2015 Index of Economic Freedom – The Heritage Foundation, Wall Street Journal http://www.heritage.org/index/about
2. Case for Trade and Competitiveness, Global Agenda Councils on Competitiveness and Trade and FDI, World Economic Forum – September, 2015. – 16 p.
3. Country Rankings, 2015 Index of Economic Freedom – The Heritage Foundation, Wall Street Journal http://www.heritage.org/index/ranking
4. Explore the data, 2015 Index of Economic Freedom – The Heritage Foundation, Wall Street Journal http://www.heritage.org/index/explore?view=by-region-country-year
5. Miller Terry, Kim R Holmes, Anthony Kim. 2014 Index of Economic Freedom – The Heritage Foundation, 2014. – 494 p.
6. Porter, Michael E.; Jeffrey D. Sachs; John W. McArthur. Executive Summary: Competitiveness and Stages of Economic Development – World Economic Forum www.weforum.org/pdf/Gcr/GCR_01_02_Executive_Summary.pdf
7. Sakharov, Andrei, March 25, 1988: "The inevitability of perestroika" http://users.physics.harvard.edu/~wilson/sakharovconference/Suggested_Reading/The%20Inevitability%20of%20Perestroika.pdf
8. Schwab, Klaus. Global Competitiveness Report 2015-2016 – World Economic Forum http://www3.weforum.org/docs/gcr/2015-2016/Global_Competitiveness_Report_2015-2016.pdf
9. Statistics Times, World GDP (PPP) per capita Ranking – 2015 http://statisticstimes.com/economy/world-gdp-capita-ranking-ppp.php
10. World Bank. Comparing Levels of Development http://www.worldbank.org/depweb/english/beyond/beyondco/beg_02.pdf
11. World Economic and Financial Surveys: World Economic Outlook Database. 5. Report for Selected Countries and Subjects – International Monetary Fund http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2015/01/weodata/index.aspx
12. World Factbook : Country Comparison, GDP (Purchasing Power Parity) – Central Intelligence Agency https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2001rank.html
13. Каневська Галина Софія: «Механізми підвищення глобальної конкурентоспроможності української економіки в глобальному просторі» – К.: 2014 – 229 с.
14. Політологія посткомунізму: Політичний аналіз посткомуністичних суспільств. – К.: Політична Думка, 1995. – 363 с.
15. https://en.wikipedia.org/wiki/Perestroika
16. https://uk.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B5%D1%80%D1%96%D0%BE%D0%B4_%D0%B7%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%8E#.D0.95.D0.BA.D0.BE.D0.BD.D0.BE.D0.BC.D1.96.D0.BA.D0.B0

Raman Kachurka
(Belarus/Poland)

BELARUSIAN NASH EQUILIBRIUM: POLITICAL AND ECONOMIC BARRIERS TO INNOVATIONS

В Беларуси тема инноваций остается актуальной на протяжении многих лет. Беларуские власти неоднократно декларировали свою открытость к сотрудничеству в этой области. Но в реальности мы наблюдаем средние для СНГ индикаторы инновационности вкупе с проблемами в области диффузии и абсорбции инноваций. Ситуация в Беларуси представляет собой равновесие Нэша, и выход из этой ситуации мирным путем невозможен из-за установки беларуских властей сохранить контроль над страной любыми способами. Проблема становится еще более актуальной в свете санкций ЕС в отношении Российской Федерации и их влияния на Беларусь. Автор исходит из идеи о большей конкурентоспособности демократических стран. Существующее экономическое доминирование демократических стран может быть частично объяснено в терминах диффузии и абсорбции инноваций.

The Nash equilibrium is a solution concept of a non-cooperative game involving two or more players, in which each player is assumed to know the equilibrium strategies of the other players, and no player has anything to gain by changing only their own strategy (Martin Osborne and Ariel Rubinstein, "A Course in Game Theory").

Technology and Growth

According to Joseph Schumpeter, any innovation has always been critical for economic change [19]. Technological innovations (in this paper we consider innovation as a new technology) play an important role in the study of economic development. Economic performance depends on the technologies used in a country. According to economic studies, the total factor productivity, as a proxy of the level of technology, strongly influences the per capita income [4; 12]. Such proxy can be used because of the evidence of the correlation between technological and total factor productivity differences across countries [7].

Recent papers show that generally foreign sources of innovation cause economic growth in OECD countries - for example, foreign R&D accounts for nearly 87% of productivity growth in France [8; 13]. But for developing countries like Belarus successful diffusion of innovations is even more important due to less spending on science.

Diffusion and Absorption: What Matters?

But if it is so profitable to adopt new technologies why do we see such a slow and unequal diffusion of knowledge around the world? In order to answer this question we should determine the main channels of diffusion and possible barriers to them. According to Keller, two main mechanisms lead to technology diffusion. The first one is direct learning about foreign knowledge embodied in a blueprint. The second mechanism is the employment of specialized and advanced intermediate foreign goods, which means that knowledge is embodied in those goods (e.g., machines). Thus, the main channels of innovation are such international activities as international trade [5], foreign direct investment (FDI) [3] and activities of foreign-owned multinational firms [21].

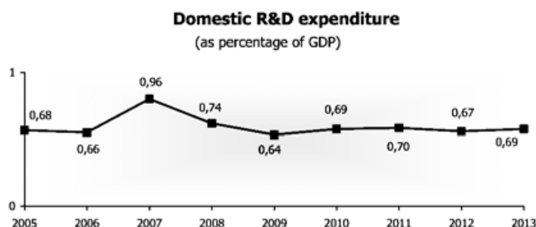
We should note that not only import but also export helps to establish connection between an inventor and a learner. Also the implementation of reverse-engineering makes huge volumes of import not necessary for a learner because he can extract knowledge from one unit of intermediate good [15]. However, this method often requires qualified personnel for reverse-engineering - in other words - high level of human capital (HC).

However, not only diffusion matters. It is also important to be able to absorb technology. Mankiw explains differences in per capita income by the differences in factor accumulation (physical and human capital) [16]. But some studies reject this explanation [10; 14]. Nowadays researchers agree that HC and R&D [6] determine the absorption possibility rather than diffusion.

Innovation, Diffusion, Absorption – an overview

Situation with innovations in Belarus is worse than normal but still not dramatic in comparison with other Eastern European countries. According to the indicators of innovation activity, 0.7% of 2011 GDP spend on R&D in Belarus [17] is high in comparison with other CIS countries. However, even Russian figures - 1.12% of GDP spend on R&D in 2011 - are not so great compared with EU, China or US spendings. Besides, all the figures provided

by the Belarusian National Statistical Committee should be carefully used due to the possibility of fact embellishment. For example, the volume of shipped innovative products in industry is provided in roubles without any remark about the two-digit inflation in Belarus.

Source: NATIONAL STATISTICAL COMMITTEE OF THE REPUBLIC OF BELARUS, Science and Innovation Activity in the Republic of Belarus, 2014

Belarus has a high share of R&D expenditure of the government sector – 23.8% in 2013, but in a country with huge public sector (70% of produced GDP in 2011) the situation becomes more pessimistic. In other words, the small private sector spends two times more on innovations than the powerful public sector (0.45% versus 0.24% of R&D expenditures as a percentage of GDP in 2013). In order to enhance the innovation process privatization in such a situation is a must.

Denmark, Finland and Belarus have almost the same number of invention patents applied for by national and foreign applicants in 2013 – 1 771, 1 774 and 1634 patents respectively, but there is no actual measure of quality or difficulty of patents. Also it should be noted that well-known technology in one country can be completely new abroad. This issue could not be solved without unified international patent database. The percentage of Belarusians at the age of 20-24 who attained at least upper secondary level education is high - 92.6% in 2013 but for the fact that there is no possibility of education quality comparison.

In comparison with the neighbouring countries Belarus has a normal level of innovativeness measured as a percentage of organisations carrying out technological innovations in general industrial organisations (21.7% in 2013) and service sector organisations (19.2% in 2013). But the employment in knowledge-intensive activities (manufacturing and services) as a percentage of total employment is very high - 27.36% in 2013 (Germany and

Norway have only 15%), and this fact shows low effectiveness of innovation activities in Belarus.

However, the average level of innovation indicators together with the abovementioned extreme importance of foreign sources of innovation show the real situation in Belarus. Such channels of technology diffusion as FDI, international trade and activities of foreign-owned multinational firms in case of Belarus are not developed due to economic and political reasons. The most intensive FDI in recent years have been from Russia, associated with the acquisition of Belarusian enterprises; international trade is developed generally with the innovation outsiders - CIS countries - and nowadays Western multinational firms are not interested in Belarus.

Weak and Strong Sides: What Should We Do?

After a brief overview it is useful to systemize weak and strong sides of the Belarusian model. However, some attributes have a clearly controversial influence on the process of innovation creation, diffusion and absorption - for such ambiguous factors a separate group was used.

Positive sides:

- cheap labour;
- cheap energy (mainly from Russia);
- geographical position between East and West is a positive factor for international trade;
- quality of education is high in comparison with CIS states; however, there is no possibility of precise comparison with the states, which are members of The European Higher Education Area. On the other side, rapid development of Belarusian IT sector could be explained not only by cheap labour but also by highly educated programmers.

Ambiguous factors:

- corruption (according to corruption perception index of transparency.org, Belarus held 119th place out of 175 countries in 2014) and dependency of the court system. Legal constraints as the patent protection mechanism can prohibit the usage of knowledge. Thus, in a state without Rule of Law firms are capable to copy foreign innovations without licence payments. However, only the outlines of technology are actually written in a blueprint due to the impossibility of tacit knowledge codification or very high costs of it [9; 11]. Besides, in a corrupted state, firms also have no incentives to create innovations.

- Incentives to learn and perform technological changes but only on the part of the management. Workers often resist new technologies because of the necessity to learn.
- Wide technological gap between Belarus and the developed countries. On the one hand, it gives Belarus more capacity for new technologies, but on the other hand, it slows the absorption process due to the lack of human and physical capital.
- High rate of return because of low competition on the Belarusian market combined with high risks associated with economic instability or risk of nationalization.
- Political stability associated with strong security services that weaken political opposition. On the other side, an image of dictatorship is not useful for investors.

Negative sides:

- In a modern framework it is assumed that "technological change is the outcome of activities by private agents who intentionally devote resources towards the invention of new products and processes" [13]. Thus, the large public sector has a negative influence on the innovation process.
- Corruption creates monopolies that limit innovation diffusion and incentives to innovate. The Belarusian flying geese model [2] also failed because of monopoly and no incentives to change technology in a market with expensive entrance.
- Low FDI and a volume of trade with developed countries; limited activity of international firms.
- Investors are interested in short-run benefits and have no incentives to create infrastructure or launch projects with long-run benefits due to high risks.
- Unpredictable institutional environment like the Central Bank policy, risk of nationalization or chaos in law system. There are too many regulations in Belarus, e.g., the government controls nearly 80% of products' prices in the basket of goods.
- The reputation of dictatorship.
- Economic instability, inflation and low productivity of labour.
- Belarusian high-skilled labour migrates to more developed countries (see brain gain theory [23]).
- Language barrier with developed countries [13] – person-to-person communication is important in order to exchange tacit knowledge. Thus, education policy towards foreign languages plays an important role in technology diffusion. Keller argued that "for instance, if the share of English

speakers in Spain (at 17%) would rise to the level of the share of English speakers in the Netherlands (at 77%), for Spain this would be equivalent to a 15% boost of technology diffusion from English-speaking countries." Even rates of technology adoption may depend on measures of long-term historical relatedness between populations [22].

- Visa regime with developed countries.

Positive sides of the Belarusian model are partially caused by financial and political support from Russia and the USSR heritage. However, cheap labour is associated with economic problems and low productivity. Economic factors rather distract FDI, developed countries' incentives to trade and limit the activity of international corporations. However, the unique political situation and unsaturated market attract risky investors who believe not the Rule of Law but Belarusian authorities' promises. In fact, such investors have no guarantees, except for some very powerful investors like China, which invested in the China-Belarus Industrial Park.

Besides trivial suggestions "to be more democratic", various actions can be taken. The transformation of the internal system could not start without a fight against corruption, but such actions should be provided step-by-step in order to keep stability of the whole structure. Clear taxation rules, precise law system, more predictable actions of the Central Bank and the government, privatization and investment in human capital as well as the education system reform – these are the improvements that will increase incentives to run business and to innovate.

The diffusion and the absorption of knowledge from more developed countries require the knowledge of international languages. Knowledge has recently become less country specific: with the development of information technologies the distance between an inventor and a learner became less important. Thus, Belarusian authorities can take various actions in cooperation with EU and US. Besides the language problem, Belarus-EU visa free regime can also increase mobility of labour, accelerate the accumulation of human capital (see brain gain theory) and diffusion of knowledge. But all these actions remain superficial without the answer to the main question: can dictatorship be innovative?

Can Dictatorship be Innovative?

Besides the fact that innovation increases productivity and economic development of the country it also influences society. A new paradigm causes a shift in social life and often strong economic and political resistance.

There are many examples like the Russian Empire and the Austro-Hungarian Empire trying to slow down the industrial revolution [1]. Nowadays countries like China, North Korea, or Belarus control access to Internet in order to keep political stability and power.

Belarusian authorities understand that they need innovations in order to make Belarusian economy more competitive. But they do not need innovations which can launch the process of social transformation – new mass media or new political communication channel that authorities cannot control. Can authorities filter innovations? Or even a more important question – can dictatorship be a technological leader in a modern world?

Nowadays dictatorship could not be as effective as democracy due to two main factors: in the long run, risk-aversive investors prefer democratic countries (here we define them as countries with rule of law, strong institute of private property and respect for human rights) due to strong private property institute and lower risks; open democratic countries are better in technological diffusion than closed dictatorships and more successful in absorption due to higher level of physical and human capital. However, the current democratic system is not perfect – even in democratic states the election system is vulnerable for non-optimal voting decision due to emotions or non-professionalism of voters.

The second factor is mainly caused by the first because of the lobbying mechanism and the great influence of investors on a state's external policy. If democratic states are more effective in diffusion because of willingness to cooperate more with states with a similar system, then in the long run dictatorship has no choice and will be transformed into democracy from the inside (by its own rational holders of capital) or from the outside (by more developed countries). In such a way innovation and the investment process can explain the evolution of social systems more generally than Mancur Olson [18], who explained better development of democratic states just by the institute of private property. It should be noted that a strong institute of private property is the basis for innovation activity and innovation activity is a driver of social and economic changes.

Thus, Western sanctions imposed on Russia slowdown the economic growth of the West; however, sanctions are more painful to Russia due to Russia's need of new technologies. Also it is a signal to the holders of capital in Russia to use their lobbying power for political changes. All these actions have a direct influence on Belarus.

Belarusian Nash equilibrium means no chance of peaceful internal changes in the current situation. In this game there are three players:

Belarusian authorities, whose main goal is to stay in power,

Belarusians, who aim at maximizing income, but currently without a willingness to change the regime due to a high cost and risk (source of internal change of regime),

EU, which aims at making Belarus more democratic, but currently without a willingness to do it from the outside because of a high cost and risk (source of external change of regime). EU can also aim at making Belarus more technologically advanced in order to cooperate with it. But in the current situation there is no chance to give new technologies to a dictatorship.

According to the first scenario, Belarusian officials continue the current policy without changes, and Belarus will become less and less competitive on the international arena till the internal or external change of the regime. According to the second scenario, Belarusian authorities will make the state system more democratic and will lose absolute power due to free elections. But the second scenario is blocked by the strong desire to keep the power through thick and thin.

Autarky is not a rational choice for Belarus or Russia even if technology diffusion is more profitable for developed countries than for developing countries: slow development is better than recession. The most remarkable thing in the story of Belarus or Western sanctions against Russia is the fact that ruling authorities actually exchange the future well-being of their own nation for short-run benefits and possibility of being in power today. This article is concluded with Keller's statement – "at this point, the results suggest that the international dimension of technological change is of key importance for most countries. In this situation, a closed-off international economic regime must have detrimental welfare consequences for a country".

Literature

1. Acemoglu, Daron, Simon Johnson, and James A Robinson. "The Colonial Origins Of Comparative Development: An Empirical Investigation." American Economic Review 91.5 (2001): 1369–1401. Web.
2. Akamatsu, Kaname. "A Historical Pattern Of Economic Growth In Developing Countries." The Developing Economies 1 (1962): 3–25. Web.
3. Carr, David L, James R Markusen, and Keith E Maskus. "Estimating The Knowledge-Capital Model Of the Multinational Enterprise." American Economic Review 91.3 (2001): 693–708. Web.
4. Caselli, Francesco. Accounting For Cross-Country Income Differences. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research, 2004. Print.

5. Coe, David T., and Elhanan Helpman. "International R&D Spillovers." European Economic Review 39.5 (1995): 859–887. Web.
6. Cohen, Wesley M., and Daniel A. Levinthal. "Innovation and Learning: The Two Faces of R &Amp; D." The Economic Journal 99.397 (1989): 569. Web.
7. Comin, Diego, Bart Hobijn, and Emilie Rovito. "Technology Usage Lags." Journal of Economic Growth J Econ Growth 13.4 (2008): 237–256. Web.
8. Eaton, Jonathan, and Samuel Kortum. "International Technology Diffusion: Theory And Measurement." International Economic Review 40.3 (1999): 537–570. Web.
9. Evenson, Robert E., and Larry E. Westphal. "Chapter 37: Technological Change and Technology Strategy." Handbook of Development Economics (1995): 2209–2299. Web.
10. Hall, R. E., and C. I. Jones. "Why Do Some Countries Produce So Much More Output Per Worker than Others?" The Quarterly Journal of Economics 114.1 (1999): 83–116. Web.
11. Hippel, Eric Von. "'Sticky Information' and the Locus of Problem Solving: Implications for Innovation." Management Science 40.4 (1994): 429–439. Web.
12. Hsieh, Chang-Tai, and Peter J. Klenow. "Development Accounting." American Economic Journal: Macroeconomics 2.1 (2010): 207–223. Web.
13. Keller, Wolfgang. "International Technology Diffusion." Journal of Economic Literature 42.3 (2004): 752–782. Web.
14. Klenow, Peter J., Andrés Rodríguez-Clare, and Andres Rodriguez-Clare. "The Neoclassical Revival In Growth Economics: Has It Gone Too Far?" NBER Macroeconomics Annual 12 (1997): 73. Web.
15. Leamer, Edward E., and James Levinsohn. "Chapter 26: International Trade Theory: The Evidence." Handbook of International Economics (1995): 1339–1394. Web.
16. Mankiw, N. Gregory, Edmund S. Phelps, and Paul M. Romer. "The Growth Of Nations." Brookings Papers on Economic Activity 1995.1 (1995): 275. Web.
17. National Statistical Committee of The Republic of Belarus, Science and Innovation Activity in the Republic of Belarus, 2014.
18. Olson, Mancur. "Dictatorship, Democracy, and Development." The American Political Science Review 87.3 (1993): 567. Web.
19. Pol, Eduardo, Peter Carroll, and Eduardo Pol. An Introduction to Economics with Emphasis on Innovation. South Melbourne: Thomson, 2006. Print.
20. Robin, Richard, and Michael Polanyi. "Personal Knowledge. Towards a Post-Critical Philosophy." Philosophy and Phenomenological Research 20.3 (1960): 429. Web.
21. Rose-Ackerman, Susan. "The Wealth And Poverty of Nations: Why Some Nations Are So Rich and Some So Poor by David S. Landes." Political Science Quarterly 114.1 (1999): 167–168. Web.
22. Spolaore, Enrico, and Romain Wacziarg. "Long-Term Barriers to the International Diffusion of Innovations." (2011): n. pag. Web.
23. Stark, Oded, Christian Helmenstein, and Alexia Prskawetz. "A Brain Gain with a Brain Drain." Economics Letters 55.2 (1997): 227–234. Web.

Marine Sargsyan
(Armenia/Netherlands)

THE SOUTH CAUCASUS: EAST, WEST; BOTH OR NONE

В статье исследуется проблема геополитического соперничества между Россией и ЕС в регионе Южного Кавказа и общие политические ориентации Армении, Азербайджана и Грузии в контексте программы Восточного партнерства и ее последствий.

Over twenty years have passed since the collapse of the Soviet Union, which urgently underlined the necessity of a new policy and reintegration of Europe by the EU on the one side and reintegration of the former Soviet countries by Russia on the other. However, the former constituent republics, both politically and economically, have been developing in quite diverse ways. Over the past two decades, most former Soviet Republics have in fact been able to develop economic links with the outside world, or have at least included the development of such links in a list of priorities. Meanwhile, they maintain close economic relations with Russia.

After the 1990's the Eastern Partnership countries have become a territory of geopolitical competition between the EU and the Russian Federation. They represent the shared neighbourhood for both Russia and the EU; thus, they turn into a place of a clash of interests. Obviously, the EU is interested in economic development, democratic government and stability among its Eastern neighbour countries, and the European Neighbourhood Policy (ENP), launched in 2003 offers a bilateral and multilateral cooperation means of modernization advancement and legislative reforms. "Multilateralism" has become one of the key elements of the EU's policy. It is the cornerstone of EU external policy, with the aim of achieving global peace, stability and prosperity. In 2003, in order to strengthen its position in the South Caucasus, the EU appointed a Special Representative in the region, with the aim of supporting the resolution of frozen conflicts, bringing stability and encouraging sustainable development. In 2009, the European Union launched its Eastern Partnership Programme as a part of the ENP. However, the tension with Russia has increased after 2009 and especially 2013. Russia actively tries to maintain its influence and position in this post-Soviet space, considering it as its zone of influence.

"Since Vladimir Putin was re-elected to a third term in March 2012, his system has been one of increasing engagement in normative rivalry with the EU in the strategic undefined but shared neighborhood. While the Commonwealth of Independent States never had much integration in the sphere of economics, the Eurasian Customs Union signed in 2007 and the Eurasian Economic Union, started in January 2015, represent more of a strategic challenge for the EU in the post-Soviet neighborhood, as well as a strategic choice for the neighbouring countries" [3, p.1], it is a new attempt to restore the Soviet Empire.

For the European Union, this fragmented landscape is challenging. However, with the Eastern Partnership project (2009) of the EU all six countries were put in the situation of political association and economic integration with the European Union. In the case of the Balkans, almost each country has been seeking eventual EU membership and the EU has been able to help foster regional cooperation as part of the terms for accession. This is unlikely to happen in the EaP where the EU is not the only player and Russia seeks to maintain its influence. "The EU officials warn that the existing Association Agreements with Ukraine, Georgia and Moldova need to be implemented gradually before other prospective changes are brought to the table. In cases of Armenia and Belarus, the EU is now focused on very modest offers of cooperation that fit around the still-evolving rules of the Russian-led Eurasian Economic Union." [2].

All six EaP countries suffer from serious domestic problems. Azerbaijan is an authoritarian state where human rights are violated. Both Belarus and Armenia have external and internal issues and furthermore they are members of the Eurasian Economic Union.

Ukraine is suffering from a powerful oligarchic class and pervasive corruption and the recent political conflict with Russia. The same is true of Moldova, where along with state corruption the country has problems with minorities' rights and judicial independence.

Georgia is in a much better situation, where democracy and human rights are on a higher level. The media and the judiciary are quite independent. At the cost of Abkhazia and South Ossetia, closing the border with Russia after the 2008 August war, Georgia has come closer to the EU by signing an Association Agreement in 2013. In June 2014, the EU and Georgia signed an unprecedented Association Agreement, which includes a Deep and Comprehensive Free Trade Area (AA/DCFTA). The Agreement significantly deepens political and economic ties with the EU in the framework of the Eastern Partnership. The Deep and Comprehensive Free Trade Area is expected to

bring many economic benefits to Georgia by giving firms access to the EU's single market – the world's largest. This will create business opportunities, bring better goods and services, and boost competitiveness. The EU will work with the Georgian Government and business to carry out reforms and help upgrade goods and industries to the necessary standards.

The EU continues to support Georgia's efforts to overcome the consequences of internal conflicts in Georgia's breakaway regions of Abkhazia and South Ossetia dating back to the early 1990s as well as to stabilize the situation following the outbreak of hostilities in August 2008. It remains firmly committed to its policy of non-recognition and engagement, thus supporting Georgia's territorial integrity within its internationally-recognized borders as well as engagement with the regions of Abkhazia and South Ossetia in support of longer-term conflict resolution. However, Russia's military presence in Abkhazia and South Ossetia is the most serious threat to Georgia's sovereignty.

Taking into account security issues and the unsolved conflict in Nagorno Karabakh, Armenia joined the Russian-led Eurasian Economic Union in January 2015. "Russia is Armenia's largest trade partner and accounts for over half of its foreign investment, which is only expected to grow. The vulnerability in this relationship, however, is that Georgia stands in the way of the two countries, and 70% of Armenian imports and exports go through it." [4]. Nonetheless, despite the September 2013 decision not to initiate the negotiated Association Agreement with the EU, including a Deep and Comprehensive Free Trade Area (AA/DCFTA), the EU and Armenia have recently successfully completed their joint scoping exercise for a future legal agreement compatible with Armenia's new international obligations. This will enable both parties to launch negotiations on a new EU-Armenia overarching agreement soon. In 2014, the EU-Armenia Visa Facilitation and Readmission Agreements came into force and the agreement allowing Armenia to participate in EU programmes and agencies came into force in March 2015.

The political orientation of the energetic-resource rich Azerbaijan is dually balanced; it is not engaged in any legally-binding economic integration project. Brussels and Baku have different views on their contents. Azerbaijan focuses on energy cooperation while the EU wants a stronger emphasis on democracy and human rights. In 2006, the EU and Azerbaijan signed a Memorandum of Understanding in the field of energy. This was a crucial step in strengthening the EU's energy relations with Azerbaijan, while also helping the country to reform and modernize its domestic energy sector. In 2010, the EU and Azerbaijan began negotiations on an Association Agreement, but

their foreign policy priority is the Nagorno Karabakh conflict, where their expectations have not been fulfilled. The continuing military standoff around Nagorno-Karabakh is a challenge to the national security of both Armenia and Azerbaijan, especially as Moscow plays both sides, maintaining a military base in Yerevan but also selling Baku billions of dollars worth of weapons. However, since 2003, the EU Special Representative for the Southern Caucasus and the Crisis in Georgia has been working to:

- Facilitate dialogue between the EU and the countries of the region
- Assist the EU in developing a comprehensive policy towards the countries of the region, and
- Support existing conflict prevention and peace-settlement mechanisms.

Azerbaijan and Belarus are the countries least interested in the cooperation mechanisms of the Eastern Partnership. As it has been mentioned, the former has the potential and the resources to implement the necessary reforms, but at the moment it lacks the necessary political will. The situation with Belarus is more complicated, as it has the least progress and cooperation with the EU. Besides, Belarus has poor achievements because of the country's problems with democracy, human rights and fundamental freedoms. "Belarus continues limited participation in the Eastern Partnership, for example, in January 2014, the EU and Belarus launched official negotiations on visa facilitation and readmission agreements." [1, p. 42]. Nonetheless, the European Union is ready to work with Armenia, Azerbaijan and Belarus, assisting in the democratization process, civil society and NGOs. Thereby, the current process of connecting Armenia, Azerbaijan and Belarus with European institutions and actors requires more knowledge and background information in order to come to a differentiated assessment.

Today's reality is that the estrangement between the Russians and the Europeans is growing. Some 25 years after the fall of the Berlin Wall and 70 years after the end of World War II, the world is again facing a Cold War risk.

In the age of global political change, integration between the EU and the Eastern Partnership countries has become a field of interest, geopolitically, due to the fact that this is a space wherein the interests of Russia and EU clash. All in all, both the EU and Russia are trying to bring the neighbouring countries into their orbit; however, the policies and means used by Brussels and Moscow to achieve this goal differ greatly. Such a complex reality highlights the existence of two competing approaches to the reshaping of the region, which prolongs the cycle of instability but does not resolve security problems that could potentially spill over into Russia and the EU over time.

Economics and politics of the Eastern Partnership countries are in many ways determined by their relationship with Russia and vice versa. This means that the Russian factor remains considerable in the foreign policy strategies of the former Soviet Union nations. As a consequence, they see constant co-operation with Russia as the best solution, though they also develop relations with the EU, both bilaterally and multilaterally.

The EU appeared in its Eastern neighbourhood only after the collapse of the Soviet Union. Thus, political and economic relationship of Russia with each EaP country still exists; in some cases there is still a big political influence of Russia. As for Georgia and Ukraine, they are more pro-Western countries; Azerbaijan due to its energy resources and oil has a luxury to be neutral, while Armenia and Belarus pursue a Russia-oriented policy. Though these two powers have tried to establish a mutually beneficial strategic partnership, nevertheless, because of the EU's dependence on gas supplies from Russia and the issues of safe and secure transportation of energy from the Caspian basin to Europe through the Black Sea, recent political developments have created tensions between the East and the West. Russia's strategic response to the EU's Eastern Partnership Policy and its closer relations with the EaP countries through the Deep and Comprehensive Free Trade Area was the Eurasian Customs Union initiative as well as the political crisis in Eastern Ukraine. The situation in Ukraine has become an issue in relations not only between Ukraine, Russia and the EU, but also the USA. On their part, the EU and U.S. try to find a solution for the Ukrainian crisis, yet the only achievement is the ceasefire in Eastern Ukraine. The conflict between Russia and Ukraine is putting Europe's energy security at risk. Europe is highly dependent on Russia's natural gas, and past disputes between Russia and Ukraine left Europeans in the cold. For this reason, the European Union is launching an ambitious solution for its energy woes – an energy Union. The big question is whether Brussels can convince its member states to cut old ties with Moscow for good.

The EU, Russia and the Eastern Partnership countries are entering a period that is likely to bring even greater change than they have seen in the past twenty years. The solution of the problem of reshaping the security issues of the Eastern Partnership countries requires sustained commitment on the part of both Russian and European leaders. In recent years, the EaP has become the "paw" of geopolitical games. It became a powerful instrument of the EU foreign policy, largely due to the positive expectations it created in Ukraine, Moldova and Georgia. However, the reality is that the EU has to deal with Russia's reaction to the EaP project. There are urgent demands for

innovative models of cooperation for new problems lurking on the horizon. The greatest challenge Russia and the EU should encounter in their shared neighbourhood would be designing and implementing a peace plan for the Eastern Partnership countries.

Last but not least, I would like to conclude the paper with the words of the Latvian Minister of Foreign Affairs, who said "Neither the European Union nor Russia can make decisions for other countries", and I completely agree with this. Each of these six states first and foremost must take into consideration the well-being of their own nations: what is good for their people, what is good for their country, how to solve internal issues such as corruption, lack of democracy and human rights, unemployment, migration, brain drain, poverty, etc.. By solving internal problems, having political and economical stability, building up good relations with neighbouring countries, launching regional cooperation they can succeed in their foreign policy. It is again up to them whether to join the European Union or the Eurasian Economic Union, but the ideal option will be a balanced policy with both. On their part, these Unions must also be interested in peace and development of their shared neighbourhood putting an end to the "fight" for their influence.

Literature

1. Cepuritis M., Six years of Eastern Partnership: Latvian Perspective. Latvian Interest in the European Union: Eastern Partnership: On the Way to the Riga Summit, Special edition 2015/1.
2. De Waal T., Youngs R., Reforms as Resilience: An Agenda for the Eastern Pertnership, May 2015 http://carnegieendowment.org/2015/05/01/reform-as-resilience-agenda-for-eastern-partnership/i8k4
3. Kempe I., The South Caucasus between the EU and the Eurasian Union, CAUCASUS ANALYTICAL DIGEST No. 51-52, 17 June 2013.
4. Korybko A., The Coming EU-Eurasian Union Crisis In The Caucasus, "Oriental Review" Open Dialogue Research Journal, Jan. 12, 2015 [See also http://orientalreview.org/2015/01/12/the-coming-eu-eurasian-union-crisis-in-the-caucasus/ accessed 19.05.2015]

Павел Жирмонт
(Беларусь/Литва)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПУБЛИЧНОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ ЛИТОВСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

The article deals with the question of how the institution of public administration was formed in the Republic of Lithuania prior to its official accession to the European Union. The process of the formation of the above-mentioned institution can be divided into two periods: from 1990 to 1995, which is associated with the proclamation of the independence of the Republic of Lithuania, and from 1995 to 2004, which is described in the context of the "union acquis" procedure and negotiations between the country and the European Commission. This division serves the purpose to understand the character of the conducted reforms that led to the formation of the modern concept of Lithuanian public administration in the light of its temporary narrative.

Понятие публичного администрирования трактуется в соответствии с Законом Литовской Республики от 17 июня 1999 г. «О публичном администрировании» и определяется как регламентируемая законами и другими правовыми актами деятельность субъектов публичного администрирования, направленная на осуществление законов и других нормативных правовых актов посредством принятия административных решений, предоставления установленных законами административных услуг, администрирования предоставления публичных услуг и осуществления внутреннего администрирования субъекта публичного администрирования [6].

Реформы в Литовской Республике до 1995 г.

Исходным пунктом трансформации публичного администрирования является акт о провозглашении независимости Литвы от 11 марта 1990 г., в рамках которого были предусмотрены положения относительно полномочий депутатов Верховного Совета Литовской ССР и, в частности, подчеркнуто, что избиратели Литвы путем предоставления избранным депутатам статуса уполномоченных народом лиц обязали

их восстановить независимое литовское государство. Большинство положений содержало пункты о реформировании административного аппарата, предусматривая исключительное подчинение органов управления, находящихся на территории государства, только Литовской Республике и тем самым создавая независимый бюрократический механизм для укрепления независимости и реформирования системы публичного администрирования [3].

Другим важным моментом в становлении публичного администрирования стало принятие Конституции Литовской Республики 25 октября 1992 г. Именно Основной Закон был призван положить начало всем остальным изменениям в различных сферах государственной деятельности, тем самым играя первостепенную роль в становлении «европейской» Литвы. В рамках рассматриваемой темы обратим внимание лишь на релевантные положения в контексте анализа реформирования публичного администрирования.

Так, уже первая статья Конституции гласит о том, что Литовская Республика является независимым и демократическим государством. Более того, вся первая глава этого документа посвящена декларации общепризнанных демократических принципов независимости. В частности, Конституция устанавливает, что никто не может ущемлять и оспаривать независимость данного государства, суверенитет которого происходит от самого народа. Предусматриваются прямые или косвенные демократические выборы, через которые народ будет осуществлять верховную власть в государстве.

Глава 2 Конституции полностью посвящена правам человека, закрепляя на государственном уровне большинство положений Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Здесь следует обратить внимание на закрепление формального равенства граждан перед судом и законом, права избирать и быть избранным, а также конституционное закрепление процедуры habeas corpus [4, ст. 18–37].

Главы 3, 4 закрепляют положения относительно семьи, культуры, образования, труда и собственности граждан Литовской Республики. Применительно к нашей теме важным является запрет на цензуру средств массовой информации, провозглашение равноправия национальных меньшинств, положение о том, что хозяйство Литвы основывается на праве частной собственности, на личной свободе хозяйственной деятельности и личной инициативе. Гражданам гарантируется право социальной защиты и запрет на принудительный труд [4, ст. 44–54].

Главы 5–12 учреждают и регулируют государственные институты, такие как сейм, президент, правительство, Конституционный суд и суды общей юрисдикции, местное управление и самоуправление, финансовые институты, государственный контроль. Очевиден демократический характер данных институтов, который прежде всего выражается в процедуре их формирования. Так, сейм формируется на основании всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании. Таков же принцип и избрания президента республики. Процедура формирования правительства осуществляется следующим образом: премьер-министр с одобрения сейма назначается и освобождается президентом республики. Министры по представлению премьер-министра назначаются и освобождаются президентом. Премьер-министр не позднее чем в течение 15 дней с момента его назначения представляет сейму сформированное им и утвержденное президентом республики правительство и вносит на рассмотрение программу правительства. Более того, положения упомянутых глав учреждают принцип разделения властей, а также принцип сдержек и противовесов, выражающийся в контроле одного государственного органа другим [4, ст. 55–134].

Глава 14 устанавливает порядок изменения и внесения поправок в Конституцию. Так, изменения могут быть предложены на основании референдума (300 000 граждан) или сеймом (1/4 общего числа членов). Не допускается при этом изменение Конституции во время чрезвычайного или военного положения. Специальный режим предусмотрен для глав 1 и 14 Конституции: они могут быть изменены только путем референдума, а ст. 1 главы 1 – только путем референдума от 3/4 граждан Литвы. По конституционным поправкам голосование должно проводиться в сейме дважды. Между этими голосованиями должен быть не менее чем трехмесячный перерыв. Проект закона об изменении Конституции считается принятым сеймом, если при каждом голосовании за него проголосовало не менее чем 2/3 от общего числа членов сейма [4, ст. 147–154].

«От Копенгагена до Копенгагена»

Выражение «от Копенгагена до Копенгагена» описывает временной период с 1993 по 2004 г., т.е. от выработки копенгагенских критериев до самого большого расширения за историю Европейского Союза, включившего и Литовскую Республику [2: 401].

Так, в 1995 г. был подписан договор об ассоциации между Литовской Республикой и Европейским Союзом, после чего Литва стала входить в число претендентов на вступление в Союз вместе с Кипром, Чехией, Эстонией, Венгрией, Латвией, Мальтой, Польшей, Словакией и Словенией. Сам же процесс подготовленности стран определялся на основании ежегодных докладов Европейской комиссии по степени выполнения копенгагенских критериев. Комиссия на основании таких докладов в 1997 г. рассмотрела предложение о разделении стран-претендентов на две группы: те, которые будут непосредственно приглашены к переговорам, и те, кому, по мнению комиссаров, еще необходимо время для реализации упомянутых критериев. Литва была переведена в список стран второй группы, хоть и признавалось выполнение политического критерия, выражающегося в демократизации государства, признании принципа верховенства права и общего уважения фундаментальных прав человека [1: 48–51].

К 1999 г. был отмечен значительный прогресс в реформировании законодательства Литовской Республики в сфере государственного регулирования закупок, права интеллектуальной собственности, изменений в политике мобильности. Более того, указывалось на рост стабильности экономики Литвы во внешних отношениях и развитии новых торговых и дипломатических отношений. Также заострялось внимание на том, что Литва начала процесс принятия и имплементации стандартов ЕС относительно транспорта и экологии в рамках национального законодательства еще до непосредственного начала процедуры «union acquis» в рамках переговоров [1: 48–51]. В итоге началось непосредственное обсуждение вступления Литовской Республики в Европейский Союз [1: 48–51].

После начала непосредственных переговоров о вступлении в ЕС усилился контроль за осуществлением процедуры «acquis». Так, в рамках оценки упомянутого процесса к 2002 г. был зафиксирован значительный прогресс по 28 главам переговоров. В рамках свободного передвижения товаров было отмечено значительное реформирование законодательства в сторону требований Европейской комиссии. Тем не менее оставались нерешенные вопросы в области контроля внутреннего рынка и некоторые нарекания, связанные с пищевой промышленностью. Относительно свободы передвижения трудовых ресурсов также наметился прогресс, однако акцентировалась дальнейшая необходимость реформ в области административного контроля и обеспечения этого процесса, что также касалось и свободы предоставле-

ния услуг. Выдвигались требования по развитию платежных систем и контролю за «отмыванием» денег в рамках свободного передвижения капиталов [6: 133, 138].

Было указано на важность улучшения законодательства в области интеллектуального и промышленного права собственности, а также относительно вопросов интеллектуального пиратства и подделки продукции разного рода. Отмечался значительный прогресс в области конкурентного права с необходимостью дальнейшего усиления этой отрасли [6: 133–134, 138]. Не было выявлено недочетов относительно проводимой налоговой политики, однако подчеркивалась необходимость дальнейшей акцепции законодательства в рамках таможенного союза, особенно относительно административного контроля и исполнения соответствующих норм [6: 134, 139]. Важное требование – дальнейшее развитие законодательства в сфере агрокультуры и рыболовства, где акцентировалось наличие серьезных пробелов, в частности, применительно к рыболовству, включая отсутствие непосредственной систематической регуляции последнего органами административного контроля [6: 134, 139]. Отсутствовали критические замечания касательно транспортной и энергетической политики, хотя и выдвигались прямые рекомендации по дальнейшему развитию законодательства в этой области. Также был отмечен прогресс в социальной сфере (особенно принятие Трудового кодекса) и экологии, хотя последняя и требовала дальнейшего реформирования [6: 134, 139]. В области телекоммуникаций была выделена необходимость полной либерализации, в сфере правосудия и внутренних дел – необходимость большего контроля за «отмыванием» денег, защитой данных, контролем за государственными границами, а также реформацией законодательства относительно контроля и искоренения коррупции [6: 135, 140].

В целом все же была отмечена недостаточная общая развитость системы административных функций контроля и исполнения во всех вышеперечисленных отраслях, подчеркнута хрупкость и нестабильность такой системы [6: 135–136, 140–141].

Как уже упоминалось ранее, на момент 2002 г. переговоры были закрыты по 28 из 31 пункта процедуры «acquis communautaire». В дальнейшем обсуждении нуждались вопросы рыболовства, статистики, экологии и окружающей среды. Было также признано, что, по мнению Европейской комиссии, Литва, рассматривая процесс акцепции в контексте текущих тенденций, вскоре будет готова к принятию всех обязательств Европейского Союза, выражая положительные и прогрессив-

ные тенденции принятия и имплементации стандартов ЕС на уровне национального законодательства [6: 142–143].

На момент издания финального заключения в 2003 г. отмечалось, что был достигнут прогресс по большинству вопросов, поставленных в предыдущем аналитическом отчете, однако выделялись сферы, как старые, так и новые, в которых все еще было необходимо провести законодательные реформы. К таковым относилась фискальная политика в контексте реструктурирования этой сферы с учетом обязательств, которые могут возникнуть в случае вступлении Литвы в Союз. Также акцентировалось внимание на необходимости решения проблем в сфере трудоустройства и социальной защиты населения (недостаточный уровень социальной защиты граждан). Выделялась необходимость скорейшего завершения реформ судебных и административных функций. Особенно отмечалась потребность в специальной подготовке государственных служащих в рамках стандартов ЕС в свете расширения выполняемых функций и требований к качеству их выполнения в случае вступления Литовской Республики в Союз [5: 54–55].

При этом были выделены две сферы, которые вызывали особые опасения у Комиссии: сфера свободного передвижения лиц в контексте взаимного признания рабочих и трудовых квалификаций, образования, а также сфера рыболовства в вопросах контроля за рыболовными судами [5: 55].

Так или иначе, этот отчет признавал факт, что Литва достигла поставленных критериев по большинству пунктов переговоров «acquis communautaire». И хотя некоторые частные вопросы государственных функций и контроля все еще нуждались в дальнейшем законодательном реформировании, эти недочеты могли быть более эффективно решены уже в составе Европейского Союза. В итоге с 1 мая 2004 г. Литовская Республика официально стала членом Европейского Союза [5: 3–4].

Таким образом, рассматривая процесс трансформации публичного администрирования Литовской Республики, можно выделить два периода его развития и изменения: с 1990 по 1995 г. – реформы, проведение которых было вызвано провозглашением независимости Литвы; с 1995 по 2004 г. – непосредственное сотрудничество Литовской Республики и Европейского Союза в рамках процедуры «acquis communautaire».

Литература

1. Баторшина, И.А. Литва в контексте Евроинтеграционных процессов: от Люксембурга до Хельсинки // Вестник БФУ им. И. Канта. 2009. № 12.
2. Буторина, О.В. Европейская интеграция: учебник. М.: Деловая литература, 2011. 720 с.
3. Восстановление независимости в 1990–1991 гг. Обзор оцифрованных документов: исторический контекст и источники. [Онлайн.] [Просмотрено 19.12.2014.] Доступ в интернете: <http://www.valstybingumas.lt/RU/saltiniu-apzvalga/Nepriklausomybes-atkurimas-1990-1991/Pages/default.aspx>.
4. Конституция Литовской Республики. Принята 25.10.1992, вступила в силу 02.11.1992. [Онлайн.] [Просмотрено 19.12.2014.] Доступ в интернете: <http://www3.lrs.lt/home/Konstitucija/Konstitucija_RU.htm>.
5. EU Commission, Comprehensive monitoring report on Lithuania's preparation for membership 2003. SEC (2003) 1204, 5.11.2003. [Онлайн.] [Просмотрено 20.12.2014.] Доступ в интернете: <http://ec.europa.eu/enlargement/archives/pdf/key_documents/2003/cmr_lt_final_en.pdf>.
6. EU Commission, Regular Report on Lithuania's Progress towards Accession, 2002. Brussels, 9.10.2002. SEC(2002) 1406. [Онлайн.] [Просмотрено 20.12.2014.] Доступ в интернете: <http://ec.europa.eu/enlargement/archives/pdf/key_documents/2002/lt_en.pdf>.
7. Lietuvos Respublikos Viešojo Administravimo Įstatymas. 1999 m. birželio 17 d. Nr. VIII-1234, Vilnius. [Онлайн.] [Просмотрено 23.12.2014.] Доступ в интернете: <http://www3.lrs.lt/pls/inter3/dokpaieska.showdoc_l?p_id=390913>.

Дмитрий Строк
(Беларусь)

МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ И СОПОСТАВЛЕНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИНДИКАТОРОВ УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

The author considers sociological methods of research of the living standards of the population. The basic sociological methods of research of living standards used in research activities of the Russian Public Opinion Research Center (VTsIOM), the Federal State Statistic Service of the Russian Federation, the Levada-Center, the Institute of Sociology of NAS of Belarus, as well as specific sociological indicators and calculation indexes of living standards, which can be used for international comparisons and for comparison with the statistical indicators of living standards are listed. The author also gives some examples of comparison of statistical and sociological indicators of living standards and analyzes them.

Уровень жизни населения – это обеспеченность населения необходимыми для жизни материальными и духовными благами, степень удовлетворения физиологических, социальных и духовных потребностей людей. Г.Н. Соколова и Н.Н. Сечко рассматривают уровень жизни как социально-экономическую категорию, выражающую «обеспеченность населения потребительскими благами, которые характеризуются количественными показателями, абстрагированными от их качественных значений» [3: 32].

В узком смысле уровень жизни выражается через характеристику уровня потребления населения и степени удовлетворения потребностей (измерение доходов, расходов и потребления населением благ и услуг). В широком понимании уровень жизни определяется как характеристика уровня человеческого развития (состояние здоровья и возможности населения для удовлетворения потребностей) и условий жизнедеятельности населения (состояние среды обитания и безопасности населения). Уровень жизни в данном аспекте рассматривается как совокупность социально-экономических условий жизнедеятельности, направленных на удовлетворение материальных и духовных потребностей населения.

Существуют различные методики измерения уровня жизни населения. На сегодняшний день доминируют статистические методики подобного измерения по ряду базовых показателей. Однако все чаще начинают использоваться социологические методики изучения уровня жизни, так как официальные статистические показатели (индикаторы) дают обобщенные и усредненные по стране или региону данные, не позволяющие учесть в полной мере субъективные оценки уровня жизни населением. Это актуализирует вопрос корректного выбора и применения той или иной социологической методики исследования уровня жизни. В данной работе приведен обзор основных применяемых на практике социологических методик измерения уровня жизни населения.

Методики изучения уровня жизни населения, применяемые Всероссийским центром изучения общественного мнения. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) проводит ежемесячные построения индексов социального самочувствия. Эмпирической базой для расчета индексов, лежащих в основе динамических рядов, служат данные ежемесячных экспресс-опросов, проводимых ВЦИОМ по репрезентативной общероссийской выборке (с учетом квот по полу, возрасту, образованию и территориальному районированию Росстата) в 42 областях, краях и республиках России, в 130 населенных пунктах (количество респондентов – 1600 человек). Для анализа и визуализации полученных в ходе исследований динамических рядов данных используется метод построения индексов как частного, так и комплексного характера. Частные индексы по каждому из рассматриваемых индикаторов рассчитываются как разница суммы положительных и средних оценок и суммы отрицательных оценок: $J_{ч} = S_{\text{положительных и средних оценок}} - S_{\text{отрицательных оценок}}$.

В исследовательской и аналитической практике различных центров, занимающихся изучением общественного мнения, используются различные методические подходы к расчету индексов. Основной мотив построения данной модели состоит в выявлении соотношения позитивных и негативных настроений в обществе. Возможность получения при этом (в случае преобладания негативных настроений над позитивными) отрицательных величин позволяет зафиксировать некие «критические точки» в общественном мнении, а главное – в реальном положении дел. При визуализации полученных результатов приближенность или, напротив, удаленность графических изображений индексов от оси *OX*, фиксирующей состояние паритета позитивных и негатив-

ных настроений, как раз и отражает наличие (отсутствие) «критических точек».

Индексы рассчитываются как разница положительных и отрицательных оценок. Чем выше значение индексов, тем больше респонденты удовлетворены данным показателем. Значения индексов могут колебаться в диапазоне от –100 до 100 пунктов. Положительное значение индексов свидетельствует о том, что хорошие оценки доминируют над плохими, нулевое значение фиксирует баланс хороших и плохих оценок. Применяются следующие ***обобщающие индексы***:

1. Индекс удовлетворенности жизнью.
2. Индекс социального оптимизма.
3. Индекс самооценок материального положения.
4. Индекс оценок экономической ситуации.
5. Индекс оценок политической обстановки.
6. Индекс оценок общего вектора развития страны.

Методики изучения уровня жизни населения, применяемые Федеральной службой государственной статистики Российской Федерации. Регулярные опросы относительно материального положения и потребительского поведения населения в России проводятся Федеральной службой государственной статистики Российской Федерации (Росстат) с 1998 г. Для расчетов частных и обобщающих индексов мнения потребителей используется методика, применяемая для определения показателей, публикуемых Европейской комиссией, а также методика, разработанная в Институте социальных исследований Мичиганского университета (США). Отличие от этих методик состоит в перечне вопросов опросного листа, используемых для определения обобщающих индексов, в применении в ходе проведения расчетов различных алгоритмов взвешивания вариантов ответов респондентов, а также в количественных границах изменения получаемых индексов. Объект исследования – население России в возрасте 16 лет и старше. Исследование потребительских ожиданий населения организуется ежеквартально в 88 субъектах Российской Федерации.

Частные индексы предназначены для изучения и оценки мнения населения по отдельным социально-экономическим аспектам общественной жизни:

1. Экономическая ситуация России (произошедшие изменения, текущее состояние, ожидаемые изменения на краткосрочную и долгосрочную перспективы).

2. Текущее состояние экономического положения территории (например, социально-экономическое развитие населенных пунктов).

3. Ожидаемое изменение цен.

4. Ожидаемое изменение количества безработных.

5. Личное материальное положение (текущее состояние, произошедшие и ожидаемые изменения).

6. Условия для крупных покупок и формирования сбережений.

Частные индексы рассчитываются по относительным показателям распределения ответов респондентов на вопросы опросного листа. В расчетах используется разница между процентом положительных ответов и процентом отрицательных ответов. Используются следующие ***обобщающие индексы***:

1. Индекс уверенности потребителя.

2. Индекс потребительских настроений.

3. Индекс текущего состояния рынка.

4. Индекс экономических ожиданий.

Методики изучения уровня жизни населения, применяемые Левада-центром. В настоящее время в Левада-центре проводятся исследования общественного мнения по широкому кругу вопросов. В том числе индекс потребительских настроений рассчитывается на основе ответов респондентов на пять вопросов:

1. Как изменилось материальное положение вашей семьи за последний год (скорее улучшилось; осталось без изменения; скорее ухудшилось)?

2. Как, по-вашему, изменится материальное положение вашей семьи в ближайший год (скорее улучшится; останется без изменения; скорее ухудшится)?

3. Если говорить об экономических условиях в стране в целом, как вы считаете, следующие 12 месяцев будут для экономики страны хорошим временем или плохим (хорошим; хорошим, но не во всем; не хорошим, но и не плохим; плохим, но не во всем; плохим)?

4. Если говорить о следующих пяти годах, то они будут для экономики страны хорошим или плохим временем (хорошим; не хорошим, но и не плохим; плохим)?

5. Если говорить о крупных покупках для дома, то, как вы считаете, сейчас в целом хорошее или плохое время для того, чтобы делать такие покупки (хорошее; не хорошее, но и не плохое; плохое)?

Респонденты в домохозяйстве отбираются по методу «ближайшего дня рождения» с контролем половозрастных и полообразовательных

квот. Исследование проводится на дому у респондента методом личного интервью.

Следует обратить внимание на следующее обстоятельство: в данной работе приведены методики измерения уровня жизни через индексы, так или иначе связанные с потреблением (индекс потребительских настроений и т.д.). По мнению И.Я. Бирмана, следует замерять уровень жизни через категорию личного потребления (а в статистике – через показатель конечного потребления домашних хозяйств). «Поскольку измерить сам уровень жизни не удается, количественно показатели личного потребления и должны его характеризовать» [2: 37].

В рамках социологического подхода наиболее разработанной представляется методика измерения уровня жизни населения Л.А. Беляевой. В соответствии с подходом Л.А. Беляевой уровень жизни определяется условиями существования человека в сфере потребления и измеряется через социально-экономические показатели общего благосостояния людей. Показатели могут операционализироваться как через систему статистических показателей, так и через субъективные оценочные суждения. Л.А. Беляева предлагает замерять уровень жизни также через субъективные индикаторы (табл. 1).

Таблица 1. **Субъективные показатели уровня жизни населения [1: 37]**

Компоненты	Частные индексы
Уровень жизни	1. Индекс материального уровня жизни
	2. Индекс удовлетворенности жильем
	3. Индекс доступности медицинской помощи
	4. Индекс доступности образования
Общий индекс уровня жизни: среднее арифметическое четырех частных индексов	

Таким образом, социологические методики уровня жизни населения многоплановы. Если ВЦИОМ оценивает уровень жизни путем выделения шести индексных показателей, из которых только два непосредственно связаны с экономическим развитием страны и материальным положением населения (индекс самооценок материального положения и индекс оценок экономической ситуации), то индексы Росстата в первую очередь замеряют потребительские настроения, а

Левада-центра – уровень экономических ожиданий. Однако наиболее обоснованной представляется методика, предложенная Л.А. Беляевой.

При замере субъективных показателей уровня жизни населения ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси» использует в том числе и методику Беляевой. Индекс материального уровня жизни замеряется через вопрос: «Как вы оцениваете ваше (вашей семьи) материальное положение?» (хорошее, скорее хорошее, среднее, скорее плохое, плохое, затрудняюсь ответить) и по формуле: индекс = «хорошее, скорее хорошее» + «среднее» – «скорее плохое, плохое». Индекс удовлетворенности жильем замеряется через вопрос: «В какой степени вы удовлетворены своими жилищными условиями?» (полностью удовлетворен, скорее удовлетворен, скорее не удовлетворен, полностью не удовлетворен, затрудняюсь ответить) и по формуле: индекс = «полностью удовлетворен, скорее удовлетворен» – «скорее не удовлетворен, полностью не удовлетворен». Индекс доступности медицинской помощи замеряется через вопрос: «Хватает ли у вас денежных средств на оплату лечения, медикаментов? (да, хватает; нет, не хватает; я не трачу на это денег; у меня никогда не хватит на это денег) и по формуле: индекс = «да, хватает» – «нет, не хватает» – «у меня никогда не хватит на это денег». Индекс доступности образования замеряется через вопрос: «Хватает ли у вас денежных средств на платное образование (профессиональное обучение) ваше, детей?» (да, хватает; нет, не хватает; я не трачу на это денег; у меня никогда не хватит на это денег) и по формуле: индекс = «да, хватает» – «нет, не хватает» – «у меня никогда не хватит на это денег».

Остается нераскрытым вопрос о взаимосвязи статистических и социологических индикаторов уровня жизни населения. Несоответствие уровней этих индикаторов может говорить в том числе о необходимости корректировки государственной социально-экономической политики. Представляется необходимым сопоставить некоторые показатели.

Сопоставление № 1. Среднемесячная заработная плата (Национальный статистический комитет РБ), пересчитанная по среднемесячному курсу доллара США, и индекс материального положения семей (ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси»). Падение субъективных оценок при кризисе 2011 г. оказалось более существенным, нежели падение среднемесячной заработной платы. Рост субъективных оценок в 2012–2013 гг. отстает от роста статистического показателя заработной платы (рис. 1).

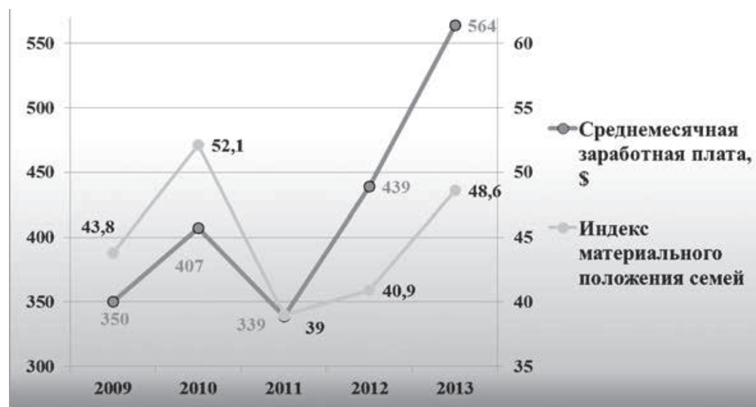

Рис. 1. Сопоставление среднемесячной заработной платы и индекса материального положения семей (источник: собственная разработка на основе данных Национального статистического комитета Республики Беларусь [5])

Сопоставление № 2. Темпы роста реальных располагаемых денежных доходов населения (Национальный статистический комитет РБ) и индекс материального положения семей (ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси») (рис. 2).

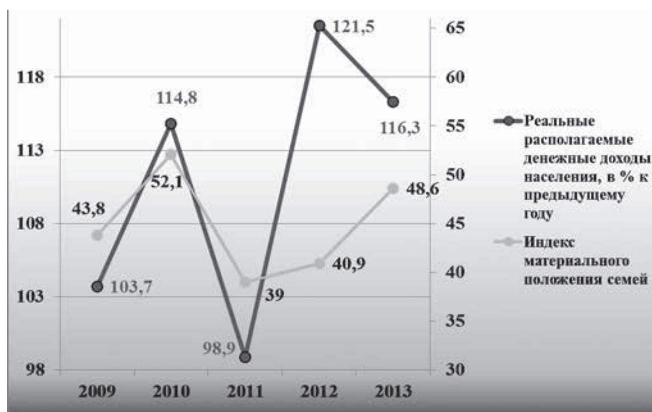

Рис. 2. Сопоставление темпов роста реальных располагаемых денежных доходов населения и индекса материального положения семей (источник: собственная разработка на основе данных Национального статистического комитета Республики Беларусь [5])

Рост реальных располагаемых денежных доходов населения в 2010 г. значительно опережает рост субъективных оценок. 2011 год на графике представлен более сильным падением темпов роста денежных доходов по сравнению с субъективными оценками. Однако следует понимать, что речь идет не столько о ***падении уровня*** реальных располагаемых денежных доходов (которые упали в 2011 г. по сравнению с 2010 г. только на 1,1 процентных пункта), сколько об ***уменьшении темпов роста*** доходов до отрицательного значения. Здесь опять же мы видим достаточно сильное падение субъективных оценок при падении уровня доходов только на 1,1 п.п. Серьезное увеличение темпов роста реальных располагаемых денежных доходов населения в 2012–2013 гг., опять же, не привело к соответствующему улучшению субъективных оценок.

Сопоставление № 3. Среднемесячная заработная плата (Национальный статистический комитет РБ), пересчитанная по среднемесячному курсу доллара США, и индекс материального положения (НИСЭПИ). Индекс материального положения НИСЭПИ замеряется по вопросу «Как изменилось ваше личное материальное положение за последние три месяца?» и формуле: индекс = «улучшилось» – «ухудшилось» (рис. 3).

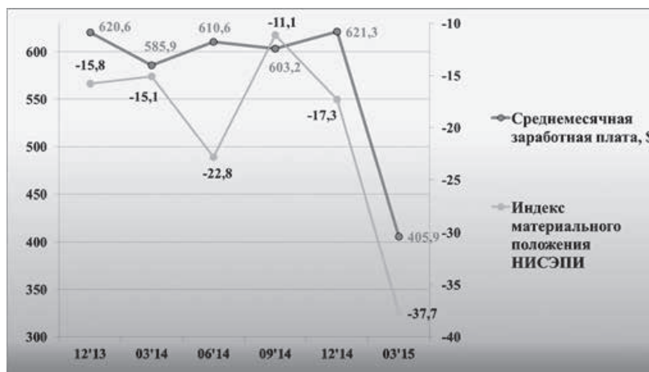

*Рис. 3***.** Сопоставление среднемесячной заработной платы и индекса материального положения НИСЭПИ (источник: собственная разработка на основе данных Национального статистического комитета Республики Беларусь [5] и НИСЭПИ [4])

Падение субъективной оценки материального положения в июне 2014 г. вполне объяснимо сезонным фактором. Интереснее другой

факт: на момент кризиса декабря 2014 г. средняя зарплата еще росла даже в долларах США (рубль был девальвирован в январе, в декабре действовал так называемый «валютный сбор»), но падение субъективных оценок уже произошло. Из представленного графика заметно, что к марту 2015 г. ухудшение субъективной оценки было сильнее реального падения средней зарплаты (*необходимо учитывать условность подобных сопоставлений принципиально различных единиц измерения – долларов США и единиц индексов*). Таким образом, на основании полученных данных представляется обоснованным говорить о проблеме: при росте статистических показателей субъективные оценки не демонстрируют соответствующего роста. При ухудшении статистических показателей субъективные оценки ухудшаются еще быстрее.

В целом социологические методики изучения уровня жизни населения многоплановы. На сегодняшний день социологические методики изучения уровня жизни начинают использоваться все чаще, так как официальные статистические показатели дают обобщенные и усредненные по стране или региону данные, не позволяющие учесть в полной мере субъективные оценки замеряемого уровня жизни населением. На данный момент наиболее комплексными представляются методики ВЦИОМ и Л.А. Беляевой.

Литература

1. Беляева, Л.А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 33–42.
2. Бирман, И.Я. Уровень жизни: проблемы измерения // Экономическая наука современной России. 2000. № 2. С. 35–52.
3. Соколова, Г.Н., Сечко, Н.Н. Качество жизни населения Беларуси в контексте финансово-экономического кризиса // Социологические исследования. 2013. № 5. С. 31–40.
4. Два взгляда на экономический кризис: пресс-релиз НИСЭПИ // Сайт Независимого института социально-экономических и политических исследований. [Электронный ресурс.]. Минск, 2015. Режим доступа: http://iiseps.org/analitica/822/. Дата доступа: 26.04.2015.
5. Динамика изменения средней зарплаты в Беларуси с 2004 по 2015 г. // Mojazarplata.by Минск, 2015. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://mojazarplata.by/main/srednjaja-zarplata/dinamika-izmenenija-srednej-zarplaty-v-Belarusi-za-2004-2010-tablicy/. Дата доступа: 26.04.2015.

Evgeniya Kutergina
(Russia)

CIVIL SERVANTS' HIGHER PROFESSIONAL EDUCATION IMPROVEMENT: EVIDENCE FROM EMPIRICAL RESEARCH

Эмпирическое исследование, положенное в основу данного доклада, имеет целью разработку рекомендаций по совершенствованию высшего профессионального образования государственных служащих на основе анализа соответствия компетенций, заявленных в образовательных стандартах магистратуры по государственному и муниципальному управлению (ГиМУ), тем знаниям, умениям и навыкам, которые требуются в местах профессиональной деятельности. Для достижения этой цели была разработана и апробирована методика, позволяющая сформировать и сравнить модель компетенций магистра ГиМУ и модель компетенций специалиста в области ГиМУ, и на этой основе предложить пути совершенствования образовательных стандартов по данному направлению.

Introduction

Over the past 2 decades public administrator's education has become a worldwide problem and an important topic of theoretical research [2]; [6, p.135]; [8, pp.22-46]; [7, p.135]; [10, p.21]. Due to this, educational standards for MPA graduates are a hot issue in scholarly debates. Processes of globalization, virtualization and informatization definitely influence the content of civil servants education [6, pp. 224-225]. As universities should train up-to-date skills, this educational standard is still in the process of development. While the debate over the skills that should be included in the MPA program remains popular, there is a gap in understanding public administrators' skill needs. In other words, additional research seems needed to explore matching MPA graduates skills and skills that are required in the public sector.

This empirical research contributes to the development of the issue under discussion. The general purpose of this study is the analysis of the skill's compatibility that is required in the public sector and is taught in Russian universities in the MPA program. Hence, the first task of this research is to analyze educational standards of MPA graduates to formulate the set of skills that are

gained in universities. The second task is to find out the set of skills that is needed in Saint-Petersburg's government agencies. Finally, the third task is to compare these sets of skills and to develop recommendations how to improve the MPA educational standard.

The research hypothesis is that there is a mismatch between competences that are required in the public sector and are taught in Russian universities in the MPA program. The general question this research will attempt to answer can be formulated as follows: how to improve the MPA educational standard to make it better meet the modern needs of public administration? Certain changes should be made in the MPA educational standard to make the educational process of the future civil servants more adequate to the labor market. To find out what changes are needed, methodology of empirical skill's testing was developed so that it might be tried out. The methodology employed offers a practical way to work out the competence-based model of the public administrator. My contribution to the debate, if any, will consist largely in proposing the ways and means how to improve the Russian MPA educational standard.

I will examine both theoretical (Gianakis, 1990; Denhardt, 2001) and empirical studies (William at al, 1994; Leighinger, 2010; Azizi, 2012) in the field of public administration (PA) education. Different aspects of teaching public administrators have been debated for a couple of decades. Such problem areas as mismatch between the theory that is included in curricula and the practical needs of public administrators, inappropriate content of the Master of Public Administration curriculum, the issue of skills that are needed to prepare specialists for the public sector is discussed over the past half century.

Methodology

The original methodology was developed to identify and compare competency models of MPA graduates and civil servants. It includes several steps. The first step was the analysis of the competences of MPA graduates that are included in several educational standards. Similar competences from the standards were united. As a result, a broad list of graduates' skills was formulated.

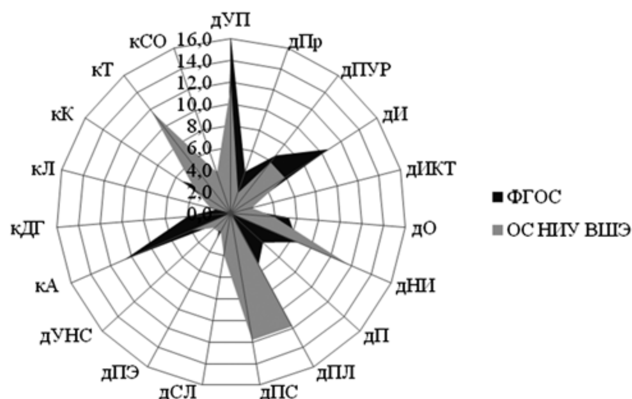
The second step was the transformation of competences. 52 competences were analyzed. The competences are too complicated to be included into the questionnaire for civil servants. That is why the competences from the educational standards were transformed into the list of 92 descriptors. Descriptor means the phrase that describes the skill of the graduate starting with v-words, like "makes", "operates", "knows".

For the third step we divided the descriptors into several groups. To show the graphic competency model of the MPA graduate 92 descriptors were organized in 19 groups. Each group has its own abbreviation. These groups and abbreviations are presented in table 1.

Table 1. **Groups of descriptors and their abbreviations**

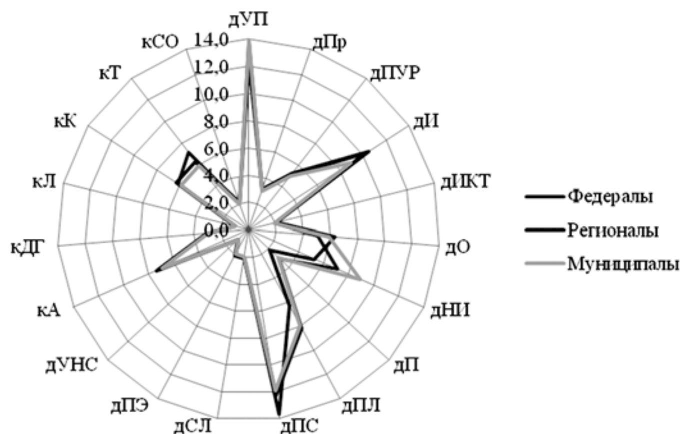
#	**Explanation of abbreviation in English**	**Abbreviation in Russian**
	Highly specialized activity	дУП
	Activity connected with the analysis of social-economic problems	дПР
	Activity in taking managerial solutions	дПУР
	Activity connected with the work with explanation	дИ
	Activity connected with IT technologies	дИКТ
	Organizational activity	дО
	Scientific research activity	дНИ
	Pedagogical activity	дП
	Professional and personal activity	дПЛ
	Professional and social activity	дПС
	Professional and ethical activity	дПЭ
	Crisis management activity	дУНС
	Social and personal activity	дСЛ
	Analytical abilities	кА
	Civil and democratic values	кДГ
	Leadership abilities	кЛ
	Team working abilities	кК
	Creative abilities	кТ
	Social responsibilities values	кСО

These groups characterize spheres of civil servants' professional activities and their personal identity. Then two competency models of MPA graduate were created (Picture 1). One model is based on the state educational standard (ФГОС); the other one is based on the original educational standard of HSE (ОС НИУ ВШЭ). The height of each peak on the diagram corresponds to the share of the group of descriptors among all the 19 groups in percentage. So the diagram shows the priorities of competences in the federal educational standard and the original HSE standard.

Picture 1. Competency models of MPA graduate

The fourth step was a survey of Saint-Petersburg civil servants (representative, n=734) and the SPSS analysis. The purpose was to find out which competences are the most important in civil servants' professional activity to be compared with educational competency models. As a result, three competency models of civil servants in Saint Petersburg were identified (Picture 2). As we can see, there are several differences in priorities of competences for a civil servant. This is connected with the level of power and authorities.

Picture 2. Competency models of civil servants in Saint Petersburg (Federal, regional and municipal civil servants)

Comment: On this diagram 'Федералы' means federal civil servants, 'Регионалы' means regional civil servants, 'муниципалы' means municipal civil servants.

The final step was the comparison of civil servants' competency models with competency models of MPA graduates.

Results

The comparison of the models let us formulate several recommendations about improving MPA educational standards:

1. It is important to add social and personal activity skills and creative abilities to the federal MPA educational standard.

2. It is important to add social responsibility values and pedagogical activity skills to the educational standard of HSE.

3. MPA programs of HSE should be corrected in close cooperation with Saint Petersburg Administration.

4. MPA programs in Saint Petersburg should be concentrated on the most important skills of civil servants that are explored during the survey.

Conclusion

In conclusion, I would like to indicate the main ideas of the research briefly. The problem of the study concerns the mismatch between the skills that are required in the public sector and are taught in Russian universities in the MPA program. The project deals with the exploration of the ways how to improve the MPA educational standard to make the educational process of the future civil servants more adequate to the labor market. The most important conclusion might be the necessity to correct MPA educational curricula in close cooperation with local authorities. Moreover, from the findings of the experimental research it can be concluded that it is necessary to take into consideration the variety of public servants positions while designing educational standards.

These findings might generally deepen and push forward Denhardt's (2001) theoretical research about MPA skills problem. However, additional research seems needed to study the compatibility of skills and courses in MPA curricula. As for the future perspectives of this research, a survey of all Russian civil servants could be made to identify basic competences that should be taken into consideration in MPA programs in universities across the country.

Literature

1. Azizi, A. (2012). Public administration education: The case of Macedonian universities. Procedia - Social and Behavioral Sciences, 47, 1436-1441. Retrieved from Elsevier database.
2. Barabashev, A., & Efremov, S. (2011, November). Curricula 3D Visualisation: a Tool of Education Quality Assessment in The School of Public Administration. Paper presented in the international conference "Quality of Public Administration", Washington DC, USA. Retrieved from http://www.hse.ru/data/2011/11/24/1271329701/APPAM%20Teaching%20Conf_2011_Paper_Barabashev%20and%20Efremov%20(edited)%20(2).doc
3. Denhardt, R.B. (2001). The big questions of public administration education. Public Administration Review, 61, 526-534. Retrieved from ProQuest Education Journals database.
4. Gianakis, G.A. (1990). Purpose and practice in public administration education: The place of substantive public policy areas. International Journal of Public Administration, 13 (1-2), 21-43. Retrieved from http://www.tandfonline.com/loi/lpad20
5. Leighninger, M. (2010). Teaching democracy in public administration: Trends and future prospects. Journal of Public Delibiration, 6 (1), n/a. Retrieved from http://proxylibrary.hse.ru:2119/docview/1418182430?accountid=45451
6. Raffel, J.A. (2007). Why has public administration ignored public education, and does it matter? Public Administration Review, 67(1), 135-151. Retrieved from ProQuest Education Journals database.
7. Rosenbloom, D.H. (1995). The use of case studies in public administrative education in the USA. Journal of Management History, 1(1), 33-46. Retrieved from http://proxylibrary.hse.ru:2119/docview/211045751?accountid=45451
8. William, L., John, R., & Jeffrey, L. (1994). Quantitative analysis and skill building in public administration graduate education. Public Administration Quarterly, 18(2), 204-222. Retrieved from ProQuest Education Journals database.

Анна Жбанникова
(Россия)

ПРОБЛЕМЫ ТРУДОУСТРОЙСТВА ВЫПУСКНИКОВ ПО НАПРАВЛЕНИЮ «ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ»

The article analyses employment problems of graduates in Public Administration based on the empirical study. The survey of graduates of National Research University – Higher School of Economics (Saint-Petersburg) showed that 77,7 % of graduates are employed outside their specialty. Different factors, which are likely to have a significant effect on the recruitment of graduates are examined.

В современных условиях высокую значимость приобретают вопросы трудоустройства молодых специалистов. Специфичность данной социальной группы обусловливается отсутствием опыта, высокими требованиями к заработной плате, отсутствием квалификации. Большинство предлагаемых студентам возможностей трудоустройства представляют собой «малоквалифицированный труд, который нельзя связать с приобретением необходимых компетенций для их будущей профессии» [3: 121]. В связи с этим выпускники учреждений профессионального образования испытывают трудности при поиске работы по специальности.

Особого внимания в этом плане требуют к себе выпускники направления «Государственное и муниципальное управление» (ГиМУ). При большом потоке выпускников по данному направлению и ограниченном количестве мест на государственной гражданской и муниципальной службе проблема трудоустройства выпускников ГиМУ является актуальной. Требования к государственным и муниципальным служащим в настоящее время особенно высоки, что затрудняет трудоустройство выпускников.

Целью статьи является разработка предложений по совершенствованию образовательной стратегии вуза на основе эмпирического изучения стратегий трудоустройства выпускников государственного и муниципального управления. Объектом исследования являются стра-

тегии занятости молодых людей, получивших бакалаврское, специальное или магистерское образование по направлению/специальности «Государственное и муниципальное управление». Предметом данной работы выступают факторы, оказывающие влияние на трудоустройство выпускников по специальности.

Роль государства в обеспечении занятости выпускников. Для поддержания трудоустройства молодых специалистов в России государство предпринимает ряд мер: создаются законы, приказы, различные программы, направленные на повышение эффективности процесса трудоустройства и адаптации выпускников к рынку труда. Так, в 1999 г. был издан приказ Минобразования Российской Федерации «О создании Центра содействия занятости учащейся молодежи и трудоустройству выпускников учреждений профессионального образования». Сейчас создана система содействия трудоустройству выпускников в учреждениях профессионального образования Министерства образования и науки РФ, основу которой составляют центры содействия трудоустройству. Они призваны создавать дополнительные возможности для выпускников по поиску работы, повышать квалификацию специалистов образовательных учреждений в области трудоустройства и занятости, проводить мониторинг региональных рынков труда [8].

Особую значимость, в частности, имеет государственная политика в области трудоустройства выпускников направления «Государственное и муниципальное управление». Помимо законодательного регулирования, регулирования со стороны служб занятости населения существуют другие механизмы повышения занятости молодых специалистов в сфере ГиМУ.

Так, важным источником назначения на должности государственной гражданской службы в исполнительных органах государственной власти Санкт-Петербурга является молодежный кадровый резерв. Данный проект существует с мая 2012 г. Резерв формируется с учетом поступивших в государственный орган заявлений от граждан. Замещение должностей государственной гражданской службы происходит на конкурсной основе [7]. Кроме того, значимым инструментом по взаимодействию молодежи с исполнительным органом государственной власти является Молодежная коллегия при губернаторе Санкт-Петербурга. Это действующий на постоянной основе коллегиальный совещательный орган. Войти в состав Молодежной коллегии могут молодые люди в возрасте от 16 до 30 лет на конкурсной основе.

Однако в настоящее время затруднен сбор оперативных, достоверных и полных количественных показателей трудоустройства выпускников, которые могли бы помочь правильно организовать процесс перехода выпускников из системы образования на рынок труда. Данные о современном состоянии рынка труда России лишь частично отражены в статистических справочниках.

Источниками первичной информации о трудоустройстве выпускников для формирования государственной и ведомственной статистической отчетности служат учреждения профессионального образования. Но в связи с тем, что образовательные учреждения заинтересованы в высоких показателях трудоустройства, часто сформированные ими данные доставляются не в полном объеме.

Другую группу источников составляют федеральные органы исполнительной власти, к которым относятся Минтруд России, Минобороны России, Пенсионный фонд, Фонд социального страхования. В отличие от образовательных учреждений они не заинтересованы в предоставлении определенных показателей трудоустройства, но «у этих ведомств отсутствует мотивация к подаче информации в адрес заинтересованных структур» [2: 17]. Перечисленные проблемы заинтересованности и мотивации не позволяют более полно судить о нетрудоустроенности выпускников.

Трудоустройство выпускников государственного и муниципального управления НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург: результаты эмпирического исследования. Для того чтобы проанализировать ситуацию с трудоустройством выпускников направления «Государственное и муниципальное управление», в феврале – марте 2015 г. был проведен опрос 152 выпускников Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). В выборку вошли молодые специалисты, выпустившиеся в 2007–2014 гг. и закончившие программы специалитета, бакалавриата или магистратуры. В опросе приняли участие 62 девушки и 32 юноши. По возрасту основную массу составили молодые специалисты до 30 лет (48,9 % – до 25 лет, 48,9 % – 26–30 лет).

Анкета содержала в себе вопросы, которые позволяют выявить, в какой сфере работает выпускник, каких навыков и умений не хватило выпускникам для работы, насколько полезной была практика, а также вопросы, которые при обработке статистических данных позволяют выявить зависимость работы по специальности от других факторов, таких как год окончания университета, пол, возраст респондента.

По результатам исследования, 96,8% выпускников трудоустроены, однако 77,7% не работают по полученной профессии (табл. 1). Интересно заметить, что доля лиц как женского, так и мужского пола, работающих по специальности, составляет примерно 0,2.

Таблица 1. **Распределение трудоустройства опрошенных выпускников по специальности**

Трудоустройство	Количество человек	%
По специальности	18	19,1
Не по специальности	73	77,7
Отсутствие ответов	3	3,2

Источник: составлено автором.

Большинство молодых людей (59,6%) заняты в коммерческой сфере, 19,1% работают в государственном или муниципальном управлении, 13,8% являются работниками бюджетной сферы и 2,1% – фрилансеры (табл. 2).

Таблица 2. **Сфера занятости выпускников**

Сфера занятости	Количество человек	%
Государственное и муниципальное управление	18	19,1
Бюджетная сфера	13	13,8
Коммерческий сектор	56	59,6
Фрилансеры	2	2,1

Источник: составлено автором.

Чтобы изучить, что в большей степени взаимосвязано с выбором работы по специальности, были рассмотрены такие переменные, как год окончания университета, наличие другого образования, полезность практики, пол и возраст респондента. Анализ показал, что наиболее сильную взаимосвязь с местом работы имеет практика (табл. 3).

По результатам ответов выпускников, работающих по специальности, был сделан вывод, что почти половине из них (38,9%) в результате практики предложили работу в должности, 27,8% практика дала хороший опыт, некоторым молодым специалистам во время прохождения практики удалось завязать важные связи (11,1%).

Таблица 3. **Взаимосвязь между трудоустройством по специальности и несколькими переменными**

Корреляционная матрица						
	Год окончания ВШЭ	Наличие образования	Полезность практики	Пол	Возраст	Трудоустройство по специальности
Год окончания ВШЭ	1,000	0,121	0,196	0,051	-0,536	0,078
Наличие образования	0,121	1,000	–0,105	0,000	-0,039	0,069
Полезность практики	0,196	–0,105	1,000	-0,085	-0,204	0,299
Пол	0,051	0,000	–0,085	1,000	-0,044	–0,040
Возраст	–0,536	–0,039	–0,204	-0,044	1,000	0,108
Трудоустройство по специальности	0,078	0,069	0,299	-0,040	0,108	1,000

Источник: составлено автором.

Кроме того, хотя оценка выпускниками образования в НИУ ВШЭ в целом довольна высокая (7,71 балла по 10-балльной шкале), все они отмечают, что за время обучения в большей степени им не хватило практических навыков (25,5%). Далее отмечается недостаточность в знании социально-гуманитарных наук, таких как психология, социология, иностранные языки (12,8%). Примерно одинаковое количество человек отметило нехватку навыков пользования компьютерными программами (6,4%) и знаний в области юриспруденции (5,3%). Результаты исследования показывают, что вопрос обучения специалистов и их последующего трудоустройства требует к себе внимания.

Проблемы трудоустройства выпускников государственного и муниципального управления. Одной из наиболее выраженных проблем трудоустройства выпускников ГиМУ является дисбаланс на рынке труда. Недостаток координации между рынком образования и рынком труда приводит к превышению предложения труда над спросом на него. Ежегодное количество выпускников направления «Государственное и муниципальное управление» намного больше количества предлагаемых рабочих мест, соответствующих данной специальности. Ежегодно в Санкт-Петербурге выпускается около 800 человек по данному направлению профессиональной подготовки, при этом на март 2015 г. в

госслужбе предлагается 190 вакантных мест [6]. В подобной ситуации работодатели отдают предпочтение более конкурентоспособным специалистам, а молодые, не имеющие достаточно знаний и опыта работы выпускники сталкиваются с проблемами трудоустройства по своей специальности и невостребованностью на рынке труда [4: 311]. Кроме того, согласно квалификационным требованиям, присутствие людей без опыта работы возможно лишь на немногих должностях. В основном это низовые должности с небольшими зарплатами, на которые соглашаются немногие выпускники.

Проблема работы не по специальности у выпускников государственного и муниципального управления может быть связана с тем, что за время обучения у студентов меняется их отношение к выбранной специальности. Снижение числа желающих работать по профессии происходит в результате разочарования молодых людей в своей специальности в процессе учебы или практики. Кроме того, это может происходить из-за имеющейся коррупции, не позволяющей молодым специалистам устроиться работать по полученной специальности. Некоторые студенты считают, что без связей и знакомств невозможно найти достойную работу по своему направлению.

Выводы и рекомендации

Вступающая на рынок труда молодежь является еще не адаптированной к новым экономическим условиям социальной группой, не имеющей достаточного количества знаний и опыта, чтобы быть на том же уровне конкурентоспособности, что и люди более старшего возраста. В связи с этим, как было сказано выше, для повышения трудоустройства выпускников ГиМУ необходимо развивать у них не только теоретические, но и практические навыки. Наиболее эффективными для этого способами является организация стажировок и практик в области государственной и муниципальной службы.

При участии в повседневной работе органа государственной власти или местного самоуправления студенты смогут расширить свои знания о структуре, полномочиях и деятельности данного органа, а также получить первый опыт работы. Для того чтобы помочь определиться выпускнику с направлением его деятельности в государственных органах, предлагается организовывать учебные практики несколько раз в год и на более длительные сроки. Вероятное закрепление места работы за студентом для будущего трудоустройства после окончания учебного

заведения дало бы возможность более целевой подготовки студента к конкретной деятельности.

Одним из действенных способов стимулировать студентов к работе по специальности может быть организация тренингов, конференций, семинаров с привлечением успешных людей по профилю обучения. Также имеет значение организация ярмарок вакансий с приглашением представителей органов государственного и муниципального управления, что расширит знания студентов об их специальности и положительно повлияет на их трудоустройство.

Для того чтобы избежать проблемы несоответствия предложения труда спросу на него, предлагается сопоставлять предоставленные органами государственной и муниципальной власти планы комплектования персонала и отчеты учебных заведений о наборе студентов на направление «Государственное и муниципальное управление». В результате сопоставления необходимо давать указания высшим профессиональным учебным заведениям по сокращению или увеличению количества поступающих студентов на данное направление.

Литература

1. Горбунова, О.Н. Роль государства в обеспечении занятости молодежи // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 11. С 27–31.
2. Гуртов, В.А. Развитие системы мониторинга трудоустройства выпускников // Высшее образование в России. 2014. № 5. С. 11–22.
3. Нагимова, А.М. Совмещение обучения в вузе и трудовой занятости студентов Казани // Социологические исследования. 2014. № 4. С. 121–124.
4. Chistyakova, N. Problems of Educational Processes Development and Labor Market Needs Analysis in Russia // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. P. 309–315.
5. Jay, D. White The place of theory in Public Administration education: A critique [Text] // Administrative Theory & Praxis. 1998. № 2. P. 179–186.
6. Вакансии // Госслужба URL: http://gossluzhba.gov.ru/vacancy?Filter.LocationsString=40 (дата обращения: 18.03.15).
7. Молодежный кадровый резерв // Официальный сайт администрации Санкт-Петербурга URL: http://gov.spb.ru/gov/admgub/u_kadr/molodezhnyj-kadrovyj-rezerv/ (дата обращения: 11.03.15).
8. О создании Центра содействия занятости учащейся молодежи и трудоустройству выпускников учреждений профессионального образования: приказ Минобразования РФ от 12.05.99 № 1283.URL: http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:HKM6mav9Zh4J:www.osu.ru/docs/job/foundations/prikaz_1283.rtf+&cd=1&hl=en&ct=clnk&gl=ru&client=safari (дата обращения 27.02.15).

Егор Коробкин
(Россия)

КРИМИНАЛЬНАЯ СУБКУЛЬТУРА И ВЛИЯНИЕ КРИМИНАЛИТЕТА КАК НЕФОРМАЛЬНОГО ИНСТИТУТА НА ИНСТИТУТЫ ВЛАСТИ В РОССИИ В ПЕРИОД РЕФОРМ НАЧАЛА 1990-х гг.

In this study an analysis of various sources of criminal subculture through the neo-institutional approach to the study of political culture is developed. The connection between the criminal subculture and political culture of Russia is found as well as what was happening through the interaction of these two elements in the Russian history of the twentieth century. The author shows the presence of informal norms of criminal subculture among both the authorities and the entire Russian society.

Не секрет, что образ жизни за гранью закона всегда оставался желанным для многих людей. В России романтизация криминальной среды распространена повсеместно на протяжении уже многих десятилетий. Воров и разбойников воспевают в песнях (вспомним даже одного из классиков – Утесова), описывают в своих произведениях наиболее признанные писатели и поэты, такие как Есенин и Достоевский, о них снимают кино и телесериалы, поют популярные песни (В. Высоцкий, М. Круг, А. Розенбаум, Г. Лепс и др.).

Зародившись в советской тюрьме и действуя в советской криминальной среде, «воровской закон», оказавшись в условиях рынка, начал радикализироваться и одновременно распространяться со стремительной скоростью. Конечно, с одной стороны, так называемый «рынок криминальных группировок» стал свободнее, открытее, в него стало легче попасть молодым «предпринимателям», но, с другой, выросла конкуренция, игроки становились все более сильными и эгоистичными. Помимо этого, произошла резкая смена институтов, что тоже увеличивало риски. Никто еще не умел играть по новым правилам, тут действовали люди только самые рисковые. Криминалитет оказался наиболее готовым к смене устройства социума. Возрастающие накопления в условиях неработающих органов исполнительной власти увеличивали риски, однако именно криминалитет этих рисков не боялся.

Нормативные акты и соответствующая исполнительная база также не поспевали за ситуацией, что, как известно, всегда влечет за собой вмешательство неформальных институтов. Например, группировка Быкова в Красноярске поднялась именно на решении конфликтов, выполняя роль третейского суда, поскольку запрос на такой суд был, есть и будет. И если реальный суд, правоохранительные органы не справляются со своей регулятивной функцией, то кто-то другой займет это место и будет «решать вопросы».

Исследовательский вопрос нашей работы звучит следующим образом: какова роль криминальной субкультуры в формировании политической культуры в России? Объектом исследования выступает политическая культура российского общества. Предметом исследования является криминальная субкультура как один из факторов, влияющих на формирование политической культуры. В плане методологии исследования в работе используется системный подход к изучению политической культуры, с точки зрения которого политическая культура рассматривается как целостная и саморегулирующаяся система, состоящая из совокупности элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом и внешней средой.

Политическая культура и криминальная субкультура: определение понятий и поиск форм их перекрещивания. Для понимания сущности криминальной субкультуры немного окунемся в литературу по этой теме. В частности, Ю.К. Александров не только описал понятие и сущность криминальной субкультуры. Его целью было изучение неформальных взаимоотношений и практик в рамках криминалитета, а также их взаимоотношений с представителями государства в лице правоохранительных органов и сотрудников учреждений пенитенциарной системы. Исследование А.Н. Олейника является одним из интереснейших по данной теме. Автор использует в нем концепцию «маленького» и «большого» обществ. Он пишет, что маленькому социуму присущи черты слабо развитого, несформированного общества: «В нем (1) отсутствуют четкие границы между сферами деятельности, (2) господствуют персонифицированные отношения, (3) не вполне институционализировано использование насилия, (4) имеет место дуальный характер норм (свой-чужой)» [6: 36]. А. Олейник противопоставляет маленькое общество большим обществам западного типа. На постсоветском пространстве нет одного большого общества, но есть набор из множества малых обществ со специфическими неформальными практиками, делает вывод автор. Более того, А. Олейник утверждает, что все

эти неформальные практики не дополняют институты и не являются вынужденным сопровождением законов, отвечающим за единственно возможную их реализацию в условиях работы с «причудливостью русской культуры». Неформальные практики в российском обществе, так же как в обществе тюремном, идут абсолютно несвязанными параллельными линиями с формальными институтами. То есть общество может обходиться и без государства, ведь в основу социальных отношений кладутся неформальные нормы, а значит, установленные формальные нормы являются только «факультативными».

Маленькое общество выделяется на фоне больших, прежде всего, своей архаичностью. И здесь будет очень кстати упомянуть Л.С. Клейна (Самойлова) – еще одного ученого, писавшего на тему криминальной субкультуры. Причину обращения жителей тюрьмы к архаике Клейн видит в фактической оторванности заключенных от формальных норм, которые регулировали бы их отношения. Тюремное сообщество самостоятельно выстроило себе свод неформальных законов, которые отражают вечные человеческие ценности, слегка трансформированные под влиянием тяжелых жизненных условий [4: 51–53].

Можно сделать вывод о том, что криминальная субкультура, во-первых, отличается своей архаичностью. Во-вторых, каждый из рассмотренных исследователей в отношениях подчинения формальным нормам сравнивает российское общество и тюремное сообщество. А это значит, что если все же есть влияние криминальной субкультуры на политическую культуру, то именно в том оно и состоит, что неформальные, но очень «правильные» ценности берут верх над законами. Почему же сотрудники тюрем не только не пытаются противопоставить государственный закон «понятиям», но и сами не отрицают легитимность «понятий»? Не потому ли, что неформальный закон, отражающий в себе фундаментальные ценности и представления о справедливости, кажется им более гуманным и нравственным, чем законы государства?

Историческая динамика влияния криминальной субкультуры на российское общество в XX–XXI вв. Остановимся на двух основных точках, «пиках» влияния криминальной субкультуры на политическую культуру в России. Учитывая исследования данной проблемы Ю.К. Александровым и А.Н. Олейником, будем опираться на неоинституциональный подход для того, чтобы четче понять, как перекрещивались формальные социальные институты и неформальные в лице криминальной субкультуры.

Криминальная субкультура уже на протяжении не одного поколения является составной частью российского общества, и это легко прослеживается не только в истории, но и в литературе. В.Н. Чалидзе считает, что прообразом организованной преступности можно считать артели. Артели – это объединения из нескольких человек, которые создавались в производственных или иных хозяйственных целях. Собирались они добровольно (можно сказать, это группа наемных работников), имели свои оговоренные правила поведения и делили всю прибыль поровну. В XIX в., говорит автор, такие объединения появились и в криминальной среде (по крайней мере, юридически именно тогда появилось понятие «воровские артели») [10: 63].

Говоря о динамике влияния криминальной субкультуры в советской России, следует упомянуть «Архипелаг ГУЛАГ». Многие подчеркивают, что в СССР десятая часть населения отбыла наказания в различных исправительных учреждениях системы ГУЛАГ. Мы можем предположить, что люди, проходившие вторичную социализацию в тюрьмах, были подвержены влиянию криминальной субкультуры. Конечно, далеко не каждый освобожденный из сталинского лагеря становился преступником и тем более рецидивистом. Но факт остается фактом: зачастую путь уголовника начинается именно с того момента, когда человек начал отбывать тюремный срок не по уголовной статье.

Важно вспомнить то, что было написано А. Солженицыным не о политических заключенных, а о тех узниках, которые совершали уголовные преступления. Криминалитет в 50-х гг. XX в. расцветал с новыми силами, каких не было со времен нэпа. Одной из причин такой тенденции, если верить автору, является то, что все силы правоохранительных органов были брошены на пресечение действий «в угрозу действующей власти», в то время как ни правоохранительные органы, ни государство в целом особо не заботили чисто криминальные преступления. Нельзя ли и этот факт отнести к тезису о культуральной оторванности друг от друга государства и общества в России?

Значит, в 1930–1950 гг. влияние института криминальной субкультуры на российское общество двусторонне: с одной стороны, влиянию поддавались политические заключенные, которые, выходя на волю, могли оставаться частью этой субкультуры со своими взглядами и неформальными нормами; с другой стороны, это быстрорастущий криминалитет, никак не пресекаемый государством.

Отрицать то, что вторичная социализация в тюрьмах имела место, нельзя, хотя, безусловно, это требует эмпирической проверки. В пользу

данного тезиса можно вспомнить историю одного из советских поэтов-песенников – Михаила Танича. В 1947 г. его осудили по статье «антисоветская агитация» якобы за высказывание о превосходстве немецких машин над советскими (он был фронтовиком). Отсидев шесть лет в исправительно-трудовых лагерях, он вышел по амнистии. О том, был ли он вовлечен в криминальный мир после освобождения, неизвестно. Но в 1950–1990-х гг. Таничем был сделан большой вклад в советскую эстраду, написано очень много популярных песен. А в 1990 г. он создал группу «Лесоповал», которая обрела известность благодаря своим песням не только о лагерном быте в СССР, но и о ворах, воровском законе и похождениях Вовы-Мухи – преступника с детских лет. Данный пример вполне может говорить о вторичной социализации в тюрьме, ведь почему бывший политический заключенный, представитель интеллигенции, так точно писал о жизни криминального мира и был вдохновлен им?

Само название криминальной субкультуры в СССР – «воровской мир», само по себе слово «мир» говорит о том, что его участники абсолютно противопоставляют себя обществу и его нормам. Как бы есть мир, в котором живем мы, – это мир с формальными нормами, где есть государство и общество, но есть и совсем другой мир – «воровской», живущий совсем по другим правилам, по «понятиям», неписаным правилам, которые хранятся и отслеживаются самыми уважаемыми представителями высшей прослойки воровского мира – «ворами-в-законе». Законы эти могут меняться на съездах «воров-в-законе», причем большинством голосов. Говоря о «ворах-в-законе», важно отметить, что, несмотря на их высокое положение в «воровском мире», в их жизни было довольно много ограничений. «Вору-в-законе» нельзя было иметь семью, постоянную прописку, он никогда в жизни не должен был работать на кого-либо, ему запрещалось иметь больше, чем требовалось для жизни. К примеру, один костюм, одна пара обуви и только необходимые продукты.

При всем этом далеко не каждый преступник в СССР являлся «вором» в смысле члена «воровского мира». Как уже отмечалось, «воровской мир» и «воров» от всего общества отличает прежде всего их особый взгляд на нормы и наличие у них своих ценностей. К примеру, среди них считалось, что воровство – дело праведное и не зазорное, поскольку «украсть можно или у того, кто хочет, чтобы у него украли, или у кого чего-то слишком много». Многое в этой группе отдавалось везению – «фарту». Тех, кто проявлял активную гражданскую позицию, – не

любили, к власти государства относились с презрением, но очень уважали неформальную власть в виде «коронованных» «воров-в-законе».

От времен возникновения ГУЛАГа и до распада СССР в культуре советских граждан накапливались следствия проникновения в нее криминальной субкультуры. Но процесс проникновения этой субкультуры во власть был практически незаметным, скорее идущим только за счет сменяемости поколений чиновников, которые, впрочем, не всегда сменялись так быстро, как того требовал ход времени.

Процесс этот набрал стремительную скорость с начала 1990-х гг. Проникновение криминальной субкультуры во власть происходило в период, когда советские институты перестали существовать, а новые демократические еще не начали работать с нужной силой. С одной стороны, это связано с тем, что неформальные институты всегда занимают главенствующую роль в обществе, когда формальные не работают. Тем более когда и общество, и власть оказываются в незнакомых им условиях рынка и просто не понимают, как в нем действовать. Криминалитет же уже давно имел практику работы на рынке (цеховики и др.). Пока все общество жило в командной экономике, криминалитет учился договариваться с партнерами о разделении сфер влияния и труда, распределении полномочий и т.п. Таким образом, на фоне бессилия правоохранительных органов в 1990-х противостоять субкультуре криминального мира власти просто не могли игнорировать такого сильного актора, как криминалитет.

Другая сторона возникшей тогда ситуации – это рост коррупции. Мы предполагаем, что именно в форме коррупции нормы криминального мира вошли во властные структуры как регулятор их действий вне закона. Неформальные коррупционные практики требуют и неформальных доверительных отношений с теми, кто тебе помогает реализовать коррупционный проект, а значит, требуются и нормы того, как эти отношения будут строиться.

Таким образом, подтверждается то, что криминальная субкультура, имеющая в своей составляющей собственную иерархию и несущая в себе законы преступного мира, оказалась стабильнее и устойчивее двух политических систем, сменивших друг друга на территории России в XX в. Более того, произошел рост ее влияния на общество до такой степени, что ее нормы проникли и во властные структуры.

Выводы

Закрытая советская система являлась фактически инкубатором для благоприятного развития криминальных норм. Их влияние нарастало в обществе с каждым десятилетием, что, конечно, видно и в культуре, ибо миллионы граждан прошли через тюремные порядки.

Во время перестройки и становления рынка, в условиях разочарования в ценностях, навязывавшихся населению в СССР, имело место отторжение всяких формальных норм, особенно у молодежи, и принятие значительной частью общества неформального института криминалитета как наиболее гуманного свода законов и поведения. Доверие к государству упало, а значит, выживать приходилось по правилам тех, кто сильнее. Криминалитет оказался если не сильнее местных и региональных органов власти, то уж точно равным им по силе, стало налаживаться сотрудничество местных властей с преступными группировками.

Сейчас нормы криминальной субкультуры – пережитки тех эпох, и есть надежда, что срок их влияния подходит к концу. Следующие поколения чиновников, получив иное образование и воспитание, надеемся, вряд ли будут носителями этих норм. Однако процесс этот длительный и противоречивы, зависящий от множества факторов.

Литература

1. Александров, Ю.К. Очерки криминальной субкультуры. М.: Права человека, 2001.
2. Земсков, В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. №. 6.
3. Инглхарт, Р., Вельцель, К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.
4. Клейн, Л.С. Перевернутый мир / Лев Самойлов. СПб.: ФАРН, 1993.
5. Малинова, О.Ю. «Политическая культура» в российском научном и публичном дискурсе // Полис. Политические исследования. 2006. № 5.
6. Олейник А.Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М.: ИНФРА-М, 2001.
7. Пирожков, В.Ф. Законы преступного мира молодежи: криминальная субкультура. Приз, 1994.
8. Солженицын, А. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956: опыт художественного исследования. Т. 2 // Notes. 2010. Т. 1.

9. Тульчинский, Г.Л. Этика бизнеса в современной России // Мысль. Ежегодник петербургской ассоциации философов. Т. 3. Философия морали: теория и история. СПб: СПб ГУ, 2000. С. 168–186.
10. Чалидзе, В. Уголовная Россия. Терра, 1990.
11. Щепанская, Т.Б. Символика молодежной субкультуры. 1993.
12. Almond, G., Verba, S. (ed.). The civic culture: Political attitudes and democracy in five nations. Sage, 1989.
13. Inglehart, R. Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton University Press, 1990.
14. Kroeber, A.L., Kluckhohn, C., Untereiner, W. Culture: A Critical Review of Concepts and Definitions. NY.: Vintage Books, 1952.
15. Putnam, R. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy // Paperback. May 27, 1994.
16. Putnam, R. Bowling Alone: America's Declining Social Capital // Journal of Democracy. 6:1. Jan 1995.
17. Riesman, D., Glazer, N., Denney, R. The lonely crowd. Yale University Press, 2001.
18. Verba, S., Almond, G. The civic culture // Political Attitudes and Democracy. 1963.
19. Weber, M. From Max Weber: essays in sociology. Routledge, 2009.

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ И ПРАВОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Kseniya Cheshyk
(Belarus/Lithuania)

THE MAIN TENDENCIES IN THE DEVELOPMENT OF LEGAL CLINICS (on the example of the Russian Federation)

В статье рассматриваются основные тенденции в развитии юридических клиник в Российской Федерации с учетом сравнения особенностей юридических клиник в РФ и США. Показано, что юридические клиники играют значительную роль в общественно-политической жизни, включая практическую подготовку студентов. В этой связи существенное внимание уделяется Закону Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. N 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации».

"…the Unpresented Peoples Organization (UNPO) was founded in 1991 to promote the interests of people unpresented in major international organizations, such as the United Nations. Typically these include oppressed people without states, such as indigenous and minorities"[5, p.6], who are historically involved in struggling for human rights. In recent years drastic changes have taken place in the society, and today there is no set of certain treaties or legal documents with domestic or international status. There is also a legal regime based on legal clinics[1] which play no less important role than the abovementioned set.

Acknowledgement

Most people look back at the historical background of their nations that fought for freedom and human rights. This publication presents a paradigmatic shift in the understanding of legal clinics. The following study shows the main tendencies in the development of legal clinics comparing American

[1] Due to Black's law dictionary, a **legal clinic** or **law clinic** is a nonprofit law practice serving the public interest [2, p. 6]. Clinics originated as a method of practical teaching of law school students, but today they also encompass free legal aid with no academic links. This is what makes exactly legal education. **Legal education** is the education of individuals who intend to become legal professionals or those who simply intend to use their law degree to some end, either related to law (such as politics or academic) or business. [Supra note, p.6].

and Russian ones through their history, today's situation and links with certain laws of this or that country. Consolidation plays an important role in the modern world where there are *still* various issues to solve. "Environmental" refugees, sports related case law, etc. can be dealt with by non-governmental organizations focusing on human rights, Ombudsmen, transnational social movements or so called legal clinics (also, street law clinics). Consultation based on the fact that it is possible to draw conclusions which will be held with the client determines risks for possible options. For a final decision it is necessary to have source documents and contracts free of charge.

Anyone undertaking to write about this perennial problem should mention the dominant concern on whether the government helps to improve legal clinics. In figuring out this idea it is necessary to explain why legal clinics are so important. Due to Meyer, "Оно становится *пламенем, которое жжет, истребляет неправду* и которое не задушить искушением мира…" [8, p. 6]. As to "In dealing with the client, the clinic student learns firsthand the significance of the judiciary relationship of attorney and client. The client can sue us for malpractice or have us up before the court for discipline" [4, p. 6].

History

According to Michail Polyakow, the history of the appearance of law clinics is divided into five stages. During the first period (mid-XIXth – beginning of the XXth century) there were the first attempts of creating legal clinics. The beginning of the XXth – first third of the XXth century saw the discussion of legal clinics in theory. There was a pause in the development of law education till the 1950's. The fourth period is characterized by the emergence of legal clinics at universities. The last stage is the fund-raising for the financial support of legal clinics.

However, I think that there are only 3 periods: the first one is the XIX-XX cc., connected with the origin of this idea. The second stage is the appearance of legal clinics at the beginning of the XXth – first third of the XX century. Then, after the regime of stagnation the 1990's is the period of rebirth. This division is quite important because the legal system is a set of country's laws and the ways in which they are interpreted and enforced [7, p.6] where one of the ways can be and should be a legal clinic. As a result, after the regime of stagnation (USSR) legal clinics have appeared. I am going to discuss it in the following chapter.

Strictly speaking, the first juridical clinic was opened in Russia in the middle of the 19th century by Dmitry Mayer. It was based at Kazan University.

Later he proposed this project to the government, but it was rejected. So, only during the time of his being a teacher the first clinic had existed for 10 years. The main idea of D. I. Meyer is the practical nature of teaching legal science. It should be noted that pre-revolutionary Russian University education, including legal, was in isolation from life. However, practical science law was provided in 1804, but it was written in a very unclear way. Legal clinics should be in the simplest form: there are people who need advice and they turn to a professor who runs the practice. In the presence of students he gives advice, analyzing legal incidents for legal aid to citizens. Immediate free aid could be made in the form of a relevant paper or a lawsuit. The things that are more complicated could be distributed among individual students (curators). The idea of creating legal clinics got its second birth in the 1950's in the United States. Clinical legal education has been supported by the state to solve two main tasks: to provide free legal aid to segments of the population and to prepare students for legal work specialties. From 1995 till now there have been only 200 legal clinics in Russia.

Street law clinics

By 1960, the U.S. had created more than 30 legal clinics at the law faculty, in which students under the guidance of teachers and lawyers provided legal assistance. By this time a legal clinic had become an integral part of legal training in the US.

A distinctive feature of the American model of education is the creation of special legal clinics, also known as "Street Law". This system is an example of a legal clinic with a lack of real customers... Such programs were developed in many U.S. law schools and began to flourish in other countries: South Africa, Poland, and Russia. The program "Street Law" – the "Living law" is a clinic-based University or NGO, in which law students are taught how to teach basic legal beginnings to ordinary citizens – pupils and their parents, persons in need of the protection of their rights because of their social "unprotectiveness".

At the beginning of the 20th century there was a great discussion on the issue whether we really need clinics. Such outstanding people as Iosilevich, Lublinski, Fromgold, Shershenevich proposed this project. It was necessary, but nobody made any attempts to put it into life. In the middle of the 20th century street law clinics began to develop; they were characterized by the absence of a real client, the teaching of law to non-specialists free of charge; they were based on university/ a private organization

In the book under the title *"A Theory of Justice"* (1971) by John Rawls based on English common law it was written: "Imagine we do not know who we are - our race, sex, wealth status, class, or any distinguishing feature - so that we would not be biased in our own favour, Rawls argues from this 'original position' that we would choose exactly the same political liberties for everyone, like freedom of speech, the right to vote and so on. "- This is what makes jurisdiction [6, p. 6].

For example, in 2009 in the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland there was a law about legal fees that states: "It is possible for juridical companies to go to London stock exchange and to attract the investors & partners from any other side". In brief, both in the USA and in the UK only a lawyer can become the head of a law company, which led to the absence of investors, and, as a result, a company was in debt that was caused by the avoiding of "collision" of interests between lawyer & client.

Russian legal clinics

But let us return to the Russian legal system. In my opinion, there are three main problems. The first one is corruption of legal education because de facto ordinary people are seen as weak and lacking political power, particularly in relation to oppressive state structures and unfavorable conditions. The second point is the low quality of legal education and the third one is the superficiality of the legislative regulation of the legal system. Under the definition of regulation we should understand not only state control but also non-governmental organizations. Human rights organizations do not merely document state violence and provide protection to victims of human rights abuses.

Sic, all the 3 points call for the appearance of legal clinics. As any subject of discussion, legal clinics have their own advantages and disadvantages. The pros are the following: legal clinics force the legal education development, make us better understand about laws & enforceable enactments through real practice for students; as to cons, – staffing problem, difficulties in supervision and assessment, relationship with the local legal profession. Let me offer a solution.

First of all, to know exactly the amount of staff in a legal clinic, then to make this public service only for consulting and teaching about enforceable enactments, and to insert amendments into law № 324 about Free judicial aid (FJA)[1, p.8].

Solution

At first glance, everything seems to be all right, but it is necessary to organize its working structure to introduce an additional act to the constitution and to define the principles of its work. Only three are common, while eight of them show high quality and specific features and the centers of Free Judicial Aid (hereinafter, FJA). The logical result of the comparative study is the conclusion that FJA cannot be resolved uniformly. Comparative analysis of the rules on FJA shows possible conflicts and contradictions of the Russian Federation on FJA: conflict of interest, established as a legal entity, and founder of the University; conflict of laws on the establishment of FJA and norms of GK of the Russian Federation on the establishment of legal entities; conflicts of norms of the Federal law on FJA and education legislation. Each of these collisions is the result of a breach of a substantive principle of regulation caused by the lack of priority of the norms of the civil code and educational legislation over the legislation provided by the research Institute of legal services. The need of society in the law can be upheld only if the law is directed on the satisfaction (regulation) of specific needs (public relations, previously unresolved or resolved properly).

Literature

1. Federal law from 21.11.2011N 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (with amendments). Available from the Internet: < http://base.garant.ru/12191964/#ixzz3mVTaLEsB >.
2. Black's Law Dictionary, 6th Edition. Clinical legal studies. St. Paul, Minn: West Publishing Co., 1990), 254Legal.
3. Supra note [2].
4. John S. Bradway, Cleon H. Foust, and others. Legal clinics for law students. Symposium. 1954.p.208. Available from the Internet: < http://scholarship.law.duke.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=5443&context=faculty_scholarship >.
5. Schock, Kurt; Unarmed insurrections. University of Minnesota Press, 2004-page.21.
6. Rawls, John. A Theory of Justice - 1971. Available from the Internet: < http://en.academic.ru/dic.nsf/enwiki/9839 >.
7. Useful English dictionary, 2012. Available from Internet: <http://useful_english.enacademic.com/77189/legal_system >.
8. Галай, Ю.Г. Юридические клиники» в дореволюционной России. Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского УДК 340.115.6-2009 г. р. 2; Мейер, Д. О значении практики в системе современного юридического образования. Казань,1855.

Иван Кучер
(Украина)

ПРАВОВЫЕ КОЛЛИЗИИ ПРИ ГОСПИТАЛИЗАЦИИ ПСИХИАТРИЧЕСКИХ ПАЦИЕНТОВ ДЛЯ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ЛЕЧЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ УКРАИНСКОГО И ЛИТОВСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

The article analyses legal regulation and protection of the right to psychical health in the context of Ukrainian and Lithuanian legislation and the peculiarities of the functioning of the Soviet system of psychiatric care. International and legal standards in the sphere of people with mental insanity rights' protection are considered. The article describes the key legal collisions and objective signs of illegal placement in a psychiatric institution; actual problems of judicial proceedings in cases of provision of psychiatric care in compulsory order; category of "the right person for a psychical health" considered in the context of the right to health and protection of vulnerable groups.

Свидетельства новейшей истории убедительно доказывают, что институциональная психиатрия несет в себе потенциальную опасность репрессивного инструмента и может применяться в противозаконных целях. Нивелировать эту опасность может только всеобъемлющее обеспечение прав пациентов психиатрических больниц. Целью настоящей работы является анализ соответствия литовского и украинского законодательства о психическом здоровье в аспекте обеспечения прав пациентов психиатрических учреждений, а также выявление особенностей социального и правового риска, которому подвергаются пациенты психиатрических стационаров в Литве и Украине.

В социалистических странах психиатрия широко использовалась для политических репрессий. Российский правозащитник Александр Подрабинек так определяет карательную психиатрию: «…это орудие борьбы с инакомыслящими, которых невозможно репрессировать на основании закона за то, что они мыслят не так, как это предписано идеологией» [8: 15]. В СССР не было специального законодательства в области психического здоровья. Существовали отдельные инструкции и статьи законов в уголовном и административном праве, в приказах Министерства здра-

воохранения СССР. Любой психиатрический пациент мог быть госпитализирован по просьбе его родственников, начальника на работе или по указаниям районного психиатра. При этом согласие или несогласие пациента ничего не значило – это было устоявшейся традицией в советской психиатрии.

Важно рассмотрение международных документов, в которых закреплены определенные стандарты защиты прав человека, в частности в отношении лиц с психическими расстройствами. Так, в соответствии с Принципами защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической помощи (далее – Принципы ПБ), принятыми Генеральной Ассамблеей, резолюции 46/119 от 17 декабря 1991, любое лицо с психическим расстройством имеет право на осуществление всех гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав, признанных во Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах (МПГПП) и Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах (МПЭСКП) и других международных документах [12]. В Принципах нашли свое закрепление право всех лиц на лучшую психиатрическую помощь, требования гуманного, уважительного отношения к достоинству личности, на защиту от всех форм эксплуатации. Важной гарантией защиты являются требования к установлению диагноза психического расстройства, который никогда не ставится на основании политического, экономического или социального положения или по другой причине, непосредственно не касающейся состояния психического здоровья. Также информация о лечении или госпитализации в прошлом не может сама по себе объяснять установления диагноза о наличии психического заболевания в настоящее время или в будущем. Стандарты оказания помощи состоят в том, что каждый пациент имеет право на такую медицинскую и социальную помощь, которая необходима для поддержания его здоровья, и право на уход и лечение в соответствии с аналогичными стандартами относительно других больных. По общему правилу, любая помощь должна осуществляться только с согласия пациента, кроме случаев принудительной госпитализации, или при наличии информации о том, что лицо самостоятельно не в состоянии дать согласие на предложенный курс лечения и что такое лечение необходимо в интересах безопасности данной личности или безопасности других лиц, или по решению независимого уполномоченного органа, согласно которому предложенный курс лечения наилучшим образом будет отвечать интересам здоровья пациента [12].

Согласно Декларации прав человека в психиатрии, утвержденной Гражданской комиссией по правам человека, никто не может быть лишен свободы по причинам психического заболевания без справедливого судебного разбирательства и при условии надлежащего юридического представительства [3]. Но на практике во многих странах, в том числе в Литве и Украине, вопрос, насколько добровольна добровольная госпитализация, остается до сих пор актуальным.

Инициирование принудительной госпитализации в Литве происходит на основании письменного заявления близких психически больного, его представителя, полиции или врача (ст. 67 Закона «О медицине», приказ 133 Министерства здравоохранения Литвы). Решение о недобровольной госпитализации принимает врач-психиатр при условии, что больной может представлять опасность для себя или окружающих [4]. Закон Украины «О психиатрической помощи» определяет, что к врачу-психиатру могут обратиться родственники лица, врач, имеющий любую специальность, другие лица. В неотложных случаях он принимает самостоятельно решение о проведении психиатрического осмотра и направляет заявление с заключением в суд [5]. Так, согласно ст. 279 ГПК Украины заявителем по делам о проведении психиатрического осмотра лица в принудительном порядке, о предоставлении лицу амбулаторной психиатрической помощи и ее продолжении в принудительном порядке является врач-психиатр [2]. В то же время ярко проявляется несовместимость статуса заявителя и лица, подающего в суд свое заключение. Врач-психиатр не может совмещать в себе и заявителя и лицо, которое представляет заключение. Эта процессуальная несогласованность дополнительно свидетельствует о том, что с заявлением должны обращаться заинтересованные лица, а не врач-психиатр, который не может в таких отношениях быть заинтересованным лицом. Таким образом, наделение правом обращения в суд с заявлением о предоставлении психиатрической помощи в принудительном порядке только медицинских работников является не совсем правильным.

Согласно п. 5 ст. 68 Закона Литовской Республики «О медицине», «пациент может быть подвергнут принудительной госпитализации и принудительному лечению в психиатрическом учреждении в течение не более двух суток без разрешения суда». При этом ст. 582 Гражданско-процессуального кодекса Литвы утверждает, что судебное решение относительно допустимости недобровольной госпитализации должно быть вынесено в течение пяти дней после получения всех материалов. Таким образом, в литовском законодательстве существует правовая коллизия, используя

которую врачи удерживают и принудительно лечат недобровольно госпитализированных пациентов до семи суток.

В Украине суды, удовлетворяя заявления о госпитализации в психиатрическое учреждение в принудительном порядке, в судебном решении определяют срок лечения. Следует указать на то, что в ГПК Украины отсутствуют положения относительно определения срока предоставления психиатрической помощи в принудительном порядке. В соответствии с ч. 4 ст. 12, ч. 2 ст. 17 Закона Украины «О психиатрической помощи» в случае необходимости продолжения госпитализации или оказания амбулаторной помощи в принудительном порядке свыше 6 месяцев представитель психиатрического учреждения должен направить в суд заявление о продлении такой госпитализации или амбулаторной помощи. При данных обстоятельствах, как правило, врач-психиатр или представитель психиатрического учреждения не обращаются в суд ранее 6 месяцев с заявлением о прекращении предоставления психиатрической помощи в принудительном порядке. По нашему мнению, это недопустимое нарушение прав и свобод личности, поскольку целью принудительного лечения является предоставление своевременной помощи при наличии исключительных оснований. Следует согласиться с позицией Н.Ф. Никулинской о нецелесообразности определения срока лечения в судебном решении. Так, в период лечения психическое состояние человека может улучшиться и основания для предоставления психиатрической помощи в принудительном порядке могут исчезнуть до истечения 6-месячного срока [7: 779].

Ст. 22 Закона Литовской Республики «О надзоре за психическим здоровьем» предусматривает, что «пациент или его представитель имеет право участвовать и быть выслушанным в администрации психиатрического учреждения, Министерстве здравоохранения, суде при решении вопросов о его принудительной госпитализации и принудительном лечении». Согласно отчету Žmogaus Teisės [10: 134], распространенной практикой в Литве является недопущение принудительно госпитализированных пациентов на судебные заседания под часто формальным предлогом, что «пациент не в состоянии участвовать в судебном заседании».

Из содержания ч. 2 ст. 281 ГПК Украины следует, что участие лица, в отношении которого решается вопрос о необходимости принудительного лечения, не является обязательным. Таким образом, рассмотрение дел данной категории может происходить при отсутствии данного лица. Однако такая законодательная неопределенность правового статуса

данного лица приводит к нарушениям его прав и законных интересов. Учитывая, что решение суда непосредственно влияет на права и обязанности данного лица, есть все основания считать данное лицо заинтересованным. Законодательством ряда других стран предусмотрено, что в случае невозможности присутствия пациента в суде при рассмотрении дела о его недобровольной госпитализации судебное слушание проводится в психиатрическом стационаре.

Таким образом, действующее законодательство Украины и Литвы не обеспечивает на должном уровне защиту лиц с расстройствами психической деятельности, при этом юридические гарантии являются нечеткими и несистематизированными. Вышесказанное обусловливает необходимость пересмотра нормативно-правовых актов с участием врачей, юристов, экспертов и внесения соответствующих дополнений и изменений в действующее законодательство.

Литература

1. Бущенко, А.П., Захаров, В.Е. Статья 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Систематизированный дайджест решений Европейского Суда по правам человека. Харьков: Права человека, 1998. 432 с.
2. Гражданский процессуальный кодекс Украины от 18.03.2004 г., № 1618-IV // Голос Украины. 18.05.2004. № 89.
3. Декларация прав человека принята резолюцией 217 A (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1948. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.un.org
4. Закон Литовской Республики от 01.07.1997 (ред. от 15.03.2007) «Закон о медицине». [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://latvia.news-city.info
5. Закон Украины «О психиатрической помощи» от 22.02.2000 № 1489-III. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://zakon2.rada.gov.ua
6. Международное право в документах / ред. М.В. Буроменский. Харьков: Издательство Национального университета внутренних дел, 2003. 376 с.
7. Погребняк, О.С. Некоторые особенности судебного рассмотрения и судебного решения по делам о предоставлении психиатрической помощи в принудительном порядке // Харьков: Форум права. 2012. № 1. С. 776–781.
8. Подрабинек, А.П. Карательная медицина. Нью-Йорк: Хроника, 1979. 134 с.
9. Собчак, А.А. Предисловие // Карательная психиатрия / под общ. ред. А.Е. Тараса. Москва; Минск: АСТ, Харвест, 2005. 608 с.
10. Lietuvos Respublikos Seimas / Jungtiniø Tautø Vystymo Programa Žmogaus Teises // Isleido UAB «Naujos sistemos». Vilnius, 2005. C. 340.
11. http://dic.academic.ru
12. http://h-v-p.boom.ru/oon.htm.
13. http://www.who.int/publications/list/9244562820/ru/index.html.

Сергей Борисюк
(Беларусь/Литва)

ПРАВОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ЗАЩИТЫ ЯЗЫКОВ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ (на примере Украины)

The article examines the problems in the field of the protection of minority languages in Ukraine. It shows that European legislation is more progressive. Although the most important provisions have been fixed, some of them do not require much government support and assistance. The law "On the basis of state language policy № 5029-VI» has been identified as a biased one, so it is necessary to create a new legal act regulating the issue. The necessity of the protection of the Ukrainian language has also been dealt with. The problems of the execution of the legal documents have been detected, which can be solved due to a structured approach to each minority language.

В статье я попытаюсь проанализировать, насколько эффективны правовые инструменты защиты языков национальных меньшинств в Украине. Также важно понять, существует ли какая-либо дискриминация в отношении национальных меньшинств в Украине по языковому признаку, и предложить сравнительную характеристику нормативно-правовой базы Украины с другими странами.

Для начала необходимо выяснить, что значит понятие «язык меньшинства». В Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств дается следующее определение. Язык меньшинств означает «язык, который: 1) традиционно используется на данной территории государства жителями этого государства, представляющими собой группу, численно меньшую, чем остальное население государства; и 2) отличается от официального языка (языков) этого государства» [1]. К языкам меньшинств в Украине относятся белорусский, болгарский, крымско-татарский, венгерский, молдавский, польский, румынский, русский, чешский и др.

Согласно последней переписи населения 2001 г., украинский язык признали родным 67,53% всего населения, русский же – 29,59%, остальные языки не превышают планку в полпроцента [12]. На мой взгляд, главная проблема состоит именно во взаимодействии двух языков:

украинского и русского. Язык уже давно стал спорным вопросом в Украине, и существует достаточно прецедентов проявления соперничества между сторонниками украинизации и защитниками русского языка в Украине. Примерами могут служить многочисленные митинги обеих сторон в 2012 г. за и против закона «Об основах государственной языковой политики». Были также прецеденты обращения организаций национальных меньшинств в международные инстанции по данному вопросу.

Языковое законодательство Украины включает Конституцию Украины, законы «О языках в Украинской ССР» (28 октября 1989 г.), «О национальных меньшинствах в Украине» (1992 г.), Декларацию прав национальностей (1 ноября 1991 г.), законы «О ратификации Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств» (15 мая 2003 г.), «О ратификации Рамочной конвенции Совета Европы о защите национальных меньшинств» (1997) и др. Кроме того, сохраняется закон «Об основах государственной языковой политики № 5029-VI», который хотя и был отменен Верховной Радой Украины в феврале 2014 г., однако это решение так и не было подписано спикером парламента для передачи на утверждение президента.

Согласно Конституции Украины государственным языком в Украине является украинский язык. В то же время в Украине гарантируется свободное развитие, использование и защита русского, других языков национальных меньшинств (ст.10) [4]. Иными словами, Конституция Украины закрепляет базовые положения, касающиеся развития украинского, русского и других языков.

Обратимся к международным договорам, которые ратифицировала Украина, тем самым взяв на себя обязательства исполнять положения, закрепленные в них.

Европейская хартия региональных языков охватывает 7 сфер, а именно: образование, судебную власть, административные органы, СМИ, культурные мероприятия и объекты, экономическую и общественную жизнь, трансграничные обмены. Согласно п. 2 ст. 2 Европейской хартии о региональных языках государство должно ратифицировать как минимум 35 пунктов части III Хартии [1]. Украина выполнила это требование. Рассмотрим данный вопрос более детально.

Что касается статьи об образовании, то Украина ратифицировала пункты, в которых содержатся положения, согласно которым Украина обязана применить нормы и обеспечить определенные права только в случаях, если семьи учеников выразили такое желание в количестве,

считающемся достаточным для этого. Относительно же высшего образования и курсов повышения квалификации Украина лишь поощряет и содействует инициативам по изучению языков меньшинств [8].

Применительно к судебной власти Украина ратифицировала положения, согласно которым в уголовном судопроизводстве обеспечивается рассмотрение запросов и свидетельских показаний на региональных языках. В гражданском и административном судопроизводствах разрешается представление документов и свидетельских показаний на региональном языке или языке меньшинства, при необходимости прибегая к помощи переводчика. Также стороны обязуются обеспечить доступность текстов законодательных актов на региональных языках или языках меньшинств [8].

Что касается статьи об административных органах и государственных службах, то Украина ратифицировала пункты, закрепляющие обязательство Украины разрешать или поощрять использование регионального языка административными органами только в случаях, если количество жителей оправдывает указанные меры [8].

Относительно СМИ Украина ратифицировала пункты, согласно которым государство лишь поощряет и содействует созданию и использованию СМИ на языках меньшинств [8].

В области экономической и общественной жизни не были закреплены узкие положения, как, например, составление инструкции по технике безопасности равным образом и на региональных языках или языках меньшинств, представление информации относительно прав потребителей на региональных языках или языках меньшинств [8]. Что касается статьи о культурных мероприятиях и объектах, то большая часть основных положений данной статьи была ратифицирована. Статью о трансграничных обменах Украина ратифицировала полностью [8].

Для того чтобы понять разницу между украинским и европейским законодательствами, рассмотрим пример Германии. Если сравнить, какие пункты ратифицировала Германия, а какие Украина, то можно увидеть разницу. Конечно, пункты, которые ратифицировала каждая земля Германии, отличаются, но если взять, к примеру, Берлин, то там закрепляются помимо тех норм, которые закрепила Украина, нормы, требующие большего вмешательства государства для защиты региональных языков. Так, ратифицированные землей Берлин нормы обязуют обеспечить доступность дошкольного образования на соответствующих региональных языках или языках меньшинств вне зависимости от количества, которое считается достаточным для этого. Также обеспечивается, а

не только лишь поощряется доступность высшего образования на языках региональных меньшинств [9].

Таким образом, пункты, которые выбрала Украина для ратификации, по большей части имеют диспозитивный характер. Они также не требуют большой государственной поддержки и содействия. Тем не менее, даже ратифицировав Хартию в рассмотренном варианте, Украина сделала большой шаг для улучшения ситуации в данной сфере.

Что касается Рамочной конвенции, то Украина Законом от 9 декабря 1997 года № 703/97-ВР ратифицировала Рамочную конвенцию Совета Европы о защите национальных меньшинств, тем самым взяв на себя обязательство создать в стране необходимые условия для того, чтобы лица, которые принадлежат к национальным меньшинствам, имели возможность хранить и развивать свой язык [2]. Ратифицировав конвенцию, Украина закрепила такое важное положение, как стремление «обеспечить, насколько это возможно, условия, позволяющие использовать язык меньшинства в отношениях между этими лицами и административными властями» [2]. Также в районах, где лица, принадлежащие к национальным меньшинствам, составляют значительное число и существует такая потребность, стороны конвенции должны стремиться обеспечить условия для изучения языка [2]. Это еще раз подчеркивает твердые намерения Украины обеспечить на законодательном уровне защиту прав национальных меньшинств.

Закон «Об основах государственной языковой политики № 5029-VI», принятый в 2012 г., формально еще действует. Согласно данному закону, «в случае сбора подписей свыше 10% лиц, живущих на определенной территории, местный совет обязан принять соответствующее решение по поводу присвоения языку статуса регионального на протяжении 30 дней с момента поступления подписных листов» (ст. 7) [7]. Данный нормативно-правовой акт вызвал обширную дискуссию в обществе, и, чтобы понять, чем это было вызвано, необходимо рассмотреть процедуру его принятия и собственно сам текст закона.

Начнем анализ с процессуальных моментов. Стоит сразу упомянуть, что закон был принят с нарушением процедуры, а именно: его приняли 3 июля, а подписали 8 августа, хотя если закон не подписан в течение 10 дней, это влечет наложение вето. Также он был принят «без рассмотрения проекта профильным парламентским комитетом, без юридической экспертизы, без составления и раздачи депутатам сравнительной таблицы, без предварительного внесения проекта в повестку дня, без постатейного его обсуждения и голосования» [10].

Согласно установлениям закона относительно образования школьник или студент имеет право обучаться на региональном языке. Также у учеников и студентов имеется право изменить язык обучения в любой момент. Представляется, что данные положения влекут за собой большие сложности с точки зрения их исполнения. Ведь для того, чтобы обеспечить их, учитывая, сколько существует региональных языков, необходима обширная материальная и образовательная база.

В ст. 11 закона закреплено положение: «Тексты официальных объявлений, сообщений выполняются на государственном языке. В пределах территории, на которой в соответствии с условиями части третьей статьи 8 настоящего Закона распространен региональный язык (языки), по решению местного совета такие тексты могут распространяться в переводе на этот региональный или русский язык (языки)» [7]. То есть если в определенном регионе какой-то язык будет признан региональным, то сообщения могут распространяться на этом региональном языке либо же на русском языке. Кроме того, согласно закону, единственным языком национальных меньшинств, признанным в качестве языка информатики, является русский язык. Иными словами, утверждается более высокий статус русского языка по сравнению с другими языками национальных меньшинств, что не является необходимым.

Остановимся на отзывах представителей международных организаций по поводу данного закона. Согласно сообщению генерального секретаря Совета Европы в докладе о применении Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств 2013 г. «защита национальных меньшинств и их языков имеет высокий уровень юридического признания в Украине» [5]. Также в данном докладе отмечается, что «сфера действия недавно принятого закона "О принципах государственной языковой политики" выходит далеко за основные положения Хартии… Процедурные требования, предусмотренные в законе, могут серьезно ограничить возможности небольших языковых групп получить защиту закона». И если использование русского языка в судебных органах вполне удовлетворительно, то этого нельзя сказать об использовании других языков национальных меньшинств. В докладе также отмечаются проблемы в области образования, а именно «отсутствие необходимых учебных материалов, а также подготовки учителей по многим языкам» [5]. Также «время вещания на языках меньшинств в целом сократилось, а в отношении большинства языков оно является весьма ограниченным» [5]. Проблема также заключается в отсутствии долгосрочных субсидий в области культуры. И, как считает Совет Европы, «властям Украины не-

обходимо по каждому языку принять структурированный подход для выполнения обязательств на основании Хартии» [5].

В целом можно сказать, что законодательная база Украины является довольно демократичной. Закрепление основных прав национальных меньшинств в национальном законодательстве, а также ратификация Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств и Рамочной конвенции Совета Европы о защите национальных меньшинств являются тому подтверждением. Что касается закона о языках, то, на мой взгляд, необходимо в скором времени принять новый закон, так как закон «Об основах государственной языковой политики» был принят с нарушениями и включает весьма спорные положения. На мой взгляд, Закон Украинской ССР «О языках в Украинской ССР» 1989 г., хоть и является устаревшим, вполне разумно учитывал интересы всех национальных меньшинств и может являться основой для нового закона. Проблемы в области СМИ можно решить, введя квоты вещания; в остальных областях нужны долгосрочные инвестиции для того, чтобы удовлетворить потребности национальных меньшинств.

Литература

1. Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <http://www.conventions.coe.int/Treaty/rus/Treaties/Html/148.htm>. Дата доступа: 21 сентября 2015 г.
2. Рамочная конвенция Совета Европы о защите национальных меньшинств. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <http://conventions.coe.int/treaty/rus/treaties/html/157.htm >. Дата доступа: 21 сентября 2015 г.
3. Конституция Республики Беларусь. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=6351 >. Дата доступа: 21 сентября 2015 г.
4. Конституция Украины. [Электронный ресурс.] Режим доступа: < http://iportal.rada.gov.ua/uploads/documents/27396.pdf>. Дата доступа: 21 сентября 2015 г.
5. Применение Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств. Двухгодичный доклад генерального секретаря Парламентской Ассамблее. Декабрь 2013. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <https://www.coe.int/t/dg4/education/minlang/sgreports/SGReport2013_ru.pdf>. Дата доступа: 21 сентября 2015 г.
6. Применение Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств. Сообщение генерального секретаря Совета Европы. Двухгодичный доклад генерального секретаря Парламентской Ассамблее. Декабрь 2011 года. [Электронный ресурс.] Режим доступа: < https://www.coe.int/t/dg4/education/minlang/sgreports/SGreport2012_ru.pdf>. Дата доступа: 21 сентября 2015 г.

7. Закон України «Про засади державної мовної політики № 5029-VI». [Электронный ресурс.] Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/5029-17>. Дата доступа: 21 сентября 2015 г.
8. Закон України «Про ратифікацію Європейської хартії регіональних мов або мов меншин». [Электронный ресурс.] Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/802-15>. Дата доступа: 21 сентября 2015 г.
9. European Charter for Regional or Minority Languages. Application of the charter in Germany. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <https://www.coe.int/t/dg4/education/minlang/Report/EvaluationReports/GermanyECRML1_en.pdf>. Дата доступа: 21 сентября 2015 г.
10. Закон о языке: основы языковой политики или засада? [Электронный ресурс.] Режим доступа: <http://gazeta.zn.ua/LAW/zakon_o_yazyke_osnovy_yazykovoy_politiki_ili_zasada.html>. Дата доступа: 21 сентября 2015 г.
11. Депутаты не хотят принимать документы по-белорусски «из-за материальных затрат». [Электронный ресурс.] Режим доступа: <http://telegraf.by/2011/07/b85621a2f04c4e3f8bad205c080d4db0>. Дата доступа: 21 сентября 2015 г.
12. Численность и состав населения Украины по итогам Всеукраинской переписи населения 2001 года. [Электронный ресурс.] Режим доступа: < http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/language/>. Дата доступа: 21 сентября 2015 г.
13. Языковой закон вредит украинской государственности. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <http://censor.net.ua/news/208313/yazykovoyi_zakon_vredit_ukrainskoyi_gosudarstvennosti_nujno_prinimat_mery_lider_krymskih_tatar_djemilev>. Дата доступа: 21 сентября 2015 г.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЧАСТНОГО ПРАВА В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ И СНГ

Елизавета Новикова
(Беларусь/Литва)

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ КРИПТОВАЛЮТ (БИТКОИН) НА НАЦИОНАЛЬНОМ И МЕЖДУНАРОДНОМ УРОВНЯХ

Bitcoin has been described as a decentralized virtual currency. However, being a decentralized system, there is no central issuer, authority or register-keeper. Bitcoin is unique not because it is a virtual currency but because it is a proof of the concept of a decentralized non-issued electronic currency. Regulation of virtual currencies is at a very early stage. Most regulatory regimes are not well designed to cater for this type of payment system. However, creating and protecting trust is a crucial issue in the regulation and public acceptance of new payment services. It is generally accepted that adequate regulation is a key pre-cursor to consumer acceptance of new payment methods, including mobile banking and payments. The article examines the legal and regulatory status of virtual currencies at national and international levels.

Процессы глобализации и развития технологий привели к появлению новых платежных инструментов, бросающих вызов традиционной финансовой системе. Появление криптовалют – это абсолютно беспрецедентный и уникальный феномен в современной финансово-денежной системе, представляющий собой новый этап в эволюции денежной системы.

Концепция криптовалют основана на теории частных денег Ф. Хайека. Пытаясь найти решение проблемы инфляции и понять причину финансовых кризисов и безработицы, Хайек разработал концепцию денационализации денежной системы, основная идея которой состояла в том, чтобы лишить правительство монополии на эмиссию денег [16: 219]. По мнению Хайека, именно государственная монополия на эмиссию денег является основной причиной финансовых кризисов и безработицы [16: 80]. Хайек предлагал лишить государство монополии на эмиссию денег и передать право эмиссии частным институциям. Основа данной концепции состоит в том, что деньги необходимо рассматривать как обычный коммерческий товар, следовательно, они должны произво-

диться рыночным способом на конкурентной основе. По сути, появление криптовалют является реализацией данной концепции. Их эмиссия основана на криптографических технологиях и происходит в децентрализованной системе.

В основе работы системы биткоин лежит технология пиринговых сетей. Характерная черта пиринговых сетей как одной из основных технологий, определяющих работу интернета, заключается в равноправии участников, поскольку каждый участник является одновременно и сервером, и клиентом [14: 5]. Иными словами, в системе криптовалют нет единого эмиссионного центра, выпускающего и контролирующего их использование в сети. Каждый участник выступает их эмитентом. В этом заключается одна из основных особенностей криптовалют как новой формы денег.

На данный момент существует около 700 различных криптовалют. Самой популярной из них является биткоин. Биткоин – эта цифровая валюта, эмиссия которой основана на криптографических технологиях и происходит в децентрализованной системе. Понятие «биткоин» также используется для обозначения программного обеспечения открытого доступа, разработанного для этой валюты. Кроме того, это название сети, сформированной для поддержки этого программного обеспечения. В целом система биткоин – электронная платежная система, использующая технологии пиринговых сетей и криптографии. По сути, биткоин представляет собой набор чисел, который может передаваться от одного компьютера к другому, причем информация о транзакциях хранится в зашифрованном виде у всех участников системы. Это является еще одной важной особенностью биткоинов: их транзакции абсолютно анонимны, поскольку адреса, которые используются для передачи биткоинов, не содержат никаких личных данных. Таким образом, можно выделить две основные юридически значимые характеристики биткоинов – децентрализованность и анонимность. Именно эти свойства биткоинов создают проблемы для их регулирования. Децентрализация и анонимность способствуют тому, что биткоины могут использоваться в нелегальных целях, например для покупки нелегальных товаров, отмывания денег, а также финансирования преступной деятельности. Такая ситуация не может не беспокоить государственных регуляторов.

На начальном этапе ключевая правовая проблема состоит в определении правового статуса биткоинов. Анализ правового статуса биткоинов в различных юрисдикциях позволяет сделать вывод, что в целом все страны можно разделить на государственные регуляторы, которые

признают криптовалюты законными в своей юрисдикции, и на государственные регуляторы, которые, считая криптовалюты нелегальными, предпочитают запрещать и ограничивать их использование.

В тех юрисдикциях, где биткоины были признаны легальными, они имеют различный правовой статус. Единственной юрисдикцией, в которой статус криптовалют определен на законодательном уровне, является штат Калифорния. Здесь криптовалюты имеют статус законного средства платежа и фактически приравнены по статусу к иностранным валютам [2]. Финансовые регуляторы США на федеральном уровне склоняются к тому, чтобы классифицировать виртуальные валюты как законный финансовый инструмент и применять к ним соответствующее регулирование [4]. Государственные регуляторы Германии придерживаются похожего мнения и классифицируют биткоин как законный финансовый инструмент, в том числе «частные деньги» [7: 12]. В Великобритании криптовалюты также имеют статус частных денег, и на них распространяется соответствующее регулирование [9]. Французские и нидерландские регуляторы официально не признают криптовалюты формой денег, однако распространяют на них аналогичное регулирование, т.е. можно сделать вывод, что, по сути, они имеют здесь статус валют. В некоторых юрисдикциях, например в Сингапуре, Финляндии, Австралии и Канаде, биткоины имеют статус товара в сделках, где они принимаются в качестве оплаты товаров и услуг, а сами такие сделки приравниваются к бартерному обмену.

На мой взгляд, биткоины следует квалифицировать как деньги, а не как товар или имущество, так как они обладают многими свойствами, присущими деньгам: портативность, мобильность, делимость, долговечность, способность сохранять стоимость. Кроме того, биткоины выполняют основные функции денег. Однако следует учитывать, что биткоин – это валюта, основанная на доверии пользователей и обеспеченная рыночной стоимостью. По мере развития и легитимизации биткоинов доверие будет возрастать, вследствие чего будет уменьшаться волатильность курса и они смогут стать надежным средством накопления. Кроме того, стоит отметить, что биткоины способны выполнять функции денег намного лучше, чем обычные фиатные и электронные деньги. В отличие от фиатных денег они более долговечны и надежны. Технология биткоинов устроена таким образом, что их практически невозможно подделать. Преимущество перед электронными деньгами как средством платежа состоит в том, что транзакционные издержки биткоинов намного ниже и их транзакции занимают меньше времени. Также биткоины имеют предска-

зуемую и уменьшающуюся эмиссию, в результате чего исключается возможность их инфляции. Кроме того, для биткоинов не существует границ – их легко можно передать в любую точку мира, используя интернет.

Что касается запрета или ограничения использования, то анализ правового регулирования биткоинов в странах, которые негативно относятся к феномену криптовалют, показал, что здесь также по-разному подходят к этому вопросу. Финансовые регуляторы некоторых юрисдикций ставят использование криптовалют полностью вне закона. К таким странам относятся Боливия, Россия, Вьетнам. В Китае запрет на использование биткоинов распространяется только на финансовые учреждения [20]. На мой взгляд, запрет биткоинов не имеет никакого смысла, так как не вполне понятно, как власти собираются осуществлять контроль за его соблюдением. Регулятивный подход к криптовалютам отражает гибкость государства и его восприимчивость к инновациям. Полагаю, что запрет и ограничение криптовалют свидетельствует о том, что государство просто не способно адекватно реагировать на изменения, происходящие в современном мире.

Анализ проблемы налогообложения доходов, полученных от операций с биткоинами, позволил сделать вывод, что режим налогообложения биткоинов в различных юрисдикциях зависит от их правового статуса и характера операций, в которых они используются. В основном налоговые службы придерживаются мнения, что в целях налогообложения биткоин следует квалифицировать как товар, в результате чего сделки с ними приравниваются к бартерному обмену и облагаются соответствующим налогом. Вместе с тем есть юрисдикции, в которых режим налогообложения операций с криптовалютами не отличается от режима налогообложения сделок с обычными валютами. К таким юрисдикциям относится Великобритания [9]. Я также придерживаюсь такого подхода. На мой взгляд, приравнивание биткоинов к обычным валютам упрощает их налогообложение и делает их простым средством оплаты.

Анализ проблемы предотвращения отмывания денег показал, что только в тех юрисдикциях, где криптовалюты имеют правовой статус денег, финансового инструмента, возможно применение к ним норм, направленных на борьбу с отмыванием денег и финансированием терроризма. Регуляторы в этих юрисдикциях либо распространяют на криптовалютные компании существующие нормы AML, либо разрабатывают специальные правила, предназначенные для предотвращения отмывания денег посредством криптовалют. Криптовалютные компании приравниваются к компаниям, оказывающим финансовые услуги, и на них

распространяются аналогичные правила регулирования их деятельности. Как правило, в названных юрисдикциях к таким компаниям относятся криптовалютные биржи, обменные сервисы, компании, оказывающие услуги по хранению и администрированию криптовалют.

В большинстве юрисдикций деятельность криптовалютных компаний, в частности бирж и обменных сервисов, подлежит лицензированию. Получение лицензии во всех юрисдикциях в первую очередь предполагает соблюдение норм, предотвращающих отмывание денег и финансирование терроризма. Анализ проблемы отмывания денег посредством биткоинов показывает, что единственный способ регулирования данной проблемы – это опосредованное регулирование, т.е. регулирование криптовалютных бирж и обменных сервисов. Такое регулирование возможно только в том случае, если криптовалюты будут признаны деньгами, а криптовалютные компании – компаниями, оказывающими финансовые услуги. Таким образом, подтверждается тезис о том, что для целей регулирования биткоины должны быть признаны деньгами. Это позволит обеспечить необходимый уровень регулирования на национальном уровне, который будет способствовать предотвращению использования биткоинов в нелегальных целях, а как следствие, легитимизации и коммерциализации криптовалют.

Обладая таким свойством, как транснациональность, биткоины могут стать удобным средством расчета в условиях глобального характера современной финансовой системы. Во-первых, биткоины не подвержены инфляции, что может оказаться очень важным в условиях международного экономического кризиса. Во-вторых, транзакции биткоинов осуществляются напрямую, без посредников, и занимают считанные минуты. Кроме того, международные транзакции биткоинов защищены от государственных ограничений. Также преимуществом биткоинов перед другими валютами являются низкие операционные издержки: транзакции биткоинов обладают самыми низкими комиссиями. Однако для того, чтобы биткоины стали всемирно признанной валютой, им необходимо признание международных финансовых органов.

На уровне ЕС правовой статус виртуальных валют не определен, а вопрос их регулирования остается открытым, что создает правовую неопределенность на общеевропейском уровне. ЕЦБ пока не дал четких указаний по регулированию виртуальных валют. По мнению ЕЦБ, в настоящее время биткоины не представляют угрозу стабильности европейской денежной системе, поэтому не нуждаются в специальном регулировании [13: 3].

Европейское банковское управление (EBA) разработало ряд предложений по регулированию виртуальных валют [11]. Анализ предложенных мер позволяет сделать вывод, что европейский финансовый регулятор понимает особенности криптовалют, такие как децентрализованность и анонимность, и учитывает их при вынесении предложений по регулированию. Кроме того, EBA осознает невозможность непосредственного регулирования виртуальных денег, т.е. регулирования прямых операций между пользователями самой системы, в связи с чем предлагает меры, направленные на опосредованное регулирование. В случае реализации этих предложений биткоины смогут стать легитимным средством расчета, что позволит решить проблему правовой неопределенности на общеевропейском уровне.

Таким образом, можно сделать вывод, что криптовалюты являются абсолютно уникальным явлением финансовой системы, которое требует полного переосмысления существующего регулирования денежной системы. Биткоин стал новым воплощением концепта денег, следующим этапом эволюции денежной системы. То, что сейчас происходит, можно описать как постепенную децентрализацию денег, ставшую возможной благодаря технологии, лежащей в основе биткоина. Феномен криптовалют способен изменить не только существующую парадигму финансовой системы, но и всю систему общественных отношений. Хайек в конце XX в. был уверен в том, что именно государственная монополия на эмиссию денег является причиной финансовых кризисов и безработицы. В условиях череды финансовых кризисов, сменяющих друг друга, люди перестают доверять банкам и государству. Криптовалюты являются альтернативой традиционной финансовой системе. С давних времен государство обладает всего несколькими монополиями, среди которых одной из основных является монополия на эмиссию денег. Если биткоин станет всемирно признанной валютой, отпадет необходимость не только в банках, может быть поставлена под сомнение необходимость государства как такового.

Литература

Нормативно-правовые акты

1. Договор о функционировании Европейского Союза. Рим, 1957 г. Европейский Союз: основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора с комментариями / отв. ред. С.Ю. Кашкин. М.: ИНФРА-М, 2010. 390 с.

2. Assembly Bill. № 129, California Assembly, 28 Jun 2014. [онлайн]. [просмотрено 29 марта 2015.] Доступ через интернет.
3. Bill C-31, House of Commons of Canada, Jun 2014. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.parl.gc.ca/content/hoc/Bills/412/Government/C-31/C-31_3/C-31_3.PDF Дата доступа: 27 июня 2014 г.
4. Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности Биткойн. Пресс-центр Центрального банка РФ, январь 2014 г. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.cbr.ru/press/PR.aspx?file=27012014_1825052.htm Дата доступа: 2 марта 2015 г.
5. Application of FinCEN's Regulations to Persons Administering, Exchanging, or Using Virtual Currencies, Guidance, FIN-2013-G001, March 2013. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.fincen.gov/statutes_regs/guidance/html/FIN-2013-G001.html Дата доступа: 16 марта 2015 г.
6. Application of FinCEN's Regulations to Virtual Currency Mining Operations, FIN-2014-R00, Jan 2014. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.fincen.gov/news_room/rp/rulings/pdf/FIN-2014-R001.pdf Дата доступа: 16 марта 2015 г.
7. Application of FinCEN's Regulations to Virtual Currency Software Development and Certain Investment Activity, FIN-2014-R002, Jan 2014. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.fincen.gov/news_room/rp/rulings/pdf/FIN-2014-R002.pdf Дата доступа: 16 марта 2014 г.
8. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.bafin.de/SharedDocs/Veroeffentlichungen/DE/Fachartikel/ 2014/fa_bj_1401_bitcoins.html.
9. Complain of SEC vs T. Shavers and BCTST, Case 4:13-cv-00416-RC-ALM, Jun 2013. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.sec.gov/litigation/complaints/2013/comp-pr2013-132.pdf Дата доступа: 24 марта 2015 г.
10. Digital currencies: response to the call information, HM Treasury, March 2015. [Электронный ресурс.] Режим доступа: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/414040/digital_currencies_response_to_call_for_information_final_changes.pdf Дата доступа: 7 апреля 2015 г.
11. MAS to Regulate Virtual Currency Intermediaries for Money Laundering and Terrorist Financing Risks, The Monetary Authority of Singapore, 13 March 2014. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.mas.gov.sg/news-and-publications/media-releases/2014/mas-to-regulate-virtual-currency-intermediaries-for-money-laundering-and-terrorist-financing-risks.aspx Дата доступа: 16 апреля 2015 г.
12. Opinion on «virtual currencies», EBA, Op 2014/08, 4 Jul 2014. [Электронный ресурс.] Режим доступа: https://www.eba.europa.eu/documents/10180/657547/EBA-Op-2014-08+Opinion+on+Virtual+Currencies.pdf
13. Tax treatment of crypto-currencies in Australia – specifically bitcoin, Autralian taxation office, 18 Dec, 2014. [Электронный ресурс.] Режим доступа: https://www.ato.gov.au/General/Gen/Tax-treatment-of-crypto-currencies-in-Australia-specifically-bitcoin/ Дата доступа: 18 апреля 2015 г.

14. Virtual Currency Schemes, European Central Bank, Oct. 2012. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/ other/virtualcurrencyschemes201210en.pdf. Дата доступа: 2 мая 2015 г.

Монографии, учебники, статьи

15. Архипов, В. Bitcoin: основные принципы и отдельные юридически-значимые особенности. Закон, январь 2014 г. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://zakon.ru/Blogs/bitcoin_osnovnye_principy_i_otdelnye_yuridicheskiznachimye_osobennosti/9898/ Дата доступа: 13 апреля 2014 г.
16. Власов, А.В. Криптовалюты как новый вид электронных денег // Наука и образование. 2013. № 7. С. 23–34.
17. Хайек, Ф.А. Частные деньги. М.: Институт Национальной Модели Экономики, 1996. 219 с.
18. Мюррей, Р. Государство и деньги – как государство завладело денежной системой общества. М.: Социум, 2003. 78 с.
19. Bollen, R. The Legal Status of Online Currencies: Are Bitcoins the Future? // Journal of Banking and Finance Law and Practice, 2013. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://ssrn.com/abstract=2285247 Дата доступа: 10 апреля 2015 г.
20. Nakamoto, S. Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System, 2008. [Электронный ресурс.] Режим доступа: https://bitcoin.org/bitcoin.pdf Дата доступа: 12 апреля 2015 г.

Иные источники

21. Биткоин. Как это работает // Habrahabr.org, февраль 2011. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://habrahabr.ru/post/114642/ Дата доступа: 30 марта 2015 г.
22. Вьетнам объявил операции с участием биткоина незаконными. Bitcoinbeat, февраль 2014. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.bitcoinbeat.org/vietnam-bans-bitcoin/ Дата доступа: 25 марта 2015 г.
23. Центральный банк Боливии запретил Bitcoin. Ecorrency, июнь 2014. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <http://ru.ecurrency.ec/2014/06/bitcoin-banned-by-bolivian-central-bank/ Дата доступа: 2 апреля 2014 г.
24. The People's Bank of China and Five Associated Ministries Notice: «Prevention of Risks Associated with Bitcoin», BBCChina. [Электронный ресурс.] Режим доступа: https://vip.btcchina.com/page/bocnotice2013 Дата доступа: 23 июня 2014 г.
25. Bitcoin Judged Commodity in Finland After Failing Money Test. Bloomberg, Jan 2014. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <http://www.bloomberg.com/news/2014-01-19/bitcoin-becomes-commodity-in-finland-after-failing-currency-test.html Дата доступа: 28 апреля 2015 г.

Владимир Низов
(Россия)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОРПОРАЦИЯ КАК ИНСТИТУТ ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

The author examines the concept of state corporation in both the historical and legal context. The article summarizes that state corporation is an entity not only of private but also of public law. An estimation of the concept is provided and it is shown how it is set forth under the current Russian legislation. Based on historical and comparative approaches, the author emphasizes that state corporations are devoted to achieving state goals. The analysis is based not only on the results of scientific research but the positions of some government bodies, employees of state corporations and politicians are also taken into consideration. Additionally, the author gives a number of proposals to researchers and legislators in order to regulate the activity of this institution.

В начале XXI в. перед юридическим сообществом в России и за рубежом появилась трудная задача по разделению многих отношений на приватные и публичные. Особенно остро данный вопрос стал в странах, принадлежащих к романо-германской правовой семье. Ведь именно в этих странах господствует римская традиция разделять любую сферу права и любые правоотношения на частные и публичные. В последнее время из-за переплетения интересов частных лиц и публичных субъектов (будь то государство, муниципальное образование или другой субъект) сделать это порой невозможно. Более того, многие субъекты частного права хотят вписаться в систему публичного права и получить от этого определенные преференции. Существует и обратная тенденция по переходу публичных субъектов в частное правовое поле. Особенно это характерно для постсоциалистических стран, в том числе и Российской Федерации. Одним из способов такого слияния являются государственные корпорации. Их статус довольно существенно отличается в разных странах, а в некоторых (в том числе РФ) они обладают поистине уникальным характером [2: 11–115].

Понятие «государственная корпорация» появилось достаточно давно. Во многих странах государственные корпорации выполняют разнообразные функции: непрямое регулирование экономики, инве-

стиционная деятельность, выполнение управленческих функций государства и др. Но в целом госкорпорации – это инструмент для достижения определенных целей, поставленных государством. В Российской Федерации данный институт начали в полном объеме использовать лишь в последнее десятилетие. Это связано с созданием ряда некоммерческих государственных корпораций, таких как Росатом, Внешэкономбанк, Ростех и др.

Необходимо помнить, что под понятием государственной корпорации имеются в виду достаточно разные субъекты. В зарубежных странах организационно-правовую форму юридического лица, осуществляющую функции государственных корпораций, обычно именуют state-owned corporation, т.е. корпорация, которой владеет государство. Такой подход может выглядеть довольно простым, если не учитывать проблематики определения «корпорация».

Вопрос о том, что такое корпорация, является одним из наиболее важных в науке гражданского права, в законодательстве и в правоприменительной практике. Самый простой ответ на этот вопрос: корпорация – это, во-первых, вид юридического лица, во-вторых, определенная «команда» (a production team) [12: 638]. Вообще, отечественные филологи полагают, что слово «корпорация» (от позднелат. corporatio – объединение) означает: «1) объединение, союз, общество; 2) совокупность лиц, объединившихся для достижения какой-либо цели; является юридическим лицом» [8]. В древнеримский период под корпорациями понимались союзные образования, существующие и действующие в интересах лиц, непосредственно связанных между собой и с образованием в целом в качестве членов корпорации [3: 18–24]. При этом следует отметить, что окончательного признания гражданско-правовых союзов как субъектов права в Риме так и не произошло [11: 114]. До недавнего времени в законодательстве РФ отсутствовало легальное определение данного термина, что вызывало вопросы у некоторых исследователей [7: 12–15]. Реформа главы 4 Гражданского кодекса внесла такое понятие, и теперь под корпорацией следует понимать юридическое лицо, учредители (участники) которого обладают правом участия (членства) в них и формируют их высший орган в виде общего собрания участников (с учетом исключений, которые регламентирует ст. 65.3 ГК). После таких изменений ГК РФ можно окончательно сделать вывод, что государственные корпорации не являются корпорациями. Это действительно так, если понимать данное понятие сугубо в рамках Гражданского кодекса, а не ориентироваться на мировой тренд развития данных образований.

В законодательстве Российской Федерации имеется закрепленное определение государственной корпорации. В ч. 1 ст. 7.1. ФЗ «О некоммерческих организациях» указано, что государственной корпорацией признается не имеющая членства некоммерческая организация, учрежденная Российской Федерацией на основе имущественного взноса и созданная для осуществления социальных, управленческих или иных общественно полезных функций. Первой государственной корпорацией, созданной на основании данного закона, стало Агентство по реструктуризации кредитных организаций, просуществовавшее всего пять лет и ликвидированное Федеральным законом от 28 июля 2004 г. № 87-ФЗ. На смену ей пришла государственная корпорация «Агентство по страхованию вкладов», созданная Федеральным законом от 23 декабря 2003 г. № 177-ФЗ «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации». Причем в последнем случае риски осуществления страхования вкладов граждан в тот период были настолько высоки, что этот вид страхования не мог осуществляться коммерческими страховыми организациями. Поэтому даже при создании действующей системы страхования вкладов, носящей некоммерческий характер, банки допускались в нее только после проверки их финансовой устойчивости [9: 305–317].

Первый вывод, который следует из данного правового закрепления, состоит в том, что государственная корпорация – это вид некоммерческой организации. С другой стороны, некоторые исследователи отмечают определенные несоответствия в таком определении. Такие несоответствия выражаются, например, в том, что ст. 15 ФЗ «О некоммерческих организациях» в числе учредителей некоммерческих организаций называет только граждан и юридических лиц и не упоминает государство как таковое [1: 97–100]. Вместе с этим необходимо отметить, что изначально норма ст. 7.1 ФЗ «О некоммерческих организациях» была рассчитана только на регуляцию деятельности Агентства по реструктуризации кредитных организаций и не рассматривалась для дальнейшего использования [4: 19–28].

Еще раз напомним о некорректном использовании понятия «корпорация» в данном случае. Этот факт отмечался еще в 1999 г. при внесении в Государственную Думу проекта ФЗ «О внесении дополнения в Федеральный закон "О некоммерческих организациях"». В заключении Правового управления к данному законопроекту указывалось на некорректность термина «корпорация» в данном случае [5]. Этот подход также получил оценку и в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, одобренной решением Совета при Президенте

РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г. В пункте 7.3.1 раздела III данной Концепции приводится критика как самого названия, так и юридического закрепления понятия «государственная корпорация»: «Госкорпорации не являются ни корпорациями (не имеют членства), ни государственными организациями (будучи частными собственниками своего имущества), ни некоммерческими организациями, ибо в ряде случаев создаются для осуществления предпринимательской деятельности» [6].

Действительно, такая юридическая структура, как государственная корпорация, не может не вызывать дополнительных вопросов и критики. Данную критику можно было услышать не только на научном уровне, но и на государственном. Уже упомянутая Концепция развития гражданского законодательства РФ отображает цивилистическую точку зрения на государственные корпорации. Данная точка зрения понятна и логична, но только с точки зрения гражданского права. Необходимо согласиться с В.Е. Чиркиным, который говорит о том, что гражданское право в какой-то мере «взяло себе» некоторые публично-правовые формирования, но не может обеспечить регулирование их деятельности присущими ему методами [10]. Надо отметить, что определение государственной корпорации довольно широкое и позволяет создавать разнообразные виды этих корпораций. Безусловно, статус Росатома отличается от статуса Олимпстроя. Это обусловливается разницей между целями и характером их деятельности. Тем не менее эксперты выделяют сущностные признаки госкорпораций как юридических лиц публичного права. Во-первых, это ярко выраженные публичные функции, во-вторых, определенные властные полномочия и, наконец, право собственности на существующее имущество [8: 345–350].

Таким образом, институт государственных корпораций, который реализуется в Российской Федерации в последние годы, не есть искажение роли государства в экономике, а, наоборот, является инструментом проведения государством своей экономической политики, которая направлена в том числе и на модернизацию. Государственные корпорации уже показали свою эффективность во многих странах мира, как передовых капиталистических (Великобритания, США и др.), так и в странах со смешанной экономикой (КНР и некоторые постсоветские страны). Тот факт, что развитые страны немного отошли от данного института, не должны сбивать с толку исследователя, которому следует учитывать разницу в целях и задачах, стоящих перед российской экономикой и экономикой стран Западной Европы и Северной Америки. Регулирование любой

сферы общественных отношений должно происходить с учетом исторического развития государства и особенностей культуры населения.

Госкорпорации являются давним юридическим изобретением, но данный институт не потерял своей актуальности и достаточно важен для стран с социалистическим прошлым, которые желают провести успешную и мягкую приватизацию. Более того, мировой тренд смешивания публичных и частных интересов затрудняет выделение из правоотношений чисто публичных или чисто частных интересов, что приводит к проблеме выбора права регулирования. Вместе с тем идея государственных корпораций не должна являться самоцелью, и нельзя пытаться создавать государственные корпорации в малых сферах вроде рыбного промысла или лесозаготовки. С другой стороны, госкорпорации в сфере атома или оборонной промышленности уже показали свою эффективность и имеют поддержку как во властных структурах, так и в некоторых научных кругах. Именно поэтому российское государство на данном отрезке времени должно быть более гибким и уметь осуществлять регулирование и через такие публично-частные структуры, как государственные корпорации, а теоретическая и практическая деятельность юридической мысли должна быть направлена на совершенствование данного института. Ведь вопросов и научных проблем у данного института достаточно много и их необходимо решать, в том числе с помощью научного сообщества. Кроме того, создание новой государственной корпорации должно учитывать ошибки своих предшественников, и при поддержке экспертного сообщества законодатель и исполнительная власть должны оптимизировать переходной период от органа исполнительной власти к государственной корпорации.

Литература

1. Анисимов, А.П. Государственная корпорация как форма нерационального распоряжения государственной собственностью // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 4. С. 97–100.
2. Богданов, Е. Правовой режим имущества государственной корпорации // Хозяйство и право. 2008. № 5. С. 111–115.
3. Гримм, Д.Д. Лекции по догме римского права. М.: Зерцало. 2003. 361 с.
4. Грищенко, А.В., Моралес, К. Корпорации в России и зарубежных правопорядках: понятие и сущность (государственные корпорации в современной России на примере Государственной корпорации «Росатом») // Энергетическое право. 2009. № 1. С. 19–28.

5. Заключение к проекту Федерального закона № 99062966-2 «О внесении дополнения в Федеральный закон “О некоммерческих организациях”» // Официальный сайт Государственной Думы РФ URL: http://www.duma.gov.ru
6. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.
7. Матвеев, И.В. Что считать корпорацией в Российской Федерации? // Современное право. 2009. № 5. С. 12–15.
8. Советский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 641.
9. Талапина, Э.В. О государственных корпорациях с позиций публичного права // Очерки конституционной экономики. 10 декабря 2010 года: госкорпорации – юридические лица публичного права. М.: Юстицинформ, 2010. С. 345–350.
10. Чиркин, В.Е. О понятии и классификации юридических лиц публичного права // Журнал российского права. 2010. № 6.
11. Хвостов, В.М. Система римского права. М.: Спарк, 1996. 533 с.
12. Teemu Ruskola. What Is a Corporation? Liberal, Confucian, and Socialist Theories of Enterprise Organization (and State, Family, and Personhood) // Seattle University Law Review. Vol. 37: 637. P. 637–664.

РЕЛИГИЯ И ПРОЦЕССЫ МОДЕРНИЗАЦИИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Александр Полубинский
(Беларусь)

ПРОБЛЕМАТИКА РАЦИОНАЛЬНОСТИ В БОГОСЛОВИИ И МАТЕМАТИКЕ

The article deals with the comparison and analysis of the intrinsic logic of two major language systems of the religious and secular discourse – theology and mathematics. On the basis of detailed comparative study we can see how exactly the universal concept of rationality is related to the properties of consistency and the completeness of linguistic patterns selected by us. Moreover, we can observe how the semantic mechanisms of theological language can participate in solving antinomies of mathematical logic. The article also highlights the need to combine different instrumental approaches while studying the phenomena of reality, which is especially important in relation to the opposition of positivist and religious mental paradigms that is still popular today.

Одним из наиболее распространенных аргументов в контексте сопоставления религиозной и секулярной моделей сознания является понятие рациональности, тесно связанное в данном дискурсе со следованием здравому смыслу, которое нередко используется для откровенной дискредитации тех или иных концепций религиозного мышления. В самом деле, крайне сложно с рациональной точки зрения обосновать не только саму веру в те или иные трансцендентные образы и понятия, но и принять ряд моральных ограничений, не говоря уже о том, каким общественным резонансом порой завершаются некоторые неоднозначные инициативы религиозных институтов. Иными словами, понятие рациональности на протяжении долгого времени являлось своего рода панацеей для здравых умов и главным критерием истинности, вторя знаменитому изречению: «В любой науке столько истины, сколько в ней математики»[1].

Учитывая сказанное, я и пытаюсь прояснить основную проблематику своей работы: каким образом на примере анализа и сопоставления внутренней логики двух важнейших языковых систем религиозно-секулярного дискурса – математики и богословия мы можем расширить

---

[1] Парафраз И. Канта: «В каждом отделе естествознания есть лишь столько настоящей науки, сколько в нем математики» (Метафизические основы естествознания, 1786 г.).

само наше восприятие области рационального и, как следствие, отчасти опровергнуть указанное выше клише? Обоснованность подобного рода предположения справедливо вытекает из диалектической значимости аппарата математической логики для мышления в целом, ведь еще Г. Харди в своей знаменитой работе «Апология математика» утверждал, что серьезная математическая теорема «весьма вероятно приводит к существенным продвижениям как в самой математике, так и в других науках» [5: 59]. При этом будем помнить, что всякая языковая система содержит в себе порождающее данную систему начало.

Обратимся сначала к богословию. Весьма символично, что на протяжении многих веков как философы, так и религиозные деятели с разных сторон пытались подойти к, по сути, не осмысляемому понятию Бога. При всем различии подходов фокус мог сводиться либо к личному творческому началу, либо же персональная ипостась, напротив, соотносилась с неким базовым доминирующим законом бытия. Вспомним, например, о так называемом «онтологическом» доказательстве бытия Бога, принадлежащем Ансельму Кентерберийскому. Ансельм попытался вывести само понятие бытия, или же существования, из понятия Бога, при этом сводя на дискурсивном уровне определение Абсолюта к следующей формуле: «то, больше чего нельзя помыслить». Иными словами, средствами богословской языковой системы образ Абсолюта представляется нам как некая максимально возможная совокупность элементов и понятий.

Другой великий теолог, Фома Аквинат, устанавливает различия между осмысляемыми разумом и понимаемыми лишь верой понятиями. Некоторые сущности бытия находятся вне области нашего разума, и, определяя их с помощью языка, мы лишь артикулируем стремление к их постижению. При этом сама природа Универсума, согласно томизму, обладает важнейшим свойством чистой актуальности, т.е. является причиной, актуализирующей потенциальные творения в строгом иерархическом порядке (от человека к животным, растениям и далее к камням, земле и т.п.)[2].

Таким образом, сопоставляя два ключевых подхода к осмыслению Божественной природы в рамках христианской догматики, мы можем заключить, что не только само понятие бытия содержится в поле природной сущности Абсолюта, но и наше бытие является Его следствием, т.е. фактом Божественного замысла. Однако справедлив следующий вопрос:

[2] При этом важно подчеркнуть, что в учении Фомы Аквината любые представления разума о Боге непременно нормированы бытием, которое и служит пределом человеческого познания.

как именно понятие Универсума сопрягается с различными формами воздействия на событийную канву бытия, доступного нашему разуму, т.е., иными словами, почему, например, Божественная природа проявляется в нашем существовании через Откровение?

В поисках ответа на данный вопрос обратимся к учению Мартина Лютера о Предопределении, которое содержит едва ли не ключевой, на мой взгляд, способ постижения природы Универсума – через понятие свободы. Мартин Лютер подчеркивает: «Бог [...] знает все, располагает и совершает по неизменной, вечной и непогрешимой Своей воле» [1: 308], т.е. в данной логической парадигме справедливо не только признать за Богом полное и изначальное всезнание, но и связать беспредельное пространство Божьей воли с понятием Первоначальной творческой свободы, в которой и берет свой исток свобода индивидуума.

Из этого, в свою очередь, следует более полная картина языкового механизма смыслового восприятия Божественной природы, интерпретируемой и в качестве Первопричины бытия, и в образе более полного Бытия, содержащего нашу реальность как одну из частностей, и с точки зрения детерминистической опоры любого внешнего вмешательства в существующий порядок. Таким образом, понятие Бога в рамках богословской языковой системы является не просто фундаментальным и непротиворечивым (по своему определению) основанием законов внутренней логики, но и ядром этой системы, порождающим последующие условия и предпосылки. Более того, в контексте христианского мышления мы способны оперировать и понятием Истины, которая в своем сущностном определении равнозначна Богу: «Я есмь путь, и Истина и жизнь, никто не приходит к Отцу Небесному, как только через Меня» (*Иоанн*, 14: 6).

Проанализировав внутренне устройство богословской логики и, следовательно, сформировав базовое представление о ядре данного механизма, обратимся теперь к тонкостям функционирования математического языка, учитывая (но не останавливаясь на них детально) поиски непротиворечивой формулировки общего основания математической науки. Последняя задача к концу XIX в., казалось, нашла свое разрешение в теории множеств, родоначальником которой стал великий немецкий математик Георг Кантор.

Теория множеств представляет собой раздел математической науки, в котором на строгом логическом языке описываются различные операции с предикатами, т.е. элементами, природа которых однозначно определена каким-либо свойством. Первичными же понятиями дан-

ной системы являются само множество, отношение принадлежности к множеству, пустое множество, а также ряд операций (объединение, разность, дополнение, пересечение и симметричная разность). В свою очередь, внутренняя механика взаимодействия элементов внутри системы определена законами предикативной логики, т.е. четырьмя унарными операциями (отрицание, конъюнкция, дизъюнкция и импликация) и двумя кванторами – всеобщности и существования. Таким образом, в рамках теории множеств (которая впоследствии станет основой многих разделов математики – от общей алгебры до функционального анализа) мы, в частности, обладаем инструментарием для логического построения высказываний и действий с ними, что равнозначно сведению основ математики к классической логике. Тем не менее уже первые выводы новой теории повлекли за собой ряд парадоксов.

Среди них особое значение имеет так называемая антиномия Рассела, согласно которой существование такого максимально возможного множества (множества всех множеств), содержащего в себе всевозможные подмножества (здесь нам стоит еще раз вспомнить указанное выше определение Бога Ансельмом Кентерберийским), порождает противоречие. В самом деле, если такое множество существует, то является ли оно подмножеством самого себя? Если да, то это противоречит определению, так как наше множество всех множеств не может являться чьим-либо подмножеством. Следовательно, оно не является подмножеством самого себя, что, в свою очередь, снова противоречит определению, поскольку допускает существование какого-либо иного множества вне рамок множества всех множеств.

Математической науке понадобились синтетические инструменты преодоления антиномий подобного рода. Наиболее значимым из них (наряду, например, с интуитивной логикой и троичной логикой) стала теория типов Бертрана Рассела, в которой автор попытался разрешить противоречие существования множества всех множеств путем введения иерархической системы элементов (типов) со строго различимыми классами, которые задаются какими-либо функциями.

Ключевое же событие в истории математической логики датировано 1931 г., когда датский математик Курт Гедель опубликовал доказательства двух теорем о неполноте. Смысл этих теорем сводится к следующему утверждению: если какая-либо формальная система *S* непротиворечива, то в ней непременно существует такая формула *F*, ни подтверждение, ни опровержение которой нельзя вывести из законов системы *S*. Говоря иными словами, в рамках математической науки (как, впрочем,

и в рамках любой другой системы языка) могут существовать такие утверждения, которые силами самой этой системы нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Вследствие этого знаменитый список проблем Гильберта, оптимистично верившего в разрешимость сформулированных им задач, был пересмотрен многими математиками с точки зрения вероятностной невозможности их решения. Одной из неразрешимых задач подобного рода впоследствии стала континуум-гипотеза по Кантору, неразрешимость которой традиционными средствами теории множеств была окончательно доказана в 1963 г. американским математиком П. Коэном.

С другой стороны, сложно переоценить значение неполноты по Геделю в контексте формализации математической науки, из которой теперь полностью исключалось понятие объективной истинности, замененное на доказуемость в рамках того или иного аксиоматического основания. Разумеется, с практической точки зрения замена одного определения на другое, более точное, не содержит в себе значимого урона для авторитета математики, а лишь подчеркивает значимость ее дискретно-познавательного вектора в противовес семантической доказуемости и непротиворечивости, поскольку «в математике нет символов для неясных мыслей»[3]. Таким образом, рассматривая смысл теоремы Геделя в контексте семантики языка в целом, можно заключить, что порождающий элемент любой языковой системы, который также играет роль верификационной функции, определяющей принадлежность элемента самой системе, находится вне ее границ. Разрешается ли данный парадокс рекурсивности особенностями семантического строения богословия – вопрос открытый, однако сложно отрицать тот факт, что вся внутренняя логика христианства обусловлена и порождена понятиями Бога и Истины.

Немаловажно, в данном контексте, отметить одно важное утверждение из наследия П. Флоренского, который, будучи и математиком, и православным мыслителем, попытался проективно сопоставить понятия Истины и математической антиномии, демонстрируя тем самым возможность расширения механики априорной логики: понятие доказуемой истинности предполагает либо выполнимость, либо ложность утверждения; математическая антиномия же содержит в себе одновременно и понятие выполнимости, т.е. истинности, и понятие ложности, задавая, таким образом, проективный прототип более полной Истины, которая, как писал Флоренский, «тогда и только тогда может быть превыше нападений жизни, если всю жизнь вберет в себя, со всем ее много-

[3] По легенде, данное высказывание принадлежит А. Пуанкаре.

образием и со всеми ее наличными и имеющими быть противоречиями» [4: 137].

Таким образом, сопоставив математику и богословие как языковые системы, нельзя не заметить того, что совокупность религиозных понятий и доктрин полнее покрывает само поле всевозможных явлений бытия, более того – обладает необходимыми диалектическими инструментами для операций с понятиями Абсолюта и Истины в рамках внутренней логики, которых нет в математической науке. При этом, разумеется, сложно отвергать тот факт, что обе рассмотренные нами языковые системы обладают рядом неочевидных утверждений для эмпирического мышления, которые способствуют расширению представлений о рациональности. Так, если в контексте религиозной парадигмы мышления роль связки между принципиально непостижимыми трансцендентными сущностями и рассудком играет вера, то в математике возникает необходимость в ряде логических надстроек, с помощью которых многие проблемы просто обходятся стороной и исключаются из дискурса. Однако, обладая более полным языковым потенциалом, структура богословской логики предполагает не только существование Истины, но и способность к разрешению математических антиномий в рамках собственной системы утверждений. Например, сформулированный выше классический софизм, ставший впоследствии одним из вариантов записи антиномии Рассела – парадокс всевластия, – может быть просто разрешен в контексте христианского богословия.

***Пример**. Рассмотрим утверждение: что должно сделать всемогущее существо, чтобы ограничить свою собственную власть? В рамках христианства ответом на этот вопрос является само неслучайное существование человека, созданного Богом по своему образу и наделенного свободной волей, согласно которой он может и не принять своего фактического создателя, более того – даже отвергнуть Его существование. С математической же точки зрения, т.е. в рамках языковой системы без универсального, непротиворечивого и порождающего все остальные заключения элемента, само существование человека является парадоксом, чередой сменяющих друг друга поколений на пути из бесконечности случая в бесконечность забвения.*

В завершение своей работы я хотел бы отметить несколько возможных дополнений к ее прочтению. Во-первых, описанный выше прототип более полной и логически непротиворечивой структуры языка косвенно сопоставлен с идеями неоплатоников об интеллигибельной материи, т.е. некоторой замкнутой и самодостаточной системе, способной к перма-

нентному порождению и упорядочиванию элементов внутри себя. По мнению М.К. Мамардашвили, подобной моделью, например, в социальной сфере являлся греческий полис, обусловленный внутренней динамикой управления, в которую были вовлечены все граждане (за исключением рабов и жителей полиса, рожденных в других полисах). Не менее занятной покажется и аналогия интеллигибельной материи, «которая может нас сызнова, непрерывно рождать, хотя наша непрерывность из содержаний и из связи моментов жизни не вытекает» [2: 27], с проблемой неразрешимости счетных систем в алгоритмике, иллюстрацией которой может послужить, например, алгоритмическая неразрешимость десятой проблемы Гильберта о диофантовых уравнениях, окончательно доказанная советским математиком Ю. Матиясевичем в 1970 г. Оказалось, что если уравнение разрешимо, то это решение можно найти за определенное количество шагов, однако если уравнение неразрешимо, то у нас нет универсального алгоритма, способного это доказать, т.е. программа поиска решения зацикливается, тем самым «порождая» бесконечность.

Однако, несмотря на всю изящность подобного рода аналогий, может возникнуть существенная опасность некорректной адаптации тех или иных математических утверждений в гуманитарных сферах знания. Немало подобных примеров описано в книге Ж. Брикмона и А. Сокала «Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна», наиболее ярким из которых является попытка социологической адаптации уже упомянутой выше теоремы Геделя о неполноте[4]. Ключевым заблуждением в структуре любого стремления применения законов математической логики для описания социальной организации является сама попытка сведения индивида (совокупность свойств которого динамична и изменчива) к предикату, которыми и оперирует математическая логика.

Тем не менее сложно переоценить значимость интеллектуального сочетания строгих предикативных методов познания и семантически полной религиозной системы языка если не для поиска логически непротиворечивого ядра математики (задача, которая, по всей видимости, так и останется неразрешенной), то для формирования основ личностного взгляда на феномены реальности. Истинная проблема религии – это

---

[4] Речь идет о принципе Геделя – Дебре, посредством которого замкнутым обществам противопоставлялись общества открытые (т.е. содержащие выходящих за рамки общего поведения индивидов – святых, гениев, героев и т.д.), причем лишь в последнем виде обществ возможно возникновение социальных институтов вследствие их полноты [3].

не только проблема веры и убеждения, это еще и проблема мышления. Именно поэтому во избежание ловушек фундаментализма нам необходимо не столько подвергать сомнениям религиозные доктрины (в силу отсутствия непротиворечивого основания инструмента этих сомнений), сколько пересматривать их в различных когнитивных контекстах. Эпоха постсекуляризма, ознаменованная небывалой религиозной активностью, а также появлением ряда подходов в естествознании, ставящих под сомнение случайность возникновения пространства и времени (принцип информационного первокода[5], антропный принцип[6] и т.д.), открывает перед нами большие возможности в контексте конструктивной коммуникации двух фундаментальных сфер познания. Пусть во многих вопросах позитивистская парадигма мышления все еще строго противопоставлена религиозной, нам остается лишь помнить о том, что лежащий в основе всякой религии принцип свободы выбора прежде всего обусловлен свободой от безмыслия.

Литература

1. Лютер, М. О рабстве воли: Ответ на «Диатрибу» Эразма Роттердамского // Эразм Роттердамский. Философские произведения. М.: Наука, 1987.
2. Мамардашвили, М.К. Лекции об античной философии. М.: Аграф, 1997.
3. Сокал, А., Брикмон, Ж. Интеллектуальные уловки. Критика философии постмодерна. М.: Дом интеллектуальной книги, 2002.
4. Флоренский, П. Столп и утверждение истины. М.: АСТ, 2007.
5. Харди, Г.Г. Апология математика. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2000.
6. Эпштейн, М. Религия после атеизма. М.: АСТ, 2013.

---

[5] Принцип, во многом ставший следствием идей физика Ганса фон Байера и электронщика Сета Ллойда, согласно которому каждому явлению нашей вселенной предшествует определенный информационный первокод [6].

[6] Наблюдение, используемое, в частности, в теории струн, ставшее следствием тесной связи наиболее значимых физических величин, которые находятся в столь строгом соответствии, будто специально «подогнаны» друг под друга изначально.

Зинаида Сухомлинова
(Россия)

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА В СССР И ЕЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ

The article deals with the religious policy of the USSR in the 20th century. The paper shows how the government fought with religion. The main goals of the eradication of religion and the role of the antireligious policy in the USSR are reflected. Religion played a great role during the Great Patriotic War and helped thousands of people. Then Stalin began to use the Church to strengthen his power on the world scene. At that moment the eradication of religion was stopped, but, officially, the Church was recognized as an independent institute only after the fall of the Soviet Union. A lot of churches were destroyed during the period of religious repressions and many priests were exposed to persecutions.

1. Борьба государства с религией с 1917 по 1940 г.

В основе церковной политики советского государства лежала концептуальная идея марксизма-ленинизма о несовместимости социализма и религии. 23 января 1918 г. советское правительство приняло декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Нормы декрета вполне соответствовали конституционным основам светских государств того времени. Однако его последний параграф принципиально отличался от этих норм и ставил церковь в бесправное положение, лишая религиозные организации права юридического лица и запрещая им владеть собственностью. Имущество религиозных организаций объявлялось народным достоянием.

В 1920-е гг. тысячи священнослужителей и монахов подверглись жестоким преследованиям. Многие храмы были уничтожены или закрыты. Большое количество икон и церковных книг было сожжено. В первое десятилетие советской власти, когда государство сконцентрировалось на борьбе с РПЦ, баптисты и другие евангельские деноминации оказались относительно свободными в своей деятельности и сумели обратить довольно много новых последователей. В начале 1920-х гг. наблюдался также рост числа последователей пятидесятничества. Однако в конце 1920-х гг. положение изменилось, репрессии распространились на все

религиозные организации, что было закреплено в принятом в 1929 г. постановлении ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях». Оно ставило религию под жесткий контроль государства и практически не оставляло ей места в советском обществе. В 1928 г. было закрыто 534 церкви, а в 1929 г. – уже 1119. В 1930 г. упразднение православных общин продолжалось с нарастающим темпом. Во второй половине 1930-х гг. на территории страны были уничтожены все монастыри [1: 46], в 1920–1930-е гг. закрыты почти все католические приходы. К 1940-м гг. в РСФСР продолжали действовать только два католических храма (в Москве и Ленинграде), официально зарегистрированные как институты французского посольства. В 1930-е гг. лютеранская церковь фактически прекратила свое официальное существование в СССР.

Большинство российских мусульман установление советской власти встретили с энтузиазмом, надеясь на улучшение своего положения при новом режиме. И в самом деле, в начале 1920-х гг. положение мусульман было весьма прочным. Продолжали работать мусульманские начальные школы. Представители мусульманского духовенства могли даже состоять в большевистской партии. Это продолжалось до середины 1920-х гг., когда советское государство изменило свое отношение к исламу. Мусульманская религиозная жизнь стала подавляться. В 1920–1930-е гг. были закрыты многие мечети. Такая же ситуация сложилась и с буддизмом. Положение буддистов в СССР ухудшилось в 1929 г., когда ламы были объявлены капиталистическим элементом и лишены гражданских прав. Религиозные буддийские школы закрывались. Ограничения иудаизма в советский период начались в 1919 г., когда было запрещено преподавать иврит. Вместе с тем в 1925 г. в Москве открыты две новые синагоги. Серьезные репрессии против иудаистов начались с конца 1920-х гг.: многие синагоги были закрыты, раввины подверглись арестам, а религиозные школы прекратили свое существование.

В 1932 г. И.В. Сталин подписал декрет о «безбожной пятилетке». В декрете наряду с экономическими показателями поставлена цель: к 1 мая 1937 г. «имя Бога должно быть забыто на территории страны» [5: 73]. В связи с этим стоит отметить специфическую роль Союза воинствующих безбожников СССР – организации, выражавшей «прогрессивные чаяния населения», открыто поддерживавшейся богоборческим государством. Большую роль в его возникновении сыграла издававшаяся с 1922 г. газета «Безбожник», вокруг которой сложилась широкая сеть корреспондентов и кружки читателей. На их основе в августе 1924 г. в Москве образовалось общество друзей газеты «Безбожник». Бессменным ли-

дером Союза воинствующих безбожников и редактором его печатных изданий был Емельян Ярославский. Союз воинствующих безбожников выглядел зачинщиком антирелигиозной борьбы. План ликвидации религии к 1937 г. составили в Антирелигиозной комиссии. По этому плану к 1932–1933 гг. должны были закрыться все церкви и иные молитвенные дома; к 1933–1934 гг. – исчезнуть все религиозные традиции, привитые литературой и семьей; к 1934–1935 гг. страну, и прежде всего молодежь, необходимо было охватить тотальной антирелигиозной пропагандой; к 1935–1936 гг. должны были исчезнуть последние священнослужители; а к 1937 г. должно было исчезнуть из жизни само имя Бога. Но сознание народа оказалось очень консервативным. Перепись населения, проведенная в СССР в 1937 г. (в опросные листы по распоряжению Сталина был включен пункт о религии), выявила удивительную картину: из 30 млн неграмотных граждан СССР старше 16 лет 84% признали себя верующими, а из 68,5 млн грамотных – 45%. Даже скорректированные властями, эти цифры обнаруживали провал тотальной борьбы с религией и Церковью. Разочарованный Сталин засекретил итоги переписи и решил прибегнуть к более привычным для большевиков террористическим мерам. Именно на 1937–1938 гг. приходится пик уничтожения духовенства. (Согласно данным Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий при президенте РФ, в 1937–1938 гг. было расстреляно 106 800 священнослужителей). По данным Московской патриархии, в 1938 г. в ее подчинении оставалось лишь около 100 храмов на всей территории СССР. Тысячи пастырей, подвергаясь всевозможным опасностям, колесили по стране, совершая богослужения и требы у прихожан на дому. В атеистической литературе того времени их называли «попами-передвижками», они считались одними из самых опасных антисоветских элементов.

2. Идеологизация религиозной политики

В годы Второй мировой войны произошло кардинальное изменение позиции Сталина в религиозном вопросе. Это было вызвано целым рядом обстоятельств, доминирующим из которых являлся внешнеполитический фактор. Сталину необходимо было утвердить и усилить свое влияние на международной арене. Значительная роль в этом отводилась Русской Православной Церкви. В сентябре 1943 г. Сталин пригласил к себе патриаршего местоблюстителя Сергия с целью выслушать пожелания Церкви. Церковь была официально признана советским государ-

ством. Сергий был избран Патриархом. Одновременно для установления связей между правительством и Московской патриархией (а также для осуществления контроля за деятельностью Церкви) советское руководство учредило Совет по делам Русской Православной Церкви при правительстве СССР. В 1965 г. Совет по делам РПЦ вместе с Советом по делам религиозных культов, ведавшим остальными религиозными организациями, был преобразован в Совет по делам религий при Совете Министров СССР. В период Великой Отечественной войны несколько улучшилось положение российских мусульман. Им было разрешено открыть мечети, закрытые в 1920–1930-е гг. Почувствовали некоторое улучшение своего положения и буддисты. После войны в 1946 г. им позволили восстановить два монастыря. Была возобновлена деятельность Центрального духовного управления буддистов СССР.

После смерти Сталина дискуссии о месте и роли Церкви в социалистическом обществе приобрели характер противоборства сторонников «воинствующего атеизма» и сторонников модели «сосуществования». Весь последующий период, вплоть до 1980-х гг., государственная религиозная политика осуществлялась в рамках этих двух подходов: то усиливалась атеистическая пропаганда, то преобладали тенденции сосуществования. К концу же 1950-х гг. церковная политика государства «идеологизируется»: вновь выходит на передний план задача построения безрелигиозного общества. В период правления Н.С. Хрущева государственная политика по отношению к религиозным организациям опять ужесточилась. Вновь были закрыты многие из открытых в годы войны церквей, мечетей и синагог. Так, в 1963 г. число православных приходов по сравнению с 1953 г. было сокращено более чем вдвое. В Московской епархии с 1959 по 1963 г. было закрыто более половины церквей. В Москве летом 1964 г. впервые за послевоенное время был разрушен храм – Малого Преображения. В Днепропетровской и Запорожской епархии в 1959 г. действовало 285 приходов, а к 1961 г. оставалось всего 49. Были закрыты 5 семинарий. В 1959 г. Русская церковь имела 47 монастырей, а к середине 1960-х гг. осталось только 16, число монашествующих сократилось с 3000 до 1500 тыс. К 1961 г. оставалось 8252 священника и 809 дьяконов, к 1967 г. – 6694 священника и 653 дьякона. В 1963 г. была закрыта Киево-Печерская лавра [1: 69].

3. Нормализация отношений государства с Церковью

Начало 1980-х гг. в религиозной политике характеризуется определенной двойственностью. С одной стороны, предлагалось усилить меры контроля, религиозные организации были лишены возможности свободно заниматься религиозной деятельностью. С другой стороны, высшее партийное руководство проводило политику некоторых послаблений в отношении Русской Православной Церкви. Массовое закрытие религиозных общин, в том числе и православных церквей, было прекращено. Нормализация государственно-церковных отношений начинается с середины 1980-х гг. вместе с началом реформирования общества на демократических принципах. Переломным моментом здесь можно считать официальное празднование 1000-летия Крещения Руси. В преддверии празднования юбилея государство передало РПЦ важнейшие для православных верующих обители: ярославский Толгский монастырь, Козельскую Введенскую Оптину пустынь в Калуге и Киево-Печерскую лавру. Кроме того, Московской Патриархии начали возвращать мощи святых, которые находились на хранении в государственных музеях. Настоящей сенсацией стало разрешение властей на строительство в столице нового храма в честь Тысячелетия Крещения Руси.

После встречи М. Горбачева в декабре 1989 г. с Папой Иоанном Павлом II началось восстановление католических приходов. В период горбачевских реформ резко возросла мусульманская активность. С конца 1980-х гг. стали строить новые мечети и открывать медресе (мусульманские религиозные школы), верующие получили возможность совершать хадж (паломничество к святым местам). В конце 1980-х гг. происходит активизация буддийской религиозной жизни в Бурятии и ее официальное возрождение в Калмыкии и Туве. Также возродилась лютеранская церковь. Стали действовать евангелическо-лютеранская церковь, объединяющая в основном немцев, и евангелическо-лютеранская церковь Ингрии. В период перестройки еще более усилилась еврейская эмиграция. Однако особенностью этого периода стала возвратная миграция, что позволило иудаистам Советского Союза совершать поездки в Израиль, посещать религиозные центры и поклоняться религиозным святыням. Все это способствовало усилению религиозности традиционно иудаистского населения. В 1990 г. был создан Всесоюзный совет иудейских религиозных общин. Принятие закона «О свободе вероисповеданий» положило конец «легитимному» ущемлению прав верующих, предоставило юридические и практические гарантии невмешательства государства во внутриконфессиональные дела.

Литература

1. Архиепископ Арсений Истринский. Русская Православная Церковь на рубеже XX–XXI веков, 2000 г.
2. Бычков, С.С. Большевики против русской церкви. Очерки по истории русской церкви (1917–1941 гг.). М.: Sam&Sam, 2006.
3. Епископ Иоанн Сан Францисский. Русская Церковь в СССР. Нью-Йорк, 1956.
4. Одинцов, М.И. РПЦ в XX веке. История, взаимоотношения с государством и обществом. М., 2002.
5. Протоиерей Дмитрий Константинов. Гонимая Церковь. РПЦ в СССР / ред. А.В. Попов. М: Ассоциация авторов и издателей, 1999.
6. Фирсов, С. На весах веры. От коммунистической религии к новым «святым» посткоммунистической России. СПб., 2011.

Татьяна Пырова
(Россия)

ДИНАМИКА РЕЛИГИОЗНОЙ СИТУАЦИИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ В СВЕТЕ ТЕОРИИ ПОСТСЕКУЛЯРИЗАЦИИ

The article is dedicated to the study of religious consciousness in the post-Soviet context. The collapse of the Soviet Union opened up heated discussions regarding traditional as well as newly emerged forms of religious belief in the Russian Federation. Both the diversity and prolific media coverage they received require extended application of discourse analysis. Starting with the current theories of postsecularization and mediatization of religion the author embraces specific traits of religious discourses existing in contemporary Russia. She scrutinizes various forms of the representation of religion in different periodicals and other sources collected in the National Corpus of the Russian Language. This pioneering methodology paves the way to a sustained brand new understanding of postsecularization.

Анализ религиозной ситуации как на национальном, так и на мировом уровне сегодня подвергается воздействию нескольких ведущих тенденций. Не так давно оценки академических специалистов – социологов, философов и религиоведов сводились к констатации религиозного упадка [4]. Сегодня такие оценки все чаще пересматриваются и даже прямо отвергаются. Со второй половины XX в. отмечается возрождение «политического ислама». Это связано в первую очередь с расстановкой сил на глобальной геополитической арене. В Европе, испытывающей большое миграционное давление из исламских регионов, остро встает вопрос о невозможности интеграции выходцев из них. Такая ситуация порой порождает алармистские прогнозы о грядущем столкновении цивилизаций. В России в последние годы мы наблюдаем усиление присутствия различных конфессий в общественных процессах, выходящего за рамки религиозных институтов. Социологи постоянно измеряют отношение россиян к возросшей активности религиозных организаций [2]. К проблеме необходимости сохранения и укрепления традиционных ценностей и соответствующей позитивной роли конфессий регулярно обращается государство [5]. С другой стороны, ситуация в современном

религиоведении такова, что интерес исследователей, обращенный к актуальным проблемам, пока не имеет достаточного теоретического выражения, своего собственного убедительного языка.

Множество фактов, мнений, теорий о специфике религиозной ситуации в работах религиоведов и философов все чаще объединяется сегодня с помощью общего термина «постсекуляризация». Соответственно, и возобновление общественной активности представителей различных религий, и научное описание этого процесса объявляются приметами особого постсекулярного состояния общества. Однако существует ли нечто за пределами номинативной квалификации современной религиозной ситуации как «постсекулярной»? Иными словами, каким образом работает теория постсекуляризации на уровне концептуального устройства и на уровне практической применимости в религиоведческом анализе? Такова формулировка основного вопроса моего исследования.

Социологические исследования, задача которых установить, как обстоят дела с религиозной ситуацией на местности, в регионах, постоянно сталкиваются с рядом трудностей [4]. Принципиальное значение здесь имеет то обстоятельство, что сложности возникают уже на уровне операционализации базовых понятий: не поддается рабочему определению даже понятие «религиозность» само по себе. Тем не менее на уровне общественной полемики или индивидуального здравого смысла граждане России продолжают пользоваться различными квалификациями религиозной ситуации, применяя большой репертуар языковых средств для выражения соответствующих чувств [1: 26].

Вопрос действенности теоретических построений секуляризации и постсекуляризации связан с проблемой репрезентации религии сегодня. Конечно, способ репрезентации за последнее столетие поменялся от традиционных средств массовой информации (печать, телевидение, радио) до интернет-пространства. Однако современная ситуация характеризуется тем, что уже не представляется возможным отделить анализ высказываний о религии от религии как она есть сама по себе. Феномен резкого усиления зависимости религии от способов ретрансляции высказываний отдельных акторов, несущих религиозное содержание, составляет, по нашему мнению, ядро процесса медиатизации [9].

Под медиатизацией мы подразумеваем процесс отождествления реальности объектов и процессов с их представлениями в медиа. Для нас это выступает как наиболее общее обозначение такого состояния религиозных процессов, при котором единственным (или по крайнее мере в наибольшей степени доступным для наблюдения) критерием их

«реальности» является более или менее регулярная их ротируемость в СМИ. В связи с этим сегодня уже можно говорить о медиатизации как свершившемся факте. Сформулированный здесь подход к проблеме медиатизации религии, несомненно, ближе всего стоит к методологической доктрине дискурс-анализа [8]. Утверждения о кризисе секуляризации, развитии десекулярных процессов, торжестве постсекуляризации выступают в качестве «конфликтующих» интерпретаций [6].

Положение религии и религиозная идентичность как эффект структуры коммуникаций. Избирая в качестве отправной точки религиоведческого анализа позиции дискурс-анализа, мы принимаем на себя обязательство различать не «реальности» и «факты», относящиеся к религиозной ситуации, а позиции различных акторов, вовлеченных в коммуникацию и тем самым производящих определенные дискурсивные волнения. Тогда изменятся и вопросы, которые мы как религиоведы-аналитики должны будем задавать объекту изучения. Мы теперь будем спрашивать не столько о соотношении представителей различных конфессий в населении России, сколько о том, какова коммуникативная «видимость», различимость в информационном потоке отдельных религий и религиозных институтов.

Смыслы религиозности возникают в структуре коммуникаций. В ситуации медиатизации любой диалог между двумя субъектами осуществляется через посредника в лице СМИ. Одновременно идет и процесс оснащения мира медиа источниками, новыми инструментами информирования. В таких координатах определенные социальные учреждения также рассматриваются в зависимости от выполнения ими медийных функций, как посредники между реальностью и общественным сознанием, действующие, чтобы изменить понимание реальности. Точнее говоря, действий как таковых уже не происходит, имеют место сообщения о действиях, и та или иная группировка этих сообщений постепенно связывает позицию отдельного актора, превращая ее в относительно стабилизированное институциональное целое. Главный актор медиапространства в России, т.е. основной источник сообщений, выступающих в качестве «атомарных фактов» дискурсивного пространства, – государство.

Именно путем создания сообщения – медиафакта, например предложения депутата Государственной Думы РФ Елены Мизулиной о внесении в преамбулу Конституции РФ пункта о православии как основе национальной и культурной самобытности России, государство формирует стратегию диалога с конфессиями и гражданами. Что выражается с помощью сообщений такого рода? Потребность в упрощении струк-

туры коммуникаций. Иначе говоря, речь – в буквальном смысле – идет не о том, чтобы нормативно установить реальное преобладание православной идентичности, а о том, чтобы послать/принять определенное сообщение, касающееся положения церкви, православной идентичности и т.п.

Давайте проанализируем присутствие в публичном пространстве Русской Православной Церкви. Актором, задающим вектор действий в диалоге с Русской Православной Церковью, оказывается государство. Данный диалог выстраивается не публично, что осложняет ситуацию исследования, так как логика происходящего нам недоступна. Одной из главных особенностей диалога является наличие фиксированного второго актора, его явная артикулированность. Такая особенность характерна для коммуникации Русской Православной Церкви, где есть первое лицо – патриарх, контролирующее и замыкающее на себя информационные потоки, и государство. И по той же причине коммуникация осложнена с мусульманскими общинами, в которых наблюдается отсутствие единого лидера [7]. РПЦ представлена четкой иерархией: на федеральном уровне ее интересы представляет патриарх, на региональном уровне – главы митрополий и епархиальные архиереи.

Ситуация с исламом с этой точки зрения выглядит значительно менее прозрачной. С одной стороны, заметно усиление общего влияния: ислам представлен как вторая по численности и по влиянию религия в мире, с поправкой на то, что второй она будет оставаться не долго. С другой стороны, совокупность мусульманских общин значительно менее структурирована в территориальном и иерархическом плане, чем система православных приходов. Отсутствуют единый центр и единый лидер. Соответственно, ответ на вопрос о стратегии взаимодействия государства и ислама в России лишен легкости административных решений. В результате доминирует коммуникативная стратегия блокирования ислама в зонах «естественного распространения», фактически закрывающая возможность обсуждения стратегических перспектив мусульманской политики в России.

Православие и ислам: дискурсивные контексты постсекуляризации. Наша гипотеза заключалась в том, что словоупотребление, связанное с упоминанием определенной конфессии, образует устойчивые сети ассоциаций, формирующие в свою очередь постоянное семантическое поле (табл. 1, 2).

Соответственно, контексты, связанные с православием и исламом, будут разводиться по различным семантическим полям. Эта тенденция

особенно усиливается в последнее время, когда вопросы национально-духовной самоидентификации оказываются в фокусе государственной политики [5].

Таблица 1. **Контексты словоупотреблений (устная речь)**

Религия	Период	Контексты
Православие	2000–2014	самодержавие, народность, радость, человек, Россия, государственная религия, традиционная религия, народ, коммунизм, самоидентификация, страна, образ жизни, терпимая вера
Ислам	2000–2014	бодяга, вера, война, религия, единство, православие, экстремизм, насилие, экстремистское течение, агрессия, экстремальный ислам, антиислам, баптизм, терроризм, радикальный ислам, образ жизни, законы шариата, религиозные фанатики

Таблица 2. **Контексты словоупотреблений (периодическая печать)**

Религия	Период	Контекст
Православие	2000–2014	храм, политика, семья, история, государствообразующая религия, школа, русская культура, национальная политика, духовный центр, Церковь, патриарх, государственное православие, воспитание детей, ислам, католичество, народ
Ислам	2000–2014	радикальный ислам, ваххабиты, террор, нетрадиционный ислам, христианство, мечети, глобальная экспансия, смертницы, хиджаб, бандитизм, политика, нравственные ценности, пробуждение ислама, справедливая религия, традиционный ислам, кровная месть, татарский ислам

Религиозная ситуация с точки зрения анализа дискурсивных практик оказывается лишь вторичной объективацией устойчиво применяющихся способов именования. При этом совокупность тех или иных способов именования, постоянно используемых совместно, исподволь формирует семантическое поле, обрамляющее отдельные термины. В этой перспективе анализ религиозной ситуации и сама религиозная ситуация оказываются в известной степени запрограммированы на уровне регулярно воспроизводимых смысловых отсылок, формирующих соответствующие дискурсивные контексты.

Общую картину распределения дискурсивных контекстов позволяет реконструировать обращение к Национальному корпусу русского языка. В настоящее время этот ресурс содержит уже более миллиона словоупотреблений, включая специальные подкорпусы устной речи и периодической печати. В рамках нашего исследования мы провели по двум указанным подкорпусам сплошной поиск контекстов словоупотребления, связанных с терминами «ислам» и «православие», за период с 2000 по 2014 г.

Как видим, контексты, связанные с православием и исламом, разводятся по принципиально разным семантическим полям. Так, православие чаще встречается в связке с идентичностью, национальным вопросом, идеями формирования личности (воспитанием, образованием). Эта тенденция особенно усиливается в последнее время.

Выводы

Мы исходим из того допущения, что в постмодерном обществе существование медиасреды (как традиционной, так и виртуальной) коренным образом меняет формы «существования» религии. Мы уже не можем убедительно провести различие между анализом эмпирической религиозной ситуации и исследованием системы циркулирующих в медиа высказываний о религии. Все большее и большее сомнение вызывает правомерность самой постановки вопроса о «реальности» религии, не учитывающая виртуальные формы ее репрезентации. Это совсем не означает прямолинейного отрицания существования религий: речь идет об усложнении режимов такого существования, о том, что религиозные факты сегодня приобретают дискурсивное измерение, доступное, среди прочих, для специальным образом ориентированного анализа. Основным результатом данной работы, суммирующим общий ход рассуждений, как раз и является набросок проекта дискурс-аналитики религиозной ситуации на примере крупнейших российских конфессий – православия и ислама.

Литература

1. Апполонов, А.В. О понятиях «религии» и «светское» в средневековой европейской традиции // Религиоведческие исследования. 2011. № 1-2 (5-6). М., 2011. С.184.
2. Бурдо, С., Филатов, М. Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания. М.: Университетская книга, 2005.

3. Всероссийский центр изучения общественного мнения / ВЦИОМ. Россия – верующая? [Электронный ресурс.] Режим доступа: URL=< http://wciom.ru/fileadmin/nayka/sovet/fedorov.pdf> Дата доступа: 15.03.2014.
4. Карпов, В. Концептуальные основы теории десекуляризации // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. № 2. С. 114–165.
5. Попов, В. Интервью в «Литературной Газете». [Электронный ресурс.] Режим доступа: URL=<http://www.mgimo.ru/about/structure/3496/3727/3771/news/n115802.phl>. Дата доступа: 28.03.2014.
6. Путин, В. Речь на Валдайской конференции от 19 сентября 2013. [Электронный ресурс.] Режим доступа: URL=http://www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html Дата доступа: 10.03.2014.
7. Рикер, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: КАНОН-пресс – Ц, 2003.
8. Силантьев, Р.А. Ислам в современной России. Энциклопеция. М.: Алгоритм, 2008.
9. Филлипс, С., Йоргенсен, М. Дискурс-анализ: теория и метод. М.: Издательство «Гуманитарный центр», 2008.
10. Williams, R. Keywords: a vocabulary of culture and society // Media. P. 203–204.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ПОСТСОВЕТСКОМ РЕГИОНЕ: ОСОБЕННОСТИ ГЕНЕАЛОГИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Artem Kostrigin
(Russia)

VALUE FOUNDATIONS OF MANAGEMENT IN PRESCHOOL EDUCATIONAL INSTITUTION

В статье обосновывается значимость изучения ценностных ориентиров управленческой деятельности в дошкольном образовательном учреждении. Представлены результаты исследования персональных ценностей заведующих, а также их представлений об идеальном дошкольнике-выпускнике. Выявлены корреляционные связи между ценностями и образом идеального дошкольника. Ценностные основания являются предикторами управленческой деятельности в дошкольном образовательном учреждении.

Introduction

Every human activity is based on certain value foundations. In particular, management activity requires a clear definition of their value orientations.

From the numerous definitions of values S. Schwartz and W. Bilsky conclude their own generalized definition: "values are concepts or beliefs about the desired states or behaviors which go beyond specific situations, manage the selection and evaluation of behavior and events, and which are ordered by relative importance" [6, p. 551]. Thus, values are the regulatory aspect of the activity.

In management values define the meaning of the activity of a particular organization or a group of people as well as the content of this activity.

A preschool educational institution (PEI) as an organization is based on certain values. However, there is a particular situation in this area: management of PEI is closely related with preschool education, and it brings into focus the preschool child who attends the PEI, and his development and education. V.V. Rubtsov and E.G. Yudina determine the following main questions, which preschool education must answer: "What should education for young children be like? What do they have to be taught before they go to school?" [4, p. 4]. However, today standard education is not enough even for preschool children. Life in a changing global world requires an active search for a combination of traditions and innovations, transmitting and development of the

necessary values for the modern world, which preschooler gets coming to school in terms of preparation for life in a high-tech, global and competitive world. So we need to ensure the continuity of passing values. It means finding answers to questions about the values that are given to preschoolers, the values of teachers, according to educational programs and technologies evolving society values.

Moreover, "in management there are a number of phenomena and stereotypes that are psychological barriers for reforming economic and social life" [1, p. 300], which require their identification and determination of their role in the management of the organization.

Psychological bases of management in a preschool educational institution are located at the intersection of two branches of psychology: psychology of management and child psychology. This is due to the complexity of the object of management: on the one hand, it is the PEI employees, its teaching staff; on the other - it is necessary to understand that PEI is an educational organization that deals with the education and upbringing of children. In the second case, the object of management becomes education of preschool children, which is a mission of PEI.

The author proposes that the mission of PEI is the following: a preschool institution, on the one hand, realizes the principles and objectives of the educational process, stated in the Federal Educational Standards, and on the other hand, it has to prepare preschoolers for effective socialization and personal actualization, being relevant for challenges of the modern world, global processes and characteristics of society, [3].

E. Shane claimed that the organizational culture and, consequently, the mission of the organization affect the personality of the manager [5]. Following his idea, we can formulate that the strategy of management of PEI depends on personal values of managers. Moreover, the planning of the variable part of the educational process in a preschool institution depends on the image of the ideal preschool graduate, on how they see preschoolers after education.

Thus, the basis for implementing management in a preschool institution represents an ideal graduate preschooler.

Design of study

The author is guided by the following hypothesis: there is a relation between the values of PEI managers and their image of the ideal graduate preschooler.

The objective of study is to reveal value bases of management of the preschool educational institution.

Methods: group interview of heads called "Portrait of an ideal graduate preschooler, content analysis of interviews, theoretical modeling, the method "Values questionnaire of S. Schwartz" (in adaptation of V.N. Karandashev) [2]; nonparametric method of gamma-correlation.

The sample is 28 heads of preschool educational institutions of Nizhni Novgorod and Nizhny Novgorod region.

The study had two stages. At the first stage, heads were asked to write an essay called "Portrait of an ideal graduate preschooler". We used the method of content analysis to handle the data. At the second stage, we used the method of "Values questionnaire of S. Schwartz" (in adaptation of V.N. Karandashev). Nonparametric method gamma correlation was used to identify the correlations.

Results

Analyzing the managers' portrait of a graduate preschooler we identified the following results (Table. 1).

Table 1. **Representations of PEI heads about the characteristics of the ideal graduate**

Block	Content (in the form of units of content analysis)	Sum of reference
Operational characteristics	School readiness: Logical thinking, reasoning; PC skills	26
Value characteristics	Assimilation of values, rules and norms of behavior in society (socialization); Moral values; Value of labor; Patriotism; Kindness to people and environment;	24

Characteristics of development	Physical and mental development; Psychologically mature; Cultural and aesthetic development; Many-sided person;	22
Characteristics of communication and interaction	Sociability; Grammatical Speech; Ability to communicate in a team; Leadership skills; Empathy;	20
Characteristics of self-regulation	Self-regulation of behavior; Emotional stability; Ability to cope with life's challenges;	18
Characteristics of cognitive and creative activity	Curiosity, cognitive activity; Creativity and creative ability; Spacious mind;	17
Characteristics of self-concept	Self-representation; Personal point of view;	13

Heads of PEI showed a number of characteristics that should be inherent to the ideal graduate preschooler. All representations of heads about the characteristics of an ideal graduate preschooler were grouped into several blocks: operational characteristics, value characteristics, characteristics of communication and interaction, characteristics of self-regulation, characteristics of self-concept, characteristics of cognitive and creative activity and characteristics of development.

Then we calculated the frequency of occurrence of these groups of characteristics among responses of heads (in parentheses – the number of heads who indicated in their response any feature that is included in a specific group of characteristics): operational characteristics (26), value characteristics (24), characteristics of development (22), characteristics of communication and interaction (20), characteristics of self-regulation (18), characteristics of cognitive and creative activity (17), characteristics of self-concept (13). Thus, most managers describe a graduate preschooler using operational characteristics and value characteristics. This means that the preschool children's readiness for school as well as socialization and moral behavior are the most important for the heads. Second place belongs to the characteristics of communication

and interaction, self-regulation, cognitive and creative activity. The least important characteristics of a graduate preschooler are the characteristics of self-concept, which is the idea about himself and the formation of his point of view.

The specifics of the study suggest that these characteristics are important landmarks in the management of preschool education for heads, which can be defined as a value basis.

In the process of analyzing the characteristics of an ideal graduate preschooler we revealed the trouble spots. The heads used stereotyped expressions and clichés in describing the ideal graduate preschooler, such as "physical and mental development", "many-sided person", "psychologically mature," "moral qualities", etc. The use of such common phrases may indicate the desire to give socially significant responses or a lack of understanding of such expressions.

At the second stage we make the analysis of the data which we got by the method "Values questionnaire of S. Schwartz" (Table 2).

Table 2. **Average number on the index of values among heads of PEI (method "Values questionnaire of S. Schwartz")**

Values	Average number
Benevolence	5.09
Safety	5.01
Independence	4.57
Achievement	4.54
Universalism	4.3
Conformity	4.19
Tradition	3.51
Stimulation	3.28
Power	3.11
Hedonism	2.04

The profile of personal values consists of a hierarchy of 10 values: Conformity, Tradition, Benevolence, Universalism, Independence, Stimulation, Hedonism, Achievement, Power and Safety. We obtained the following value profile of heads of PEI (in parentheses - the average number): Benevolence (5.09), Safety (5.01), Independence (4.57) Achievement (4.54), Universalism (4.3), Conformity (4.19), Tradition (3.51), Stimulation (3.28), Power (3.11) and Hedonism (2.04). This means that the heads attach the greatest importance to conservation and promotion of the welfare of loved ones (Benevolence), safety and stability of society, relationships and self (Safety), independence of

thought and action (Independence), personal success relevant to social standards (Achievement).

The Scales of values questionnaire is based on two axes, which can determine the orientation of the person: it is openness to changes/conservatism and self-rising/self-transcendence. We show what blocks of values (orientation of the person) dominate in responses of the heads (Table. 3).

Table 3. **The orientation of the heads' personality**

Orientation of personality	Average number
Openness to changes	3.3
Conservatism	4.24
Self-rising	3.23
Self-transcendence	4.7

We can conclude that heads of PEI tend to prioritize conservatism (4.24) and self-transcendence (4.7). This means that safety of society and network, conservation of traditions and socially approved behavior (Conservatism) as well as the welfare of all people, including relatives (Self-transcendence) is important for them.

These two data sets were ranked and tested for correlations (Table 4).

Table 4. **Correlations between indicators of the representations of the ideal preschooler and heads' values (method of gamma-correlation)**

Indicators	Correlation coefficient ($p < 0,05$)
Tradition - value characteristics of preschooler	0.46
Universalism - Operational characteristics of preschooler	0.42
Hedonism - Operative characteristics of preschooler	0.4
Power - Operational characteristics of preschooler	0.43
Hedonism – Characteristics of development of preschooler	0.75
Universalism - Characteristics of self-regulation of preschooler	0.44
Conformity - Characteristics of communication and interaction of preschooler	0.45
Hedonism - Characteristics of communication and interaction of preschooler	0.63

Discussion

1. According to S. Schwarz and W. Bilsky, beliefs and values are considered notions that a person is guided by in decision making and implementation of activities as well as in the evaluation of events. Based on this definition, the heads' representations about a graduate preschooler are value phenomena that the head is guided by in management.

2. The heads of PEI consider that the most important features of an ideal graduate preschooler are operational characteristics, which are expressed in readiness for school, and characteristics of socialization.

3. The author identified the problems – clichés and stereotypes as well as lack of disclosure of the characteristics and description of their behavioral indicators. These problems can lead to an incorrect approach of management in PEI and teaching.

4. Heads of PEI have the following dominant values – "Benevolence", "Safety", "Independence" and "Achievement". This means that the heads attach the greatest importance to the conservation and the welfare of loved ones (Benevolence), safety and stability of society, relationships and self (Safety), independence of thought and action (Independence), personal success relevant to social standards (Achievement).

5. Heads of PEI tend to prioritize conservatism and self-transcendence. This means that safety of society and environment, conservation of traditions and socially approved behavior (Conservatism), as well as the welfare of all people, including relatives (Self-transcendence) are important.

6. We revealed a positive correlation between the values of heads and their image of the ideal preschooler: tradition and value characteristics of preschooler, universalism (welfare of all people) and characteristics of self-regulation, conformity (socially approved behavior) and communicative characteristics, hedonism (pleasure from life) and communicative characteristics.

7. We identified a negative correlation between the values of heads and their image of the ideal preschooler: universalism (welfare of all people) and operational characteristics, hedonism (pleasure from life) and operational characteristics, power and operational characteristics, hedonism (pleasure from life) and characteristics of development of preschool children.

Literature

1. Захарова, Л.Н. Психологические стереотипы в управлении как барьеры социально-экономического развития России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2007. № 1. С. 293-300.
2. Карандашев, В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь, 2004. 70 с.
3. Ксендзова, Г.Ф. Организация менеджмента в дошкольном образовательном учреждении в условиях рыночной экономики. Дисс. канд. пед. наук. 2007. 148 с.
4. Рубцов, В.В., Юдина, Е.Г. Современные проблемы дошкольного образования // Психологическая наука и образование. 2010. №3. С. 5-19.
5. Шейн, Э. Организационная культура и лидерство. СПб.: Питер, 2002. 336 с.
6. Schwartz, S.H., Bilsky, W. Toward a universal psychological structure of human values // Journal of Personality and Social Psychology. 1987. T. 53. №. 3. C. 550–562.

Елена Степанова
(Россия)

ВЛИЯНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ НА ПОВЕДЕНИЕ ПЕДАГОГА В КОНФЛИКТЕ

The article deals with the impact of burnout on the strategies of the teacher in the conflict and the notion of "conflict competence". The article describes a support program for the teacher with emotional burnout aimed at conflict prevention in the school community.

В профессиональной деятельности педагога существует множество ситуаций социального взаимодействия, требующих оптимальной организации поведения, конструктивного разрешения противоречий в отношениях с другими людьми. Неизбежность возникновения конфликтов в образовательной среде ставит педагогов перед необходимостью развития конфликтологической компетенции, понимаемой как осведомленность о диапазоне возможных стратегий конфликтующих сторон и умение оказать содействие в реализации конструктивного взаимодействия в конкретной конфликтной ситуации [7].

Целью нашего исследования являлось нахождение взаимосвязи между эмоциональным выгоранием педагога и его поведением в конфликте, а также влияния этого феномена на стратегию поведения в конфликте. В нашем исследовании приняли участие 50 педагогов из трех общеобразовательных школ г. Ярославля, среди них как учителя младших классов, так и учителя-предметники с разным стажем работы.

В исследовании были использованы следующие методики: опросник на выгорание (MBI) К. Маслач и С. Джексон, адаптация Н.Е. Водопьяновой; шкала локуса контроля Дж. Роттера; методика оценки стратегий поведения в конфликте Дж. Г. Скотт; методика измерения ригидности Н.В. Киршевой, Н.В. Рябчиковой; тест на измерение импульсивности В.А. Лосенкова. Также разработана авторская методика «Поведение учителя в конфликте», позволяющая охарактеризовать стиль поведения учителя в конфликте как авторитарный, демократический, либеральный или творческий.

Для вычисления коэффициента корреляции был использован критерий r-Пирсона. Анализ полученных результатов подтвердил предположение о наличии значимых корреляционных связей между выражен-

ностью показателей синдрома эмоционального выгорания, импульсивностью, ригидностью педагогов и стратегиями и стилями поведения в конфликте. Установлена значимая положительная взаимосвязь ($p < 0,05$) между деперсонализацией педагога и ригидностью ($r = 0,401$), деперсонализацией и импульсивностью ($r = 0,445$). Педагог с выраженным формальным отношением к ученикам отличается инертностью и консерватизмом, а также склонностью действовать под влиянием импульса, не обдумывая последствия своих слов и поступков. В таком случае велика вероятность возникновения педагогических конфликтов, причиной которых могут стать как непринятие учителем мнения учеников, отсутствие у детей возможности высказать свою точку зрения, так и необдуманные, поспешные слова и действия педагога. Положительно взаимосвязаны ($p < 0,05$) показатели ригидности и эмоционального истощения педагогов ($r = 0,445$). Возможно, ригидность становится формой защитной реакции педагога на запредельную эмоциональную нагрузку. Также выявлена средняя положительная связь ($p < 0,05$) между ригидностью и редукцией личных достижений учителя ($r = 0,379$). Снижение ценности собственных достижений порождает консерватизм и нежелание что-либо менять в своей деятельности.

Анализ взаимосвязей синдрома эмоционального выгорания и поведения учителя в конфликте показывает сильную обратную взаимосвязь ($p < 0,001$) между авторитарным поведением в конфликте и эмоциональным истощением педагогов ($r = –0,741$), деперсонализацией ($r = –0,656$), импульсивностью ($r = –0,509$). Можно предположить, что авторитарное поведение требует волевых усилий, а импульсивное поведение связано со значительными эмоциональными затратами, поэтому, ориентируясь на экономию ресурса, педагог в меньшей степени будет склонен к данному типу поведения.

Положительная взаимосвязь ($p < 0,001$) наблюдается между редукцией личных достижений и авторитарным поведением педагога в конфликте ($r = 0,764$), а также стратегией приспособления в конфликте ($r = 0,471$). В результате однофакторного дисперсионного анализа по критерию Фишера было выявлено среднее влияние ($p < 0,05$) редукции личных достижений на поведение в конфликте: педагоги, у которых выражена редукция личных достижений при возникновении конфликта, используют стратегию приспособления ($F = 2,858$) или придерживаются авторитарного стиля поведения в конфликте ($F = 3,321$).

Таким образом, велика вероятность того, что педагог, склонный к негативному оцениванию себя, своих личных достижений, в конфликте,

будет ориентироваться на стратегию одностороннего выигрыша, не учитывая потребности другой стороны, либо придерживается тактики «сохранения себя» и разрешает конфликт, используя стратегию приспособления, не реализуя собственные потребности, что может порождать внутриличностные противоречия.

Применение критерия t-Стьюдента позволило выявить значимые различия в стратегиях поведения в конфликте у педагогов с высоким и низким уровнями эмоционального выгорания и подтвердить, что педагоги с высоким уровнем эмоционального выгорания в ситуации конфликта предпочитают авторитарный стиль поведения ($p < 0,01$, $t = 2,417$) или стратегию приспособления ($p < 0,01$, $t = 2,176$). Педагоги с низким уровнем эмоционального выгорания при возникновении конфликта чаще используют творческий или демократический стиль ($p < 0,001$, $t = 3,713$), стратегию сотрудничества ($p < 0,01$, $t = 2,313$), предполагающую учет интересов, мнений, личностных особенностей учащихся.

Таким образом, высокий уровень эмоционального выгорания педагога становится препятствием для всесторонней оценки конфликтной ситуации, способствует выбору учителем в конфликте стратегии одностороннего выигрыша: авторитарного поведения, подавления или, напротив, приспособления, что не удовлетворяет интересы одной из сторон конфликта и может рассматриваться как временная мера. В таком случае можно предположить, что профилактика и коррекция симптомов эмоционального выгорания, а также формирование конфликтологической компетентности педагогов может способствовать сохранению и расширению репертуара поведенческих стратегий учителя в конфликте, в частности демократического и творческого стилей и стратегии сотрудничества, что позволит оптимизировать общение участников образовательного процесса.

Однако, как показывает практика, в общеобразовательных учреждениях не существует единой системы мероприятий по формированию конфликтологической компетентности педагогов. Поэтому введение в школах программы формирования конфликтологической компетентности педагогов будет являться способом снижения конфликтной напряженности в школе.

Таким образом, следующим этапом нашего исследования является разработка и реализация программы формирования конфликтологической компетентности педагогов с помощью развития следующих компонентов (О.И. Щербакова) [2]:

- когнитивного (знания о сущности, природе, структуре, динамике, стратегиях, видах конфликта и управления им, сформированности интеллектуальных операций анализа, синтеза, сравнения, классификации, интерпретации конфликта, способность к рефлексии);
- эмоционального (преобладающий эмоциональный фон настроения, отсутствие длительных деструктивных эмоциональных состояний (тревоги, паники, отчаяния, страха, агрессии), конфликтоустойчивость, стрессоустойчивость, эмпатию);
- волевого (решительность, ассертивность (уверенность в себе), целеустремленность, конструктивный нонконформизм);
- поведенческого (толерантность, гибкость поведения, коммуникативные и организаторские умения, умение диагностировать, прогнозировать, предотвращать, регулировать, разрешать, контролировать протекание конфликта, а также конструктивные копинг-стратегии).

Программа предполагает решение следующих задач:

- знакомство с основными понятиями конфликтологии;
- формирование способности конструктивно строить взаимоотношения с окружающими;
- профилактика и коррекция симптомов эмоционального выгорания;
- развитие организаторских умений, а также умений диагностировать, прогнозировать, разрешать и контролировать протекание конфликта;
- обучение конструктивным копинг-стратегиям;
- развитие конфликтоустойчивости, эмпатии.

Программа реализовывалась в три этапа.

1. *Констатирующий этап.*

На данном этапе испытуемые (педагоги, учащиеся и родители) были разделены на две равные группы (по принадлежности к одной из школ) для проведения формирующего эксперимента. Также была проведена диагностика уровня конфликтологической компетентности в экспериментальной и контрольной группах испытуемых с помощью диагностических методик.

2. *Формирующий этап.*

На данном этапе происходит реализация программы формирования конфликтологической компетентности только с экспериментальной группой.

3. *Контрольный этап.*

На данном этапе были проведены повторная диагностика участников образовательного процесса контрольной и экспериментальной групп, сравнение результатов данных групп и подведение итогов эксперимента. При диагностике групп испытуемых использовались те же методики, что на констатирующем этапе экспериментального исследования.

Результаты качественного сравнения экспериментальных групп педагогов указывают на развитие всех компонентов конфликтологической компетентности после проведения формирующего этапа эксперимента. Об этом свидетельствуют возрастание уровня развития ассертивных действий, менее частое использование неконструктивных способов преодоления препятствий (манипулятивных, осторожных действий и др.), выбор педагогами более конструктивных стратегий поведения (компромисса и сотрудничества), а также значительное усиление когнитивного компонента конфликтологической компетентности.

Анализ результатов методом контент-анализа свидетельствует о том, что после проведения формирующего этапа эксперимента у исследуемых изменились представления о конфликте, знания стали более полными, ответы развернутыми и отражающими действительность.

Реализованная программа способствовала формированию и развитию в большей степени таких компонентов конфликтологической компетентности, как поведенческий и когнитивный, о чем свидетельствуют статистические различия по параметрам знания о конфликте и поведению в конфликте. Также занятия оказали влияние на развитие волевого и эмоционального компонентов, о чем свидетельствует увеличение различий в экспериментальной и контрольной группах по показателям «мстительность» и «ассертивные действия».

Литература

1. Баныкина, С.В. Педагогическая конфликтология: состояние, проблемы исследования и перспективы развития // С.В. Баныкина. Современная конфликтология в контексте культуры мира. М., 2001. С. 373–394.
2. Бережная, Г.С. Формирование конфликтологической компетентности педагогов общеобразовательного учреждения: монография. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2007. 229 с.
3. Заиченко, Н.У. Материалы курса «Методы профилактики и разрешения конфликтных ситуация в образовательной среде»: лекции 5–8. М.: Педагогический университет "Первое сентября", 2007г.
4. Мугалова, Ж.А. Педагогическая конфликтология: учебно-методическое пособие. Ярославль: ЯГПУ, 2001.102 с.

5. Петровская, Л.А. О понятийной схеме социально-психологического анализа конфликта. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.psychology-online.net/2/
6. Ронгинская, Т.И. Синдром выгорания в социальных профессиях // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 3. С. 85–95.
7. Уткин, Э.А. Конфликтология: теория и практика. М.: ЭКМОС, 1998. 427 с.
8. Хасан, Б.И. Конструктивная психология конфликта. СПб.: Питер, 2003. 250 с.
9. Цой, Л.Н. Практическая конфликтология. М., 2001. 233 с.

Сергей Янгибаев
(Беларусь)

КЕЙС-ТЕХНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

The transfer of direct experience, providing conditions for the formation of vital skills is an important task of every social and educational program. Social work specialists and practical educators should provide situations that are as close to reality as possible. Case studies help to achieve the goal. The purpose of the article is to study the effectiveness of case-based technologies (case studies) in the domestic social and educational sphere (for example, the implementation of the social project of the Belarusian Red Cross Society of HIV/AIDS prevention among the youth).

Главная задача любой социальной программы – передача непосредственного опыта, обеспечение условий для формирования жизненно важных умений и навыков. В реальной жизни опыт получается путем участия в определенных ситуациях, когда человек сталкивается с проблемой лицом к лицу. Такие действия в образовательном процессе могут быть чреваты негативными последствиями, а значит, стоит найти другой способ решения проблемы. Именно поэтому специалистам следует обеспечить создание ситуаций, максимально приближенных к реальности. Достичь этого помогают кейс-технологии.

В основе кейсов лежит методика изучения какой-то проблемной ситуации, которая подвергается критическому анализу и дает возможность участникам процесса применить свои знания на практике. Создание подобных программ, базирующихся на принципах кейс-технологий, – сравнительно новое течение в отечественной социальной сфере, и их эффективность еще не изучена. Наше исследование и посвящено выявлению такой возможной эффективности.

Материалом для исследования послужили социальные программы с применением интерактивных технологий, научная литература по заявленной проблематике, представленная трудами известных педагогов, философов, психологов, литературой энциклопедического характера, различного рода публикациями. Реализованы следующие методы исследования: теоретические (анализ, синтез, сравнение, обобщение), практические (анкетирование), метод математической обработки данных.

В мировой образовательной практике использование кейс-стади (case-study) стало широко распространяться в 1970–1980-х гг. Широкий интерес к технологии кейс-стади пришел в постсоветское пространство в 1990-х гг. Новые задачи социально-экономической рыночной ситуации «подняли на щит» компетентностный подход, оценку специалиста, обладающего умениями реализовать теоретические знания в условиях риска, неопределенности решений, взятия ответственности, анализа многоуровневых причинно-следственных связей. Во всех сферах становится востребованным специалист, умеющий работать в команде, способный генерировать идеи и технологии их внедрения, имеющий склонность к инновациям, умеющий критично, оперативно и аналитично работать с огромными объемами информации различных видов [4].

Суть кейс-метода довольно проста: для организации обучения используются описания конкретных ситуаций. Учащимся предлагают осмыслить реальную жизненную ситуацию, описание которой одновременно отражает не только какую-либо практическую проблему, но и актуализирует определенный комплекс знаний, который необходимо усвоить при разрешении данной проблемы. При этом сама проблема не имеет однозначных решений. Действия в кейсе либо даются в описании, и тогда требуется их осмыслить (последствия, эффективность), либо они должны быть предложены в качестве способа разрешения проблемы. Но в любом случае выработка модели практического действия представляется эффективным средством формирования профессиональных качеств обучаемых.

Метод case-study – инструмент, позволяющий применить теоретические знания к решению практических задач. Метод способствует развитию у студентов самостоятельного мышления, умения выслушивать и учитывать альтернативную точку зрения, аргументированно высказать свою. С помощью этого метода учащиеся имеют возможность проявить и усовершенствовать аналитические и оценочные навыки, научиться работать в команде, находить наиболее рациональное решение поставленной проблемы [10].

Суть обучения методом case-study состоит в том, что каждый предлагает варианты, исходя из имеющихся у него знаний, практического опыта и интуиции. Например, для одного учащегося изменение семейного положения не является важной деталью, а другой может, опираясь на свой опыт, посчитать этот факт исключительно важным [3]. Метод case-study требует подготовленности участников, наличия у них навыков самостоятельной работы; неподготовленность, неразвитость моти-

вации группы может приводить к поверхностному обсуждению кейса. Разбирая кейс, участники приобретают конкретный опыт. Они фактически получают на руки готовое решение, которое можно применить в аналогичных обстоятельствах в реальных условиях в будущем. Расширение опыта через анализ кейсов увеличивает вероятность использования готовой схемы решений к сложившейся ситуации, формирует навыки решения более серьезных проблем.

Изучение эффективности использования кейс-технологий в социальной сфере мы проводили на примере социального проекта Белорусского общества Красного Креста по профилактике ВИЧ-инфекции в среде молодежи «Молодежь против ВИЧ». В данном проекте важным показателем успешности является усвоение участниками полученной в ходе интерактивных занятий информации о путях передачи вируса и способах защиты от него.

Исследование предполагало проведение двух серий информационных сессий для молодежи, где в подробностях раскрывалось содержание профилактики ВИЧ-инфекции. Целевую группу исследования составила молодежь в возрасте 14–18 лет, учащиеся школ и колледжей г. Слуцка в количестве 100 человек (по 50 для каждого направления исследовательской работы). В одном комплексе занятий обеспечивалось использование кейс-технологий, где важным элементом являлся предыдущий опыт целевой группы, творческий подход к делу и некоторая самостоятельность участников. Во втором случае занятия носили классический характер классно-урочной системы, где материал зачитывался без применения интерактивных технологий.

В обоих случаях внешняя цель предполагала повысить уровень информированности по проблеме эпидемии ВИЧ-инфекции, что требовало предоставления достоверной информации о характере и масштабе эпидемии, путях передачи инфекции, способах защиты своего здоровья.

Логика программы предусматривала следующие блоки.

1. *Вступительная часть.* Знакомство с участниками. Краткая информация о социальной программе, в рамках которой проводится семинар. Презентация цели семинара и программы. Первичное анкетирование группы. Выявление ожиданий и опасений участников. Принятие норм работы в группе.

Вступительная часть предполагает введение четких действий и предоставление информации сугубо логистического характера. При этом важную роль играет заинтересованность участников. На этом этапе группу необходимо быстро проинформировать о формате проведения встречи,

проанализировать ее информированность по проблеме и ожидаемых опасениях. Это делается для того, чтобы понять, что из предложенного специалистом будет более или менее важным для участников. Анализируя знания и опасения группы, специалист может изменить некоторые свои будущие действия, тем самым повышая продуктивность занятия.

При использовании кейс-технологий подобные действия упрощаются с помощью применения интерактивных методик, которые включает в себя метод, однако в ходе работы по принципу классно-урочной системы те же задачи можно решить путем формирования активной дискуссии.

2. *Информационный блок по основным аспектам ВИЧ-инфекции.*

Участникам предоставляется основная информация о ВИЧ/СПИД по следующим блокам: история открытия вируса и теории его возникновения, ВИЧ/СПИД (различия), пути передачи, способы защиты своего здоровья, стадии инфекции, ее лечение и тестирование.

3. *Стигма и дискриминация людей, живущих с ВИЧ, формирование адекватного отношения в проблематике.*

Участникам предоставляется возможность более глубоко и детально обсудить вопросы стигмы и дискриминации. В данном блоке рассматриваются главные теоретические аспекты данного вопроса. Основная часть блока посвящена тому, что такое адекватное отношение и что значит проявлять подобное отношение к представителям различных уязвимых групп.

4. *Заключительная часть.*

На завершающем этапе участники оценивают всю программу, личный вклад и полезность того, что происходило на семинаре, для будущей работы. Также важным звеном в ходе работы является повторное анкетирование группы, которое может показать изменения, произошедшие с участниками в ходе семинара.

Программа семинара была составлена исходя из потребностей целевой группы и того опыта, которым уже обладали участники. Таким образом, один из основных акцентов был сделан на вопросах защиты себя и своих близких от распространения ВИЧ-инфекции, так как зачастую эта тема недостаточно подробно рассматривается в силу затрагиваемых здесь интимных моментов. В первом варианте проводимых занятий наибольшее внимание уделяется обучению через опыт и проблематизации тех аспектов, которые являлись привычными, но до этого не анализировались участниками в должной степени (разбор рискованных ситуаций, базовые сведения о заболевании).

Эффективность действий проверялась на основании показателей уровня осведомленности о ВИЧ-инфекции. Участникам предлагались специально разработанные анкеты, согласованные со специалистами проектной деятельности, а также представителями Белорусского общества людей, живущих с ВИЧ. Анкетирование проводилось до и после каждого занятия. Подобные действия показывают динамику развития знаний, насколько хорошо каждый из участников усвоил информацию по затрагиваемой тематике на выходе.

Структура анкетирования строго повторяла логику обучающих частей семинара:

- течение заболевания – вопросы 1, 7, 16;
- лечение заболевания – вопросы 2, 4;
- пути передачи вируса – вопросы 3, 5, 6, 9, 11–13, 15;
- способы защиты здоровья – вопросы 8, 9, 14, 17.

Исключение составила часть «История и теория происхождения вируса», которая носила более развивающий, чем обучающий характер, а также часть «Стигма и дискриминация ЛЖВС», так как данный блок затрагивает более глубокие психологические переживания, а отношение к людям, которых коснулась эпидемия ВИЧ-инфекции, трудно проследить через анализ анкетных данных.

Сравнительный анализ анкет проводился в сответствии с вышеизложенными пунктами. Полученные предварительные данные указывают, что в ходе обоих мероприятий первоначально участники имели низкий уровень осведомленности по теме. Общими сведениями о лечении и течении ВИЧ-инфекции обладали 42% опрошенных в случае семинара с применением кейс-технологий и 43% при классно-урочной системе. На вопросы о путях передачи заболевания правильно ответили 46% участников первого семинара и 44% второго. В обоих случаях 48% опрошенных смогли правильно ответить, как можно себя обезопасить от ВИЧ-инфекции.

Завершающие анкеты свидетельствуют об улучшении результатов, однако имеется значительная разбежка показателей при сравнении семинаров. Правильные ответы на вопросы пунктов касательно лечения и течения заболевания при применении кейс-технологий дали 93% участников, в случае классно-урочной системы этот показатель составил 56%. В первом мероприятии 91% опрошенных смогли правильно указать пути передачи ВИЧ-инфекции, во втором всего 49%. Осведомленность о способах защиты своего здоровья повысилась до 97% в первом семинаре и до 60% во втором.

Общий результат свидетельствует о том, что в случае применения кейс-технологий участники усваивают предлагаемую информацию почти полностью (94% правильных ответов), в то время как при классно-урочной системе этот показатель составляет 53%. При этом в ходе предварительного анкетирования как в первом, так и во втором случае правильные ответы составляли 47 и 44% соответственно.

Подобную разбежку можно объяснить тем, что в первом случае на протяжении всего семинара используются различные интерактивные технологии, которые поддерживают интерес к проблематике блоков занятия, а также способствуют лучшему усвоению материала. При классно-урочной системе актуальность темы и интерес к ней, который мог быть в самом начале, быстро проходит из-за отсутствия поддерживающего механизма в ходе всего занятия.

Таким образом, полученные результаты подтверждают, что использование кейс-технологий приводит к большему осознанию проблемы и усвоению предлагаемой информации. В ходе кейс-метода обучающиеся учатся взаимодействию в группе, приобретают навыки анализа и принятия решения, необходимые для преодоления трудной жизненной ситуации. Главная особенность технологии выражается в изучении участниками занятий прецедентов, т.е. имевшихся в прошлом случаев из социальной практики. Этот подход хорошо вписывается в реализацию социальных программ профилактического характера, где важным составляющим звеном является обучение навыкам защиты своего здоровья от негативного влияния различного рода заболеваний и пагубных привычек.

Рассмотрев развитие и применение кейс-технологий в теории и на практике, можно сделать следующие выводы.

1. На современном этапе кейс-технологии представляют собой конкретные ситуации, специально разрабатываемые на основе фактического материала с целью последующего разбора на учебных занятиях. Преимущества кейсов связаны с тем, что такие технологии могут сочетаться с различными методами обучения.

2. Многообразие типологии и гибкость кейс-технологий значительно расширяют возможности специалистов социальной сферы. Исходя из целей и задач процесса обучения, можно выделить кейсы, обучающие анализу и оценке, решению проблем и принятию решений, иллюстрирующие проблему, решение или концепцию в целом. Использование метода кейсов в качестве средства обучения перспективно в программах на различных уровнях организации.

3. Применение кейс-технологий в сфере реализации социальных проектов рассматривается как специфическая форма работы, при этом разработка социальных программ осуществляется по стандартному принципу. Особенность использования кейсов в социальных программах лежит в сущности самого метода, который дает обучающимся возможность творчески подойти к решению поставленной задачи, приобрести непосредственный опыт выхода из трудной жизненной ситуации.

4. В процессе реализации социальных программ использование кейс-технологий приводит к большей эффективности результатов программы. Полученные в ходе исследовательской работы результаты подтверждают, что использование кейс-технологий способствует большему осознанию проблемы и усвоению предлагаемой информации.

Литература

1. Азбукина, Е.Ю. Роль рефлексии в профессиональном становлении педагога // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 2. С. 90–94.
2. Арканова, Т.А. Использование метода кейс-стади в профессиональной подготовке студентов-экономистов // Вестник университета Российской академии образования. 2011. № 1. С. 164–166.
3. Генишер, Е.С. Формы подготовки преподавателей вуза к реализации процесса воспитания правовой культуры студента // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2011. № 11. С. 30– 42.
4. Добрынина, Д.В. Инновационные методы обучения студентов вузов как средство реализации интерактивной модели обучения // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 5. С. 175–176.
5. Коняхина, Ю.С. Практико-ориентированная подготовка специалистов по социальной работе в вузе на основе кейс-метода как практической составляющей формирования профессиональной подготовки будущего специалиста // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2010. № 3. С. 362–366.
6. Серпионова, Е.И. Опыт обучения психологии с применением технологии «кейс-стади» в старших классах // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2010. Т. 9. № 8. С. 122–128.
7. Сорокина, Н.В. Кейс-стади как метод педагогического исследования // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. Т. 60. № 6. С. 7–11.
8. Суханов, М.Б. Технология case study как способ реализации индивидуального подхода в обучении программированию // Информатика и образование. 2011. № 9. С. 63–65.

9. Толковый словарь русского языка: в 5 т. Т. 1 / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: АСТ, 2000. 848 с.
10. Федорова, Н.В. Активные и интерактивные методы обучения студентов-маркетологов в СибГАУ: кейс-метод // Инновационная интегрированная система профессионального образования: проблемы и пути развития: материалы всерос. науч.-метод. конф. / гл. ред. А.А. Лукьянова. Красноярск, 2011. С. 225–227.

ГЕНДЕРНЫЙ ПОВОРОТ В СОЦИАЛЬНОМ ЗНАНИИ: ИНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТРАТЕГИИ И ФОРМЫ ОСМЫСЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОСТИ

Дарья Горячева
(Россия)

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ЖЕНЩИН НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ

Under the conditions of post-industrialism the role of women in public administration increases, but, on the other hand, the value orientations of public servants change. However, today there exist biased gender inequalities at the highest levels of state power, which can lead to poor governance. The purpose of the research is to identify the differences in the value orientations of civil servants on the basis of gender. The findings reveal that female municipal servants to a greater extent have inherent administrative value orientations. Men in their work are guided by not only administrative, but also political value orientations. The differences in the value orientations of civil servants of women and men underscore the importance of the participation of both sexes at all levels of public authorities.

Конец XX – начало XXI в. вносят свои коррективы в социальную, экономическую, политическую и другие сферы жизни общества. Человечество входит в эпоху постиндустриализма, которая характеризуется качественными изменениями в развитии общества. Государственное управление в данном контексте не может оставаться прежним и начинает свою трансформацию с изменения взгляда на мир государственного служащего [2: 136–161].

Согласно теории Р. Инглхарта, произошедшие изменения привели к появлению новых ценностей и изменению образа жизни государственных служащих. Материальные ценности отошли на второй план, уступив дорогу нематериальным, главным приоритетом которых стал фокус на самовыражение и улучшение качества жизни [5: 39]. Ценностные ориентации в данном контексте нацелены в большей степени на достижение высокого уровня жизни, чем на экономическую эффективность. В этом контексте основное внимание уделяется производству социальных услуг, которые в большей степени направлены на поддержание не материальных, а моральных или духовных ценностей, а государственные служащие являются исполнителями тех задач, которые ставит перед ними государственное управление и само общество [3: 179–181].

Вместе с изменениями ценностных ориентаций происходят изменения и в самой структуре общества. Ч. Кинг отмечает, что в данном контексте набирают силу те социальные движения, которые прежде не могли реализоваться. Одним из ярких примеров является феминистское движение, посредством которого женщины пытаются добиться равноправия во всех сферах жизни общества [11].

Выход женщин на политическую арену ознаменовал появление культурного феминизма, в рамках которого подчеркиваются не сходства, а различия в ценностных ориентациях мужчин и женщин [15]. К. Гиллиган в своей работе «Иным голосом. Психологическая теория и развитие женщин» показывает разницу в процессе становления личности представителей обоих полов и различия их ценностных ориентаций в дальнейшем. Она отмечает, что женщины имеют особую точку зрения и выражают свое отношение к жизненным ситуациям через определенные приоритеты [8].

К. Стиверс считает, что гендерное неравенство влияет на эффективность административного управления [4: 632]. Система государственного управления может быть менее иерархичной и более демократичной, если в нее будут входить представители обоих полов. Теория феминизма предполагает, что власть может выступать не только в роли доминирования, но и одним из видов предоставления и реализации возможностей граждан.

К сожалению, несмотря на принятие Генеральной Ассамблеей ООН 20 декабря 1954 г. Конвенции о политических правах женщин, где за женщинами впервые на таком высоком уровне были официально признаны равные права на участие в управлении государством [13], эти права очень часто остаются чисто декларативными. Хотя женщины имеют большую долю в представительстве сектора государственного управления, они, в большинстве случаев, занимают более низкие позиции, чем мужчины.

В России, по данным Росстата за 2013 г., на должностях государственной гражданской службы находится 561,1 тыс. женщин и 225,3 тыс. мужчин, однако высшие должности доступны только 23,3% женщин, но 76,7% мужчин [1: 298].

С точки зрения Р. Черил, женщины, выстраивая систему управления, прежде всего думают о тех, на кого будут распространяться их решения, и заботятся об их благополучии, создавая ценности для населения [6: 8]. Кроме того, женщины готовы отказаться от принципов строгой иерархии, им в большей степени импонирует демократический стиль прав-

ления, используя который они могут узнать о предпочтениях народа и помочь в их реализации.

В этом контексте приверженцы феминистической теории, как, например, М. Гроган [9] и К. Стиверс [4], утверждают, что женщины могут сыграть решающую роль в преобразовании руководящей роли государственного сектора в сторону большей социальной активности и являются важным звеном в системе построения эффективного государственного управления.

В контексте изменений, произошедших в эпоху постиндустриализма, К. Худ выделяет три группы административных ценностей, которые он определяет как исключительно ценности «хорошего управления»: лямбда, тета и сигма [10: 3–19].

Каждая из этих ценностей определяет сущность реформ, проводимых госслужащими. Лямбда-ценности отвечают за поддержание высокого уровня запасов для противостояния кризисам, тета – за прозрачность процесса выполнения функций государственного управления, а сигма – за улучшение экономических показателей.

Кроме того, для государственного управленца высокий уровень приверженности ценностям, присущим государственной службе, обычно генерирует общественное доверие к служащему и уверенность в себе, считает М. Картхейг [12: 6]. И наоборот, недостаточная приверженность ценностям или продвижение несоответствующих ценностей может привести к снижению важнейших элементов демократического управления, а также к отстранению этических норм.

Для выявления ценностных ориентаций муниципальных служащих в контексте гендерных отношений в феврале – марте 2015 г. было проведено эмпирическое исследование, основным методом которого стал анкетный опрос.

Анкета для проведения данного исследования была составлена на основе теории Д. Набалдиана, который предполагал, что ценностные ориентации государственных служащих делятся на два типа: управленческие (стабильность, коллектив, квалификация/опыт/подготовка, коррумпированность, осознание того, что работа приносит пользу обществу, аккуратность, исполнительность/дисциплинированность, образованность) и политические (независимость, престижность, публичность, информированность, самостоятельность в работе, самоконтроль, смелость в отстаивании своих взглядов, адаптивность) ценностные ориентации [7: 29]. Анкета была выполнена в виде набора вопросов, каждому из которых соответствовал набор ответов закрытого типа.

Основной базой для проведения исследования стали муниципальные служащие Кировского и Калининского районов Санкт-Петербурга.

Данная выборка была сформирована по принципу различия районов по качеству жизни, где Калининский район занимает одно из первых мест, а Кировский – одно из последних. Такая структура выборки имела целью проверить предположение о связи специфики ценностных ориентаций чиновников и уровня развития территории, которой они управляют.

Основной гипотезой нашего исследования стало то, что мужчинам в большей степени присущи политические ценностные ориентации, а женщинам управленческие. Кроме того, мы хотели проверить мнение о том, что политические ценностные ориентации влияют на уровень занимаемой должности чиновника. Также было сделано предположение о том, что увеличение степени приверженности муниципального служащего к определенной группе ценностных ориентаций – управленческих или политических – ведет к снижению степени приверженности к другой.

Всего было получено 72 ответа от муниципальных служащих Кировского и Калининского районов Санкт-Петербурга. В опросе приняли участие 49 женщин и 23 мужчины. Результаты анкетного опроса были проанализированы с помощью компьютерной программы для статистической обработки данных – SPSS Statistics.

Для более удобной обработки данных мы рассчитывали сумму политических и управленческих ценностей у каждого респондента, после чего была составлена градация по степени приверженности муниципального служащего той или иной ценностной ориентации. Анализируя данные, мы использовали таблицы сопряженности, корреляционный анализ, а также методы дисперсионного анализа ANOVA.

Прежде всего хотелось бы обратить внимание на степень приверженности муниципальных служащих политическим и управленческим ценностным ориентациям.

По данным исследования, большинство муниципальных служащих (59,7%) имеют среднюю степень приверженности управленческим ценностным ориентациям, тогда как сильная приверженность наблюдается только у 12,5%. Рассматривая же степень приверженности к ценностным ориентациям «политиков», мы наблюдали несколько иную ситуацию. У 15,3% муниципальных служащих полностью отсутствует приверженность политическим ценностным ориентациям, а наибольший процент респондентов имеет слабую приверженность (51,4%).

Выявляя различия в ценностных ориентациях муниципальных служащих, мы выдвинули предположение о том, что мужчинам в большей степени присущи политические ценностные ориентации, а женщинам управленческие. Результаты исследования частично подтвердили нашу главную гипотезу.

Исходя из специфики выборки, было интересно проследить, есть ли связь между степенью приверженности муниципального служащего определенной группе ценностных ориентаций и районами, которые различаются по уровню качества жизни. Для анализа данной взаимосвязи были построены таблицы сопряженности, которые показали, что гипотеза об отсутствии связи между районом и выраженностью политических ценностей в одном случае и управленческих в другом не смогла быть подтверждена.

Проверялась также гипотеза, что муниципальный служащий с более выраженными ценностными ориентациями «политика» занимает более высокие должности. Однако проведение дисперсионного анализа ANOVA эту гипотезу не подтвердило. В каждой группе политические ценности распределены примерно одинаково. Корреляции Спирмана и Пирсона показали наличие взаимообратной связи между степенью приверженности политическим и управленческим ценностными ориентациям, исходя из чего можно сказать, что чем выше ценностные ориентации «управленца», тем ниже «политика».

В целом муниципальным служащим в большей степени присущи управленческие ценностные ориентации, как позитивные (ориентация на граждан, квалифицированность, образованность), так и негативные (коррумпированность, неготовность к изменениям). Рассматривая ценностные ориентации в разрезе гендерного аспекта, мы заметили, что у женщин политические ценности выражены менее ярко, чем у мужчин. По нашему мнению, это может быть связано с тем, что мужчины, как правило, занимают более высокие должности, чем женщины, однако взаимосвязь между полом и уровнем должности не подтвердилась.

Приверженность женщин управленческим ценностным ориентациям показывает, что они нацелены на общение с гражданами и являются представительницами социально ориентированного стиля управления, однако порой им не хватает настойчивости в отстаивании своих взглядов и воплощение их благородных целей уходит на второй план.

Расхождение в характере ценностных ориентаций у мужчин и женщин ведет к разнице в управленческом труде как муниципальных, так и государственных служащих обоих полов. В первую очередь нужно

учитывать тот факт, что ценностные ориентации женщин ведут к развитию человеческого потенциала и продвижению социальной политики в государстве. С учетом этих особенностей стоит проводить так называемое разделение труда, где государственные служащие обоих полов будут выступать в роли экспертов и совершенствовать определенную сферу жизни общества.

Такие политические ценностные ориентации, как готовность к переменам, независимость, самоконтроль и способность к отстаиванию своих взглядов, являются очень важными ориентирами, которые способны улучшить действия муниципальных и государственных служащих, направленные на улучшение качества жизни на локальном и государственном уровне. Как муниципальным, так и государственным служащим, и в большей степени женщинам, требуется развивать политическую группу ценностных ориентаций. Эффективной мерой для такого развития может стать создание определенных программ для развития политических ценностных ориентаций у государственных и муниципальных служащих посредством проведения семинаров и тренингов. Возможно, это также станет толчком для продвижения женщин на более высокие должностные позиции служащих государственных органов власти.

Кроме того, нужно понимать, что преобладание в системе государственного управления только одной группы ценностных ориентаций приведет к однобокому развитию государства, поэтому для построения эффективной системы государственного управления в государственной службе должно быть примерно одинаковое соотношение представителей мужского и женского полов. Одним из наименее затратных и наиболее эффективных способов для обеспечения гендерного паритета, на наш взгляд, может стать нейтральное гендерное квотирование, которое будет корректировать представительство мужчин и женщин в органах государственной власти. Эффективно выстроенная система нейтрального гендерного квотирования не допустит изоляции женщин от политической жизни и будет отстаивать интересы мужчин в тех сферах, где заняты в основном женщины.

Литература

1. Зимин, В.А. Женщины России в политике и структурах власти // Политика и политические науки. 2013. № 10. С. 298.
2. Ирхин, Ю.В. Социум и политика в постмодернистском зазеркалье: взгляды, подходы, анализ // Полития. 2006. № 4. С. 136–161.

3. Тютин, Д.В. Эволюция нового государственного управления: логика эффективности, результативности и менеджмента публичных ценностей // Теория и практика общественного развития. 2014. № 5. С. 179–181.
4. Шафритц, Д., Альберт, Х. Классики теории государственного управления: американская школа. М., 2003. С. 632.
5. Bogason, P. Public administration and the unspeakable: american postmodernism as an academic trail of the 1990's. Roskilde, 1999. P. 59.
6. Cheryl, R. Gender, Women and Leadership // Agenda: Empowering Women for Gender Equity. 2005. № 65. P. 8.
7. Frederickson, H.G., Smith, K.B., Larimer, C.W., Licari, M.J. The Public Administration Theory Primer. Colorado, 2012. P. 274.
8. Gilligan, C. In a Different Voice: Psychological Theory and Women's Development. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1982.
9. Grogan, M. Laying the groundwork for a reconception of the superintendency from feminist postmodern perspectives // Educational Administration Quarterly. 2000. № 1. P. 142–177.
10. Hood, C. A public managment for all seasons? // Public Administration. 1991. № 1. P. 3–19.
11. King, C. «Postmodern Public Administration»: In the Shadow of Postmodernism // Administrative Theory & Praxis. 2005. № 3. P. 524.
12. MacCarthaigh, M. Why public service values? // Public Service Values, Institute of Public Administration. 2008. № 39. P. 4–7.
13. Конвенция о политических правах женщины. [Электронный ресурс.] Режим доступа: URL: http://www.owl.ru/win/docum/un/pol_con.htm Дата доступа: 03.03.2015.

Алина Янак
(Россия)

СПЕЦИФИКА ПРОБЛЕМ И ТАКТИКИ ИХ РЕШЕНИЯ В ОТЦОВСКИХ СЕМЬЯХ В РОССИИ

The increasing number of single-parent households in Russia influences the public and research interest. The article presents the results of the author's research and of the secondary analysis of qualitative data, describes the functioning, the structure of problems and therapeutic requests, the tactics of handling crises and sources of support for this category of family.

Отцовские семьи представляют пока небольшой, но постепенно распространяющийся и динамично развивающийся фрагмент семейной номенклатуры российского общества. Результаты исследований последних десятилетий фиксировали малозначительный, но систематический рост (прежде всего в относительных величинах) удельного веса подобных практик. Так, по результатам переписи 1989 г., их доля составила всего 1% от общего числа семейных домохозяйств, в 1994 г. – 1,3% [4], в 2002 г. численность отцовских семей достигла 1,5%, а Всероссийская перепись населения 2010 г. констатировала уже 1,7% отцовских семей (684,3 тыс.) [14]. Ключевыми здесь являются слова «систематический рост», которые позволяют рассматривать распространение данного явления в качестве «тенденции».

Проблематика отцовского монородительства все чаще привлекает к себе общественный и исследовательский интерес и постепенно входит в отечественный научный дискурс. Тем самым она дает новый виток развитию исследования семейно-брачной (в более узком смысле альтернативных семейных практик) и родительской сфер в целом, а также набирающей популярность проблемы отцовства (его различных вариаций, «нового» отцовства) в частности.

В статье в систематизированном виде представлены результаты:

● *авторского исследования*, проведенного в Нижегородской области в 2013–2015 гг. и включающего 5 глубинных полуформализованных интервью с отцами, воспитывающими детей самостоятельно, а также 6 экспертных интервью с сотрудниками социальных служб и представителями некоммерческих организаций;

- *вторичного анализа исследований по рассматриваемой теме*: исследование особенностей проявлений родительского отношения в семьях отцов-одиночек, проведенное М.В. Носковой в 2008 г. на базе управлений социальной защиты населения, социальных центров помощи семьям и детям, а также общеобразовательных учреждений Свердловской области (в нем приняли участие 60 неполных отцовских семей) [10]; исследование проблем и потребностей монородительских отцовских семей, включающее 5 глубинных полуформализованных интервью с одинокими отцами и 5 экспертных интервью со специалистами социальных служб, проведенных М.В. Щегловой в 2011 г. в Нижнем Новгороде [6]; социологический анкетный опрос одиноких отцов и биографическое полуструктурированное интервью с одинокими отцами, проведенные в г. Чита и районах Забайкальского края в 2013 г. А.Н. Михайловой [9] и др.;
- *анализа данных официальной статистики:* результаты Всероссийской переписи населения 2002 и 2010 гг. [14];
- *анализа нормативно-правовой базы системы социальной защиты семей в России* и т.д.

Характеристика монородительских отцовских семей. «Отцовская семья – тип монородительской семьи, главой которой является мужчина, не состоящий в актуальном браке и самостоятельно воспитывающий одного или нескольких детей» [6: 42]. Таким образом, именно отец становится ответственным за выполнение основных семейных функций (материальное обеспечение, воспитание, бытовое обслуживание домохозяйства и т.д.), за жизнь и развитие ребенка/детей. В качестве причин распространения практик одинокого отцовства можно выделить предельно высокий уровень разводимости, нестабильность современной семьи, трансформацию традиционных семейных ценностей [10], а также изменение гендерных и семейных ролей, которое обусловило модернизацию функционального, социокультурного и социально-психологического наполнения роли отца в семье и обществе [8: 477–478].

Отцовские семьи можно классифицировать по различным параметрам: родственная структура (нуклеарные/расширенные), количество детей (однодетная/двухдетная/многодетная), социодемографические (возраст детей, пол детей, возраст отца и т.д.) и социокультурные характеристики (уровень образования членов семьи, религиозная и этническая принадлежности и др.) и т.д. Значимым критерием также являются причины формирования такой семьи, основными из которых выступают овдовение, развод, осознанное решение матери покинуть семью и

лишение матери родительских прав. Также имеют место отдельные случаи применения одинокими мужчинами репродуктивной технологии суррогатного материнства.

Следует отметить, что во многих современных обществах одним из источников образования отцовских семей являются однополые партнерские и/или брачные союзы мужчин, решивших стать родителями путем усыновления ребенка, или применения технологии суррогатного материнства, или воспитывающих детей от предыдущих гетеросексуальных отношений одного из партнеров [3, 13]. Если на Западе это становится приемлемой практикой, то в России ситуация складывается иначе. Российское семейное законодательство регулирует семейные отношения только в контексте гетеросексуального брачного союза между мужчиной и женщиной, тем самым обходя стороной институт фактического брака (сожительства): «Регулирование семейных отношений осуществляется в соответствии с принципами добровольности брачного союза мужчины и женщины…»; «Для заключения брака необходимы взаимное добровольное согласие мужчины и женщины, вступающих в брак, и достижение ими брачного возраста» (п. 3 ст. 1 и п. 1 ст. 12 Семейного кодекса РФ соответственно) [1]. То есть, несмотря на отсутствие прямого официального запрета на однополые партнерства, государство не признает их. Кроме того, в 2013 г. в Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» были внесены изменения, согласно которым вводится запрет на информацию, «отрицающую семейные ценности, пропагандирующую нетрадиционные сексуальные отношения…» [2]. Таким образом, табуирование или старательное избегание темы однополых союзов означает отсутствие возможности их статистического учета и классификации в качестве одной из вариаций отцовских семей.

Проблемы и источники их решения в российских отцовских семьях (по результатам социологического исследования). Материалы немногочисленных исследований по теме, в том числе с участием автора (глубинные интервью с одинокими отцами), доказывают, что в процессе осуществления своих родительских функций многие из них переживают различные микрокризисы. В самом статусе одинокого родителя, обозначающем условное или фактическое отсутствие брачного и/или родительского партнера, заложена потенциальная угроза компетентности и успешности семьи. Это дает повод для условного деления трудностей отцовских семей на:

- типичные для монородительских семей в целом (материальные, психологические, бытовые и педагогические сложности; проблема сочетания одиноким родителем профессиональной и семейной ролей; проблема полоролевой социализации детей в отсутствие паттернов поведения одного из родителей и пр.);
- специфические или институционально-категориальные (проблема законодательной фиксации социально-правовых статусов «отцовская семья», «одинокий отец» и низкий уровень социальной защищенности категории; проблема общественного конструирования образа отцовской семьи; проблема эмпатического общения с ребенком и создания комфортной психоэмоциональной среды воспитания и др.);
- конкретно-индивидуальные (жилищные проблемы; проблемы взаимодействия с матерями детей и т.д.).

Возникновение и уровень интенсивности проявления тех или иных трудностей коррелируют с этапами жизненного цикла семьи. Наиболее ярко данную взаимозависимость демонстрируют дисбалансы в финансовой, эмоционально-психологической и хозяйственно-бытовой сферах. Источники подобных нарушений определены статусными изменениями и качественными трансформациями в жизнедеятельности семьи: стресс, перераспределение экономической нагрузки и семейного бюджета, трансформация механизмов бытового обслуживания домохозяйства и т.д. Именно поэтому они, как правило, характеризуют ранние этапы развития отцовской семьи и требуют максимальной аккумуляции ее адаптационных ресурсов. В то же время существуют вопросы для ежедневного внимания и решения: трудности в сфере воспитания ребенка/детей, а также проблема совмещения одиноким папой своих профессиональной и родительской ролей [11].

В этом контексте автоматически формируется объективная необходимость в преодолении возникающих проблем (хотя в некоторых случаях копинг-стратегией служит их игнорирование). При этом специфика трудных жизненных ситуаций отцовских семей заключается не только в их непосредственном содержании, но и тактиках их решения.

Источники решения проблем и поддержки монородительских отцовских семей можно классифицировать на:

- внутренние:

– самостоятельное преодоление возникающих трудностей;
– помощь родственников;
– частные инициативы (в том числе друзья, знакомые, коллеги и т.п.);

- внешние:

– институт гражданского общества (НКО, родительские объединения, отцовские сообщества, в том числе ассоциации, группы само- и взаимопомощи и т.д.);

– коммерческие организации (частные детские сады, кружки, секции, школы) и физические лица (няни);

– государство (государственные социальные службы);

– СМИ (документальные и художественные фильмы по теме, телевизионные передачи, педагогическая литература, специализированные и тематические форумы и блоги, осуществляющие онлайн-консультирование [7]).

В отличие от матерей-одиночек, активно пользующихся государственными мерами социальной поддержки и услугами социальных служб (материнские семьи зачастую приобретают характеристики «малообеспеченных» и «зависимых» от пособий [5] и алиментов), одинокие отцы редко обращаются за теми или иными выплатами и другими видами помощи в учреждения социального обслуживания населения. Более того, многие одинокие отцы не стремятся афишировать свой статус на рабочем месте, который зачастую условен (например, в случае с отцовскими семьями, возникшими вследствие разрыва незарегистрированных отношений или решения матери ребенка покинуть семью без официального расторжения брака). Следовательно, они не пользуются льготами, гарантированными трудовым и налоговым законодательством для родителей, самостоятельно воспитывающих детей. Приоритетным для одиноких отцов является использование внутренних ресурсов семьи для решения поставленных задач [11]. В целом услуги государства, несмотря на их разнообразие, не пользуются популярностью среди одиноких отцов.

Проблема также часто усугубляется пробелами в правовых знаниях. Кроме того, для большинства отцов обратиться за помощью к профессионалам означает факт признания мужской несостоятельности и социальной некомпетентности. Отсюда страх конструирования негативного образа и статуса «нуждающейся в поддержке категории» является довольно серьезным психологическим барьером, препятствующим презентации проблем отцов [12]. При этом фактором интенсификации данной проблемы служит феминизация социальной работы, где подавляющая часть сотрудников и клиентов – женщины.

Другим маркером неспособности государства удовлетворить специфические потребности отцовских семей является распространение специализированных ассоциаций, клубов и других видов неформальных

некоммерческих организаций для мужчин/отцов, предлагающих групповой формат терапии и работы над кризисными ситуациями: ассоциация одиноких отцов «Мапулечки Москвы»; российская правозащитная ассоциация «Отцы и дети»; отделение помощи неполной отцовской семье Краевого государственного учреждения социального обслуживания «Краевой кризисный центр для мужчин» (Алтайский край, г. Барнаул) и др. Данная технология становится все более востребованной, поскольку активизирует потенциал участников в рамках субъект-субъектного подхода в коррекции проблем, тем самым предоставляя уникальные возможности для личностного роста и самоактуализации. Кроме того, она способствует преодолению психологических барьеров, а также препятствий, связанных с территориальной и информационной доступностью указанных отделений помощи одиноким отцам и их детям посредством сети интернет. Сегодня это обеспечивается за счет регистрации публичных страниц действующих объединений и организации специализированных сообществ в социальных сетях «В контакте», «Одноклассники», «Facebook» и др. Кроме того, распространение приобретают тематические форумы и блоги для обсуждения проблем и получения поддержки всегда в режиме online [12].

Выводы

Таким образом, динамика роста числа монородительских отцовских семей обусловливает рефлексию о месте и социально-правовом статусе данной категории в структуре общественных и семейно-брачных отношений в России. Результаты исследований показали, что рассматриваемая модель семьи может типологизироваться по различным критериям (причины возникновения, количество детей, семейная структура, социодемографические и социокультурные характеристики членов семьи и т.д.), в том числе по проблемам, сопровождающим организацию их повседневного быта. С одной стороны, многие из них носят общий характер и могут возникнуть в любом домохозяйстве, семейном или одиночном (материальные, бытовые, психологические трудности, проблема сочетания работы и дома и др.), с другой – существуют определенные институционально-категориальные характеристики анализируемой категории, способные специфицировать и/или интенсифицировать кризисные ситуации. Эти особенности делают отцовские семьи довольно замкнутой с точки зрения изучения, учета и поддержки категорией, тем самым требуя особых механизмов взаимодействия и терапии, которые, к

сожалению, не обеспечиваются государственными системами социального обслуживания и социальной защиты населения.

Литература

1. Семейный кодекс РФ // Официальный сайт компании «Консультант Плюс». [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.consultant.ru/popular/family/
2. Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Сайт информационно-правового портала «Гарант». [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://base.garant.ru/12181695/
3. Божков, О., Протасенко, Т. Однополые браки – проблема в основном политическая // Телескоп. № 1 (91). 2012. С. 35–42.
4. Гурко, Т.А. Трансформация института современной семьи // СОЦИС. 1995. № 10. С. 95–99.
5. Дементьева, И.Ф. Негативные факторы воспитания детей в неполной семье // Социологические исследования. 2001. № 11. С. 108–113.
6. Егорова, Н.Ю., Янак, А.Л. Отцовская семья как новый клиент социальной работы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. № 2 (34). Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. С. 42–46.
7. Костригин, А.А., Хусяинов, Т.М. Онлайн-консультирование: организационные и психологические аспекты // Общество, семья, личность: теория и практика решения актуальных проблем: сб. науч. статей / под ред. Ю.В. Брачиковой. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. С. 84–88.
8. Куракина, Л.М. Специфика современного отцовства // Семья и семейные отношения: современное состояние и тенденции развития / под общ. ред. проф. З.Х. Саралиевой. Нижний Новгород: НИСОЦ, 2008. 583 с.
9. Михайлова, А.Н. Монородительские (отцовские) семьи: социолого-управленческий аспект: автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата социологических наук: 22.00.08. Чита, 2014. 24 с.
10. Носкова, М.В. Социально-психологические особенности родительско-детских отношений в неполных отцовских семьях: автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата психологических наук: 19.00.05. М., 2010. 22 с.
11. Янак, А.Л. Проблема совмещения профессиональной и родительской ролей глав монородительских семей (на примере одиноких отцов) // Социальные инновации в развитии трудовых отношений и занятости в XXI веке / под общ. ред. проф. З.Х. Саралиевой. Нижний Новгород: НИСОЦ, 2014. С. 748–751.
12. Янак, А.Л. Роль социального работника в организации и проведении групповой терапии семейных кризисов (на примере отцовских семей) // Надежды: сборник научных статей студентов. Вып. 9 / науч. ред. З.Х. Саралиева. Нижний Новгород: НИСОЦ, 2015. С. 174–181.

13. Goldberg, A.E., Allen, K.R. Les perceptions de la participation masculine pour les meres lesbiennes lors du passage a la parentalite // Politiques sociales et familiales. № 96. Juin 2009. P. 55–70.
14. Рассчитано и составлено по материалам официального сайта Федеральной службы государственной статистики: http://www.gks.ru/. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Доступ через <http://www.perepis2002.ru/ct/html/TOM_06_02.htm/>. Итоги всероссийской переписи населения 2010 г. Режим доступа: <http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol6/pub-06-03.pdf>.

МЕДИАКУЛЬТУРА:
ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ
И СОЦИАЛЬНАЯ ПЕРЕСТРОЙКА

Андрэй Строцаў
(Беларусь/Літва)

МІФАЛАГІЧНЫЯ ЭЛЕМЕНТЫ Ў СУЧАСНЫХ МЕДЫЯХ (на прыкладзе «арнаментальнага буму» ў Беларусі)

The article deals with mythological aspects of contemporary culture. The relationship between myth and media culture is analyzed on the example of "ornamental fashion" in 2014-2015 in Belarus – a wave of interest in traditional Belarusian ornamental art. This trend is seen through the prism of theories of Alexej Losev, Rene Girard, Marshall McLuhan and Jean Baudrillard. New media use "visual mythology" of the ornament in the new conditions making it a part of new systems – commercial design and national ideology, filling them with new meanings.

Тэарэтычныя падыходы да прыроды міфа

Сучасная медыйная культура спецыфічным чынам ужывае элементы традыцыйнай міфалагічнай культуры, зьмяшчаючы іх у новыя ўмовы, зьмяняючы іх зьмест і характар. Мэта артыкула – выявіць логіку выкарыстаньня элементаў традыцыйнай культуры ў сучаснай медыйнай прасторы.

Для таго каб далей дасьледаваць міфалогію і яе дачыненьне да цяперашняй культуры, нам неабходна абапірацца на пэўныя інтэрпрэтацыі міфа, якія існуюць у інтэлектуальнай традыцыі.

Адну з такога кшталту інтэрпрэтацый рускі філосаф Аляксей Лосеў (1893–1988) сфармуляваў у працы «Дыялектыка міфа», выдадзенай у 1930 г. У прадмове да гэтай кнігі аўтар крытыкуе распаўсюджаныя падыходы да міфа – багаслоўска-містычны і навукова-этнаграфічны – за тое, што яны разглядаюць міф часткова і фрагментарна, у прыватнасьці не зьвяртаючы ўвагі на «таямнічае і дзівоснае» ў ім.

Лосеў прапануе адназначную апалагетыку міфа, шмат у чым спрэчную і радыкальную. Можна прывесьці некалькі цытат, якія сьцісла перадаюць бачаньне аўтара: «Міф ёсьць (для міфічнай сьвядомасьці, вядома) найвышэйшая па сваёй канкрэтнасьці, максімальна інтэнсіўная і ў найвялікшай ступені напружаная рэальнасьць» [4]; «Міф – не ідэальнае паняцьце, і таксама не ідэя і не паняцьце. Гэта ёсьць само жыцьцё». І, ма-

гчыма, найбольш радыкальную фармулёўку можна знайсьці ў шостым разьдзеле кнігі, прысьвечаным паэзіі: «Усё на сьвеце ёсьць міф».

У кантэксьце нашай працы, дзе мы будзем разглядаць візуальнае мастацтва, арнамент, важна тое, што для Лосева міф не абмяжоўваецца славеснай гісторыяй, фальклорам ці літаратурай. Лосеў ставіць знак роўнасьці паміж паняткамі міфа і сімвала, дазваляючы разумець пад міфам і выяву, і гісторыю, і чалавечыя практыкі і дзеяньні.

Рэнэ Жырар (1923–2015), француска-амерыканскі філосаф і антраполаг, пачынаў сваю навуковую працу як філолаг і літаратурны крытык, але з часам перайшоў да антрапалогіі. Яго асноўнымі кнігамі лічацца «Гвалт і сакральнае» (1972) і «Казёл адпушчаньня» (1982), дзе ён раскрывае сваю міметычную тэорыю, што ўключае крытычную тэорыю міфа. Паводле яго, «ён [чалавек] жадае быцьця, быцьця, якога, як яму здаецца, ён сам пазбаўлены і якім валодае, як яму здаецца, хтосьці іншы» [3], і гэта непазьбежна прыводзіць да канфліктаў і сацыяльных крызісаў. Жырар сьцьвярджае, што, хоць не існуе прыродных, інстынктыўных бар'ераў для чалавечай узаемнай агрэсіі, што пагражае самому існаваньню чалавечай супольнасьці, але ёсьць адзін механізм, які спрацоўвае ў момант, калі крызіс прыходзіць у найбольш напружаную стадыю. Гэта вядомы «казёл адпушчаньня», які дазваляе скіраваць на аднога ці на малую групу агрэсію кожнага супраць кожнага. Калі вінаватыя знойдзеныя, то ўзьнікае новае адзінадушша, наступае часовы мір. Паводле Жырара, міф – гэта калектыўная гісторыя, пры дапамозе якой чалавечая супольнасьць тлумачыць самой сабе, што зь ёю адбылося, намагаецца зразумець прыроду перажытых крызісу, гвалту і нечаканага прымірэньня.

Узаемаадосіны міфа і медыя. Мы зьбіраемся дасьледаваць міф у сувязі з сучаснай культурай, таму нам неабходна, па-першае, выбраць той прадмет ці тую сферу, дзе мы можам казаць пра праявы міфалогіі, міфалагічнага мысленьня і сьвядомасьці. Па-другое, нам неабходна праблематызаваць гэтае пытаньне, вызначыць, ці магчыма ў дачыненьні да цяперашняга часу казаць пра міф, а калі так, то якім чынам. Для гэтага мы выбіраем такую з'яву сучаснай культуры, як новыя медыя, і будзем спрабаваць даць адказ на пытаньне пра іх узаемаадносіны з міфалогіяй, абапіраючыся на працы двух філосафаў XX стагодзьдзя, якія найбольш паўплывалі на разуменьне медыя – Маршала Маклюэна і Жана Бадрыяра.

Маршал Маклюэн (1911–1980) падзяляе гісторыю чалавецтва на эпохі паводле таго, якая камунікацыйная тэхналогія дамінуе. Гэта, у

першую чаргу, племянная, архаічная культура, у якой асноўным медыюмам было вуснае маўленьне. Менавіта такую вусную культуру ён лічыць радзімаю міфалогіі, для якой характэрныя калектыўнасьць, адсутнасьць аўтарства, сінхроннасьць перажываньня. Паводле Маклюэна, сучасныя электронныя і электрычныя тэхналогіі ажыцьцяўляюць «рэтрайбалізацыю» сучаснага сьвету, вяртаньне яго ў новай якасьці ў першабытны племянны стан, што значыць вяртаньне да пэўнай міфалогіі ці фарміраваньне новай. Асноўным медыюмам, які выклікае гэтыя зьмены, Маклюэн лічыў тэлебачаньне, самую эфектыўную інфармацыйную тэхналогію яго часу. Далейшае з'яўленьне і разьвіцьцё інтэрнэта шмат у чым пацьвердзіла ягоныя тэорыі, хоць і не заўсёды іх аптымістычны бок.

Пытаньне пра суадносіны міфа і медыяў грае таксама значную ролю ў сацыяльнай тэорыі французскага філосафа Жана Бадрыяра (1929–2007). У сваёй асноўнай працы «Сімвалічны абмен і сьмерць» Бадрыяр будуе складаную сістэму супрацьпастаўленьня дзьвюх культураў – архаічнай культуры сімвалічнага абмену і сучаснай культуры сімуляцыі. «Ад часоў эпохі Адраджэньня, паралельна зьменам закона вартасьці, пасьлядоўна зьмянілася тры парадка сімулякраў. [...] Сімуляцыя складае пануючы тып цяперашняй фазы, якая рэгулюецца кодам» [1]. Ён бачыць сучасную культуру як сукупнасьць фіктыўных, пазбаўленых зьместу вобразаў і адной з прычынаў гэтага лічыць менавіта медыя, іх паўсюднасьць. Міф Бадрыяр разумее дваіста: з аднаго боку, як сінонім сімулякра, віртуальны вобраз, пазбаўлены зьместу, з другога боку, як сінонім сімвала, элемент сімвалічнай культуры, паглыбленай у рэальнасьці.

Арнамент: сучасны беларускі медыйны міф? У гэтай рабоце мы разглядаем функцыянаваньне традыцыйнага арнаменту ў сучаснай медыйнай культуры. Калі казаць пра выкарыстаньне традыцыйнай арнаментыкі і яе элементаў па-за межамі ўласна традыцыйнай вясковай культуры, то ў Беларусі гэта далёка ня толькі сучасная з'ява, а своеасаблівая традыцыя, якая можа быць прасочаная болей чым на стагодзьдзе ў мінулае і можа стаць прадметам асобнага дасьледаваньня. Практычна ўсе мадэрновыя праекты, якія разьвіваліся на тэрыторыі Беларусі, зьвярталіся да арнаменту як да візуальнага вобраза народа. Гэта, перадусім, беларускі нацыянальны праект, для якога ад пачатку быў характэрны зварот да вясковай, этнаграфічнай культуры. Так, дзеячы беларускага нацыянальнага руху пачатку XX ст. маглі насіць сялянскія вышытыя кашулі, маючы пры гэтым гарадское ці шляхецкае паходжаньне, як, напрыклад, паэт Якуб Колас. Стылізаваныя арнаменты ўжываліся ў БНР, у 1920-х народны арнамент ужываўся таксама ў БССР, у час вайны і

нямецкай акупацыі арнаментыка выкарыстоўвалася ў нямецкіх прапагандысцкіх плакатах; у пасьляваеннай Беларусі арнамент і народны строй выкарыстоўваюцца ў архітэктуры, сувенірах, таксама ў прапагандзе. Асобна варта адзначыць, што ў 1951 г. беларускі арнамент разьмяшчаецца на сьцягу БССР. Да арнаменту зьвярталіся мастакі і дызайнеры ў 1980-х гг., ён граў значную ролю ў нацыянальна арыентаваных творчых рухах позьняга савецкага часу, такіх як «Майстроўня».

Храналогія арнаментальнай моды. Адным з асноўных «правакатараў» звароту да арнаменту ў беларускай культуры ў 2014 г. можна лічыць культурную арганізацыю «АртСядзіба», якая летам 2014 г. распачала праект symbal.by. Гэтая інтэрнэт-крама прадставіла прадукт, які з таго часу пасьпеў зрабіцца знакавым і для абазначэньня якога ўзьнікла новае слова ў беларускай мове – вышымайка [10]. Гэта, як вынікае з назвы, майка ці футболка, на якой надрукаваны арнамент, імітуючы народную вышываную кашулю, або «вышыванку». Недарагі і нескладаны ў вытворчасьці тавар стаў шырока вядомы і працягвае перавыдавацца.

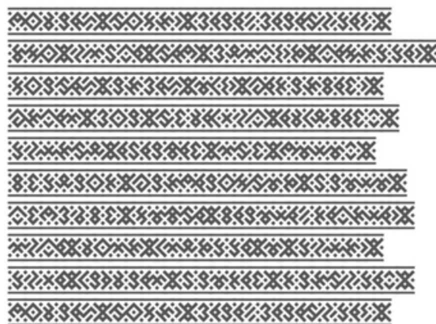

Таксама і іншыя вытворцы вопраткі летам 2014 г. выпусьцілі свае прадукты, стылізаваныя пад традыцыйную вышываную кашулю ці проста з элементамі арнаменту, выкананыя простым друкам ці машыннай вышыўкай. Гэта такія праекты, як «Honar», «LSTR», «Lićviny», «Stygmata-style», «Важный гусь», «Xoroshe» і інш.

Актыўнае абмеркаваньне выклікаў створаны ў гэты ж час праект этна-сьпявачкі Русі (Марыны Шукюравай) ornaments.shuma.by, сайт, на якім прадстаўлена спецыфічная «азбука» сэнсаў арнаменту. Сайт зьмяшчае выявы знакаў, узятых з беларускага традыцыйнага арнаменту, да кожнага зь якіх прыведзена назва і тлумачэньне, інтэрпрэтацыя. Падобнае памкненьне «перакласьці» ўмоўныя, невыяўленчыя візуальныя вобразы словамі і падзел арнаменту на асобныя элементы выклікалі

крытыку з боку этнографаў і навукоўцаў. Тым ня меней інтэрпрэтацыя сайта знайшла сваю аўдыторыю і набыла посьпех: з «азбукай арнаменту» выпускаліся сувеніры, выявы з сайта трансьляваліся на тэлеэкранах у грамадскім транспарце Менска, а самі вобразы, разьмешчаныя ў вольным доступе, выкарыстоўваюцца для татуіровак і г.д.

Яшчэ адной цікавай зьявай ў межах «вышыванкавага буму» стаў праект менскага філосафа, паэта і спецыяліста па санскрыце Міхаіла Баярына – арнаментальныя шрыфты. На аснове стылістыкі беларускага традыцыйнага ткацтва Баярын стварыў некалькі варыянтаў дэкаратыўнага геаметрычнага шрыфта, адаптаванага пад кірылічны і лацінскі алфавіты [9]. Шрыфт можа выкарыстоўвацца для друку на камп'ютары. У кантэксьце тэорыі Маршала Маклюэна цікава выглядае гэтая спроба аб'яднаць з'яву дапісьмовай вуснай культуры (арнамент) і пісьмовую і нават друкаваную алфавітную культуру.

Акрамя стылізацый уласна «вышыванкі», паўстала досыць вялікая колькасьць праектаў, якія ствараюць разнастайную прадукцыю, аздобленую беларускім арнаментам, такія як «V-ART-@», «Chvilina», «Беларусам», «Etno Manufaktura», «Мятлікі Машарскіх» і інш. Сярод тавараў, дэкараваных элементамі арнаменту, можна знайсьці швэдары, зімовыя шапкі, талстоўкі, рамяні, гальштукі, мятлікі, браслеты, завушніцы, торбы, наручныя гадзіньнікі, чахлы для мабільных тэлефонаў, вокладкі для пашпарта, магніты на лядоўню, кубкі, кашалькі і нават ніжнюю бялізну. Акрамя гэтага, за перыяд 2014–2015 гг. можна адзначыць шмат выкарыстаньняў беларускіх арнаментальных матываў у графіцы, татуіроўцы і цюнінгу аўтамабіляў. Такім чынам, мы бачым, што дадзеная мода вывела арнамент за межы яго традыцыйнага функцыянальнага ўжытку і звычайных для яго матэрыялаў.

Большасьць згаданай вышэй прадукцыі была прадстаўлена на серыі кірмашоў, першым зь якіх стаў фестываль «Дзень вышыванкі», арганізаваны ў адным з бараў Менска 5 кастрычніка 2014 г. Паводле падлікаў арганізатараў, гэтае мерапрыемства наведалі 1500 чалавек, што можна лічыць індыкатарам таго, што ягоная тэма патрапіла ў пэўнае запатрабаваньне грамадства. Наступны фестываль з такой жа назвай, які арганізавала «АртСядзіба», праходзіў у менскім Палацы Мастацтваў 13 снежня 2014 г. і меў ужо больш буйныя масштабы. Гэтае мерапрыемства з кірмашом, лекцыямі, майстар-класамі і канцэртам прыняло больш за чатыры тысячы чалавек і выклікала вялікі медыйны рэзананс [13]. Гэтую падзею можна лічыць кульмінацыяй усяго «вышыванага» трэнда.

Асобнай увагі заслугоўвае акцыя «беларуская стужка», якая заключалася ў бясплатным распаўсюдзе па горадзе стужкі са стылізаваным беларускім арнаментам [7]. Акцыя была праведзена валанторамі, якія ў загадзя абвешчаных кропках у г. Менску 6 снежня 2014 г. раздавалі мінакам стужкі. Пазьней былі выраблены новыя партыі гэтай стужкі і акцыя паўтаралася. Гэтую ініцыятыву можна разглядаць як альтэрнатыву акцыі «Георгіеўская стужка», якая праводзіцца з 2006 г. у Расіі.

Акрамя гэтага, арнаментыка выкарыстоўвалася ў гэты час у рэкламе і афармленьні разнастайных мерапрыемстваў: палітычных (Дзень Волі – 2015), спартовых («Мова Cup», чэмпіянаты Беларусі па кікбоксінгу і муай-тай), кірмашоў, модных паказаў, на фестывалі татуіроўкі і г.д.

Пашырылася за разгляданы намі час ужываньне арнаментыкі ў музычным асяродзьдзі. У ранейшым яна таксама ўжывалася, аднак у межах такіх накірункаў, як фолк і часткова метал, для якіх увогуле характэрны зварот да традыцыйнай культуры. Аднак цяпер ёю ў афармленьні альбомаў, візуальным суправаджэньні канцэртаў, у кліпах пачалі

карыстацца музыкі і іншых стыляў і жанраў, напрыклад рэп-выканаўцы Zeman і Макс Корж, рок-выканаўца Лявон Вольскі, панк-гурты «Brutto» і «Dzieciuki».

Ёсьць прыклады выкарыстаньня арнаменту ў камерцыйнай рэкламе буйных кампаній, напрыклад вытворцаў гарэлкі «Бульбаш» і «Сябры», кампаніі мабільнай сувязі «Velcom», карпаратыўным календары Белаграпрамбанка за 2015 г.

Рэакцыя. Ад самага пачатку разгледжаны намі працэс правакаваў самую разнастайную рэакцыю ў беларускім грамадстве і нават па-за яго межамі. «Вышыванкавая мода» актыўна абмяркоўвалася мастакамі, этнографамі, журналістамі, іншымі «лідарамі меркаваньняў».

Адным з першых падобных выказваньняў стала правакацыйнае эсэ пісьменьніка Альгерда Бахарэвіча «Ганаровая вешалка», якое з’явілася 22 ліпеня 2014 г. Аўтар піша: «…ўсё было дарэмна. Мы прапалі. Вышываначная Беларусь зноў перамагла Беларусь еўрапейскую» [8]. Бахарэвіч пытае: «Навошта кніжкі чытаць, калі ёсць вышыванка?» Аўтар робіць выснову, што беларусы зрабілі выбар на карысьць «традыцыйных каштоўнасьцяў». У іх межах «вышыванка» становіцца ў адзін шэраг з рэчамі кшталту «хатняга гвалту, цемрашальства, рэлігійнага фанатызму, моцнай рукі, ксенафобіі і г.д.».

Таксама крытычным, але болей стрыманым і аналітычным стаў водгук этнографа Вольгі Лабачэўскай. Дасьледчыца крытыкуе сучасныя спробы растлумачыць арнамент: «Арнамент не проста асобны знак, гэта сістэма, кампазіцыя, рытм у першую чаргу. Нельга з яго вылучыць асобную семантычную адзінку – вось гэта сімвал сям’і, а гэта сімвал шчасця, продкаў. Арнамент не перакладаецца на вербальны код, яго немагчыма

вытлумачыць як літаратурны тэкст. Нельга словамі і назвамі кшталту "сімвал дабрабыту" перадаць шматпластавую сімвалічнасць арнаменту» [11].

Грамадскі актывіст, адзін з галоўных ініцыятараў арнаментальнай моды Франак Вячорка апісвае арнаментальную моду як новую, сьвежую інтэрпрэтацыю беларускай нацыянальнай ідэі і як інструмент па ўмацаваньні нацыянальнай ідэнтычнасьці: «Але я хачу дажыць да таго моманту, калі вышымайкі будуць прадавацца ў ГУМе адразу на ўваходзе, зніжка 50% па пяць штук. Вось гэта мара мая, каб Беларушчына запоўніла ўсе сферы» [12].

Вышымайка – сімвал ці сімулякр? Лосеў разумее міф як творчае выяўленьне рэальнасьці, якое мае структуру, парадак і ўласную праўдзівасьць. Такому разуменьню адпавядае практыка стварэньня і ўжытку арнаментаваных рэчаў у традыцыйнай культуры Беларусі. Гэта была практыка, упісаная ў шырэйшую сістэму ўяўленьняў, выкарыстоўвалася ў разнастайных абрадах (вясельле, пахаваньне). У цяперашняй сітуацыі арнаментаваны выраб або ствараецца як прадукт з мноствам копій аднаго прататыпа, або выконваецца як гістарычная рэканструкцыя, копія аўтэнтычнага прыкладу. У абодвух выпадках такі прадмет адасоблены ад стваральніка і ад таго, хто ім потым карыстаецца, з'яўляецца хутчэй дызайнерскай распрацоўкай, чым «міфічным» мастацкім творам. Гэта часта аўтарскі праект, рэдка выкананы тым жа самым аўтарам, а часьцей – прамысловым спосабам.

Паводле Жырара, міфалогія – гэта адзін з механізмаў самарэгуляцыі чалавечага грамадства, які задзейнічаны ў тым, каб кантраляваць і перанакіроўваць гвалтоўную энэргію. Гэта сродак, які супольнасьць ужывае ў сітуацыі ўнутранай ці зьнешняй небясьпекі. Арнаментальны трэнд у Беларусі цалкам супадае па часе з вайной ва Ўкраіне і мае відавочны палітычны характар. Практычна ўсе яго ўдзельнікі выкарыстоўваюць арнамент як прыкмету беларускай нацыянальнай ідэнтычнасьці, прычым адна з прычынаў хуткага росту папулярнасьці арнаменту як знака беларускай нацыянальнасьці заключаецца ў тым, што ён змог стаць адэкватнаю альтэрнатываю асноўным нацыянальным сімвалам – гербу Пагоня і бел-чырвона-беламу сьцягу, якія ў цяперашняй Беларусі дэ-факта забароненыя.

Рэактуалізаваны арнамент стаў у нечым «племянным» знакам паводле Маклюэна, зьнешне і візуальна аб'яднаў пэўную супольнасьць агульнымі колерамі і формамі. Аднак ці маем мы права казаць пра вяртаньне міфалогіі, ці гэта нешта зусім новае? Маклюэн сам дае адказ у

сваёй формуле «Медыя ёсьць паведамленьне» [6]. Сучасны спосаб, якім ствараецца і спажываецца арнамент, зусім ня той, што характэрны для традыцыйнай культуры. Мы бачым, як з'ява з дапісьмовага сьвету сутыкаецца з цалкам «гутэнбергавай» тэхналогіяй капіяваньня.

Важную ролю ў тэорыі Бадрыяра грае крытыка спажывецкага грамадства, а арнамент у сучаснай сітуацыі часта ўжываецца як рэклама, тавар. Аднак камерцыйны, спажывецкі аспект у разгледжанай намі модзе – не асноўны. Калі паглядзець на гэтую моду як на палітычную з'яву, як на спробу візуальна выявіць нацыянальную прыналежнасьць і, адпаведна, пэўныя палітычныя погляды, то тады яна шмат у чым мае прыкметы «сімвалічнага абмену» па Бадрыяру. Такім чынам, падыход Бадрыяра дазваляе на розных узроўнях праінтэрпрэтаваць цяперашні арнамент або як міф у адмоўным сэньсе і сімулякр, або як міф у станоўчым сэньсе і сімвал.

Высновы

Каб разгледзець, як працуюць тэорыі міфа Жырара і Лосева, Маклюэна і Бадрыяра, як іх бачаньне міфалогіі суадносіцца з сучаснай культурнай сітуацыяй, мы прааналізавалі такую з'яву, як масавы зварот да беларускага арнаменту ў нашай краіне ў 2014–2015 гг.

Можна пералічыць многія фактары, якія паўплывалі на з'яўленьне арнаментальнай моды. Гэта і імкненьне захаваць традыцыйную культуру, якая імкліва зьнікае, і патрэба выказаць салідарнасьць з Украінай, і неабходнасьць маніфеставаць нацыянальную ідэнтычнасьць ва ўмовах зусім блізкага міжнароднага канфлікту. У сучаснай Беларусі арнамент наўрад ці можна лічыць міфам, цэласнай сістэмай сэнсаў са сваёй унутранай логікай, таму што ён ужываецца як элемент у зусім іншых культурных сістэмах, у камерцыйным дызайне і ў нацыянальнай палітыцы. У адрозьненьне ад традыцыйнай культуры, дзе ён неад'емны і значны складнік, у гэтых асяродзьдзях арнамент сам па сабе не неабходны, яны могуць абысьціся безь яго.

Літаратура

1. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добровест, 2000. 390 с.
2. Жирар, Р. Козел отпущения / пер. с фр. Г. Дашевского; предисловие А. Эткинда. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. 336 с.
3. Жирар, Р. Насилие и священное / пер. с фр. Г. Дашевского. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 448 с.

4. Лосев, А.Ф. Диалектика мифа. М.: Правда, 1990. 561с.
5. Маклюэн, М. Галактика Гутенберга: становление человека печатающего. М.: Академический проект: фонд «Мир», 2005. 495 с.
6. Маклюэн, М. Понимание Медиа: внешние расширения человека М.: Гиперборея; Кучково поле, 2007. 464 с.
7. #беларускаястужка: стацыянарныя і мабільныя кропкі акцыі «Пазнач сябе беларусам». [Электронны рэсурс.] Рэжым доступу: http://artsiadziba.by/news/2014/12/05/bielaruskajastuzka-2/ [on-line, прагледжаны 24.03.2014].
8. Бахарэвіч, А. Ганаровая вешалка. [Электронны рэсурс.] Рэжым доступу: http://budzma.by/news/alhyerd-bakharevich-hanarovaya-vyeshalka.html [on-line, прагледжаны 24.04.2015].
9. Баярын, М. Шрыфт «Берагіня». [Электронны рэсурс.] Рэжым доступу: http://budzma.by/news/shryft-byerahinya.html [on-line, прагледжаны 24.03.2014].
10. Вышымайка мужчынская (белая). [Электронны рэсурс.] Рэжым доступу: http://symbal.by/sakolka-027/ [on-line, прагледжаны 24.03.2014].
11. Лабачэўская, В. Чалавек урбанізаваны далучаецца да народнай традыцыі як турыст. [Электронны рэсурс.] Рэжым доступу: http://fly-uni.org/content/volga-labacheuskaya-chalavek-urbanizavany-daluchaecca-da-narodnay-tradycyi-yak-turyst [on-line, прагледжаны 24.04.2015].
12. Мелеховец, Д. Разносчики вышыванки. Саша Ярославцев vs Франак Вячорка. [Электронны рэсурс.] Рэжым доступу: http://kyky.org/culture/raznoschiki-vyshivanki-sasha-iaroslavtsiev-vs-franak-viachorka [on-line, прагледжаны 24.04.2015].
13. Праграма «Дня вышыванкі» 13 снежня ў Палацы Мастацтва. [Электронны рэсурс.] Рэжым доступу: http://artsiadziba.by/news/2014/11/26/dzienvyshyvanki/ [on-line, прагледжаны 24.03.2014].

Anastasia Chernova
(Ukraine)

GENDER ASPECT OF SOCIO-CULTURAL REPRESENTATIONS IN ADVERTISING DISCOURSE

Статья посвящена изучению гендерного аспекта социокультурных репрезентаций, а именно его роли, функций и особенностей использования при создании рекламного дискурса. Соответственно в статье рассмотрены лексический, синтаксический и фонетический уровни рекламного дискурса, где гендерные варьирования прослеживаются более четко.

Advertising has rapidly entered the life of modern society and has become its integral part. Advertising is used in almost all areas of human activity. For nearly a century, advertising has been an object of research of such sciences as linguistics, psychology, sociology, cultural studies, philosophy and so on.

From the point of view of philology advertising is a particular sphere of practical human activity; its main product is an advertising text that really matters for linguists. Every advertising message has a socio-cultural representation. These representations play a very important role in the creation of the advertisement and are greatly affected by the gender factor. That is why in this research we decided to focus on studying the gender aspect of socio-cultural representations in the advertising discourse.

Also, it should be noted that the term "socio-cultural representation" is relatively new for post-Soviet scientific literature; so in our study we used only foreign sources [Auger 2003; Boyer 2003, 2007].

To begin with, we would like to explain the concept of socio-cultural representations. This concept was introduced by the famous sociologist Emile Durkheim in the late nineteenth century. Durkheim noted that our social life consists entirely of representations. He developed the idea of dominance of collective stereotypes in society [3, 19].

For Durkheim socio-cultural representations were established stereotypes and concepts that appear in people's subconscious, attributing an individual to a particular socio-cultural community. He mentioned that society produces certain representations, which over time are accumulated in the human mind and then are firmly fixed in it. They can have historical, ideological or religious roots and are based on the experience of past centuries.

His successor Serge Moscovici in his research focuses on the fact that the set of representations of the culture of any country is an indivisible whole which cannot be decomposed into separate ideas. Thanks to S. Moscovici, since the 1960's the concept of socio-cultural representations has been gaining popularity in social psychology. In his works, Moscovici underlines that normal human existence outside society is impossible: "An individual is nothing without society which develops their mind and gives them the right to deploy their own activities, dreams and destiny" [3, 22-23].

Another scientist who made a big contribution to the development of the concept of socio-cultural representations was the French researcher D. Jodlais. He claimed that "socio-cultural representation is a particular form of knowledge, created and developed by the society. It has a practical character and generally resorts to constructing social realities in the community". In his view, social and cultural representations serve to influence the surrounding world [3, 32].

The point of view of Jodlais was shared by another French researcher P. Bourdieu. For Bourdieu, socio-cultural representations were "performative sayings whose goal is to clarify the fact that they express" [3, 46]. In his works dedicated to the study of socio-cultural representations, Bourdieu pointed out the importance of a standardized meta-system, which serves as the basis of any representational activity. The researcher explained the definition of the meta-system as follows: "meta-system is a set of public perceptions and common ideas that includes the analysis of these ideas, which are actually the object of study within socio-cultural representations" [3, 47].

In their scientific studies, many researchers identified the concept of socio-cultural representations with such concepts as "attitude", "imagination", "stereotype" and "image". We support the point of view of Moscovici, who notes that the concept of socio-cultural representations is much broader and includes all the above-mentioned concepts.

Moscovici highlights certain features that characterize each socio-cultural representation and calls them "cognems". He divides these cognems into two groups. The first group contains cognems that form the core of each representation. They provide stability to representation and its semantic content is based on them. Also, the central core has a dual role: evaluative and pragmatic.

To the second group refer minor or peripheral cognems that, in the opinion of Moscovici, are optional, because they vary depending on the associations provoked by the representation, its contextual features and implicit meaning. Thanks to these peripheral cognems, each socio-cultural representation can adapt to any field of human activity and gain a foothold in it later [4, 23]. In

our opinion, these peripheral cognems are mostly affected by the influence of the gender factor.

It is necessary to emphasize that the meaning of socio-cultural representations should be taken into consideration during the creation of an advertising message in the advertising discourse. Values and stereotypes that form the basis of each representation are spread in society through advertising. So, advertising discourses serve as a reflection of socio-cultural representations of the society.

It should be noted that sociolinguistic elements play an important role in creation of socio-cultural representation. They include such aspects as age, gender and class identity. Representational content and nature of advertising vary depending on these aspects, also its pragmatic orientation. For example, advertising of children's products appeals to their young customers with stories and images of cartoon characters, but in advertising for adults the main character is a successful family man. In our opinion, gender dimension serves as a major sociolinguistic element in the creation of advertising discourse.

Sociologist O. Maximova defined advertising as "one of the most aggressive gender technologies". In her opinion, socio-cultural representations in advertising discourse are symbolic reproductions of femininity and masculinity that also convey information about the character of interpersonal relationships between men and women [2, 246].

Socio-cultural representations not only reflect but also reinforce gender images. They create values charged with certain gender symbols belonging to a particular sex. The range of the selection is rather wide: superman and superwoman images, a traditional family woman image, etc. They show to recipients what chances of men and women in positions of power and dominance are. It provides to advertising an additional impact on the audience, which is the whole society. The Advertiser "sells" to his consumer widely recognized versions of the social world and the relationships within it.

It should be emphasized that during the creation of advertising, the female part is most actively processed, because female audiences are the most likely buyers. Women are considered as a group that is more affected by advertising.

Talking about the advertising discourse, we uphold the view that socio-cultural representations are based on the existing gender stereotypes, because the collective consciousness is stereotyped a lot. All stereotypes, including gender, have a significant impact on the minds of individuals, their view of the world, because they seriously affect a person's inner readiness to perceive the phenomena of the surrounding world.

According to the interpretation of A. Kirilina, gender stereotypes are "culturally conditioned ideas and presupposition about qualities, attributes and norms of behavior of both sexes, which are reflected in the language" [1, 47].

Studying the lexical aspect of socio-cultural representations from the point of view of gender stereotypes, we can emphasize that there are traditional feminine traits. For example, women are considered to be soft and emotional, and traditional male traits are rationality, activity and desire to dominate. That is why texts of female advertisements are rich in emotional and evaluative vocabulary, especially in adjectives related to the image of an attractive, active and successful woman. The reason for this statement is based on the opinion of psychologists that women are more focused on their inner world than men, and, therefore, use more words that express the emotional and mental states.

In terms of gender analysis, particular attention is given to metaphor, because, according to the researchers, female language is especially rich in them. Metaphors are a favorite stylistic device in advertising of cosmetics. Use of metaphors expands the meaning of the word and increases its expressive content. Such tropes as comparison, hyperbole and epithet in the language of women are used more often than in the language of men.

Quite clearly we can trace the use of metaphors in advertising woman's lip gloss l'Oréal. In order to motivate potential buyers to buy a new lipstick of l'Oréal, advertisers portray a man who passionately wants to kiss a woman, but she resists. This picture is accompanied by the slogan: *"Test the persistence!"* which has a double meaning. We can interpret this slogan as an appeal to test the persistence of the new lip gloss, or to test the man who cannot resist the kiss, seeing her lips shining.

Another example of the use of such stylistic device as hyperbole can be observed in the advertising campaign of Clarins, launching a new series of suntan products. On its poster we can see a man holding a woman in his arms because he cannot resist her bronze skin. This picture is accompanied by the slogan: *"Sun could never make better"*.

It should also be noted that women tend to use diminutive suffixes more than men. This is a particular characteristic of female speech style. Application of this method whose effect is amplified by alliteration (repetition of the same consonant sounds) gives a gentle sound to advertising discourse.

In advertising, women's goods advertisers use stylistic alliteration of the sonorants *-m, -l*. Any sound of the human voice and even any letter by itself can arouse definite ideas, associations, and images in the human mind. For example, human imagination associates the sound *-l* with something smooth and easy, and the sound *-m* with something sweet, soft, gentle, short. These

sounds provoke pleasant associations as in the words *mother, merry*. In this case, the creators of female advertising discourse use the stereotype that purely women's features are softness and tenderness. So, at the phonetic level in female advertising discourse we can observe alliteration of sonorants, and in male advertising discourse alliteration of "hard" consonants.

A bright example of alliteration in female advertising is, in our opinion, the slogan of the French company "Le Manège à Bijoux": *"If Prince Char**m**ing is **l**ooking for **m**e, he knows where to find **m**e"*.

In advertisements of men's products we can also find evaluative adjectives, which are stylistically neutral and do not express any emotions, but primarily describe the basic qualities of the product. We can trace it in the advertising campaign of the famous Japanese car manufacturer Mitsubishi. While presenting their new model of the Pajero Sport, they place the car next to a sumo wrestler. A sumo wrestler in Japanese culture represents power, and we all know that Japanese cars are among the most powerful and reliable in the world. This interpretation convinces a consumer of the high quality of the product. This advertisement is accompanied by the slogan: *"MITSUBISHI PAJERO EDITION EXCLUSIVE X-STORM MONSTROUSLY OVEREQUIPPED"*. Thus, we see that the adjective "overequipped" describes the basic qualities of the product and it is at the same time brief and polysemantic.

So we can conclude that according to the creators of advertising, men concentrate more on rationality, while women focus on their emotions and feelings; so there are differences in the use of language. Advertisers appeal to women's feelings and emotions because they know that women are primarily focused on their appearance. Men are mostly interested in the direct product qualities; they are more practical and rational while choosing a product and do not give in to emotions. Socio-cultural representations of advertising products for men appeal to such masculine qualities as courage, strength, vigor, self-confidence, stamina and charisma. Lexical means of advertising of cosmetic goods for women are more metaphorical, expressive, emotionally labeled while vocabulary of advertising products for men is more clear and concise.

Syntax tools also vary depending on the gender factor. It should be noted that the first scientist who drew his attention to the fact that women and men build their sentences differently was O. Jespersen. For example, in the speech of men we can come across complex, confusing but short structures that Jespersen called "ragged syntax" [6, 45].

Explaining the point of view of Jespersen, the English linguist P. Smith wrote that men usually introduce one sentence into another, put one in the other [7, 56]. Women's syntax is like "a line of pearls" in which pearls are strung

closely together. In women's speech there is, in addition, a fusion of syntactic structures; they often use inversion and ellipsis.

Advertising texts of women's goods are wider while advertising texts of men's products mainly consist of simple, concise sentences. "Female" syntax is characterized by sentences with homogeneous members with lots of qualitative adjectives. This method indicates that women pay more attention to various small parts and they need more different qualities of the product to be presented. Moreover, verbosity and triviality are traditionally considered as attributes of women's style of communication. While texts of men's advertising are brief and concise.

The simplicity and brevity of advertising slogans for men can be clearly seen in the advertising of men's perfume Azzaro. While promoting the new fragrance for men called "Chrome" Perfume Company Azzaro appeals to the socio-cultural representation of generation unity. On their poster they drew a picture of a happy family, which consists of father, son and grandson, accompanied by the words "AS LONG AS MEN EXIST…" Simplicity and brevity of the slogan indicates that the creators of male advertising are familiar with the specifics of male thinking. Advertisers emphasize the fact that men are the main successors of the family, and if not men, life on the earth will stop. "True" men use only perfumes of Azzaro.

Summarizing all the above, we can assert that the socio-cultural representations of advertising discourse are deeply influenced by the gender factor: advertising discourse is full of gender stereotyped judgments about the fact that women are primarily focused on their appearance while men are mainly focused on the activity and the desire to succeed in life. Typical female features are emotionality and expressiveness and typical male features are neutrality and rationality. Gender variations of socio-cultural representations occur at lexical, syntactic and phonetic levels of advertising discourse.

In conclusion, we may point out that the advertising discourse of women's products is characterized by the use of tropes (metaphors, hyperbole and comparisons), evaluative adjectives and names of colors (particularly specific). In the texts of male advertising we can also observe the use of evaluative adjectives, but those that define concrete product qualities. At the syntactic level texts of female advertising are characterized by the widespread use of inverted word order, ellipses and exclamation sentences. Sentences in female advertising messages are wider at the syntactic level while sentences in male advertising have a direct order of words and are usually very short. The phonetic level gender variations are determined by the prevalence of soft consonants in female advertising discourse and of hard consonants in male advertising.

Literature

1. Кирилина, А.В. Гендерные аспекты массовой коммуникации // Гендер как интрига познания: сб. ст. М., 2000. С. 47–80.
2. Максимова, О.Б. Гендерное измерение в современном социально-коммуникативном дискурсе: роль рекламы // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2004. № 6–7. С. 246–254.
3. Auger, N. LEs représentations interculturelles en didactique des langues-cultures Enquêtes et analyses / N. Auger, P. Cardies, E. Kotul, M.- Carmen Alén Garabato. Paris : L'Harmattan, 2003.
4. Boyer, H. DE L'AUTRE CÔTĖ DU DISCOURS Recherches sur les représentations communautaires. Paris : L'Harmattan, 2003.
5. Boyer, H. Stéréotypage et stéréotypes: fonctionnnements ordinaires et mises en scène Tome 1 MEDIA(TISATION)S. Paris : L'Harmattan, 2007.
6. Jespersen, O. Language: its nature, development and origins. London: Penguin Books ltd, 1922.
7. Smith, P. Language, the sexes and society. Basil: Longman, 1985.

Наталья Соколова
(Россия)

СВОБОДА ВЫРАЖЕНИЯ МНЕНИЙ В НОВЫХ МЕДИА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИИ И ПОЛЬШИ

It is assumed that Russia adheres to toughening state regulation in the field of new media and introducing new measures of restricting the freedom of expression while Poland provides new media with state control's independence. It is shown that Russia and Poland use different approaches to new media regulation and different measures of pressure. In contrast to the EC countries Russia follows the course of new media's binding registration, promoting internal corporate standards of behavior in social networks, applying administrative resources for restricting freedom of expression and blocking the content or the total page where it is located.

Свобода выражения мнений в новых медиа является важной мировой проблемой, так как именно новые медиа показательны для определения уровня прав и свобод гражданина, в том числе уровня права на свободное выражение мнений. Россия и Польша демонстрируют довольно разные подходы к законодательному регулированию новых медиа, несмотря на то что историческое прошлое стран обладает рядом сходных характеристик, связанных, в частности, с социалистическими режимами в XX в. Тенденции относительно ограничений свободы выражения мнений в новых медиа в России и Польше разнятся тем, что Россия идет путем усиления государственного регулирования в сфере новых медиа и введения новых мер, ограничивающих свободу выражения мнений, а Польша придерживается рекомендаций Совета Европы относительно новых медиа и предоставляет им больше свободы от государственного контроля.

Новизна нашего исследования заключается в сравнении подходов к регулированию новых медиа в России и Польше. В качестве основы для сравнения выбраны критерии новых медиа, предложенные Советом Европы в Рекомендации «О новом понятии медиа» [7]. Эти критерии актуальны для обеих стран потому, что обе они являются членами СЕ. Также рассмотрены и другие рекомендации и резолюции ПАСЕ и СЕ, а затем

проведено сравнение национальных законодательств анализируемых стран между собой и с критериями СЕ.

Российское правовое регулирование новых медиа можно разделить на два периода – либеральный (до 2012 г.) и период ужесточения (с 2012 г. по настоящее время). Во время либерального периода Россия в некоторых аспектах законодательного регулирования новых медиа даже опережала СЕ [5]. Ужесточение правового регулирования новых медиа с 2012 г. действовало вначале на уровне общих понятий, но впоследствии стало касаться и частных вопросов. Так, общие законодательные подходы к такому понятию, как экстремизм, стали впоследствии уточняться отдельными постановлениями Роскомнадзора, как следует описывать украинские националистические организации (закрытый список) в СМИ.

Основной мерой ограничения свободы выражения мнений в новых медиа стала блокировка доступа к этим ресурсам. Такая мера недвусмысленно осуждается рекомендациями СЕ [7], так как недопустима в демократическом обществе. Однако Россия прибегает не только к блокировкам судебного характера, но и к досудебным и внесудебным. Тот факт, что опротестовать такую блокировку можно исключительно в судебном порядке, ведет к тому, что владельцу нового медиа порой проще смириться с решением органов власти. При этом, несмотря на распространенность блокировок как меры ограничения свободы выражения мнений, такой подход является порой крайне неэффективным. Связано это с тем, что существует большое количество способов обхода блокировок. Помимо этого блокировки носят порой абсурдный характер, а также ведут к повышенному интересу пользователей к заблокированному материалу (так называемый «эффект Стрейзанд»). Выявлено также стремление блокировать не только ресурсы в сети интернет, но даже отдельные высказывания в социальных сетях (например, отдельное сообщение в Twitter [4] или пост в LiveJournal). Вместе с тем все больше ведомств стремится получить контроль над сферой новых медиа, а это негативно влияет на систему в целом. Суды стремятся рассматривать социальные сети в качестве СМИ, что противоречит идее, изложенной в Рекомендации СЕ «О новом понимании медиа», о недопустимости чрезмерного расширения понятия СМИ. Помимо этого была обнаружена непоследовательность в законодательной деятельности. Например, последующий федеральный закон [8], вносящий изменения в Закон о СМИ, противоречил предыдущему Постановлению Пленума Верховного суда, но не отменял его [6]. Далеко не все законы оказались работающими на практике.

Так, «закон о блогерах», вызвавший опасения относительно его применения в качестве основного способа ограничить свободу выражения мнений, на практике оказался недействующим.

Исходя из этих и других фактов, можно сказать, что российское правовое регулирование не соответствует критериям новых медиа, рекомендованным СЕ (намерение действовать в качестве СМИ; наличие целей и задач, характерных для СМИ; наличие редакционного контроля; соблюдение профессиональных стандартов; сфера охвата публикации; ожидание самого общества по отношению к ресурсу). Можно сделать прогноз, что разрыв между законодательством и техническими возможностями пользователей будет неизбежно увеличиваться. Деятельность авторов новых медиа будет сопряжена с административными и бюрократическими проблемами, а это будет отнимать лишние ресурсы и может препятствовать информационному прогрессу.

Что касается польской законодательной базы, то можно отметить ее последовательность, проработанность и стремление максимально соответствовать рекомендациям СЕ. Конечно, нельзя утверждать, что польское законодательство относительно новых медиа является образцовым. Многие эксперты польского права называют основными его недочетами требование об авторизации и отсутствие правового статуса у гражданского журналиста [1]. Однако в целом законодательство опирается на то, что новые медиа могут рассматриваться как СМИ и что критериями признания нового медиа должны быть качественные показатели этого ресурса (цель, задачи, стремление следовать профессиональным стандартам деятельности, самоопределение в качестве СМИ). Стоит отметить тот факт, что в Польше отсутствуют меры блокировки контента как в судебном, так и во внесудебном порядке.

Польский суд не расширяет чрезмерно понятие СМИ, считая публикацию в блоге и в социальной сети выражением мнения, а не факта. Отдельно суд отмечает важность публичной дискуссии и расширяет свободу выражения мнений на общественно важные темы, что способствует плюрализму мнений и развитию демократического государства. Суд оговаривает, что относительно публичных персон допускается бо́льшая общественная дискуссия, следовательно, их можно обсуждать в медиа более подробно, если на это есть необходимые основания. Суды сходятся во мнении, что публикация в социальной сети носит, в первую очередь, личный характер, так как направлена не на потенциально неограниченную аудиторию, а на аудиторию друзей пользователя. Именно поэтому в правоприменительной практике отсутствуют обвинительные решения в

делах, связанных с социальными сетями. Особенно можно отметить, что суд делает различие между жанрами публикации. Так, границы допустимого в фельетоне больше, чем в обычной статье или новости. Вместе с тем суд следит, чтобы авторы новых медиа следовали профессиональным стандартам и не прибегали к необоснованным и вульгарным заявлениям, которые могут затронуть права и свободы другого человека. Таким образом, Польша стремится максимально следовать рекомендациям СЕ и Декларации «О свободе общения в Интернете».

В результате сравнительного анализа законодательства России и Польши были выявлены сходства и различия. Главной общей тенденцией является попытка регулирования блогерства и гражданской журналистики. Однако реализуется эта тенденция по-разному. В Польше с помощью различных законов стремятся демократизировать сферу новых медиа, предлагая пользователям самим решать, хотят они считаться СМИ или нет. В России же, напротив, вопрос определения деятельности медиа в качестве СМИ решается государством на основании формальных количественных признаков, однако фактически закон не действует и пользователь все еще может сам определять, будет ли он вести ресурс в сети интернет или осуществлять выпуск сетевого издания. С законодательной точки зрения российская практика противоречит первому критерию медиа СЕ (самоопределение в качестве СМИ). В этом смысле Польша следует рекомендациям СЕ. В Польше наблюдается тенденция освобождения СМИ и, в частности, новых медиа от правового регулирования, размытие границ между традиционными зарегистрированными медиа и новыми медиа, которые не подлежат регистрации. Более того, важным отличием является характер регистрации СМИ: по закону Российской Федерации, она обязательна, т.е запрещено распространять массовую информацию без регистрации СМИ [3], в Польше процедура регистрирования носит добровольный характер [2]. Попытки применения административного ресурса для ограничения свободы выражения мнений в Польше не поддерживается большинством судов, а в России такие попытки удовлетворяются и прокуратурой, и судами.

Литература

1. Eksperci: Prawo prasowe nie przystaje do standardów europejskich // Wyborcza.pl, 15 апреля 2015 года. URL: http://wyborcza.pl/1,91446,17759662,Eksperci__Prawo_prasowe_nie_przystaje_do_standar dow.html#ixzz3XbPuo100 .
2. Prawo prasowe // Prawo.ws. 2015. URL: http://prawo.ws/prasowe/tekst.htm .

3. Глава 13. Административные правонарушения. В области связи и информации. Кодекс РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ) от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Consultant.ru (Консультант Плюс). 2015. URL: http://www.consultant.ru/popular/koap/13_14.html.
4. Гринберг, Э. (Greenberg A.) Эффект Стрейзанд (The Streisand Effect) // Forbes. 11 мая 2007 года. URL: http://www.forbes.com/2007/05/10/streisand-digg-web-techcx_ag_0511streisand.html.
5. Колотухина, Ю. Защита чести, достоинства и деловой репутации в сети Интернет // Cpt-yurcom.ru, 2015. URL: http://cpt-yurcom.ru/menu/press-czentr/publikacziispeczialistov/2012/08/09/«-zashhita-chesti,-dostoinstva-i-delovoj-reputaczii-v-setiinternet»/.
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2010 г. № 16, г. Москва // Российская Газета. Rg.ru, 2015: URL:http://www.rg.ru/2010/06/18/smi-vs-dok.html.
7. Рекомендация CM/Rec (2011)7 Комитета министров государствам-членам о новом понятии СМИ // Coe.int (Совет Европы). 2014. URL: http://www.coe.int/t/dghl/standardsetting/media/doc/translations/russian/CM%20Rec(2011) 7%20 new%20notion%20of%20media_ru.pdf (дата доступа: 03.06.2014).
8. Федеральный закон Российской Федерации от 14 июня 2011 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с совершенствованием правового регулирования в сфере СМИ» // Rg.ru. 2015. URL: http://www.rg.ru/2011/06/17/smi-dok.html.

Екатерина Арье
(Россия)

КОНСТРУИРОВАНИЕ СТИГМАТИЗИРОВАННЫХ СООБЩЕСТВ В ФОКУСЕ РОССИЙСКОЙ ДИГИТАЛЬНОЙ ПРЕССЫ: «СВОИ», «ЧУЖИЕ», «ЖЕРТВЫ»

Since the development of Russian media culture is conditioned by some "genetic" features, the article discusses designing stigmatized communities ("normal" and "non-normal") in the context of Soviet legacy. Using the concepts of "power", "violence" (Arendt, Agamben), it is proposed that Russian media reality be analyzed as not disposed to criticism and reflection, but as prone to reduction of multiplicity. Thus, the examples demonstrate how polyphony in media is being vest by meanings of "ours" or "alien" that, accordingly, is the trigger that initiates the process of symbolic stigmatization.

Разговор о медиа вне зависимости от его предмета помещен в рамку условий глобализации, которые представляется выделить с самого начала. Энтони Гидденс считает, что глобализация представляет собой перенос институциональных измерений, характерных для западной современности, на другие части света [5: 153]. Перемены влекут как глобальные сдвиги в институциональных сферах, так и трансформации идентичности. Одной из таких особенностей является «хроническая рефлексивность» современности. Речь идет, во-первых, о подверженности большинства аспектов социальной деятельности постоянному пересмотру в свете новой информации и знания. Во-вторых, рефлексивность в избранном понимании действует в качестве основы воспроизводства социальной системы: поскольку знание обновляется, система изменяется и воспроизводится посредством перманентной его циркуляции в информационной среде. По сути, здесь уместно говорить о формировании субъекта как «рефлексивного проекта», имея в виду то, как субъект использует знания о социальной жизни, культуре и многом другом в качестве элемента организации собственного поведения и повседневности. В какой-то степени рефлексивный проект становится синонимом «соответствия» индивида актуальным социокультурным условиям. В этом контексте необходимо вести речь и о принципе доверия эксперт-

ным системам – институциям. Доверие оказывается основой человеческой безопасности, своего рода гарантией жизни. Будь то СМИ, государство, бюрократическая институция – доверие к ним легитимирует их статус, их функции и дискурсивные принципы. Так, недавний опрос продемонстрировал степень удовлетворенности российским телевидением [17]. Респонденты считают, что телевидение дает полную информационную картину и даже служит дидактическим целям. В то же время мы сталкиваемся с проектами, направленными на предотвращение или ослабление пропаганды на российском телевидении, например проект «StopFake» [12], ориентированный на иное освещение происходящего в Украине. Так или иначе, мы имеем дело с дискурсивным конструированием информационного повода, легитимность которого зависит от уровня поддержки аудиторией, коль скоро мы говорим о медиа.

В той степени, в какой средства медиа предстают перед нами как символическая власть [4: 344], мы можем говорить о справедливости последнего тезиса. Так, Ханна Арендт писала о том, что «власть» существует до тех пор, пока существует ее поддержка [2: 52–60]. В противном случае попытки насильственно подчинить «народ» превращаются в насилие, которое разрушает легитимность власти [2: 61–63].

Поскольку мы говорим о российском медиапространстве, необходимо упомянуть определенные «генетические» особенности интерпретации и производства информации. Строго говоря, до сих пор можно найти некоторую перекличку актуальных законопроектов с декретами первых лет советской власти. В частности, Декрет о печати 1917 г. [13: 24–25] в определенной степени перекликается с современным Законом о СМИ 2014 г. [14], где в статье 4 упоминается так называемая «информация, оказывающая вредное влияние».

Вместе с тем сам факт возможности говорить об унаследованных от Советского Союза практиках достаточно репрезентативен. Он не только устанавливает рамку, но и позволяет заключить, что социокультурная реальность не может отказаться от патерналистских интенций, ведь компартия также регламентировала повседневность, пользуясь не только дидактическими, но и репрессивными механизмами для конструирования соответствующих смысловых пространств. Таким образом, социальная реальность демонстрирует нам отсутствие рефлексивного или же критического мышления, поскольку опирается на глубоко укоренившиеся привычки «соответствия» и «правильных высказываний».

Коль скоро СМИ обладают символической властью ввиду того, что имеют возможность выбирать повестку дня, риторику вещания и спо-

собы интерпретации событий, мы можем констатировать, что одни стремятся к производству языка и позиций, питающих страсть к суггестивным патерналистским интенциям, другие же манифестируют позиции толерантности и множественности.

Производство такого рода децентрированного знания в свою очередь формирует совокупность конструктов и образов, и в этом случае производство реальности регламентируется интерпретациями и полифонией позиций. Следовательно, СМИ (и дигитальная пресса, в частности) конструируют события и, вслед за этим, интерпретативные практики. Реакция в свою очередь дифференцирует аудиторию по принципу сторонников и противников, не всегда номинально разграничивая их как сообщества. Одним из инструментов подобного разграничения является язык вражды, которым пользуются не только производители контента, но и сама аудитория.

Факт наличия подобного рода коммуникации подразумевает, что существует реальная и нормативная практика оценки, признания или непризнания одного символического сообщества другим. Стоит заметить, что риторика вражды не только маркирует потребителей контента на «своих» и «других», формируя в той же степени и идентичность, но и редуцирует глобальное многоголосие к оппозиции «свои» и «чужие».

Соотнося себя с определенной позицией (способом интерпретации и артикуляции), «свой» манифестирует принадлежность к сообществу и маркирует себя, в какой-то степени противопоставляя эту позицию всем прочим «неправильным». Так, Александр Невзоров пишет на портале «Сноб» [10]: «Конечно, есть территории, избравшие своим уделом интеллектуальную деградацию или не имеющие никаких амбиций развития. Их список известен: Бангладеш, Россия, Нигерия, Афганистан и другие державы, ориентированные на самобытность и духовность. Там законы, защищающие "чувства верующих", разумеется, используются и применяются». Этот «бурлящий поток образов» (Дебор) [6: 34] и является избранным нами пространством для исследования.

Коль скоро мы погружены в пространство редуцированной ориентации в дигитальном пространстве, предлагающем нам ряд трактовок и оценок социокультурного окружения, предлагается поговорить о практиках ориентирования. Одной из таких практик является стигматизация как способ ориентации и прочтения социокультурной реальности. Опираясь на собственную способность суждения, мы совершаем выбор в пользу той или иной позиции, что влечет, соответственно, усвоение и последующее воспроизводство дискурса и практик. Например, с помо-

щью приведенной цитаты из Невзорова мы можем сконструировать макет общества с его нормативами и практиками. Точно также мы имеем возможность составить дискурсивный портрет стигматизированного сообщества, если обратимся к статье «Надо знать! 12 приемов гомо-пропаганды» на портале РИА «Иван-Чай» [16]. Строго говоря, представители гомосексуальной ориентации здесь предстают перед нами как «завоеватели», «агрессоры» – те, кто жаждет подчинить весь мир своим «порокам» и «извращениям».

В результате мы получаем не артикуляцию позиций в рамках сосуществования множества в мире глобализации, а конструирование сообществ в коммуникативных пространствах посредством СМИ. Так, «чуждыми» или «нелегитимными» становятся поочередно представители разнообразных социокультурных идентичностей, будь то либералы, гомосексуалисты, атеисты, прогрессисты и многие другие. Дискурсивное пространство российской дигитальной прессы в этом случае разделяется на «своих» и «чужих» в зависимости от общности, в которой происходит коммуникация.

Именно это и является, на мой взгляд, ключевой особенностью российского медийного пространства: внешнее конструирование идентичности/общности, а не сосуществование сообществ посредством диалога [7: 13]. Рефлексивность оказывается не критической, а конформной. Условия конформности зависят от избранного пространства, согласие с которым выражает читатель ресурса, например.

Другая фигура, которую хотелось бы упомянуть в рамках разговора о стигме в российском медиапространстве, – фигура «жертвы», которая появляется тогда, когда практика стигматизации переходит на административный уровень. Можно упомянуть небезызвестные законы «о пропаганде» [20], «закон Димы Яковлева» [18] и «о защите чувств верующих» [19]. И действительно, в медиадискурсе и дигитальной прессе можно выделить фигуру жертвы, которая отличается тем, что представляет собой общность индивидов (не всегда анонимных) – жертв несправедливости, чьи права человека и гражданина нарушаются.

Жертва появляется в тот самый момент, когда ее несоответствие или же «исключение из нормы» приобретает статус подтвержденного на законодательном уровне, иначе говоря, когда стигматизированная категория подчиняется биополитической «власти». Здесь, например, можно вспомнить апелляции к «болезни» гомосексуалистов. К слову сказать, эти апелляции приобрели уже массовые черты и являются легитимным (в смысле одобряемым) аргументом против любого проявления ЛГГБТ-

активности. К примеру, вот какие высказывания мы находим в тексте на портале Lenta.ru под названием «В Союзе десантников рассказали об отношении к геям»: «Их никто не ограничивает, не лезет к ним в постель. И вы просто, ребята, не пропагандируйте и не мешайте жить нам. Они, получается, мешают жить. Потому что такое ничтожное меньшинство пытается диктовать свои условия. Пускай занимаются собой, пускай выходят на улицы, но не надо демонстрировать эту свою гадость, болезнь всем, это недостаток» [11].

Иначе говоря, категория жертвы в практиках медийной стигматизации приобретает черты «голой жизни», концепта, разработанного Джорджио Агамбеном [1: 72]. Голая жизнь в нашем случае заключается не только в практиках стигматизации с помощью медиа и основного легитимизирующего политического дискурса, но и в применении вполне ощутимых средств обнаружения общности «жертв». Разговор о физическом, становясь легитимным и поддерживаемым, дает нам право говорить о появлении биополитики как актуального инструмента конструирования социокультурной реальности. Ярчайшим примером является попытка лоббирования так называемого «закона садистов» [9], расширяющего спектр применяемых к заключенному мер. Строго говоря, таким образом осуществляется перенос объекта (общности, например) из дискурсивной стигматизации в пространство реальных санкций.

Дискурсивные практики критики в медиапространстве таковы, что основной аргумент, который мы можем услышать против подобного конструирования, заключается в апелляции к правам человека. Логика последних состоит в том, что разрешено все, что эксплицитно не запрещено. Юрген Хабермас говорит, что «универсальную значимость, касающуюся человека как такового, это основные права разделяют с моральными нормами, […] основные права наделены такого рода притязаниями на универсальную значимость, ибо могут быть обоснованы исключительно с моральной точки зрения» [8: 315]. В этих условиях невозможно говорить не только о применении прав человека, но и об их актуальности в тот момент, когда появляются дискурсивные, риторические и впоследствии законодательные практики, маркирующие норму и не-норму наравне с моральностью поступка или высказывания. В известной степени это побуждение к осторожному разговору о фундаментализме в медиадискурсе.

Демократия в постсоветском пространстве существенно отличается ввиду своей наследственности от демократии в ее классическом понимании. Говоря патетически, суть демократии заключается в принад-

лежности к одному и тому же миру, которая может выразиться только в политике; сплоченность, которая может сложиться только в бою [7: 80]. В этом случае политическое есть сцена, на которой верификация равенства принимает (или должна принять) форму разбора несправедливости и диалогического формирования консенсуса.

В рамках соответствующих медийных пространств мы говорим о постоянно воспроизводящихся меньшинствах, которые приобретают негативные и иногда вражеские коннотации (как в случае с либералами, которые стали пятой колонной и врагами народа). В качестве примера цитата: «страна, в которой телевизор говорит, не стесняясь, что вообще революции, начиная примерно с бунта Люцифера против Господа, инициированы Соединенными Штатами, а целью имеют умаление величия России» [15]. Возможно, социальное напряжение, которое отчасти обусловливает существование категорических фигур, чужого и врага, достигнет той стадии развития, когда настроения подозревать все на «чуждость» придут к стадии критической оценки. В этот самый момент актуализируется мышление в плане, следуя пониманию Ханны Арендт [3: 218–230], приостановки всякой обыденной деятельности. Посредством этого, возможно, произойдет фильтрация дискурса, в результате которой мы сможем говорить о личности как о рефлексивном, а не о конструируемом проекте.

Литература

1. Агамбен, Дж. Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Издательство «Европа», 2011.
2. Арендт, Х. О насилии / пер. с англ. Г.М. Дашевского. М.: Новое издательство, 2014.
3. Арендт, Х. Ответственность и суждение. Издание второе, исправленное [Текст] / пер. с англ. Д. Аронсона, С. Бардиной, Р. Гуляева. М.: Изд. «Институт Гайдара», 2013. 352 с.
4. Ван Дейк, Т. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. М.: Книжный дом «Либроком», 2013. 344 с.
5. Гидденс, Э. Последствия современности / пер. с англ. Г.К. Ольховикова, Д.А. Кибальчича; вступ. статья Т.А. Дмитриева. М.: Праксис, 2011. 352 с.
6. Дебор, Г. Общество спектакля. Комментарии к обществу спектакля / пер. с фр. А. Уриновского. М.: Опустошитель, 2012. 175 с.
7. Рансьер, Ж. На краю политического / пер. с франц. Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2006. 240 с.
8. Хабермас, Ю. Вовлечение Другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2008. 424 с.

9. «Закон садистов» / Радио «Эхо Москвы». [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://echo.msk.ru/blog/lev_ponomarev/1557366-echo/ Дата доступа: 29.08.2015.
10. Невзоров, А. Теория и практика кощунства. Ч. 2. Сноб. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://snob.ru/selected/entry/87953?v=1436872387 Дата обращения: 29.08.2015.
11. Главная страница проекта StopFake / StopFake: борьба с неправдивой информацией о событиях на Украине. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.stopfake.org/tag/rossijskaya-propaganda/ Дата доступа: 29.08.2015.
12. Декреты Советской власти. Т. I. М.: Гос. изд-во полит.литературы, 1957. С. 24–25.
13. Закон РФ «О средствах массовой информации» («Закон о СМИ») // Консультант Плюс. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.stopfake.org/tag/rossijskaya-propaganda/ Дата доступа: 29.08.2015.
14. Давыдов, И. Социальный протест: пределы допустимого / Сноб [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://snob.ru/selected/entry/84492?v=1439310311 Дата доступа: 29.08.2015.
15. Надо знать! 12 приемов гомо-пропаганды // РИА «ИванЧай». [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.ivan4.ru/news/semeynye_tsennosti/nado_znat_12_priemov_gomo_propagandy/ Дата доступа: 29.08.2015.
16. Телевидение: доверие и функции / Левада-центр. Аналитический центр Юрия Левады. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.levada.ru/14-08-2015/televidenie-doverie-i-funktsii Дата доступа: 29.08.2015.
17. Федеральный закон от 28 декабря 2012 года № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации». Консультант Плюс. [Электронный ресурс.]. [Режим доступа]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139994/ Дата доступа: 30.08.2015; http://www.ivan4.ru/news/semeynye_tsennosti/nado_znat_12_priemov_gomo_propagandy/ Дата доступа: 29.08.2015.
18. Федеральный закон от 29.06.2013 № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан» (принят ГД ФС РФ 11.06.2013). [Электронный ресурс.] // Президент России. Режим доступа: http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?3576469 Дата доступа: 30.08.2015.
19. Федеральный закон от 29.12.2010 N 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (принят ГД ФС РФ 21.12.2010). [Электронный ресурс.] // Президент России. Режим доступа: http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;1538732 Дата доступа: 30.08.2015.
20. В союзе десантников рассказали об отношении к геям / Lenta.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://lenta.ru/news/2015/08/01/gay/ Дата доступа: 29.08.2015.

Анна Егорова
(Россия)

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО ОНЛАЙН: ВЗАИМОСВЯЗЬ ВИРТУАЛЬНОГО И ФИЗИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВ

Many official art institutions and projects are using new technologies in a variety of innovative ways to enhance the visitor experience. They range from simple hand-held devices and touch screen information monitors to full online virtual tours, online galleries and apps. It has a great impact on the relationship between institutions, visitors, and the academic and professional community. Virtual space provides a useful function but nowadays there are new phenomena connected with merging physical and virtual space. Online and offline components are combined and we cannot separate virtual from physical space now.

We live not in the digital, not in the physical, but in the kind of minestrone that our mind makes of the two.
Paola Antonelli, Senior Curator, Museum Of Modern Art, New York

Исторически сложилось так, что художественные музеи были физическими пространствами, как правило, зданиями, сохраняющими произведения искусства и делающими их визуально доступными для посетителей. В последние десятилетия технологии превращают музеи в пространства, влияющие на то, как зритель осмысливает и интерпретирует предметы искусства и выставки. Наиболее глубокие сдвиги относятся к изменению среды существования музея: в отсутствие территориальных ограничений цифровые технологии позволяют музеям делиться опытом и информацией с людьми по всему миру. В данной статье предлагается попытка изучения возможностей цифрового взаимодействия, наличных и потенциальных отношений между цифровым и физическим пространством современного музея.

В самом начале, в период бурного расширения влияния такого медиума, как интернет, основное предназначение офлайн-пространства музея как хранилища артефактов вступило в жесткую конфронтацию

с новыми функциями, которые приобрели эти культурные организации благодаря появлению всемирной паутины. Можно было наблюдать процессы самостоятельного существования цифровых ресурсов, платформ, проектов, аккаунтов музея и адаптацию их к стремительно меняющейся онлайн-культуре, что зачастую приводило к отсталости музеев в пространстве интернета и появлению платформ, генерируемых без участия экспертов и музейных профессионалов. Затем подход к изучению цифрового пространства изменился в сторону переосмысления самодостаточности существования цифровых расширений музея, таких как сайт, мобильное приложение, аккаунт в социальной сети, промокампании в интернете, и появились концепции постцифрового музея.

Развитие цифровых технологий и всепроникающее их влияние на общество сталкивают музейных практиков и исследователей с новым вызовом – слиянием цифрового и физического мира и конвергенцией в контексте культурных институтов.

Среда современного музея. Современное понимание среды музея, казалось бы, исходит в том числе и из концепций музея будущего или музея без стен, описанной в знаменитой книге «Воображаемый музей» (1947) Андре Мальро еще до появления технологий, о которых речь пойдет далее. Автор выдвигал идею о том, что мир или совокупность репродукций формирует «музей без стен» (Museum Without Walls). Каждое поколение рождает свою воображаемую экспозицию произведений из мирового хранилища. Согласно Мальро, музей без стен – идеальный музей искусств, который конструируется самостоятельно каждым индивидом и заполняется значимыми для него произведениями.

Современные цифровые технологии, виртуальная и дополненная реальность предлагают зрителю получать с помощью специальных инструментов возможность тотального погружения в виртуальное пространство. В цифровую эпоху большинство музеев имеют сайты в интернете и таким образом распахивают свои двери для широкой публики. Кажется, идея Мальро воплощена в жизнь: сегодня миллионы зрителей (пользователей) могут наслаждаться шедеврами из мировых фондов, используя персональный компьютер или даже мобильный гаджет. И все же коллекция музея на сайте – это нечто иное, не совпадающее с концепцией Мальро. Проблема не только в оцифровке произведений, достойных трансляции в сети, но и в неизбежности их новых значений, иного вида пользовательской деятельности, иного способа исследовать связи внутри искусств, иных потребностей аудитории, сформированных XXI веком.

Исследователи и деятели по-разному характеризуют то состояние, в котором находится современный музей. Паола Антонелли, куратор Нью-Йоркского музея современного искусства (МОМА), говорит о том, что мы существуем в пространстве, смешавшем в себе черты виртуального мира и мира физического. По ее мнению, в первую очередь это сказывается на экспонатах, экспозициях и на том, как с ними взаимодействуют посетители. Жаспер Виссер, голландский деятель и основатель организации «MuseumNext», в публикации «Digital Engagement in Culture, Heritage and the Arts» обозначает словосочетанием «цифровое вовлечение» новую стадию в формировании среды современного музея. По его мнению, любая современная организация уже не может говорить о том, что существует только в физическом пространстве. И это касается каждого аспекта культурной организации: цифровые медиа затрагивают все виды деятельности и должны быть в сердце каждого музея. Еще один музейный практик и исследователь Эд Родли восхищается нынешним грандиозным периодом в развитии музеев – периодом их превращения из прецифровых (pre-digital) в постцифровые (post-digital) музеи, соглашаясь с Росс Парри, автором термина «постцифровой музей» (Postdigital Museum) [7], в том, что мы наблюдаем становление музеев нового типа, которые впитывают цифровые технологии до такой степени, что они пронизывают весь этот культурный институт и управляют его работой.

Цифровые преобразования и постцифровой музей. На данном этапе цифровых трансформаций не существует какого-либо определенного мнения о том, что такое постцифровой музей. Существуют две точки зрения на достоинства и недостатки вмешательства цифровых технологий в музейную среду. Эд Родли утверждает, что мы находимся на этапе цифровой трансформации в музеях и что сейчас необходимо очертить границы этих процессов, чтобы не запутаться во множестве публикаций, повторяющих словосочетание «цифровая стратегия музея» в каждом абзаце. Джон Стек, руководитель Музея науки в Лондоне, считает, что цифровая стратегия должна быть отделена от общемузейной стратегии [6] . Его работы по созданию стратегии Тейт, как, например, «Digital as a Dimension of Everything», оказали здесь глубокое влияние.

С другой стороны, есть исследователи, которые критически настроены к тому, чтобы внедрять «цифровую стратегию» в каждый музей. Чад Вейнард в заметке «Digital strategy. Museum strategy» наиболее четко излагает эту точку зрения. Не каждому музею нужна такая трансформация, ведь затраты на цифровых сотрудников, ИТ-директоров, технических директоров и других агентов перемен довольно существенны, и

необходимо понимать, насколько они оправданны в контексте конкретного музея. Всем ли музеям нужны перемены?

Наблюдая за тем, как из цифрового мира музей переходит в постцифровой, важно заметить, что колоссальные изменения произошли не только в развитии онлайн-проектов музеев – изменения коснулись вековой физической структуры музея. В частности, в этой структуре появились новые департаменты, например отдел цифровых медиа в Национальной галерее (National Gallery) Лондона и департамент новых медиа в музее «Метрополитен» (Metropolitan Museum of Art). В Художественном музее Индианаполиса (Indianapolis Museum of Art) работает лаборатория, где создаются и запускаются технологические решения, которые можно использовать в культурном секторе. Лаборатория изучает пути комплексного внедрения новых технологий в культурные учреждения.

Один из последних докладов McKinsey Digital Labs под названием «В поисках скорости движения к инновациям» четко описывает то, как должен выглядеть современный, стремящийся к адаптации к цифровым технологиям институт. Руководство к действию выделяет здесь три основных этапа.

Этап 1. Упрощение. Компании должны создать единый источник данных для всех программ: одно хранилище данных, управления версиями и отслеживания исходного программного кода.

Этап 2. Масштабирование. Этот этап может стать длительным и дорогостоящим процессом масштабирования и постройки полностью автоматизированных ИТ-систем, которые сочетают в себе современные и традиционные технологии. Здесь уместно отметить, насколько точно этот пункт стратегии отражает текущую ситуацию в самых передовых музеях: инновации в Бруклинском музее (Brooklyn Museum), Музее дизайна «Купер Хьюитт» (Cooper Hewitt) потребовали огромных усилий и поддержки: финансовой, административной, духовной, но дали потрясающие результаты.

Этап 3. Поддержание. Специалисты McKinsey напоминают о том, что в компаниях переход к цифровой реальности часто происходит как большой взрыв, но тем не менее стремление к постоянству – это то, чему должны следовать сотрудники, то, что должно укорениться во внутренней среде и поддерживать ее ценность. Этот этап может быть самым сложным для музеев. Понятие непрерывной работы, создание устойчивой бизнес-модели довольно сложны в условиях, в которых существуют культурные некоммерческие организации.

Музейные проекты постцифрового типа. Существенное переосмысление роли цифровых технологий произошло в Музее дизайна «Cooper Hewitt» в Нью Йорке при его обновлении в 2014 г. После ремонта «Cooper Hewitt» предлагает посетителям совершенно новый интерактивный опыт. Музей не только создал огромную базу данных из оцифрованных экспонатов, но и предложил использовать эти данные по-новому. Наиболее обсуждаемым нововведением стал гаджет, называемый «Pen», воплощающий в жизнь идею директора музея Себастьяна Чена, который отметил, что технологии изменили поведение посетителя.

Cooper Hewitt «Pen»

Используя большие экраны ультравысокой четкости на интерактивных столах, посетители могут управлять экспонатами, которые они выделили, путешествуя по залам музея, и, наводя на них гаджет, открывать связанные с ними экспонаты из коллекции, получать дополнительную информацию, узнавать больше о дизайнерах, процессах проектирования и материалах, смотреть и делиться фотографиями и видео, и даже сделать эскизы своих собственных проектов. Непосредственно в музее «Cooper Hewitt» находится только 726 объектов, но на сайте музея коллекция охватывает более 188 000 объектов. Взаимодействие с экспонатами оффлайн, изучение их на экране в музее побуждают зрителя посетить коллекцию онлайн после ухода из музея, позволяя глубже ознакомиться с выбранными экспонатами, связанными с ними предметами и историями.

Artsy – онлайн-платформа как музейная организация. Artsy.net – один из самых недооцененных общественным мнением технологичных

проектов в сфере искусства за последние годы. Как и у проекта Google, его цель – сделать мир искусства доступным каждому с помощью цифровых технологий. Artsy сотрудничает с ведущими галереями мира, музейными коллекциями, фондами, художниками, арт-ярмарками и аукционами. Растущая база данных проекта достигает 300 000 произведений изобразительного искусства, архитектуры и дизайна. Artsy используется любителями искусства, музейными работниками, меценатами, коллекционерами, студентами и преподавателями, чтобы исследовать, изучать и коллекционировать искусство.

Онлайн-платформа Artsy – это не только база данных, это место, где можно ознакомиться с текущими и прошедшими выставками в музеях и галереях, биеннале, с культурными мероприятиями, международными ярмарками, прежде чем они будут запущены оффлайн. Платформа также позволяет пользователям взаимодействовать с искусством, создавая свою открытую или закрытую от других пользователей коллекцию. Взаимодействие с платформой происходит с любого устройства – начиная с компьютера и заканчивая смартфоном.

Еще одной важной характеристикой проекта эпохи post-digital является особое взаимодействие платформы с пользователем: она не только позволяет пользователю самому управлять коллекцией, покупками, своим расписанием событий в сфере искусства – она сама инициирует диалог как цифровыми средствами (напоминания, почтовая рассылка, предложения), так и силами дистанционных специалистов, помогающих пользователям ориентироваться в огромных коллекциях.

Особое внимание в анализе онлайн-платформы Artsy следует уделить системе «Art Genome Project», которая лежит в основе платформы. Это система тегов, которая отображает определенные характеристики (genes), по которым классифицируются художники, работы, архитектура и дизайн-объекты. В настоящее время насчитывается более 1000 характеристик, в том числе позволяющих классифицировать произведения по этапам в истории искусств, предметам и формальным качествам. Этот процесс называется «genoming»: команда искусствоведов и экспертов назначает работам различные характеристики. В результате этого появляются связи между, казалось бы, ничем не связанными произведениями искусства, открывающие бесконечные возможности для исследования и обучения.

Технология Beacon в музеях. По данным Национального фонда искусств, посещаемость художественных музеев снизилась на 5% за десятилетие 2002–2012. Единственная возрастная группа, которая показала

рост, – люди старше 70 лет. Поэтому музеи беспокоятся о том, чтобы молодая аудитория не только взаимодействовала с музеем дистанционно, но и реально его посещала. В том числе и поэтому так важны тенденции слияния виртуального и физического пространств в среде современного музея.

Многие музеи сейчас запускают новую технологию Beacon. Это приложение для мобильных устройств, которое с помощью технологии Bluetooth указывает местонахождение посетителя в музее – с погрешностью менее нескольких шагов. Система получает информацию о том, где посетитель находится, и, как цифровой гид, пересылает ему интересную релевантную информацию о художнике, экспонате или картине, включая текст и мультимедийные материалы. Технология разработана бостонским Cuseum, тестирующим технологию Beacon в Новой Галерее в Нью-Йорке и в Центре изобразительного искусства MIT.

Есть в системе и социальная составляющая: с помощью Beacon можно отправлять изображения и фото друзьям, сделать пост в Facebook или Twitter. Более того, система Beacon, как Google-карты, помогает ориентироваться в больших музеях, что существенно облегчит посещения огромных музеев, в которых по-настоящему можно заблудиться. Что немаловажно, использование Beacon делает возможной альтернативу так называемым вертикальным выставкам, в которых кураторы и другие эксперты выражают единственное авторитетное мнение. Теперь любой посетитель может делиться мнением, впечатлениями от работ художников, выразить согласие или несогласие со всей выставкой в целом, точно так же, как читатели интернет-изданий имеют возможность комментировать статьи, а посетители ресторанов – оставлять отзывы в социальных сетях или Swarm. В результате происходит двустороннее обсуждение, диалог между куратором и посетителем и слияние двух пространств посещения музея – виртуального и физического. Большая часть знаковых музеев, таких как «Метрополитен», в данный момент находятся на этапах тестирования и внедрения Beacon.

Литература

1. Jenkins, H. Convergence Culture: Where Old and New Media Collide. New York: New York University Press, 2006.
2. Parry, Ross (Ed.). Museums in a Digital Age. London: Routledge, 2010.
3. Бишоп, К., Перҗовски, Д. Радикальная музеология: Или так уж «современны» музеи современного искусства? М.: ООО «Ад Маргинем пресс», 2014. 96 с.
4. Bhens, S., Lau, L., Markovitch, S. Finding the speed to innovate // ULR: http://www.mckinsey.com/insights/business_technology/finding_the_speed_to_innovate?cid=digital-eml-alt-mip-mck-oth-1507
5. Cannell, M. Museums Turn to Technology to Boost Attendance by Millennials // ULR: http://www.nytimes.com/2015/03/19/arts/artsspecial/museums-turn-to-technology-to-boost-attendance-by-millennials.html?ref=artsspecial&_r=1
6. Stac, J. Tate Digital Strategy 2013–15: Digital as a Dimension of Everything http://www.tate.org.uk/research/publications/tate-papers/19/tate-digital-strategy-2013-15-digital-as-a-dimension-of-everything
7. Rodley, Ed. Thinking About Museums:// URL: http://exhibitdev.wordpress.com/
8. Чен, С. Блог // ULR: http://www.freshandnew.org/
9. Блог команды музея Cooper Hewitt // ULR: http://www.cooperhewitt.org/new-experience/designing-pen/

Виктория Шиманская
(Беларусь/Литва)

ИНДИВИД КАК КОНТЕНТ: ПРОБЛЕМА КОММОДИФИКАЦИИ В ЭПОХУ ЦИФРОВОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ

The paper deals with the process of commodification. The author describes the features of the modern world, based on the concepts of Zigmunt Bauman, Guy Debord, and Jean Baudrillard. The author defines the term commodification and establishes its relation to consumer society. Special attention is taken of the development of information technologies and interactivity as signs of the digital era. The author tries to draw attention to the fact that the empowerment of individuals that new technologies promise hides the new methods of supervision and control. The paper can be useful and interesting to people who are interested in the position of the individual under the influence of the processes of globalization, mass consumption of products and other processes of "liquid modernity" or the digital era.

Сегодня сложно встретить человека, который находился бы вне влияния новых информационных технологий. Современный человек осуществляет покупки в интернет-магазинах, делится своими фотографиями и записями с друзьями в Facebook, ежедневно скачивает приложения для своих гаджетов, рассказывает о своих предпочтениях сервисам вроде Last.fm или Amazon.com, чтобы те рекомендовали ему музыку или литературу, соответствующую индивидуальным вкусам, и в целом не представляет своей жизни без Google или Skype. Однако расширенные возможности и удобства приносят с собой также и новые методы сбора данных об индивидах, способствуют расширению способов надзора за обществом, ведут к коммодификации индивида.

Мир как товар: феномен коммодификации и переход современности в «текучее» состояние. Сегодня человечество находится на специфической ступени своего развития; теоретики разных направлений понимают эту эпоху по-разному. В данной работе я рассматриваю ее как «текучую современность» (liquid modernity) – так ее описывает Зигмунт Бауман [1]. Главной чертой, предшествовавшей данной эпохе «статичной современности», является процесс модернизации всех сфер человеческой жизни [1]. Базисом жизнедеятельности становится эко-

номика, активно строятся фабрики и заводы, массово производятся товары, развитие наращивает темпы. Этот активный процесс индустриализации позволил сделать производство массовым, но для того, чтобы производство приносило доход, нужно было, чтобы на производимый товар имелся спрос. Иными словами, технический прогресс и возможность производить, с одной стороны, и навязанное желание потреблять, с другой, рождают общество массового потребления товаров, легитимация которого происходит посредством знания, навязываемых образцов поведения, понятий (не)правильного. Благодаря подобным знаниям мир в глазах индивидов становился рациональным, что способствовало вере в то, что все происходящее в мире нормально и ведет общество к светлому будущему.

В современности, называемой текучей, экономика и политика становятся глобальными, культура массовой, индивиду предоставляется свобода выбора, не навязываются единственно правильные модели поведения. Однако вследствие того, что все процессы глобальны и массовы, индивиду тяжело разбираться в этих процессах и успевать за быстрым темпом развития вообще всего [1]. Таким образом, индивид пытается ухватиться за то, что он понимает, а в условиях современности он понимает лишь то, что может увидеть. Мир представляется индивиду в виде образов, и единственной его целью становится потребление этих образов [2].

Здесь, собственно, мы и приходим к процессу коммодификации. Опираясь на концепцию Ги Дебора, я утверждаю, что мир представляется индивиду в виде образов, в виде информации или знания о чем бы то ни было [3]. Вместе с тем объектом потребления является образ товара, а не непосредственно товар как предмет. То есть весь мир становится объектом потребления. В том числе и сам индивид, которого другие индивиды воспринимают как образ, как информацию о нем. Так, коммодификация – это процесс ***объективизации*** (отоваривания) ***мира*** и всех его составляющих ***посредством информации*** с целью включения объектов в процессы производства и потребления.

Современное общество, в основе которого находится потребление, функционирует благодаря индивидам, которые, собственно, и способствуют существованию такого общества, производя и потребляя. Так, когда я говорю о том, что индивид превращается в товар, это значит, что индивид потребляет самого себя. ЗСледовательно, необходимо понять, как возможен этот нонсенс и что на самом деле происходит с индивидом в обществе потребления.

В условиях текучей современности индивид мыслит в рамках некоторой идеологии, которая легитимирует все процессы, имеющие место в обществе потребления. «Счастливое Сознание – убеждение в том, что действительное разумно и что система продолжает производить блага, – является отражением нового конформизма, рожденного переходом технологической рациональности в социальное поведение» [6]. В понимании индивида система, которая функционирует для того, чтобы удовлетворять его потребности (пусть и ложные, этой самой системой конструируемые), непременно является разумной, и даже мысль о разрушении этой системы, об утрате всех предоставляемых ею благ неприемлема.

Образ коммодифицированного индивида можно хорошо описать через метафору Маркузе об одномерности человека или его одномерном мышлении. Индивидам навязываются ложные потребности, что уравнивает их в желаниях и стремлениях. Так, все устремления индивида являются однонаправленными, и это стирает существенные различия между людьми. «…Чем больше он соглашается представлять себя в господствующих образах потребностей, тем меньше он понимает собственное существование и собственное желание. Внешний характер спектакля по отношению к человеку действующему проявляется в том, что его собственные поступки принадлежат уже не ему самому, а тому, кто ему их представляет» [3: 19].

В контексте данной работы важно отметить, что в обществе Спектакля индивид теряет часть себя, когда подобно остальным объектам предстает перед обществом как образ, который потребляется [3]. Кроме самих индивидов этот образ также потребляют различные компании и организации. Так, информация об индивиде является одновременно и средством, и результатом процесса коммодификации в том смысле, что индивид объективируется через личные данные, через признаки и особенности, которые составляют его образ, и в то же время товар, который образуется в процессе коммодификации, – информация об индивиде.

Весь процесс коммодификации человека можно разделить на два аспекта. Первый – когда человек сам превращает себя в товар, и второй – когда технологии способствуют его превращению в товар.

Четким отражением первого случая является реклама, средством которой индивид становится с большой охотой. «Киноиндустрия создает "звезд" и продвигает их в книгах, журналах и на телевидении, и при этом сама служит отличным средством для продвижения звездами спорта, телевидения и музыки собственных брэндов» [5: 34]. Процесс не останавливается на «звездах», в рекламе снимаются и обычные, неизвестные

люди, также подвергая себя объективации. Более того, можно отойти от рекламы коммерческой. Тот факт, что человек идет по улице в футболке со значком, принадлежащим определенному бренду, также делает его объектом потребления других индивидов, которые воспринимают этот значок как некоторый символ.

Что касается превращения индивида в товар посредством технологий, нужно отметить, что здесь не отрицается участие индивида в процессе собственной коммодификации, т.е. два приведенных способа не противостоят друг другу. Однако важно иметь в виду, что развитие информационных технологий облегчает коммодификацию индивида. С их помощью процесс превращения индивида в товар происходит активнее и вместе с тем куда незаметнее, чем прежде. Для того чтобы понять специфику этого процесса, нужно обратиться к понятию «цифровая эпоха».

Цифровая эпоха: роль информационных технологий в процессе коммодификации. Текучая современность – это, в принципе, и есть информационный век. Однако здесь важно правильно расставить акценты. Когда речь идет о цифровой эпохе, подразумеваются все те характеристики, о которых упоминалось при описании текучей современности, однако акцент здесь ставится прежде всего на значимость информационно-технологической революции, которая, собственно, и считается началом цифровой эпохи. Важно при этом учесть, что «нынешнюю технологическую революцию характеризует не центральная роль знаний и информации, но применение таких знаний и информации к генерированию знаний и устройствам, обрабатывающим информацию и осуществляющим коммуникацию, в кумулятивной петле обратной связи между инновацией и направлениями использования инноваций» [4].

Все сферы жизни общества трансформируются в связи с развитием и распространением информационных технологий. Несколько трансформируется также понятие общества потребления. Широкое распространение и доступность интернета дают возможность отчасти перенести процесс потребления в виртуальную среду [4]. Процесс коммуникации индивидов в сети становится настолько реальным, что физическая и виртуальная реальности не рассматриваются больше как противоположные. Они сталкиваются и оказывают влияние друг на друга. С этим связана также трансформация каналов трансляции, передачи информации, формирование новых медиа с присущей им интерактивностью: «…сейчас пользователь имеет возможность взаимодействовать с объектом медиа. И в процессе этого взаимодействия пользователь также вы-

бирает, какую информацию он хочет просматривать, он осуществляет работу по созданию уникального продукта для себя» [9: 55].

Благодаря интерактивности у индивида появляется возможность участвовать в политических или экономических процессах, высказывать свою точку зрения по тому или иному вопросу. Кроме того, технологии значительно упрощают жизнь индивида, привнося в нее новые удобства в виде, скажем, покупок онлайн или путешествий, не выходя из дома.

Однако интерактивность кажется безусловным благом лишь на первый взгляд. На самом деле вместе с расширением власти и возможностей индивида расширяются и развиваются также способы надзора над обществом, что способствует усилению контроля над индивидом и его коммодификации. Интерактивность индивидов становится главным инструментом нового способа надзора. Интерактивность стремится к максимальному устранению анонимности, что делает неактуальным массовый контроль, существовавший в прошлые эпохи, и дает возможность контроля на индивидуальном уровне [8].

Интерактивность индивида, возможности его участия в разработке новых товаров или в усовершенствовании старых, конструирует два новых продукта. Во-первых, будучи интерактивным, индивид выполняет неоплачиваемую работу, итогом ее является создание некоего, предположим, нового продукта, разработкой которого, по идее, должен заниматься определенный работник [7]. Второй продукт, который индивид создает в процессе своего неоплачиваемого труда, – информация о потребительских предпочтениях. Мелкие кусочки информации, оставляемые индивидом в сети, позволяют компаниям создавать образ потребителя уже не на основе вероятной выборки и генерализации, а на основе детального мониторинга индивидуальных предпочтений, вкусов, привычек каждого отдельного индивида. Это способствует последующему повышению продаж, а также фокусировке на продвижении определенных товаров индивидам, которые в них нуждаются.

В общем ситуация такова: компании обладают огромной властью над личной информацией потребителей и над самими потребителями, в то время как потребитель даже не знает, что происходит с его информацией после ее сбора. «В общих чертах мы знаем, что за нами следят, но мы далеки от понимания того, насколько интенсивной, детальной и изощренной становится эта система наблюдения» [7: 5]. Из-за того, что индивид не знает, где, как и с какой целью используются его личные данные, он перестает быть их полноправным владельцем, отчуждается от собственной информации.

Таким образом, индивид становится важным для компании лишь в качестве индивидуальной информации, которую он им предоставляет. И в этот момент я могу говорить о том, что индивид в цифровую эпоху представляет ценность лишь как контент. В рамках цифровой эпохи контент – «информация, которая доступна для пользователей на веб-сайте или в других медиа» [10]. То есть, утверждая, что индивид в цифровую эпоху представляется как контент, в общем смысле я имею в виду, что индивид есть информация о нем, которая принадлежит уже не самому индивиду, а тем, кто эту информацию собирает, анализирует и использует. Таким образом, я прихожу к тому, что в эпоху цифрового потребления, будучи одновременно и субъектом, и объектом этого потребления, индивид становится контентом для самого себя.

Обобщая вышесказанное, я утверждаю, что новые информационные технологии, которые позиционируют себя как благо, как то, что должно облегчить человеческую жизнь и расширить возможности индивида, в условиях современности приводят общество к тому, что индивиды становятся объектами собственного потребления. А основой этого процесса служит информация. Более того, будучи контентом для себя самого, индивид не рассматривает этот феномен как проблему, он рад тому факту, что предоставляемая информация актуальна для него, не понимая, что эта информация и есть он сам.

Таким образом, важнейшей особенностью коммодификации сегодня является тот факт, что сама технология способна воспроизводить практики жизнедеятельности, воспроизводить общество потребления, причем абсолютно легитимно, а индивид нужен здесь лишь как средство, собственно, как контент.

Литература

1. Бауман, З. Текучая современность / пер. с англ. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер. С. 7–60.
2. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. [Б.м.]: Республика, 2005. 179 с.
3. Дебор, Г. Общество спектакля / пер. с франц. С. Офертаса и М. Якубовича. М.: Логос, 2000. 78 с.
4. Кастельс, М. Подъем сетевого общества; Пролог: Сеть и Я; Информационно-технологическая революция // Информационная эпоха: экономика, общество и культура. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/index.php [online]. [просмотрено 14 апреля 2015; 13:20].

5. Кляйн, Н. No Logo / пер. с англ. А. Дорман. [Электронный ресурс.] Режим доступа: https://baumands.files.wordpress.com/2011/02/28_no_logo.pdf [online]. [просмотрено 17 марта 2015; 22.30].
6. Маркузе, Г. Паралич критики: общество без оппозиции; Одномерное общество // Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Markuze/intro.php [online]. [просмотрено 26 марта 2015; 20:10].
7. Andrejevic, M. I spy: Surveillance and Power in the Interactive Era. United States: University Press of Kansas, 2007. P. 1–51.
8. Bauman, Z., Lyon, D. Consumerism, new media and social sorting // Liquid Surveillance. UK: Polity Press, 2013. P. 103–112.
9. Manovich, L. The Language of the New Media. USA: Massachusetts Institute of Technology, 2001. 202 p.
10. Oxford Dictionaries.[online]. Access through the Internet: http://www.oxforddictionaries.com/ru [seen 10 April 2015; 16.20].

Александра Скочиленко
(Россия)

ТЕЛЕПЕРЕДАЧА «ПОСЛЕДНИЙ ГЕРОЙ» И ГЕРОИЧЕСКИЙ МИФ, КОТОРЫЙ ОНА КОНСТРУИРУЕТ

The article analyzes the first season of the Russian TV show "The Last Hero" aired in 2001, which was the adaptation of the original American reality show "Survivor". The study revealed that "The Last Hero" is not a mere interpretation of the popular American franchise but also a unique and independent project specifically focused on issues of power, nationhood, political structure and concept of heroism. The research examines the heroic myth constructed by the adaptation and its meaning in the context of political actuality in Russia and also the concept of the national leader which had been introduced in this TV show long before the national hero cult was actualized by the mass media.

Телепередача «Последний герой», появившаяся в сетке вещания в 2001 г., – покупной продукт. Она является калькой американской телепередачи «Survivor», о чем красноречиво свидетельствует финальный титр каждой серии отечественного проекта с логотипом программы-предшественника. «Survivor» в свою очередь – это адаптация шведской телепередачи «Expedition Robinson». Аналогичные реалити-шоу существовали и продолжают существовать во всем мире. Жанр этих передач предполагает схожую структуру: состязание в условиях дикой природы с поступенчатым исключением участников и выявлением последнего оставшегося – победителя; однако концептуальная рамка, в которую заключена эта структура, в отдельно взятой стране может обладать особой культурной спецификой.

Так, оригинальное шведское шоу сосредоточено на чистой робинзонаде и пафосе противостояния современной человеческой цивилизации дикой природе. Об этом свидетельствует уже сам визуальный ряд открывающей заставки: под ритмичную музыку в жанре «техно» на экране возникают анимированные схемы и флуоресцентные линии радаров, наложенные на виды островов. Участники передачи вовлечены в тотальное коллективное строительство и благоустройство острова, и этот процесс неизменно оказывается важнее любых межличностных конфликтов.

Кардинально отличается от него американский проект «Survivor», где идейное ядро программы составляют бытовые взаимодействия в коллективе и выяснение отношений между участниками. Анонсы ведущего к передачам концентрируют внимание зрителя на проблемах выживания участников как применительно к условиям дикой среды, так и к жизни в коллективе. В заставке фигурируют виды дикой природы и экзотические животные, а также образы культурных маркеров «первобытности»: факелы, тотемные фигурки и полуголый человек, напоминающий туземца.

Почти идентичную визуальную стилистику заставки мы встречаем в отечественном проекте «Последний герой», который по условиям коммерческой договоренности должен повторять основные содержательные элементы образца. Российское шоу напоминает сложившийся американский формат и по игровой организации состязания. В обеих передачах проводятся похожие конкурсы, аналогична и система поощрения участников. Сохраняется также терминология с учетом перевода оригинального проекта, например «совет племени» переводится дословно с английского «tribal council».

Однако, несмотря на необходимость повторения сложившихся формул передачи-аналога, документальная составляющая жанра реалити-шоу оставляет лакуны для живого взаимодействия и импровизации наподобие той весьма ограниченной доли свободы, что реализует сказитель в эпосе [6: 43]. Уже сама концептуальная рамка, заданная далеко не подстрочным переводом названия – где «survivor», т.е. «выживший», становится «последним героем» – намекает на желаемое эпическое звучание проекта в России, а также на понимание формулируемого героического образа как безальтернативного и «последнего».

На роль ведущего отечественного телепроекта выбирается Сергей Бодров. Основную риторику его медиаобраза можно охарактеризовать как героическую. Фильмы Балабанова «Брат» и «Брат 2» с Бодровым в главной роли прочно входят в повседневную мифологию конца 1990-х. Киновед Евгений Марголит так пишет о центральном персонаже Даниле: «…центральный персонаж – единственный, кто в эту пору будет возведен в ранг Героя <…> он не ведает сомнений и страха, четко делит мир на “наших” и “не наших”, и оружие в его руках смотрится волшебной палочкой, с помощью которой герой всем воздает “по справедливости”» [7: 167]. Еще одной важной характеристикой в персонаже Бодрова является яркое патриотическое звучание его образа, граничащее с националистическим. Шлейф «национального героя Данилы» тянется за артистом. С

этой точки зрения присутствие Бодрова в роли ведущего «Последнего героя» можно трактовать как интенцию к созданию героической преемственности – передачи героического статуса от одного персонажа к другому.

Так или иначе, и другие самобытные элементы проекта «Последний герой» сконцентрированы на осмыслении проблематики героического, с одной стороны, и национального, с другой. Национальный дискурс реализуется уже в выборе состязающихся. Принципиальная неповторяемость возрастных, социальных и географических характеристик участников вызывает подозрение, что в своей совокупности они призваны репрезентировать прослойки российского общества того времени, определенный социальный, материальный и профессиональный статусы, а также конкретные географические точки, якобы исчерпывающие карту России. Заложенный в драматургию передачи конфликт понятен: фактически взаимоисключающие друг друга персонажи, такие, как, например, «предприниматель из Санкт-Петербурга» и «слесарь из Киева», вынуждены взаимодействовать на небольшом отрезке земли. Причем символическая география Родины, с одной стороны, расширяется за счет включения Украины (в проекте задействованы участник из Киева и участница из Харькова), а с другой – сужается с помощью исключения неоднозначных для отечественного зрителя регионов, таких как Чечня или Дагестан.

На острове воспроизводится концептуальная модель России нулевых, функционирующая наподобие «комедии масок», где каждый из участников обозначен идентифицирующим титром, будь то «стоматолог из Балашихи» или «таможенник из Курска». Географическая принадлежность участника осмысляется как значительная часть его идентичности, между тем в зарубежных передачах похожего формата чаще всего фигурирует только имя и иногда прибавляется профессиональный статус. Этот репрезентативный географический дискурс, навязанный создателями «Последнего героя», постепенно перенимается самими участниками проекта: в 9-м эпизоде сразу после объединения племен они устанавливают импровизированную дорожную развилку с множеством указателей – по одному на каждый город, откуда прибыли претенденты на роль последнего героя [20].

Наравне с заданными «предлагаемыми обстоятельствами» [9] для живых взаимодействий, а также монтажом и отбором документального материала драматургия передачи реализуется также комментарием нарратора, который позволяет формировать оценочные суждения и опре-

деленную специфику взгляда на происходящее. Это один из анонсов Бодрова, который обыкновенно включается в передачу перед входной заставкой: «два племени – “черепахи” и “ящерицы” – строят свои маленькие цивилизации. На каждом из островов свои законы, свои вожди и свои изгои…» [18]. Зрителю предлагается посмотреть на происходящее не через призму бытового или соревновательного содержания проекта, но через перспективу политической метафоры. Политизация действительности на уровне риторики ведущего возникает постоянно: так, микросообщества участников, складывающиеся внутри двух племен, нередко называются «политическими альянсами», позже наиболее влиятельные группировки участников фигурируют в нарративе как «правящие партии».

Риторика экспериментального наблюдения за человеком «в естественных условиях», созидающего цивилизацию, производит впечатление, что избранная форма мнимых политических взаимодействий единственно возможна, потому что является «природной». Сходный процесс емко описывает Барт, говоря, что в рамках идеологического мифа происходит «превращение истории в природу» [1: 289]. Здесь мне бы хотелось подчеркнуть, что передача не является мифом в классическом его понимании, однако в рамках мнимой инвариантности происходящего и общего антуража «первобытности» создается определенный мифологический фрейм, позволяющий анализировать и понимать произведение посредством концептов, осмысляющих мифологическое.

Леви-Строс свидетельствует о способности мифа метафорически выражать экономические, географические, социальные и космологические реалии той культуры, которая его порождает [5: 40]. То есть миф содержит в себе, причем как на уровне формы, так и на уровне содержания, описание порядков мира и его функционирования, в том числе и как подспудное дидактическое послание. Об этом мы читаем, например, в статье Неклюдова «Структура и функция мифа»: «Миф предписывает людям правила социального поведения, обуславливает систему ценностных ориентаций, облегчает переживание стрессов, порождаемых критическими состояниями природы, общества и индивидуума» [8: 19]. Эти же характеристики регулярно всплывают в разговоре о телевидении рассматриваемого периода. Об этом, например, говорит Даниил Дондурей в рамках круглого стола, посвященного реалити-шоу и перспективам развития этого формата: «Значимое отличие реалити-шоу от других форматов – создание искусственной среды, которая в чем-то похожа на настоящую или создается в определенном пространстве, но выполняет

специальные функции, причем невероятно важные для зрителей, – функции обучения, посвящения частного человека в необходимые ему правила жизни в семье, в обществе. <…> И никакой другой телеформат, даже самый *мифологичный* (курсив мой. – А.С.) (например, сериалы), такой эффективностью не обладает» [4: 158]. То есть мифологический фрейм, конструирующийся в подобных телепроектах, постулируется вполне открыто. Что же касается непосредственно «Последнего героя», то мифологическое манифестируется в нем на манер структуралистских представлений. Бинарные оппозиции проговариваются создателями передачи намеренно и вводятся преимущественно как механизм для описания все той же политической метафоры, о которой шла речь ранее.

Один из двух оставшихся персонажей должен быть избран «последним героем» методом демократического голосования тех самых выбывших участников, выражавших в рамках логики передачи социальное многообразие находящейся на перепутье страны. В финале голоса распадаются таким образом, что становится ясно: победителя – Сергея Одинцова – выбирают все те люди, которые за время пребывания на острове примыкали к его «политическому альянсу», где он определялся участниками как лидер. Мифологическая картина мира остается незыблемой: в ее логике реализуется символическое примирение в фигуре единственного героя мнимых крайних оппозиций [5: 55] и возможных путей политического и социокультурного развития, выражавшихся в участниках, которые были отсеяны в ходе состязания.

«Всенародно избранный» герой, которым в итоге оказывается Сергей Одинцов, по логике такой структуры не принадлежит ни к тем, ни к другим и в то же время заключает в себе их совокупные характеристики, что в точности совпадает с той медиальной ролью, которую Леви-Строс приписывает герою [5: 55]. Характерно, что при этом самим участником неосознанно проговаривается его мифологическое положение промежуточной ступени: «…единственное, чего я боюсь, стоя на острой грани между хорошим и плохим, – это то, что зло заберет меня на свою сторону» [21]. В этом ключе символичны и строчки песни, звучащей на финальных титрах передачи: «ни свой, ни чужой – последний герой».

Сама по себе форма игры и телевизионного состязания, в которой нам предлагается осмыслить феномен «героического», – это саспенс ожидания героя с нарастающим напряжением к финальной серии. И коль скоро нарратив передачи претендует на метафорическое описание политической и социокультурной действительности, то вся повседневность нулевых в этой картине предстает перед нами как поиск героя. Так,

ожиданием героического кинокритик Добротворский в конце 1990-х объясняет успех балабановского «Брата» [3]. На поиски в области героического намекает и огромное количество круглых столов, проведенных журналом «Искусство кино» [16, 17], в рамках которых осуществляется рефлексия феномена отечественного «героя»; это выговаривает и сам *ТВ-поток* (в терминах А.А. Горных [2]), транслирующий в этот период близкие по духу фильмы, в частности «Айвенго» [13], «Вымпел. Рыцари спецназа» (2001 г.) [14] или документальный фильм о Викторе Цое «Последний герой» [15].

С этой точки зрения передача изначально функционирует не как описание конкретного героического образа, но как формирование героического места в структуре идеологического мифа. И определение героического образа состоит не только в героических чертах, которыми обладает человек, получающий это место, но и в той совокупности правил, драматургических поворотов и условий, которые привели к образованию героического статуса и выступают как его символическое подтверждение. Кроме того, важно и то, что происходит непосредственно после определения «героя». В условиях телепроекта это не только капитал символический, но и материальный – сундук с тремя миллионами рублей, который показывают зрителю всякий раз, когда происходит процедура «совета племени», на которой должен быть исключен из шоу очередной участник. Обретение капитала, таким образом, включается в структуру саспенса и ожидания определения героической фигуры, в финале же капитал воссоединяется с самим «героем». А через навязчивый product placement компании J7, пронизывающий передачу, в зрительском сознании фигура современного героя связывается также и с миром потребления. Таким образом, героическая фигура, произведенная нулевыми, оказывается укорененной в систему лидерских, властных и экономических отношений.

Любопытно в этой истории и то, что реальный человек, получивший статус «последнего героя», перенимает программный сценарий, созданный телепередачей: героя как властвующего, имеющего власть. Это та информация, которая дается о нем на сайте Первого канала в разделе, посвященном проекту «Последний герой»: «Бывший таможенник. Занимался дзюдо и боксом. Кандидат в мастера спорта по рукопашному бою. В племени “Лагартос” раскрыл заговор, объединил вокруг себя единомышленников, дошел до финала, большинством голосов племени был избран победителем – и получил приз “Последнего героя”, 3 миллиона рублей. После шоу в родном Курске был избран депутатом городского за-

конодательного собрания» [10]. Любопытен здесь не только подбор лаконичной информации, который выдает возможную интенцию создателей приблизить медиагероя нулевых к медиагерою десятых, но и те реальные факты, которые за этой риторической фигурой стоят. Ведь избрание Одинцова депутатом в законодательное собрание – это вполне реальный факт, подтверждающийся и другими источниками [11]. Человек, до проекта такой жизненной программы, вероятно, не предусматривавший, служивший на таможне в Курске, после передачи вдруг начинает следовать программному вектору движения, связанному с лидерством, политикой и властью в современном их виде.

Внутри мифа, производимого передачей, героем, конечно, становится не реальный человек из числа участников, но совокупность черт, которые были явлены этим человеком – «бывшим СОБРовцем», «таможенником из города Курск». На основе его образа и композиционного устройства передачи формулируется героическое место, обладающее перечисленными выше характеристиками. Также в рамках программы осуществляется символическая передача героического статуса Сергея Бодрова новому героическому образу, характеристики которого напоминают сегодняшний героический образ «национального лидера».

Выделение мифологической структуры, сформированной передачей, помогает нам также понять и увидеть процесс перехода культурной повестки из ожидающей героя в утверждающую героическое. В рамках конкретного телепроекта «Последний герой» героическое принимает следующие свойства: герой – это победитель состязания, человек, обладающий властью, способный зачистить пространство от иных точек зрения на происходящее, человек, овладевающий капиталом, безальтернативная фигура; и он может быть только единственным и последним, герой – это лидер среди людей, которые, по логике передачи, репрезентируют «национальное». Само процессуальное понимание героики и законы определения героя, заданные телепроектом как мнимым инвариантом, позволяют органично укоренить образ нового героя в дискурс национального, выборного, политического и капиталистического одновременно.

Литература

1. Барт, Р. Мифологии. М., 2008.
2. Горных, А.А. Медиа и общество. Вильнюс, 2013.
3. Добротворский, С.Н. Мой старший брат // С. Н. Добротворский. Кино на ощупь. СПб., 2005. С.457–460.

4. Дондурей, Д. Телевидение: Режиссура реальности. М., 2007.
5. Леви-Строс, К. Деяния Асдиваля // Зарубежные исследования по семиотике фольклора. М., 1985.
6. Лорд, А.Б. Сказитель. М., 1994.
7. Марголит, Е. В осаде // Балабанов. СПб., 2013.
8. Неклюдов, С.Ю. Структура и функция мифа // Современная российская мифология. М., 2005.
9. Станиславский, К.С. Работа актера над собой. М., 2008.
10. Биографии победителей передачи «Последний герой». [Электронный ресурс]: 1-TV.RU официальный сайт «Первого канала». URL: http://www.1tv.ru/owa/win/ort6_lasther5.main?p_razdel_id=6220&p_topic_id=6303 (дата обращения 15.04.15).
11. Новиков, Е., Чемодуров, В. «Последний герой» пошел в депутаты. [Электронный ресурс]: сетевой архив издания «Российская газета» 6.11.2003: http://www.rg.ru/2003/11/06/deputat.html (дата обращения: 10.04.15).
12. «Последний герой» за кадром // Видеозапись документального спец. репортажа. [Электронный ресурс]: Сергей Бодров-младший… последний герой нашей эпохи // (дата обращения: 03.05.2015).
13. Программа телепередач от 28. 08. 01 и 27.08.01 [Электронный ресурс]: телепрограмма 1 канала // Официальный сайт первого канала URL: http://www.1tv.ru/shed/27.08.2001; URL: http://www.1tv.ru/shed/28.08.2001 (дата обращения: 13.04.2015).
14. Программа телепередач от 31. 08. 01 [Электронный ресурс]: телепрограмма 1 канала URL: http://www.1tv.ru/shed/ch1/31.08.2001 (дата обращения: 13.04.2015).
15. Программа телепередач от 2.09.01 [Электронный ресурс]: телепрограмма 1 канала // URL: http://www.1tv.ru/shed/02.09.2001 (дата обращения: 13.04.2015).
16. Прощай, оружие? Круглый стол «Герой 2000-х» [Электронный ресурс]: «Искусство кино» 2002. № 11, ноябрь // Сетевой архив журнала «Искусство кино». URL: http://kinoart.ru/archive/2002/11/n11-article2 (дата обращения: 13.04.2015).
17. С кем спал или кого расстреливал. Круглый стол [Электронный ресурс]: «Искусство кино». 2004. № 10, октябрь // Сетевой архив журнала «Искусство кино». URL: http://kinoart.ru/archive/2004/10/n10-article7 (дата обращения: 13.04.2015).
18. 3-я серия. Любовь в тропиках // Видеозапись телепередачи «Последний герой» [Электронный ресурс]: TV-VIDEOARCHIVE.RU сетевой видеоархив. URL: http://tv-videoarchive.ru/ru_survivor/9-posledniy-geroy-1-sezon.html
19. 5-я серия. Анархия и диктатура // Видеозапись телепередачи «Последний герой» [Электронный ресурс]: TV-VIDEOARCHIVE.RU сетевой видеоархив. URL: http://tv-videoarchive.ru/ru_survivor/9-posledniy-geroy-1-sezon.html (дата обращения: 15.04.2015).
20. 9-я серия. Романтики и прагматики // Видеозапись телепередачи «Последний герой» [Электронный ресурс]: TV-VIDEOARCHIVE.RU сетевой видеоархив. URL: http://tv-videoarchive.ru/ru_survivor/9-posledniy-geroy-1-sezon.html (дата обращения: 15.04.2015).

21. 13-я серия. Остаться в живых // Видеозапись телепередачи «Последний герой» [Электронный ресурс]: TV-VIDEOARCHIVE.RU сетевой видеоархив. URL: http://tv-videoarchive.ru/ru_survivor/9-posledniy-geroy-1-sezon.html (дата обращения: 15.04.2015).

Zulfiia Tarazova
(Ukraine)

OPTIMIZATION OF THE USABILITY OF WEBSITES WITH SPECIFIC CONTENTS

В статье делается попытка определить методы оптимизации юзабилити медицинских сайтов. Исследование опирается на эксперимент, проведенный с помощью специального прибора – айтрекера, который помог выявить области, игнорируемые пользователем и заслуживающие его особого внимания. В статье также анализируются результаты анкетирования, которое было проведено среди иностранных и российских пользователей и помогло определить запросы и ожидания разной аудитории медицинских сайтов. Делается вывод, что у каждой аудитории есть своя «ментальная модель», которую следует учитывать при разработке сайта. Чем уже тематика сайта, тем больше влияние этой модели. Если разработчики будут игнорировать влияние «ментальной модели», то поставленные ими цели не будут достигнуты.

Introduction

Today the interest in research concerning the usability of websites is growing exponentially as scientists direct their attention to the study of human perception of information and cognitive science. A special device known as the eye tracker fixes the eye movement and recognizes the areas that attract user's attention. Eyetracking studies of web usability gather eyemovement data while participants are engaged in typical information search tasks on web pages [1, p. 1]. Students of the Royal Institute of Technology (KTH, Sweden Stockholm) and National Research University Higher School of Economics (HSE, Russia, Moscow) conducted an experiment with the eye tracker in order to understand what kind of information could be missed by users as a result of poor usability of the website. For the purpose of this experiment three web pages were selected with different types of menus. These websites were the pages of medical clinics and health services. The medical theme of the websites helped to narrow the field of study. In the second part of the study the author of the article conducted a survey among Russian and foreign users in order to identify the needs of the users – patients of medical clinics and found differences

in the answers of Russian and foreign respondents. With the help of the eye-tracker and a survey the existence of the "mental model" was confirmed.

Before analyzing the study it is necessary to consider two groups of sources that were made earlier.

The First has to do with research dealing with the eye-tracker. Since the use of this device started recently, scientific publications date back to the early 2000s. In 2003, Robert J. K. and Karn K. S [3, p. 574]. published an article about the methods of tracking eye movements and explained how the results of their research could be used in the analysis of productive usability of websites. Their research demonstrated the basic metric indicators with the aid of eyetrackers. Besides, the researchers were able to summarize all the results of similar previous studies made since the 1950s.

Another significant research in this field of study was documented by Laura Cowen et al [1, p. 3]. They investigated the application of the eye movement analysis for the evaluation of web page usability. The researchers concluded that the relative difficulty in performing a task depended on the friendliness of the web page.

In 2009, J. Nielsen and K. Pernice observed more than 300 people, using hundreds of different websites [2, p. 14]. For the experiment, the movements of their eyes were recorded while they completed some tasks. The results of this research showed that users read websites in an Fpattern. Three important conclusions were made.

1. Users do not read the website's content thoroughly.
2. The most important information should be given in the first two paragraphs of the homepage.
3. The information carrying words should be on the left side of the page.

The second group of sources belongs to psychology. The theory dealing with an individual's "Mental model" is the main foundation of the theoretical aspects of this paper. Kenneth Craikin, 1943 was a pioneer in the definition of the "mental model" [5, p. 15]. In the book "The Nature of explanation", for the first time in the history of scientific psychology he expressed the idea that the human mind builds "models" that help it to anticipate events in reality. Two years after the publication of this book, the author was killed in a car accident, and the concept of "mental model" was forgotten a few years later.

The use of the term "mental model" was renewed with the emergence of cognitive science. In 1983, Philip Johnson-Laird published "Mental models" [4, p.12]. In the same year, Dedre Gentner and Albert Stevens published a book using the same name – "Mental models" [7]. Johnson-Laird identified the mental models as a way, which describes the process that helps people solve problems

using deductive reasoning. His theory involved using a set of diagrams that describe the various combinations of the premises and possible conclusions.

Since then active discussions on the implementation of "mental models" theory have been evolving in the studies of "Human-Computer Interaction". Thus, we developed our experimental conditions based on the theoretical research of scientists..

Experiment

Students of the Royal Institute of Technology (KTH, Sweden Stockholm) Konstantina Pantagaki, Mladen Milivojevic and Zulfiia Tarazova, student of the National Research University Higher School of Economics (HSE, Russia, Moscow), conducted the experiment with the eye tracker on October 9-10, 2014.

Participants

The experiment included nineteen students of different backgrounds as participants (5 female, 14 male). The participants differed in their educational background, country of origin, gender, handedness, etc. Since this experiment is related to visual perception, all of the participants had either perfect vision or corrected to perfect. All the participants read from left to right in their native tongue. While designing the experiment, we selected websites we believed the participants had not seen before. This was confirmed by their responses to the postexperiment questionnaire.

For the purpose of this experiment, the requirements were to find three different websites with:

Left Navigation Bar; **Top** Navigation Bar; **Right** Navigation Bar.

The three websites selected belong to the category of medicine and health care, each meeting the requirements indicated above. The table below shows the selected websites.

Table 1. **Visual Stimuli, Selected Websites**

Navigation Bar	Website	URL
Left Navigation Bar	Robinvale District Health Services (RDHS)	www.rdhs.com.au
Top Navigation Bar	Kooweerup Hospital	http://www.kooweeruphospital.net.au

Right Navigation Bar	London Medical	http://www.londonmedical.co.uk

The experiment included using the following:

- Eye tracking device (*Tobii X1 Light Eye Tracker*);
- LCD Monitor (*23inch monitor with resolution of 1920:1080 and aspect ratio 16:9*);
- A part of the VIC Studio. For each web site the experiment was divided into two parts.

– Observation Part – The participants were to get familiar with the website by observing the content for thirty seconds. The navigation is disabled during observation, since they are required to concentrate on the home page. After thirty seconds the experiment automatically moved to the next stage.

– Task Part – **First** task; **Second** task; **Third** task.

Different tasks were requested to be performed for each website. All of them were located on the navigational bars related to the type of website. Additionally, the order in which the web sites were presented for each participant was randomized in order to have more accurate results.

Results

As a result, we collected gaze, task performance and users' satisfaction data. We then analyzed them qualitatively and quantitatively and reached several conclusions.

Gaze Data

From the gaze data collected from all the participants during the observation part, we created a heat map for each web site, showing the areas at the home page that attracted the most attention from the participants.

Left navigation bar Right navigation bar Top navigation bar

We can conclude from the above heat maps that there are specific areas that users tend to focus more closely rather than scan the whole page linearly. They paid attention to the navigation bars, to the links and buttons and to the text titles. However, the text was almost completely ignored, with only some of the first words skimmed.

This was expected for two reasons. First of all, links, buttons and titles are more salient than plain text, and according to the visual attention theory, they can easily attract the user's attention. Moreover, our participants knew that they would be asked to perform a task later, that involved clicking somewhere in the homepage. As a result, they focused on the parts they believed they would need to complete the tasks and ignored pictures and texts that would not give them any useful information regarding the tasks.

Another interesting pattern that emerged from the gaze data was a correlation between scanning patterns and the country of origin. Of all our participants, four were from Sweden, three from Greece, two from Russia and each one of the rest – from different countries. We compared the data collected from the Swedes and the Greeks (since the number of the participants was comparable). The analysis revealed that the Swedes are inclined to view the page in greater detail than the Greeks and the Russians, and the Swedes cover a larger area than the other respondents. The Russian students' Page "scan" was very fluent; the area coverage of the interface was small – about 35-40%.

The speed page study of Russian respondents was also higher. If it took an average respondent from Sweden about 24–27 seconds to investigate the page, it took the user from Russia an average of about 18–22 seconds.

We can assume that such a cursory study of the web page may be considered as the particular vision of the Russian user. This may be due to the fact that they are used to performing several actions at the same time; getting a lot of information (at work or study) and being forced to perform their tasks quickly, without going into detail.

Though the number of the participants was not big enough to reach a concrete conclusion, it seems that there might be differences in the way people perceive the information in websites depending on their country of origin.

With this in mind, we can mention the "mental model", which has been described previously. We can assume that a group of people of similar origin and mental features may function in the same pattern with regard to investigating information. If these conclusions are true, we can apply them in web-usability.

Mean heat map of Swedes

Mean heat map of Greeks

Mean heat map of Russians

Beside the task part of the experiment, we also collected data regarding time until first click and completion errors. The data, which showed that left navigator bar was more convenient for usage, was also collected. It was discovered that the participants made the greatest number of mistakes while investigating websites with the right navigation bar.

Survey

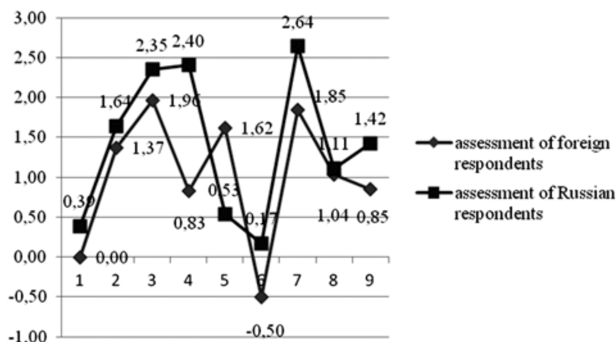
From March 25 to April 14, 2015 an online survey was conducted among Russian and foreign Internet users. The purpose of investigation was to identify the respondents' opinions about the nature of the medical sites, their relationship to the basic elements of the site and the habits of the respondents in the use of such resources. This has helped us to identify the needs of different audiences, so that the efficiency of the medical sites could be significantly improved.

In our case, medical websites refer to websites of public and private medical institutions such as hospitals, clinics and private health centers as well as clinics profile areas. For research purposes we created the survey in both English and Russian. This survey was to help in revealing some features of the "mental model" of Russian users. The questionnaire for Russian users as well as foreign respondents consisted of three questions that were needed to clarify the socio-demographic characteristics and seven substantive issues. We took 109 profiles of Russian users and 52 profiles of foreign respondents.

Results

The requests of foreign respondents differed from the requests of the Russians. The majority of the foreign respondents thought that medical websites are made just for informative and educational purposes. On the other hand, the Russians responded that firstly the website should be informative and must play a vital role in solving current problems of patients. Usually it is a problem that complicates the work of the medical staff in providing quality health care. According to most of the Russian respondents, medical websites should help in:

- solving problems of long queues at hospitals
- supplying timely and updated information on the schedule of medical practitioners
- creating an actual communication platform
- giving a good online service that is not very popular in Russia today.

1. Private office, which will be available after registration and authorization
2. Navigation Site (map, site search, tag clouds, subject heading)
3. Adaptability of the site's design; the site should be accessible from any device: from PC to iphone and well displayed with any browser.
4. Online service (payment, recording, make an appointment, online consultation, etc.)
5. Multimedia content (Video, images)
6. Channels to personal social networks
7. Availability of contact information (email, telephone number)
8. Availability of feedback (chat rooms, forums)
9. Customer reviews, users of the site

From the graph it can be observed that "Online service (payment, recording, make an appointment, online consultation etc.) is essential for Russian respondents, which they expressed by selecting the option "very important", which capitulated 2.4 points on the graph. Our foreign respondents assessed these factors as not so important, and this was evident by yielding only 0.83 points (It means "element is more necessary than not"). From this we can assume that Russian patients consider the online-service relevant since it helps them to regulate time efficiently.

Indicators of the fifth element ("multimedia content") also differed among the two parties. The Russians rated this element low, whereas the foreign respondents gave an answer contrary to that of the Russians. From this it stands to reason that unlike our foreign respondents, multimedia content may not

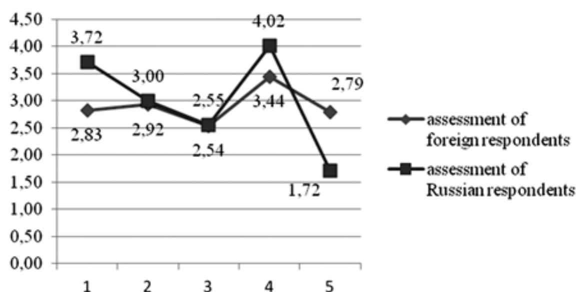
matter to Russians. However, answering the initial question "Why should medical institutions have Websites" more than half of the Russian respondents indicated the need for interesting content. Foreign respondents expressed great interest in the element "multimedia content". The analysis of the most visited of the web sites has shown that today foreign medical sites have become a good source of quality educational materials through video, infographics, and other forms of information.

In this case, we can assume that the "conceptual model" works here, which is different from the "mental model" in the sense that it is inculcated with time. A "mental model" is the representation that a person has in his mind about the object he is interacting with. A "conceptual model" is the actual model that is given to the person through the design and interface of the actual product [6, p.74]

If a Russian, visiting a medical website will regularly view video tutorials, learn about the latest innovations that are designed using 3D-graphics, then with time the site's multimedia component will also be considered as an essential element by them. Today we can assume that the needs of foreign users have switched to a different level; in addition to information, the cognitive component of the medical site is also important to them. For the Russian users a solution to the current problems they face in health care facilities is paramount. When solutions to these problems have been found, the next level of needs may be required. It is certain that this may include acquisition of educational content from medical sites.

The sixth element (Channels to personal social networks) received similar rating among the participants of the survey. Simultaneously, the item "availability of contact information (email, telephone number) is essential to both Russians and foreigners. Both groups of respondents likewise find themselves on a common ground by agreeing that the element "feedback" must be a crucial component of every medical website. However, they expressed different views on "customer reviews, users of the site": for foreign respondents this element is "more important than not", whereas for the Russian participants this element is just "important".

We also made a comparative graph of the distribution of information of the Russian and the foreign respondents on the Website. The respondents were to distribute information on different fields of the website (the left/ right column, the central region, bottom of the page and etc) in the order of significance.

1. Header (top of the page)
2. The left column
3. The right column
4. The central region
5. Bottom of the page

The graph presents two curves with average values. The values converge twice on the second and third points, which represent "distribution of information on the left column" and "distribution of information on the right column" respectively. The difference in estimates is visible in terms of the first (top), the fourth (the central part of the page) and the fifth point (the lower part of the page). When considered as a whole, the curves have a similar trajectory on how they rise and fall.

Conclusion

As a result of our research, we have been able to demonstrate certain functional aspects of the "mental models" of internet users, which can be exhibited during utilization of websites, as well as during the execution of various types of tasks.

Through the survey we have identified basic needs and expectations of potential hospital patients, which are often not met This leads clinical and hospital websites to cease becoming resource, though they were originally intended

to improve communication between the patient and the doctor. It is therefore imperative to discern that understanding the "mental model" of one's audience is necessary for a successful development of medical websites.

Literature

1. Cowen, L.J., Ball, L.J., Delin, J. An eye movement analysis of Web page usability. In: X. Faulkner, J. Finlay, and F. Detienne (Eds). People and Computers XVI – Memorable Yet Invisible, pp. 317-335. London, UK: Springer, 2002.
2. Nielsen, J., Pernice, R. Eye Tracking Web Usability. Berkeley: New Riders, 2009.
3. Robert J. K., Karn, K. S.. Eye tracking in human computer interaction and usability research: Ready to deliver the promises, Mind, 2003, Vol. 2 (3).
4. Johnson-Laird, P. N. Mental Models: Towards a Cognitive Science of Language, Inference and Consciousness. Harvard University Press, 1986.
5. Kenneth, C. The Nature of Explanation. Cambridge University Press, 1967.
6. Weinschenk, S. 100 things every designers need to know about people. Berkeley: New Riders, 2011.
7. Gentner, D., Stevens A. Mental Models, Psychology Press, SURL Available: http://books.google.ru/books?id=4zmYAgAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false (Accessed: 2015, October 14)

Алёна Короткова
(Россия)

«НОВОЕ ВИДЕНИЕ» В СОВРЕМЕННОМ ТЕАТРЕ: ТЕАТР Ю. БУТУСОВА КАК ПРОВОКАЦИЯ ЗРИТЕЛЯ

The article covers the issues of new visuality in the contemporary theater. The object of study is represented by the works of St. Petersburg director Yury Butusov. Special attention is paid to the characteristic peculiarities of the postdramatic theatre in the contemporary artistic practice, to the detection of postdramatic features in the play "Macbeth. Cinema".

С начала XX в. в странах Европы осуществляются многочисленные театральные эксперименты (Э.Г. Крэга, А. Арто, Б. Брехта, Е. Гротовского, Х. Мюллера), разрабатываются новые театрально-эстетические концепции (символический, футуристический, сюрреалистический, эпический театры), приемы и механизмы для провоцирования, пробуждения, социального мобилизирования и политизирования зрителя. Конечно, такие великие представители режиссерского театра XX в., как Мейерхольд, Таиров, Любимов, открывают нам свою, неповторимую театральную эстетику, однако российский театр, находившийся в рамках соцреализма – на несколько десятилетий единственно возможного стране метода в искусстве, – выпал из общего процесса развития. Предпосылками стремления к «новому видению» в театральном процессе на постсоветском пространстве стали изменения политической и культурной жизни общества. Оказался возможным открытый поиск новых способов выражения, и с приходом творческой свободы режиссеры стремятся к формированию своего театрального языка.

Наталья Якубова в исследовании «Молодой театр в Центральной и Восточной Европе после 1985 года» [4: 6–7] выделяет несколько периодов развития театра в годы «парадигматических перемен» и последовавшее за ними десятилетие:

1. Период «изживания тоталитарных неврозов»: «Это последний взлет идей "общественно важного театра" – в том понимании, в котором он функционировал многие годы, когда театр играл роль тех форумов, которые отсутствовали в общественной жизни». Объединение молодежи в акциях, поколенческих союзах.

2. Период разъединения: «поиски происходят герметически (в закрытых мастерских, театральных школах, вокруг отдельных индивидуальностей), вне реального театрального процесса, все более поглощаемого коммерцией».

3. Период новейшего поколения (с середины 1990-х гг.), для которого характерно «упразднение многих альтернатив, которые были источником вдохновения для предшественников (например, альтернатив между “официальным и независимым” театром, между поколениями, между “универсальным” и “национальным”, между “элитарным” и “популярным” и так далее)». Теперь «театр един и как любое другое искусство делится только на хороший и плохой» [4: 19].

Несмотря на то, что никакой общей поколенческой идеей режиссеры постсоветского периода не объединены, их работы отличает новый подход к театральному тексту. Сталкиваясь с изучением новых режиссерских видений, отечественная наука о театре встречается и с нарастающей необходимостью использования нового научного инструментария. Как справедливо отмечает Марина Давыдова, если в 1960-е – 1980-е гг. театроведы не сталкивались с проблемами в описании соответствующих времени явлений, то «в 90-е, когда открылись границы, инструментарий начал безнадежно устаревать» и анализировать с его помощью некоторые театральные примеры «так же сложно, как вставлять флешку в печатную машинку» [1] .

Коль скоро театральные явления конца XX – начала нашего века не поддаются привычному описанию, значит, мы имеем дело с принципиально новым материалом. Режиссеры начинают формировать новый театральный язык, не зависящий от каких-либо систем, школ и направлений. Зрителя приучают к новой визуальной грамотности, где переворачивается привычное советскому человеку соотношение сюжетно выстроенного и хаотичного действия, видимого и невидимого, реального и символического. Смыслообразующим в спектакле становится сам акт его визуального восприятия.

Процесс взаимоотношений между текстом произведения и зрителем зависит от эстетической установки, в рамках которой работает режиссер. Общность тенденций в работах современных авторов позволяет отнести многих из них к одному ведущему направлению развития в современном театральном процессе и употребить относительно него термин Ханса-Тиса Лемана «постдраматический театр» [2]. Не отходя от немецкой театроведческой традиции XX в. (Ричард Шехнер, Петер Шонди), Леман рассматривает современные театральные явления не только с

точки зрения театроведа, но и с позиции современной философии (когда переживания тела, времени и пространства рассматриваются как эстетический опыт).

Основной характеристикой постдраматического театра можно назвать «перенос драматических отношений из пространства сцены в пространство между сценой и залом» [3: 17]. Современная театральная ситуация создается за счет границ и попыток их размывания: границ между сценой и залом, произведением и зрителем, актером и человеком, между видами искусства, жанрами, началом и концом спектакля, процессом и состоянием. Ключевой гранью, неотъемлемой для любого театра, является переключение между вымышленной и реальной составляющими театрального произведения: «эстетика может быть понята не через определение содержания (красота, правда, чувства, отражение человека), а исключительно – что показывает современный театр – как "проведение границы", постоянное переключение не между формой и содержанием, а между контактом с реальностью и сценической конструкцией» [2: 86].

В рамках этой установки режиссеры акцентируют внимание на самой природе театрального искусства. Театр в отличие от других искусств имеет возможность доносить информацию посредством прямого чувственного контакта зрителя с течением действия на сцене, т.е. дает возможность не просто рассказывать что-либо, а пережить (прожить) это в реальном времени, выводя зрителя на постоянную рефлексию, новый уровень творческой обработки полученной от спектакля информации.

«Постдраматический театр наследует идею Брехта о борьбе с привычкой зрителя к самоотождествлению себя с происходящим на сцене, а значит, с единообразием зрительских реакций на спектакль» [3: 37]. Как отмечает Наталья Исаева, в современном театре, который прошел «искус перформанса и хеппенинга», субъект восприятия «становится самодостаточным в своих креативных прихотях, в спонтанном творчестве» [2: 23]. Из-за обилия материала, обрушивающегося на зрителя со сцены, восприятие произведения оказывается отложенным восприятием. И материал, который зритель зафиксирует в тот или иной момент спектакля и который впоследствии будет формировать у него общую картину всего спектакля, совершенно непредсказуем. Леман пишет, что «зрители получают в театре то, что "заслуживают" благодаря своей активности и желанию коммуницировать» [2: 107].

Значит, важен не только режиссерский текст произведения, но и то, как он преобразуется в восприятии зрителя. Возникает три уровня театрального текста: текст лингвистический (драматическая основа), текст

постановки (собственно режиссерский текст) и текст представления – текст, индивидуально сформировавшийся в результате зрительского восприятия («живой» текст представления). Именно тексту представления – результату диалога текста постановки и зрителя – уделяется особое внимание.

Для того чтобы покончить с единообразием зрительского восприятия, режиссеры намеренно показывают на сцене то, что должно возмущать и поражать зрителя. Если для советского театра был необходим зритель послушный, подхватывающий идею автора, то от постсоветского зрителя требуется критическая переработка материала, содействующая творческой активности в осмыслении окружающей действительности. Иными словами, в театральный процесс встраиваются механизмы провокации активности зрительского восприятия.

Одним из таких режиссеров-провокаторов в современном театре является Юрий Николаевич Бутусов – главный режиссер Санкт-Петербургского государственного академического театра им. Ленсовета, лауреат премий «Золотой софит», «Чайка», «Золотая маска», Международной премии К.С. Станиславского, участник международных театральных фестивалей.

В языковой системе Ю. Бутусова формируются механизмы стимулирования процесса активной коммуникации между постановкой и зрителем. Провокация зрителя на активное восприятие позволяет творчески реагировать и на социальные, политические темы в спектаклях. Человек получает возможность сформировать собственное видение современной социально-политической ситуации.

Постановка «Макбет. Кино» является первой режиссерской работой Ю. Бутусова в качестве художественного руководителя театра им. Ленсовета, и потому она может рассматриваться как творческий манифест режиссера.

Действие происходит на совершенно оголенном, черном пространстве сцены, напоминающем то ли съемочную площадку, то ли просторную залу средневекового замка с холодными и влажными каменными стенами. Однако эта опустошенность пространства – не проявление минимализма выразительных средств. Автор активно использует композиционные и выразительные приемы воздействия на зрителя, характерные для театра постдраматического: открытый финал, неопределенность кульминации, вставные номера, демонстрация символов, визуальные эффекты, использование элементов перформанса, приемов остранения.

В основе композиции спектакля – нелинейность сценического действия. Спектакль Бутусова выстраивается из «хаотично» сцепленных сцен-кадров, не идущих по линии сюжета оригинальной пьесы, но ведущих свое собственное драматическое повествование. Автор по-новому перерабатывает классический текст У. Шекспира (см. схему 1). Ход действия в произведении у Бутусова не всегда хронологически совпадает с ходом действия шекспировского «Макбета».

Усиливают нелинейность драматургии спектакля вставные, несюжетные номера. Так, своеобразной музыкальной и визуальной вставкой является сцена ведьм в третьем действии. По хлопку конферансье вниманию зрителя открывается фотоколлаж, перекрывающий весь портал сцены. Тиканье часов, сопровождающее презентацию коллажа, – это отсылка к временам жестоких войн. И мы видим черно-белые фотографии с изображением плачущих детей, смерти с косой, оружия, сцен насилия и военные плакаты. В центре композиции – портрет Бертольда Брехта. Именно на этом фоне происходит немое музыкальное действие: ведьмы, в стиле мексиканских мариачи, под спокойный аккомпанемент изображают экспрессивную игру на музыкальных инструментах, а позже, крича до хрипоты, поют свои заговоры.

Режиссер принципиально отказывается от последних сцен шекспировской пьесы (см. схему 1), в которых происходит сюжетная развязка (смерть Макбета и коронация Малколма), заменяя ее психологически насыщенным танцем Леди Макбет. Финальная сцена спектакля по кульминационной значимости перекликается с ритуальной «Великой священной пляской» из балета Стравинского, где герой также истощает себя в танце. Однако здесь танец несет больше эмоциональную, чем содержательную нагрузку. Красные пуанты на ногах, физическое напряжение тела, ломаная пластика актрисы, динамичная музыка Майкла Джексона – вместе создают не просто танец на сцене, но целое явление в спектакле, находящееся в контрасте с другими кадрами.

Визуальный ряд постановки часто эстетизируется с помощью ярко выраженной пластики героев, танцев. Их можно назвать танцевальными зонгами, выступающими в качестве авторского комментария, раскрывающего нам внутреннее состояние героев, их рефлексию на происходящее.

Такой прием используется, например, в кульминационной сцене пира. В начале сцены мы видим два параллельных действия – Макбет с гостями и призрак Банко, которого никто не замечает. В момент, когда Макбет сталкивается с призраком (с героем не из этой реальности),

он выходит из «общей игры», и на сцене образуются два плана – на заднем продолжается пир, в то время как на первом плане мы наблюдаем танец Макбета и Банко под саундтрек из китайской мелодрамы «Любовное настроение». Сценический текст пронизан противоречиями и конфликтными столкновениями. Во-первых, это конфликт шекспировского текста или шекспировского образа пира лордов и принципиально нешекспировского решения сценического действия – условного застолья с элементами преувеличения и истерического веселья. Во-вторых, противоречива сама сценическая форма – пир во дворце короля – и ее визуальное воплощение: схематичное оформление сценического пространства (из декораций – лишь столы, накрытые простыней), внешний вид персонажей (все участники пира в крови – на них словно проявлены следы их преступлений), действия героев (имитация использования столовых приборов). Наконец, конфликт двух планов одной сцены спектакля. Макбет существует как бы между двумя мирами – миром живых и миром мертвых. При этом оба мира и оба сценических плана прочно соединены между собой как мизансценически, так и с помощью звукового сопровождения – звон ложек пирующих удивительно попадает в такт мелодраматического танца Макбета и Банко. Этот шекспировский фрагмент воплощен на сцене очень многосложно и многохарактерно.

Столь же противоречив и многосоставен и следующий кадр, который в спектакле идет вслед за только что рассмотренной сценой-кадром: пир закончился, гости разошлись, Макбет погружен в раздумья, изящные девушки под песню «The Beatles» «Because…» убирают посуду, на пустеющие столы льется дождь. Конфликт внутреннего состояния неподвижного героя и неуместно отвлекающей суетой девушек делит сцену на два почти независимых плана. Песня «The Beatles», как ни странно, становится объединяющим элементом: с одной стороны, своим философским содержанием она попадает в унисон с настроением героя, с другой – эстрадной развлекательностью и ритмичностью она поддерживает внешнее действие. Словно из битловской строчки песни «мне хочется плакать», на пустеющие столы капают капли дождя. Все эти разнородные и самостоятельно существующие сценические элементы способны озадачить зрителя.

Усиливают эффект и используемые в постановке элементы перформативности. Таким элементом является, например, появление режиссера на сцене (невероятно экспрессивный массовый танец под музыку Майкла Джексона (действие II)). И актеры порой ведут себя в постановке не как актеры в роли, но как «перформеры», предлагающие свое присут-

ствие на сцене акту созерцания [2: 219]. Их герои абсолютно статично присутствуют на сцене перед монологом или включением в диалог. Одного героя, в частности Макбета, играет несколько актеров (Иван Бровин, Виталий Куликов, Всеволод Цурило). Весь спектакль фиксируется в сознании яркими, запоминающимися «стоп-кадрами» – абсурдным маскарадом придворных в невообразимых костюмах животных, разорванных и окровавленных рубахах, массовыми танцами, трагикомическими убийствами, – выстраивающимися у каждого зрителя в свой текст представления.

Сценография, музыкальное сопровождение, присутствие актера, его речь и пластика – все элементы театрального текста в спектакле деиерархизированы. Они не зависят один от другого, но действуют одновременно. Каждый элемент сценических кадров наполнен символами: дождь, капающий на опустевший праздничный стол и словно «визуализирующий» плач души героя; окровавленные лица и одежда героев, напоминающие зрителю об их грехах; окружающие героя зеркала (действие III), которые способны свести его с ума, явно напоминая Макбету о его сущности; раковина (действие IV), в которой так и хочется смыть с себя прошлое, и, наконец, крест (действие IV), который приходится по очереди нести героям – Макбету и Банко.

Новое зрительское восприятие строится на противоречиях. Если в театре классическом зритель, по обыкновению, «солидарен» с главным героем (грустит герой – и мы должны грустить с ним), то в театре постдраматическом противоречия составляют основу взаимоотношений героев, произведения, режиссера и зрителя. Сложная система конфликтов приводит к новому психологизму в восприятии. Зритель сосредотачивает внимание не на сюжете, а на своих ассоциативно-эмоциональных реакциях на отдельные кадры. Таким образом, отказ режиссера от предоставления целостной для восприятия картины выступает освобождающей возможностью для рекомбинации полученного текста постановки.

От зрителя требуется новое видение как для самостоятельного выстраивания логической линии в спектаклях, так и для поиска ответов на вопросы, с которыми он столкнулся при просмотре произведения. Таким образом, «новое зрение» в постсоветском театре ведет от нового видения пьесы режиссером и поиска новых театральных форм к новому восприятию спектакля зрителем, а от него – к новому восприятию окружающей действительности.

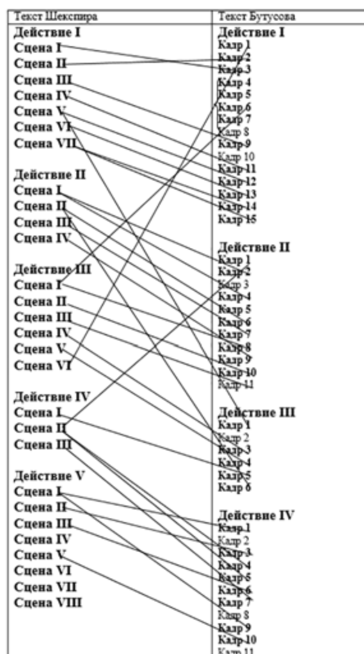

Схема 1. Соотношение сцен трагедии У. Шекспира «Макбет» и спектакля Ю. Бутусова «Макбет. Кино»

Литература

1. Давыдова, М. Как взрослеет искусство // Colta.ru. 13.09.2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.colta.ru/articles/theatre/636 (дата обращения: 01.05. 15).
2. Леман, Х.-С. Постдраматический театр. М.: ABCdesign, 2013. 312 с.
3. Шмелёва В.Р. Постдраматический театр: коммуникативный аспект / выпускная квалификационная работа НИУ ВШЭ, 2013.
4. URL: http://www.hse.ru/edu/vkr/?id=85280273 (дата обращения 01.05.15).
5. Якубова, Н.О. Театр эпохи перемен в Польше, Венгрии и России. 1990-е – 2010-е годы. М.: НЛО, 2014.

КИНЕМАТОГРАФ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ: ТЕХНОЛОГИИ, ЭСТЕТИКА И НОВЫЕ РЕЦЕПТИВНЫЕ ПРАКТИКИ

Мария Коцупалова
(Беларусь/Литва)

КИНЕМАТОГРАФ – ФАБРИКА ОТЧУЖДЕНИЯ: ОПЫТ КИНОАКТЕРА И (КИНО-)ЗРИТЕЛЯ В ДОЦИФРОВОЙ И ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЕ

The paper focuses on alienation in pre-digital and digital cinema and attempts to outline a theoretical "map" of the specificity of viewer's and actor's experience in the theoretical framework critical theory and cinema studies. I refer to Karl Marx's concept of alienation and the development of this concept by different authors and focus on the concepts of alienation and estrangement in relation to cinema in the works of Walter Benjamin and Christian Metz. Another objective of the paper is to put an alienated spectator experience in the context of technological changes in viewing practices; for that I refer to Tom Gunning's notion of the "cinema of attractions" as well as his consideration of early cinema in its relation to the contemporary one.

Об отчуждении и способах наслаждения им. Рассуждения об отчуждении в современном обществе невозможны без обращения к автору данного понятия Карлу Марксу. В основе его антропологической концепции лежит понятие родовой сущности, что есть проявление человека как сознательного существа, деятеля, который созидает предметный мир, перерабатывает неорганическую природу. Но Маркс указывает на то, что в результате капиталистического способа (вос)производства в труде и в разделении труда данная деятельность отчуждается, а подлинной природе человека противостоит абстрактное существование человека как человека труда. В человеке труда, замкнутом в рамках разделения труда в узкую специальность, стирается природная и общественная определенность субъекта. Человек выступает продуктом производства, абстрактным остатком, товаром, который он же сам и продает. В результате труд как основание человеческой сущности становится внешним для него, не принадлежащим ему. Поэтому человек в труде чувствует себя несчастным, и только вне труда – т.е. бездействуя, созерцая – становится самим собой [15].

Капитализм, в особенности сегодня, когда отчуждение, когда-то локализованное в производстве, переселилось во все сферы человеческой

жизни, поощряет и культивирует отчужденность индивида, давая ему ложную надежду на возвращение к родовой сущности, к самому себе. Эти пустые «приманки» для ищущего самого себя индивида можно найти, к примеру, в витринах магазинов, в гигантских торгово-развлекательных центрах, где торговые площадки превращаются в поле для развлечений, где индивиду предлагается насладиться отчуждением. Отчужденный человек, как фланер Вальтера Беньямина [3] или блазированный горожанин Георга Зиммеля [12], глядя на товар, может увидеть счастье, обнаружить себя в сумме собственного отражения в стекле и в образе блестящего новизной товара. Однако этот товар, являясь продуктом абстрактного труда, оказывается только подобием вещи, которая могла бы заполнить пустоту пропасти отчуждения, поскольку капитализм «разрушил и самую вещь в ее существе» [9]. То, чего абстрактный труд лишает вещь, можно обозначить понятием ауры, которое Беньямин использует в отношении к произведению искусства. Аура, концентрирующая отношения людей, их время, усилия и чувства, в капиталистическом мире становится нерентабельной, и креативные индустрии, поставившие культуру на конвейер, вычищают ее из своих продуктов [4].

Еще одним источником развлечения отчуждением с надеждой на его преодоление можно назвать массовый кинематограф. Его продукты, по мнению немецкого социолога Зигфрида Кракауэра, являются отображением современной «жизни, лишенной субстанции и пустой, как жестянка; жизни, которая вместо внутренних связей знает лишь отдельные события, что складывает беспрестанно меняющуюся картинку на манер калейдоскопа» [18]. Фрагментированная реальность выражается в виде набора кадров, записанных в сценарий фрагментов жизни, которые умело смонтированы в фильме. Возможно, зритель ищет в нем не только субъекта для идентификации, но и идеал сосуществования с фрагментацией, лекарство от энтропии. Мир на экране прост, схематичен, обозрим и замкнут, его легче понять, чем собственную неохватную повседневность.

Киноиндустрия как часть идеологических аппаратов государства, которые внедряют идеологию в частную жизнь субъектов, обеспечивая ее постоянное усвоение и воспроизводство [1], навязывает нам то, что отчужденное существование в мире, распадающемся на хаотическое многообразие явлений, – это абсолютно нормально, что альтернатив фрагментации нет и что с ней можно прекрасно управляться, склеивая мелкие элементы. В условиях современного мира цифровых технологий фрагментация становится одной из наиболее развитых черт доцифро-

вого кино. В век YouTube расщепленная постсовременная личность или «расколотый» индивид будто получает «визуальное поощрение» этих свойств личности в онлайн-среде, мозаичность которой позволяет идентичностям быть множественными и иногда даже противоречащими друг другу. Но если данное «научение» индивидов кинематографом я называю культивирующим отчуждение фактором, то можно выделить и другой, производящий фактор, о котором далее пойдет речь в контексте опыта киноактера и кинозрителя.

Кинематограф как фабрика отчуждения: абстрактный труд актера. Вальтер Беньямин в работе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» говорит об актерах кино, противопоставляя их актерам театра [4]. Актер кажется нам единственным действующим персонажем перед субъектом пассивного созерцания. Он тот, кто вроде бы берет на себя роль активного творца действий, но это лишь иллюзия аппаратуры технического воспроизводства. Актер театра контактирует со зрителем в реальном времени, встречает восхищенные или равнодушные взгляды зрителей, самостоятельно управляет своим голосом, используя акустику зала, он играет здесь и сейчас, буквально видит конечный продукт и видит тех, для кого он играет. Андре Базен пишет: «Театр воздействует на нас, вызывая игровое соучастие в действии, осуществляемое поверх рампы и как бы под ее контролем. Наоборот, в кино мы находимся в одиночестве, спрятанные в темном помещении, и наблюдаем сквозь полуоткрытые жалюзи за зрелищем, которое нас игнорирует» [2:172].

Актер кино, лишенный ауры театральной сцены, отчужденный, оторванный от зрителя, становится объектом созерцания, молчаливо исполняющим инструкции аппаратуры. Его действия фрагментированы кадрами, монтируемыми другими людьми с помощью техники, его речь накладывается отдельно или вообще полностью удаляется, и он уже лишается своего голоса, своей идентичности, способности говорить от себя и за себя. Лишенный ауры актер – это вневременное и внепространственное изображение, дистанцированное от самого «актора», словно труд, который продает в рамках капитализма рабочий. Это отчуждение в квадрате. Смерть актера перед лицом рождения воспроизводимого процесса киномонтажа, игра, речь, мимика, жесты – все это больше не принадлежит актеру. Актер кино отдаляется от конкретного зрителя, а его труд становится абстрактным.

Аппарат кино – это двойная дистанция: между публикой и актером с одной стороны и между актером и его изображением в кино – с другой. Это временная и пространственная граница отчуждения, бесчув-

ственный посредник между актером и зрителем (хотя иллюзия сопричастности непрерывно усложняется новыми и новыми техническими средствами кино: звуковые, 3D-эффекты и т.д.). Олег Аронсон (отчасти по следам Беньямина) приходит к заключению, что «кинематограф формирует собственного субъекта восприятия, и этим субъектом выступает уже не "я" (психологизированный субъект), а масса» [11: 15]. Далее я рассмотрю некоторые особенности зрительского восприятия кинопродуктов в их связи с феноменом отчуждения.

Опыт «зрителя» в повседневности. В данной части статьи речь пойдет об опыте «зрителя» в повседневности, вне кино. Восприятие окружающей действительности при помощи зрения – сложный и многоступенчатый процесс. Сложность заключается не только в анатомии глаза, но и в многослойности обработки сигналов, посылаемых глазом мозгу. В повседневной жизни (за пределами взаимодействия с экраном) человеческое восприятие визуального является комплексным и не до конца изученным механизмом. А экран или проекция добавляют исследователям забот: процессы рецепции и идентификации усложняются в опыте восприятия кино. Рассматривая некоторые из аспектов специфического опыта кинозрителя, я попыталась учесть работу глаза и как инструмента восприятия и провести аналогии.

Я называю человека «зрителем» повседневности, ссылаясь на рассуждения Мирана Божовича [7] об эксперименте Декарта. Суть эксперимента заключается в сравнении глаза с камерой обскурой и в иллюстрации того, как сетчатка глаза человека (или животного, имеющего схожее строение органа) передает довольно точные образы происходящего вокруг нас. Глаз надрезался, но так, чтобы он не потерял жидкость. Надрезанная и накрытая белой пропускающей свет материей часть глаза оказывалась снаружи темной комнаты, на свету, призванная воспринять картину окружающего мира; другая часть – внутри комнаты, призванная отобразить «увиденное».

Вопросы здесь вызывает именно способ проверки результатов эксперимента: мы должны выйти из комнаты и посмотреть самостоятельно на то, что только что созерцали через чужой глаз, то есть воспринять точно такие же образы на точно такой же сетчатке (только уже своей). По версии Декарта выходит, что есть маленький человек в темной комнате, который на дне глаза видит происходящее снаружи, как на экране. У нас есть только этот экран, но не сами предметы. Эти процессы напомнили мне о законе интерпретации в полевом исследовании [10]: интерпретация исследователя (проводящего эксперимент с глазом) всегда вторична

(мы отпечатываем на своей сетчатке образы с чужой сетчатки), а первичную интерпретацию может предоставить только сам информант (сам глаз), однако она также будет являться интерпретацией, а не точным отражением происходящего. Исходя из сказанного, можно говорить о том, что, даже не находясь в кинозале либо перед телевизором или монитором компьютера, мы все равно имеем дело со своего рода экраном, будучи маленьким человечком внутри собственной черепной коробки и глядя на изображения с сетчатки глаза как на экран. То есть глаз – это всего лишь инструмент, который и получает данные, и воспроизводит их; он и есть камера обскура или, как выразился Стэн Брекхедж, «мой глаз – аппарат для сканирования небес» [8].

Опыт кинозрителя: специфика. Теперь, обращаясь непосредственно к вопросу о зрительстве в контексте кинематографа, в первую очередь стоит рассмотреть вопрос идентификации с персонажами кино. Кинематограф навязывает нам образцы поведения, изначально нам чуждые, учит нас походке, интонациям и манере поцелуя, а мы, являясь пассивными наблюдателями, поглощаем этот опыт и воспроизводим его в повседневной жизни. Здесь мы снова можем видеть иллюзию приближения к утерянному в отчуждении собственному Я. Более того, киновзгляду характерна двойная идентификация: по версии Жана-Луи Бодри, будучи зрителями кино, мы неизбежно смотрим фильм не только со своей позиции в зале или на диване, но и с точки зрения камеры, и сразу три субъекта видения – зритель, камера и персонаж – сливаются воедино [5]. Выходит, что, с одной стороны, зритель является пассивным (и в буквальном смысле обездвиженным) субъектом видения, наблюдающим за происходящим на киноэкране, но, с другой, – активным искателем самого себя, глядя в экран, как в блестящую витрину.

Здесь также следует обратить внимание на феномен двойного отдаления, как его называет Метц. Вслед за рассуждениями Беньямина уместно вспомнить сравнение Метца кино с театром. Метц описывает то же отчуждение, только с точки зрения кинозала: изображение было сделано задолго до того, как зритель пришел в зал, и уж точно не в пространстве этого зала – где-то «далеко и давно», а экран отдален от него физически [16]. В этом и заключается двойственность отдаления нас от наблюдаемой кинематографической реальности. Если же брать во внимание ранее сформулированный тезис о том, что сетчатка глаза является своеобразным экраном, можно добавить еще и третий этап отдаления, ведь даже в театре мы взаимодействуем только с сетчаточными образами актеров, но не с ними самими. Мы контактируем с продуктом рынка, несущим в

себе легитимацию фрагментации, отчуждения и вытеснения смысла из жизни, в то же время ища там «зацепки» для поиска утраченного.

Хотелось бы акцентировать внимание на пассивности зрителя в ситуации с кино, что отлично выражено Сюзан Зонтаг метафорой «похищения» зрителя кинореальностью, когда индивид, бегущий от приносящего несчастье отчуждающего труда, приходит в кинозал, чтобы быть затянутым в мир экрана [13]. Более того, когда зритель и актер «разминулись» в процессах игры и ее просмотра, кинокартинка не обладает явным артикулированным согласием на вуайеризм: «существует нечто, на что надо смотреть, что мы называем фильмом, но в определение этого нечто входит много "ускользающего": речь идет не о том, что скрывается, а скорее о тех вещах, которые позволяют себя видеть, не представляя себя в качестве видимого, которые исчезли из зала прежде, чем оставили там лишь видимый след своего присутствия» [16].

В итоге четырехслойное отчуждение в форме массового кинематографа преподносится зрителю в качестве лекарства от отчуждения их собственных жизней, развлекательной мозаикой ярких, блестящих, словно витрины, моментов. Здесь самое время вспомнить слова Маршалла Маклюэна об отношении между медиумом и сообщением. Действие этого тезиса хорошо выразил Бодрийяр: «"Послание" телевидения составляют не образы, которые оно передает, а новые способы отношений и восприятия, навязанные им, изменение традиционных систем семьи и группы» [6: 160].

В качестве примеров продуктов кинематографа, которые сфокусированы на специфике опыта кинозрителя и стараются подсветить дистанцию между разными участниками этого коммуникативного акта, можно привести фильм «Плезантвиль» режиссера Гэри Росса (1998), который повествует о буквальном похищении главного героя и его сестры в реальность телесериала, а также фильм Вуди Аллена «Пурпурная роза Каира» (1985), главный герой которого сходит с киноэкрана в кинозал. Эти попытки упразднить отчуждение по обе стороны кинокамеры являются лишь очередным напоминанием о невозможности преодоления этой пропасти. Кроме того, они обращают внимание зрителя и на описанные в данной работе феномены, что может вывести его из иллюзии возможности обретения себя.

Кино-отчуждение 2.0 или возрождение «кино аттракционов». Для применения описанных выше теорий к современной ситуации в кинематографе следует обратиться к понятию «кино аттракционов», поскольку оно затрагивает важный для киноопыта вопрос. Как у Эйзенштейна, так

и у Ганнинга – двоих «изобретателей» данного концепта – основным ядром кино аттракционов является воздействие на зрителя. Идет ли речь о монтаже или о 3D-эффектах как о том, что вызывает у зрителя определенные реакции и эмоции, – это все можно обозначить как кино аттракционов [17]. То есть речь здесь можно вести и о первых опытах кинопроизводства, начинающихся с Эдисона и Мельеса, и о современном состоянии меняющихся под влиянием новых цифровых технологий продуктов кино.

Поскольку кино приспосабливается к новым условиям существования (здесь по большей части я имею в виду сеть интернет с ее возможностями и влияниями на другие средства коммуникации), необходимо изменять форму. И если раннее кино аттракционов с его маленькими коробочками с движущимися картинками проиграло битву массовому кинематографу (Наталья Самутина объясняет это приоритетностью не развлекательной, но коммуникативной функции медиума кино в тех конкретных исторических условиях [17]), то сегодня аттракционы множатся и мутируют, аудиовизуальные формы становятся менее повествовательными и опираются на прямое воздействие, а также стремятся к уменьшению метража. Они не заменяют старые формы, но множатся вместе с ними и распространяются по бесконечной Сети с помощью множества экранов.

Выходит, что тот экран, который служил ранее в работе условной разделительной полосой между зрительским и актерским отчуждением, теперь еще и раскалывается, расщепляется сам и расщепляет субъекта. В таких условиях бегство от энтропии и от потерянности в непознаваемом непредсказуемом мире в кинематографичную понятную замкнутую историю доцифрового кино усложняется и заменяется на мелкие дозы впечатлений, реакций, эмоций, на более фрагментированные ненарративные продукты кино.

Я бы хотела закончить статью постановкой ряда вопросов, касающихся будущего рассматриваемых явлений. Сегодняшние практики визуального потребления, на которые оказывают интенсивное трансформирующее воздействие мультимодальные виртуальные пространства, усыпанные визуальными, аудиовизуальными, креолизованными текстами, стремятся к развлекательным формам, намеченным у самых истоков кино. Восприятие больших по длительности кинопродуктов становится все более проблематичным для нетерпеливого отчужденного расщепленного зрителя. Означает ли это, что история визуальной коммуникации и визуального потребления будет развиваться в направ-

лении малых кинематографических форм? Появятся ли новые уровни отчуждения? Выживут ли кинотеатры и какие технологии могут их заменить? Вопросы могут рождаться бесконечно долго, главное же для исследователя – в первую очередь помнить о необходимости в условиях высочайшего темпа развития технологий производства и потребления визуального успевать охватывать максимально широкую площадь возможного исследовательского поля.

Литература

1. Альтюссер, Л. Идеология и идеологические аппараты государства // Неприкосновенный запас. 2011. № 3.
2. Базен, А. Что такое кино? М.: Искусство, 1972.
3. Беньямин, В. Париж – столица 19 века. Избранные эссе. М.: Медиум, 1996.
4. Беньямин, В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. М.: Медиум, 1996.
5. Бодри, Ж.-Л. Идеологические эффекты базового кинематографического аппарата. New York: Columbia University Press, 1986. C. 286–299
6. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. М.: Культурная революция, 2006.
7. Божович, М. Человек позади своей же сетчатки // То, что вы всегда хотели знать о Лакане (но боялись спросить у Хичкока). М.: Логос, 2004. С. 141–157.
8. Брэкедж, С. Метафоры видения. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://otkakva.net/archiv/28/index.htm
9. Гадамер, Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991.
10. Гирц, К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры. (Geertz, C. The Interpretations of Cultures. N.Y., 1973. P. 3–30.)
11. Делез, Ж. Кино. М.: Ad Marginem, 2004. 624 с.
12. Зиммель, Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. № 3(34). 2002.
13. Зонтаг, С. Упадок кино. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://iskysstvo-kino.narod.ru/Ypadok_kino.html
14. Маклюэн, Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2003.
15. Маркс, К. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 78.
16. Метц, К. Воображаемое означающее. Психоанализ и кино. СПб., 2010. Скопический режим кино. С. 93–99.
17. Самутина, Н. FAQ: Кино аттракционов. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://postnauka.ru/faq/27805
18. Хансен, М. Децентрированные ракурсы: кино и массовая культура в ранних работах Кракауэра // НЛО. 2008. № 92. [Электронный ресурс.] Режим доступа: magazines.russ.ru/nlo/2008/92/ha5.html
19. Ямпольский, М. Немиметическое зрение. О близком (очерки немиметического зрения). [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://galactic.org.ua/Prostranstv1/zrenie9.htm

Надежда Крылова, Ксения Череповская
(Россия)

СВОБОДНЫЙ ВЫБОР: ЖЕНЩИНА О ЖЕНЩИНЕ

The article analyzes several films that have been made by female directors and come from different historical contexts. All the films are united by the fact that their protagonists are strong female personalities who are active subjects in the world of patriarchal values. Interacting differently with the outside world, they all defend their individuality and create alternative worlds for themselves in search of their identities. Each film reveals a certain topic of the feminist discourse: sexuality, power, violence, motherhood (reproduction), and pleasure. The article aims at focusing on the question of the search of identity in the world of gender inequality and within or against norms of patriarchy. The article questions the point of view from which cinema is considered as an arena in which leading and active roles are played by men and where women exist only as observed objects.

Portatur leviter, quod portat quisque libenter[1].

Целью данной работы является вопрос поиска женщинами своей идентичности в мире гендерного неравенства, определенного нормами патриархата. Наблюдая историю создания и развития кинематографа, можно сделать вывод, что кино – это область искусства, в которой ведущую и активную роль играют мужчины, а женщине отводится лишь роль наблюдаемого объекта.

Сексуальность. В первой части статьи речь пойдет о фильме «Девушки в униформе» (Mädchen in Uniform) режиссеров Леонтины Саган и Карла Фрёлиха, снятом в Германии в 1931 г. Главная героиня – 14-летняя Мануэла фон Майнхардис поступает в закрытую школу-интернат для девушек. Несмотря на строгие порядки, которые царят здесь, юная Мануэла, как и все ее сверстницы, мечтает о любви. Всю свою нежность она обращает к любимой учительнице, прежней воспитаннице интерната, фройляйн фон Бернбург, которая не разделяет взглядов строгого директора на методы воспитания девушек, и отвечает взаимностью Мануэле. Фильм создан в 30-е гг. XX в., незадолго до того времени, когда национал-социалистское правительство «посадило» женщин дома и выдвинуло де-

[1] Легко нести то, что несешь добровольно (лат.).

виз, который можно увидеть в одном из кадров фильма: «Kinder, Küche, Kirche» (нем.: «дети, кухня, церковь»). Это выражение описывает основные представления о социальной роли женщины в немецкой консервативной системе ценностей. В ремейке 1958 г. директор интерната произносит фразу: «Мы живем в этом мире не для того, чтобы быть счастливыми, а чтобы исполнять свой долг»[2]. «Девушки в униформе» явился новаторским фильмом и одним из первых, в котором показаны открыто еще не отношения, но уже чувства между женщинами. И здесь важна не столько тема гомосексуальности, сколько становления сексуальности у юных девушек. В фильме нет мужских героев, но роль главного проповедника патриархальных принципов исполняет директор интерната. Директор интерната меньше всего заботится о чувственности своих воспитанниц. Она выполняет роль сурового Отца и, стремясь подавить первые проявления сексуальности юных девушек, занимает оппозиционное положение.

Представители меньшинств любого общества имеют схожие качества: они не принимают себя такими, какие они есть, ненавидят себя и других членов данного общества. Женщины, находясь в положении контроля со стороны мужчин уже достаточно длительное время, представляют собой общество с теми же стандартами, что и другие меньшинства. Им также присущи двойные стандарты, применяемые ко многим сферам жизни. Директор интерната не только отрицает, но и порицает такие понятия, как дружба и любовь. Воспитанницы находятся в периоде раскрытия чувственности и сексуальности, но «патриархат основан на подчинении сексуальности женщин» [8]. В девушках воспитывают «женственность», т.е. «женскую любовь к послушанию и страстное стремление к мужскому доминированию» [8]. Воспитываемые по таким принципам девушки влюбляются в красивую, умную и сильную духом женщину – их учительницу, не видя других объектов для воплощения своих эмоций и желаний. Две главные героини – учительница фройляйн фон Бернбург и воспитанница Мануэла фон Майнхардис, несмотря на строгий режим интерната, идут против правил и отвечают друг другу той взаимностью, которая возможна в этих непростых условиях. Они не боятся обстоятельств и порицания со стороны окружающих.

Леонтина Саган создает реальность, в которой, несмотря на отсутствие мужчин, девушки воспитываются в русле патриархальных ценностей и выражают свою сексуальность вопреки условиям и запретам.

[2] «Девушки в униформе» (Mädchen in Uniform), режиссёр Геза фон Радваньи, 1958 г., Германия (ФРГ), Франция.

Неудивительно, что после выхода фильма он был запрещен в Германии национал-социалистами, которые посчитали его декадентским. Цензурный запрет был снят только в 1970-х гг.

Насилие. Фильм «Сестра, моя сестра» (Sister My Sister) снят Ненси Меклер в Великобритании в 1994 г. по реальным событиям, происходившим в провинциальной Франции в начале прошлого века. Две сестры поступают на службу в буржуазный дом, где живет вдова с дочерью. Четыре женщины изолированы, зажаты обстоятельствами, социальными и психологическими рамками, самим домом. В фильме прослеживается тема двойственности: два этажа, две пары, два социальных уровня.

Обе пары существуют в практически вакуумном мире. Сестры живут на втором этаже, куда не поднимаются хозяйка и ее дочь. Со временем отношения между сестрами переходят в откровенную близость, и ревность старшей сестры к матери, к дочери хозяйки (дочь просит младшую сестру расчесать ее волосы) становятся параноидальной. Хозяйка угнетает не только сестер, но и свою дочь, которая не имеет ни воли, ни прав в этом доме. Кульминацией фильма становится убийство, совершенное, по мнению Жака Лакана, «не в силу классовой ненависти, а из-за паранойяльной структуры отношений сестер с хозяйками, из-за той идеализации, в плену которой оказались служанки» [7]. Старшая сестра не просто убивает хозяйку, она выкалывает ей глаза.

По мнению Фуко, «одной из первоначальных форм классового сознания является утверждение тела» [3: 154]. Класс буржуазии имел право на здоровую сексуальность, а забота о теле и сексе эксплуатируемого класса не представлялась необходимой. Но контроль был нужен, поэтому были установлены технологии регулирования. «Целый административный и технический аппарат позволил безопасно ввести диспозитив сексуальности внутрь эксплуатируемого класса». Поэтому пролетариат принимал этот диспозитив сдержанно и считал, что «вся эта сексуальность – дело буржуазии и его это не касается» [3: 154]. Хозяйка не подозревала об интимной жизни сестер, но даже возвращение девушек с редких прогулок в белых перчатках и с улыбками на лицах вызывало у нее внутреннее возмущение.

В фильме раскрывается специфичная форма насилия: насилия женщины над женщиной. В мире, где правит патриархат, женщины, казалось бы, должны держаться вместе, но реальная жизнь демонстрирует порой другие ситуации. Точно так же как в современном обществе употребление термина «феминизм» часто вызывает отрицательную и зачастую агрессивную реакцию не только у мужчин, но и у женщин.

Власть. В данном контексте речь пойдет о первом полнометражном фильме художницы и режиссера иранского происхождения Ширин Нешат «Женщины без мужчин» (Zanan-e bedun-e mardan, Германия, Австрия, Франция, 2009). Работы Нешат до сих пор запрещены на родине. «Женщины без мужчин» – экранизация романа Шахрнуш Парсипур, написанного в 1990 г. в манере магического реализма. Это кинематографический взгляд на проблемы противоречий культуры и власти, рассмотренные сквозь призму темы гендерного неравенства.

Режиссер обращается к истории Ирана – военному путчу лета 1953 г. На фоне этих политических потрясений четыре женщины – богатая жена высокопоставленного военного, проститутка, активистка и девушка, мечтающая выйти замуж, пытаются найти свою идентичность и изменить судьбу. Картина посвящена демократическому движению, которое ассоциируется прежде всего с индивидуальной ответственностью и социальной сложностью.

Женщины в фильме играют основную роль, их внутренний экзистенциальный опыт драматичен. В мусульманском мире место женщине отведено на периферии общественной публичной жизни, но в фильме приоритеты меняются, и женщины становятся активными действующими персонажами, способными изменить свой внутренний мир и участвовать во внешних политических событиях.

Мистическая эстетика Востока насквозь пронизывает фильм, который представляет собой сюрреалистическую фантазию, обращающуюся к коллективному миру бессознательного, где не властны фаллологоцентристские законы. Каждая из женщин сталкивается с патриархальным миром, который воплощают мужчины: муж-военный, уличные насильники, брат-мучитель или посетитель публичного дома, предстающий монстром без лица. Женщины бегут подальше из враждебного города в безмятежный сад-рай, который впоследствии будет разрушен вооруженными мужчинами.

Фильм проводит границу между мужским и женским мирами, раскрывая их асимметричность и отчужденность: они способны пересечься только после смерти. Одна из героинь, покончив жизнь самоубийством, поднимается из могилы и примыкает к революционному движению коммунистов – к людям с благородными освободительными целями, ибо только для них она становится видимой.

Фильм наилучшим образом раскрывает две линии власти: власть биополитическую и власть гендерную. Биополитическая власть представлена внешним воздействием и контролем над государственным

управлением Ирана, американское и английское правительства вмешиваются во внутреннюю политику с целью установить выгодный для себя режим. Это призыв к свержению власти, управление большими массами людей, изменение жизни путем внешних вторжений и политических махинаций. «Биополитические механизмы вырабатывают, конечно, прежде всего предвидения, осуществляют статистические подсчеты, глобальные измерения; перед ними стоит задача модификации не какого-то отдельного явления, не индивида, взятого в его единичности, а модификации, которая осуществляется, по сути, на уровне детерминации общих феноменов, обретающих свой смысл в глобальном измерении» [2: 260], – в этом видит суть биовласти Мишель Фуко.

Проблема гендерного неравенства также непосредственно связана с политикой и государственными законами. В исламе женщины не имеют права участвовать в общественной жизни (или это участие строго ограничено определенными областями, например благотворительностью). Их роль – быть хранительницами домашнего очага. Такая ситуация всячески поддерживается властями, состоящими в подавляющем большинстве из представителей мужского пола. Роберт Коннелл в своем тексте о гендерной структуре выявил две различающиеся структуры отношений между мужчинами и женщинами. Одна структура связана с разделением труда: работой по дому и заботой о детях, с «созданием "мужских" и "женских" рабочих мест, дискриминацией при профессиональной подготовке и продвижении по службе, неравными зарплатами и неравным обменом». А другая структура связана «с властью, контролем и принуждением: с иерархиями в сферах государства и бизнеса, институциональным насилием и актами насилия в межличностных отношениях, регулированием сексуальности и надзором за ней, властью в семье и ее оспариванием» [5]. Основным принципом первой структуры является отделение или разделение, а второй – неравноправная интеграция.

Ширин Нешат показывает реальный мусульманский мир, в котором женщина максимально объективизируется мужчинами. Выхода Нешат не находит и покидает Иран.

Наслаждение. Рассмотрим фильм «Священный дым» (Holy Smoke) режиссера Джейн Кэмпион (Новая Зеландия, Австралия, Великобритания, 1999). Действие фильма начинается в Индии. Во время туристической поездки в Индию молодая австралийка Рут Бэррон попадает под влияние местного гуру и становится последовательницей его учения. Она выглядит счастливой, потому что нашла смысл жизни и настоящую

любовь. Узнав, что их дочь Рут сожгла свой обратный билет и собирается посвятить свою жизнь служению в религиозной общине, родители решают придумать историю, что у отца Рут случился сердечный удар и он находится при смерти. Мать Рут – Мириам отправляется за ней в Индию в надежде уговорить дочь вернуться домой, но безуспешно. В Индии у Мириам случается серьезный приступ астмы и только после этого Рут соглашается сопроводить ее домой в Австралию. Тем временем родители Рут нанимают американского эксперта, который должен помочь вернуть дочь в лоно патриархальной семьи и восстановить равновесие. По специальной авторской методике Уотерс, уверенный в своем успехе, изолирует Рут, лишает ее книг, атрибутов, сари и таким образом пытается медленно разрушить ее веру. Но вскоре он понимает, что проигрывает сражение, что его стройная система бессильна.

Американская исследовательница Хилари Нерони рассматривает тему женского наслаждения в фильме Кэмпион. Таких моментов в фильме несколько, например сцена «просветления» героини, безумного танца или захватывающей нежности с девушкой в ночном клубе. Женщины могут удерживать наслаждение, что «заставляет других персонажей переоценить свои традиционные гендерные роли, а также обнажает фантазматическую подкладку идеологии» [10]. Субъект, как правило, выстраивает свое поведение, ориентируясь на желания Другого. Персонажи, испытывающие наслаждение, полностью безразличны к желанию Другого, что беспокоит того, кто не включен в желание Другого. Так семья Рут, почувствовав, что теряет ее, забеспокоилась о сохранении патриархальных рамок своего существования.

Фильм Кэмпион не только описывает сам момент наслаждения, но и прослеживает его последствия как для женщины, так и для ее окружающих. Сцену наслаждения режиссер помещает в самом начале фильма, тем самым ломая привычный ход повествования, когда желание держит зрителя в напряжении, а в конце наступает развязка-катарсис. Женское наслаждение является в таком нарративе чуждым элементом, потому что то, чем она наслаждается, оказывается пустым местом в социальном пространстве, что и разрушает структуру изнутри. Наслаждение находится вне символических координат. Как отмечает Жак Лакан в «Семинаре X», «наслаждение женщины в ней самой. С другим оно никоим образом не сопрягается» [1: 377]. Джейн Кэмпион рассматривает наслаждение женщины как чистое удовольствие, которое, с одной стороны, приходит извне, но, с другой стороны, женщине для получения наслаждения объект не нужен.

Материнство. Рассмотрим автобиографический фильм Евы Ионеско об альтернативном материнстве «Моя маленькая принцесса» (My Little Princess, Франция, 2011). Как отмечает в своей лекции Надежда Нартова, «способность женского тела к зачатию, вынашиванию, рождению и вскармливанию ребенка институционализирована в культуре как материнство и регламентируется через множество дискурсов: биологических, социальных, моральных и т.д.»[3]. Такое понятие материнства глубоко укоренено в обществе, оно считается нормой.

В фильме показано непривычное для общества материнство. Главная героиня – фотограф, она создает фотографии в эротико-декадентском стиле. Когда ее дочери исполняется десять лет, героиня начинает делать эротические фотопроекты с ее участием. Социальные службы, действующие от лица власти, пытаются навязать ей классическое материнство и вернуть в рамки традиционных устоев.

Во время просмотра создается двойное, абсолютно полярное ощущение: с одной стороны, мир, создаваемый главной героиней, очень привлекателен, с другой, все понимают, что речь идет о ребенке, и такое обращение с ним нарушает моральные нормы. Фильм основан на личной биографии режиссера. Ирина Ионеско, богемная фотохудожница, сделала из своей дочери модель, когда та была маленькой девочкой. Гламурно-эротические, откровенные, провокационные снимки своего ребенка Ирина считала произведениями искусства. Когда Еве было одиннадцать лет, она появилась полностью обнаженной на страницах «Плейбоя» (чуть позже и «Пентхауса») и сыграла в эротическом фильме «Распутное детство» («Maladolescenza», режиссер Пьер Джузеппе Мурджиа, Италия, 1977), который получил скандальную известность из-за демонстрации имитации полового акта несовершеннолетними актерами.

Фильм затрагивает тему альтернативного материнства, которое признается обществом как маргинальное. В современном мире никто не может запретить женщине выбирать, какую роль она хочет играть: матери, хранительницы домашнего очага или успешной преуспевающей леди, выбравшей путь карьеры. Но государство различными средствами пытается ограничить этот выбор. Слова Симоны де Бовуар «женщиной не рождаются, женщиной становятся» стали символом поиска женщиной своей идентичности и осознанного выбора ею своего жизненного пути. Никто не вправе диктовать ей условия.

---

[3] Лекция Н.А. Нартовой, прочитанная 20 ноября 2014 г. на факультете свободных искусств и наук СПбГУ.

Каждый из пяти фильмов встраивается в рамки феминистского дискурса и показывает женщин, которые не соглашаются на позицию, предложенную им миром, где правит патриархат. Женщины-режиссеры показывают женщин-субъектов, перенося эти ценности с кинематографического полотна в реальную жизнь с целью создания пространства, в котором женщина не является объектом.

Литература

1. Лакан, Ж. Тревога (Семинар, Книга X (1962/1963). М.: Гнозис; Логос, 2010. 377 с.
2. Фуко, М. Нужно защищать общество. Курс лекций, прочитанных в Коллежде Франс в 1975–1976 учебном году. СПб.: Наука, 2005. 312 с.
3. Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с франц. М.: Касталь, 1996. 448 с.
4. Интервью с Ширин Нешат // Журнал Interview, 1 апреля 2014. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.interviewrussia.ru/art/shirin-neshat-hochesh-pouchitsya-pomotaysya-po-miru-i-postraday
5. Коннелл, Р.У. Структура гендерных отношений // Неприкосновенный запас. № 3(83). 2012. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nz/2012/3/k3-pr.html
6. Лекция Н.А. Нартовой, прочитанная 20 ноября 2014 г. на факультете свободных искусств и наук СПбГУ.
7. Мазин, В.А. Введение в Лакана. Работа с «Минотавром». [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://sova.pp.ru/index.php?id=384
8. Миллетт, К. Политика пола, 1970 // Неприкосновенный запас. № 4(60). 2008. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://womenation.org/millet-sexual-politics-2-2/
9. Миллетт, К. Теория сексуальной политики, 1970. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://feministki.livejournal.com/117997.html
10. Нерони, Х. Наслаждение по Джейн Кэмпион: «Священный дым» и феминистская теория кино / пер. К. Капельчук. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://ojs.philosophy.spbu.ru/index.php/vitacogitans/article/viewFile/423/401
11. Ревью фильма «Девушки в униформе». [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://kinopark.by/film7422.html#
12. Ревью фильма «Женщины без мужчин», 26 февраля 2010. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://kinote.info/articles/1631-zhenshchiny-bez-muzhchin-v-prokate-s-11-marta
13. Ревью фильма «Распутное детство». [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.dtm.at/reviews/review-maladolescenza.htm, http://www.elitisti.net/arvostelu/2004/11/000562/maladolescenza_1977_pier_giuseppe_murgia.html

Даниил Перчак
(Украина/Литва)

ЦИФРОВОЙ ЗЕРКАЛЬНЫЙ ФОТОАППАРАТ: КИНОПРОИЗВОДСТВО БЕЗ КИНОКАМЕРЫ

This article considers how a photo camera was implemented into filmmaking practice and what place it occupies in it. The main argument is that the digital single-lens reflex (DSLR) camera is not just a new device for making films but it changes significantly the filmmaking process and, accordingly, film culture. Within this framework, the article focuses in particular on selected areas of the filmmaking process where the appearance of DSLR camera has brought the most significant changes and, at the same time, outlines the relationship between a film shot entirely using a DSLR-camera and film festivals. In addition, a set of ambitious film projects is analysed to specify how the photo camera is used in professional cinema.

Развитие кинопроизводства, периодически переживающее революции, происходит параллельно с изобретениями новых технологий, являющимися в большей степени результатом научных достижений и не имеющими тесной связи с культурными потребностями. К любой новой технологии в кинематографе относились с осторожностью, никто не торопился делать цветное или звуковое кино, а как только появлялась такая возможность, все начиналось с авантюрных решений отдельных кинематографистов, которых киностудии спонсировали без особых ожиданий. Такими революциями можно считать появление звука и цвета в кино, а затем использование компьютерной графики, цифровых кинокамер и, наконец, замену кинокамеры фотоаппаратом. Это не значит, что новое изобретение отметало все предыдущие наработки, скорее оно задавало кинематографу новый вектор для интенсивного развития.

Развитие DSLR-технологий и их популяризация (что не в последнюю очередь является результатом маркетинговых усилий компаний по производству фотокамер) привели к очередным революционным изменениям в кинопроизводстве. Все началось с экспериментального, не вызывавшего особых надежд, добавления функции съемки видео в фотоаппараты «Nikon D90» в 2008 г. Однако эта функция оказалась востребованной, поскольку предложила бюджетную альтернативу, вполне удовлетворяющую потребителя. Свидетельство тому – наличие функ-

ции видео практически в каждом современном фотоаппарате. Нужно понимать, что нельзя сравнивать фотоаппараты и кинокамеры в плане качества, так как разные технологии и разная оптика предполагают решение различных задач.

Следующей ступенью расширения сферы влияния фотокамер стало их применение в журналистике: знаменитую модель «Canon 5d» придумали специально для корреспондентов агентств «Reuters» и «Associated Press», как сообщается в документальном фильме «Бок о бок» («Side by Side», реж. Кристофер Кеннелли, 2012 г.) об истории цифровых технологий в кино. Кроме того, благодаря этой камере в интернете стало появляться большое количество популярных видеоотчетов путешествующих журналистов и блогеров (например, журналистов «National Geographic»). Новая технология, помимо расширения технических возможностей для журналистов, также повлияла на саму профессию: оператор и репортер в некоторых случаях слились в одну фигуру.

И наконец, фотоаппараты появились в профессиональном кино. Очевидно, что существовали и любительские попытки снять кино на фотоаппарат, однако мое внимание будет сосредоточено непосредственно на профессиональном кино. Начиная свое эпическое восхождение документальными короткометражными фильмами, затем продолжив фестивальными проектами арт-хаус и би-муви, сегодня фотоаппараты активно используются на съемочных площадках коммерческих полнометражных фильмов [2]. Это подтверждается прежде всего фактом использования фотокамер известными режиссерами в масштабных проектах. С их помощью сняты популярные, «брендовые» работы, как, например, сериал «Доктор Хаус», часть последнего сезона которого снималась, пожалуй, самой известной цифровой фотокамерой «Canon 5d Mark II». Некоторые голливудские режиссеры использовали комбинированные съемки при создании высокобюджетных фильмов, частично снимая материал на цифровую фотокамеру. Например, в фильме Стивена Спилберга «Приключения Тинтина» (2011) такой материал составил 40% [3]. Подобный подход применялся уже в начале нынешнего десятилетия в производстве таких коммерчески успешных крупнобюджетных фильмов, отмеченных различными значимыми в мире кинонаградами, как «Черный лебедь» (реж. Даррен Аранофски, 2010 г.), «Мстители» (реж. Джосс Уидон, 2012 г.), «Гонка» (реж. Рон Ховард, 2013 г.), «Капитан Америка: Первый мститель» (реж. Джо Джонстон, 2011 г.) [3]. DSL-технологии активно использует кинокомпания Джорджа Лукаса «Lucasfilm», известная выпуском таких многосерийных блокбастеров, как «Звездные во-

йны» и «Индиана Джонс». Майк Бланшард, технический руководитель «Lucasfilm», комментирует это так: «Во-первых, студия Lucasfilm всегда была впереди всего Голливуда по цифровым технологиям. Во-вторых, создателей фильмов мало интересуют проблемы кодеков, ограничений и битрейты… Реально их интересует, насколько хорошо поддается материал цветокоррекции на постобработке и как, в итоге, выглядит на большом экране» [7].

Положительное отношение не только кинорежиссеров, но и критиков к такой продукции отражает факт участия фильмов, снятых DSLR-камерами, на фестивалях и появление их в прокате наравне с фильмами, снятыми кинокамерой, что является своего рода признанием такого кино «своим». В качестве примера можно назвать «Sundance» – национальный американский кинофестиваль независимого кино. Американский независимый фильм «Как сумасшедший» («Like Crazy», реж. Д. Доримус, 2011 г.; в главной роли – Антон Ельчин, восходящая звезда Голливуда) не только получил главную награду фестиваля, но и был куплен студией «Paramount Pictures» за 4 млн. дол. Фильм снят на фотоаппарат «Canon Hot Rod 7D-PL» и в производстве стоил 250 тыс. дол. [3].

Использование фотокамеры существенно влияет на некоторые аспекты непосредственно кинопроизводства.

1. Экономический аспект: затраты на использование фотокамеры гораздо ниже, чем на использование кинокамеры. Фотоаппарат сам по себе и, соответственно, его аренда гораздо дешевле. Фотокамера более доступна, что открывает дорогу в профессиональный мир кино большему количеству операторов, видеографов, режиссеров (функции которых, по сути, может совмещать одно и то же лицо). С одной стороны, это явление демократизирует процесс создания кинофильмов и позволяет многим кинопродюсерам с небольшим бюджетом реализовывать свои проекты [1: 29]. Это особенно важно, если учесть, что сейчас сцена в фильме часто снимается несколькими камерами одновременно. Девид Финчер в уже упомянутом фильме «Бок о бок» говорит о том, что люди удешевляют цифровые технологии, даже если речь идет о большом кино. С другой стороны, факт доступности камеры, на которую можно снимать кино, может быть сопряжен с падением общего среднего качества фильмов, предлагаемых сегодня зрителю.

2. Съемка фотокамерой может производиться одним человеком, тогда как кинооператору требуется целая команда, что влияет на изменение структуры съемочной группы. Конечно, количество съемочного персонала опять же связано с вопросами бюджета, однако совмещать

полномочия оператора и режиссера гораздо сложнее, снимая на большую кинокамеру. Кроме того, использование фотокамеры снимает ряд вопросов, связанных с обслуживанием кинокамеры. Использование фотокамер не требует особых навыков в отличие от работы кинооператора в классическом понимании, для которой нужно обладать высокотехнической квалификацией. Эти изменения, конечно, могут вести к падению качества производимых фильмов, однако, по словам режиссера Ларса фон Триера в фильме «Бок о бок», они также могут стать причиной новой революции в кино, реализовать новые таланты, не скованные образовательной системой.

3. Фотокамера гораздо более мобильна в использовании, поэтому можно предположить появление новых операторских приемов, использующих маленькие фотокамеры для такой съемки, осуществление которой недоступно с помощью громоздкой кинокамеры. Джонатан Тейлор, голливудский оператор, говорит: «Эти камеры имеют небольшие размеры, их легко устанавливать и они позволяют найти интересные ракурсы съемки во время движений, аварий... Также они совсем незаметны, их легко можно скрыть» [4]. Джонатан Тейлор использовал «5D Mark II» для съемок сцен погонь, аварий, взрывов с разных точек. Положительного мнения об использовании фотоаппаратов для съемок придерживается и другой голливудский оператор Шейн Хёрлбат, снимающий популярный сериал компании HBO «Игра престолов»: «Благодаря своим малым размерам, позволяющим работать буквально молниеносно, эта камера, действительно, изменила правила игры. Небольшой размер и вес этой камеры позволяют вам быстро перемещаться и снимать в таких ракурсах, которые невозможно снять ни одной другой системой». В качестве примера он приводит съемки в автомобиле: «Снимая с пикапа, я могу стоять в кузове и держать камеру рядом с водительской дверью, и использовать движения, невозможные ни с какими приспособлениями. Снимая внутри, вы также можете использовать точки съемки, недоступные с любой другой системой» [6]. Кроме того, при съемке с множества ракурсов фотокамеру легче замаскировать, например, на автомобиле, как это делали в «Первом мстителе» (реж. Джо Джонстон, 2011 г., США). Также фотокамера позволяет использовать большое количество различных аксессуаров и линз, дающих гораздо больше вариаций как в движении камеры, так и в глубине резкости.

4. Конкурентоспособность фотокамеры в кино. В первую очередь, речь идет о технических характеристиках. Например, самая известная из фотокамер «Canon EOS 5D Mark II», уже неоднократно упомянутая в

этой статье, оснащена так называемым «полнокадровым» сенсором размером 24×36 мм, значительно превосходящим размер кадра кинопленки формата «Супер-35» и большинства цифровых кинокамер. Как уже говорилось, фотокамера привлекает возможностью сменной оптики, что дает кинооператору больше возможностей даже при наличии всего одной камеры. Конечно, в «Canon DSLR» предусмотрена возможность пользоваться лишь фотообъективами, несмотря на то что для кинематографии предпочтительнее использовать кинообъективы.

Некоторым ограничителем является время записи (12 мин), однако следует помнить, что и при съемке на пленку одним кадром сцена не могла длиться дольше 10 мин. Также минусом можно считать некоторое сжатие и потерю информации, хотя это проблема не фотокамеры как таковой, а любой цифровой фото- и кинотехники в целом.

Разрешение имеет важнейшее значение для киносъемки. В цифровом кино мы можем использовать разрешение HD или выше, приемлемо 720P, лучше – 1080P. Экстраразрешение потребуется, если фильм снимается для просмотра на большом экране. Фотоаппараты «Canon DSLR» могут производить съемку с разрешением до 1080P. Поэтому качество видео, получаемое таким фотоаппаратом, практически не уступает качеству профессиональных кинокамер, за исключением невозможности записи несжатого изображения и недостаточной глубины цвета [3].

Неожиданный успех в сфере цифрового кинематографа привел к появлению нового класса фотоаппаратов, специально проектируемых для возможности профессиональной цифровой киносъемки. Компания «Canon» разработала новую серию фотоаппаратуры «Canon Cinema EOS», созданной уже непосредственно для кинопроизводства. С одной стороны, это показатель спроса, поскольку компания продолжает двигаться в этом направлении и выпускает новые варианты, с другой стороны, выпусками новых моделей она вызывает еще больший интерес со стороны кинематографистов, создавая, таким образом, целую индустрию. В 2012 г. одной из камер линейки стал «Canon EOS-1D C», специально предназначенный для киносъемки с разрешением 4K. Высокое качество получаемого видео даже позволило использовать отдельные кадры в качестве полноценных фотографий [8]. В свою очередь, некоторые фотографы начали использовать цифровые кинокамеры с разрешением 4K и выше для скоростной фотосъемки сложных сцен [5]. Таким образом, возможность использования фотокамеры в киноиндустрии повлияла на ее развитие, а технические новшества, ориентированные из-

начально на создание фильмов, начали оказывать влияние на практики создания фотографии.

Кинематограф – это лишь частный случай примера революции, совершенной DSLR-камерами, затронувшей медиасферу в целом. Фотокамера не вытеснила кинокамеру, но при этом новая технология заняла серьезную нишу в кинематографе (особенно значимую применительно к финансовым и техническим решениям). Рынок все также привлекает кинематографистов новыми моделями, прогресс не стоит на месте и соревнование между цифровыми кино- и фотоаппаратами продолжается. Эксперимент с фотокамерой в кино уже завершился и имеет все основания, чтобы перейти в разряд регулярной практики.

Литература

1. Лакуша, А. Камкордеры – отряд одноматричные // Техника и технологии кино. 2011. № 3. С. 28–33.
2. Матвеев, В. Кинематограф сквозь объектив фотоаппарата. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://atn.ua/dosug/kinematograf-skvoz-obektiv-fotoapparata Дата доступа: 14 октября 2015 г., 3:36.
3. Петрова, С. Как снять кино без камеры. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.filmpro.ru/materials/17604 Доступ через Интернет: 14 октября 2015 г., 3:38.
4. Фитисов, В. EOS 5D Mark II ворвался в большой кинематограф. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.videoprotest.com/component/content/article/21-novosti/tekhnologii/49-eos-5d-mark-ii-vorvalsya-v-bolshoj-kinematograf.html Дата доступа: 14 октября 2015 г., 3:38.
5. Фитисов, В. Камера или фотоаппарат. [Электронный ресурс.] Режим доступа: https://clck.ru/9bEwJ Дата доступа: 14 октября 2015 г., 3:43.
6. Харлбат, Ш. Canon 5D Mark II и кинематография. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://kinobudni.livejournal.com/207102.html Дата доступа: 14 октября 2015 г., 3:43.
7. Bloom, F. The tale of Lucasfilm, Skywalker Ranch, Star Wars and Canon DSLRs on a 40 foot screen. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://philipbloom.net/blog/skywalker/ Дата доступа: 14 октября 2015 г., 3:43.
8. Farrell, I. Abraham Joffe captures stills from 4K video with the EOS-1D C. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://cpn.canon-europe.com/content/education/technical/abraham_joffe_on_the_eos-1d_c.do Дата доступа: 14 октября 2015 г., 3:43.

ИСКУССТВО ДО И ПОСЛЕ ПЕРЕСТРОЙКИ

Александра Семак
(Беларусь)

ИСКУССТВО ВНУТРИ/ВНЕ ПОЛИТИКИ

The article analyses some aspects of the effect of restructuring as a political process in Soviet art. In the second half of the twentieth century unofficial "underground" culture was gradually formed in the Soviet Union. The era of perestroika was for the Union an opportunity to change the perception of the artist as a creator and the creation of a new public as "spectator-consumers of art". Protest art of the 1990s raises the question how the artistic activity gains power in the social space - thanks to aesthetic perfection or through the media?

В мае 1985 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачев произнес знаменитую фразу: «Видимо, товарищи, всем нам надо перестраиваться. Всем». Выражение стало предвестником социальных, политических и экономических реформ, а также новой идеологии страны – перестройки. Постепенно изменения стали затрагивать не только экономические или политические стороны развития страны, но также культуру и искусство. Во многом истоком этого стала сформировавшаяся во второй половине XX в. в Советском Союзе неофициальная андеграунд-культура, выступавшая альтернативой разрешенному советскому искусству, задачей которого являлось «служение народу, отстаивание общего дела борьбы за социализм и коммунизм, донесение до людей правды, рождение в них творческого начала» [5].

Радикальные изменения в стране повлекли за собой кардинальные перемены в искусстве. Процесс «гласности» привел к разрушению цензурного контроля. Стихийно формируются различные художественные объединения и арт-группы, которые громко заявили о новом взгляде на задачи искусства. С падением «железного занавеса» запрещенные ранее книги, спектакли, фильмы не только были опубликованы и показаны, но и постепенно стали замещать официальное искусство. Например, в 1988 г. в Ленинграде и Москве прошли выставки таких известных художников, как Казимир Малевич и Павел Филонов, творчество которых не вписывалось в рамки «социалистического реализма». В искусстве 1980-х в почете экспериментальность и новаторство: акционизм, симуляционизм, видео-арт – все это нашло свое место в искусстве времен перестройки.

Культурная и социальная открытость, безусловно, повлияла на неофициальное советское искусство. Приток туристов из Западной Европы и США натолкнул на мысль о необходимости пересмотра сувенирной продукции. Художники-концептуалисты начали активную работу над понятием «СССР». Пользовались популярностью такие символы, как серп и молот, буденовка и др. Художник соц-арта Л. Соколов создал «Доллар и молот»: символы капитализма и коммунизма соединены в общий новый знак, а Александр Косолапов воссоздал идею советского реди-мейда: его работа «Русский революционный фарфор» представляется переосмыслением советского искусства в рамках дадаизма.

По словам Иосифа Бакштейна, куратора и художественного критика, «было общее ощущение торжества здравого смысла», когда границы «правильного» и «неправильного» искусства оказались наконец-то смещены. Перестройка как социальный процесс позволила сделать публичной ту часть культурной жизни, которая долгое время преследовалась как антисоветская деятельность или находилась в статусе самодеятельности. Именно в 1980-е гг. с шумным успехом проходят выставки доселе неизвестных художников-нонконформистов, а также начинают свою работу первые частные галереи. Арт-галереи играли важную роль в развитии советского искусства времен перестройки. Они представляли собой симбиоз выставочных пространств, музеев, а также художественных салонов. Неофициальное искусство 1980-х гг. делало акцент на социальном, материальном и культурном контекстах.

Наиболее значимые галереи того времени – «Риджина», «Борей», культурный центр «Пушкинская 10» в Ленинграде и галерея известного Марата Гельмана в Москве.

Первая галерея современного «подпольного» искусства была открыта в 1982 г. и называлась APTART, ее основатель Никита Алексеев был участником известной арт-группы «Коллективные действия». Помещением для APTART служила квартира Алексеева, в которой проходили коллективные выставки современных художников.

В период перестройки традиционные для подпольного советского искусства квартирные выставки стали исчезать и на их место пришли особые коллективные показы, особенно среди художников московской школы концептуализма. Пространствами для выставок служили кафе, городские парки и улицы. Такие художественные показы являлись вторжением в любое социальное пространство и давали возможность пересмотреть концепцию музейного пространства, а также показать возможность существования художественного объекта вне привычных

институтов. Выставки-акции проходили в Московском зоопарке, Сандуновских банях, в Бутырской тюрьме и в иных «непривычных» пространствах.

1988 год многие критики и исследователи называют годом завершения истории неофициального искусства СССР и исчезновения термина «нонконформизм». После распада «несокрушимого» Советского Союза пришли «эпоха Ельцина» и «лихие девяностые». В историю искусства это время вошло как зарождение на постсоветском пространстве протестного искусства. Во многом формирование протестного искусства было попыткой вписаться в художественный контекст Запада, а также традицией, созданной поколением художников-концептуалистов.

Протестное искусство представляет собой ту область, в которой такие формы творческих практик, как практики протестного активизма и художественные практики, становятся единым целом. Результатом подобного синтеза является художественно оформленный протест. Протестное искусство заняло уверенную позицию в авангарде западного современного искусства, давая пищу для размышлений социологам, искусствоведам, кураторам, журналистам и многим другим, жаждущим понять социальную и культурную модификацию современного искусства.

Основной чертой протестного искусства является то, что, как правило, оно осуществляется не одним художником-активистом, а целой группой, которая часто носит название арт-группы или группы арт-активистов. Главными признаками таких групп являются публичность, спонтанность, эпатажность, а также, безусловно, четко декларируемая социальная (чаще политическая) направленность деятельности [1].

Следует отметить, что протестное искусство обладает низким потенциалом трансформации общества. Художественно оформленный жест имеет чисто декларативный характер, не вызывающий каких-либо реальных изменений в жизни общества. Многие теоретики искусства склоняются к мысли, что такая форма искусства крайне неэффективна в качестве инструмента, способного изменить общественное сознание или оказать действенное влияние на общественную жизнь. В итоге, можно сказать, смешение художественных практик и форм социального протеста приводит к тому, что протестное искусство не достигает конечной цели ни как художественная практика, ни как социальный протест.

Эффективный протест должен обладать такими требованиями, как содержательность (обладание четко сформулированной идеей) и направленность. Кроме того, художественная практика должна идейно или

образно отображать действительность, но не в буквальном смысле воспроизводить ее. В протестном искусстве обнаруживается диссонанс этих требований, что приводит к неэффективности такого метода социального воздействия.

По мнению Л. Александровского, «специфика искусства в том, что оно общается со зрителем с помощью посредников – преимущественно через отражающие действительность образы, и тем самым оно, как бы "транслирует" действительность. В то время как задача социальных практик – протестных в том числе – установить между действительностью и адресатом своих посланий непосредственную связь. И здесь как раз наоборот, чтобы быть эффективным, действенным, протест должен быть естественным, то есть натуральным. Совмещение этих двух взаимоисключающих моментов в одной практике, в данном случае в протестном искусстве, приводит к смеси идейно-смыслового содержания. Зритель не может понять, как воспринимать подобную "акцию": для искусства это слишком дико, но для протеста это слишком несерьезно» [1].

Вместе с тем протестное искусство выходит за рамки художественных практик, в результате около художника-активиста или арт-группы собираются единомышленники из других областей, что приводит к генерированию новых идей.

Акционизм как форма современного искусства возник в 1960-е гг. Художники стремились к новым формам художественного выражения, к иной динамике и подаче произведения. Желание уничтожить грань между искусством и реальностью, современной действительностью становится толчком для появления акционизма. В такой форме искусства художник предстает субъектом или объектом художественного произведения.

Заметим, что радикальные перформансы 1990-х гг. московских акционистов Олега Кулика, Анатолия Осмоловского, Авдея Тер-Оганьяна и Олега Мавромати не утратили своей актуальности по сей день. Акционисты того времени сделали подобный способ художественного действия востребованным и интересным публике.

В 1991 г. арт-группа «Э.Т.И.» провела на Красной площади акцию «Э.Т.И-текст»: телами участников было выложено известное нецензурное слово из трех букв. Эта акция представляет собой пример столкновения табуированного (нецензурная лексика) и сакрального (Красная площадь как символ политической жизни). Искусствовед Ольга Грабовская считает, что «с этой точки зрения акция "Э.Т.И.-текст" – яркий образец политической профанации: пространство Красной площади,

представляющее собой сакрализованный символ политической власти и политического строя как таковых, подвергается критике благодаря альтернативному спектакулярному действу, нарушающему гомогенность властного дискурса» [7].

В феврале 1995 г. Александр Бренер также использовал пространство Красной площади для своей акции «Первая перчатка». Политическое высказывание содержало протест против войны в Чечне. Арт-активист вышел на Лобное место в боксерских трусах и перчатках и, создавая иллюзию боксерского матча, выкрикивал фразы «Ельцин, выходи!», «Выходи, подлый трус!». «Арт-бокс» представлял собой критику политического высказывания в публичном пространстве, а также отказ от диалога власти с обществом.

Одним из наиболее известных персонажей московского акционизма можно назвать человека-собаку Олега Кулика. Художник использовал тело как место взаимодействия публичного и приватного. Человек-собака – образ гражданина постсоветского пространства, который не нужен ни своему государству, ни себе самому. Проблема самоидентификации в новом государстве, а также национальной идентификации является идеей перформансов Олега Кулика, которого во время акций на поводке вел Александр Бренер, одетый в боксерские трусы и скандировавшего «В бездарной стране!».

Ольга Грабовская отмечает, что «конечная цель акции в политическом искусстве – это не создание произведения или продукта, а достижение критического эффекта. Кроме того, важным мотивом деятельности акционистов было стремление создать новый язык в обстановке безъязычия, невнятности окружающей ситуации, слишком новой и неожиданной, чтобы сориентироваться лингвистически» [7].

Известные современные арт-деятели Виктория Ломаско и Антон Николаев, анализируя взаимосвязь советского акционизма и современного протестного искусства, утверждали, что «если ранее “высказывания” художника порождали социальные и политические смыслы, то теперь речь идет о достаточно законспирированных командах политиков и социальных технологов, пользующихся художественными средствами. Это новое для России культурное явление предложено назвать артивизмом. Этот термин удобно использовать для обозначения художественного активизма второй половины нулевых».

Можно отметить, что конец 1980-х – начало 1990-х гг. – это время формирования различных объединений и групп художников, которые имели отношение как к официальному, так и к неофициальному ис-

кусству, базируясь на общности взглядов и суждений. Один из наиболее важных признаков, отличающих искусство времен перестройки от предшествовавшего ему, состоит в осознании общности художника с окружающими.

Данный краткий обзор свидетельствует о том, что эпоха перестройки для художественной жизни СССР стала возможностью изменения восприятия художника как творца и формирования новой публики «зрителя – потребителя искусства».

Литература

1. Александровский, Л. Не стреляйте в артивиста // Сноб. Октябрь, 2012.
2. Андреева, Е.Ю. Постмодернизм. Искусство второй половины XX — начала XXI века. СПб.: Азбука-классика, 2003.
3. Артимович, Т., Шпарага, О. Искусство вне «музея»: между эстетическим и остросоциальным. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://artaktivist.org/iskusstvo-vne-muzeya-mezhdu-esteticheskim-i-ostrosocialnym
4. Искусство и перестройка. Круглый стол художников, арт-критиков и кураторов // Искусство кино. Сентябрь, 2008.
5. История русского и советского искусства / под ред. Д.В. Сарабьянова. М.: Высшая школа, 1979.
6. Бишоп, Клер. Социальный поворот в современном искусстве // Художественный журнал. Сентябрь, 2005.
7. Политическая критика в искусстве: Ольга Грабовская о московском акционизме. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://theoryandpractice.ru/posts/7958-moscow-actionism#
8. Рауниг, Г. Искусство и революция. Художественный активизм в долгом двадцатом веке. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2011.

Дианна Бущук
(Украина)

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ НАПРАВЛЕНИЕ И СООБЩЕСТВО «НОВАЯ ВОЛНА» В ВИЗУАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ УКРАИНЫ (конец 1980-х – начало 1990-х гг.)

The article examines changes in the socio-cultural sphere of Ukraine in the late 1980's and the first half of the 1990's associated with the period of Perestroika. The origins and conditions for the formation of the movement «New wave» in the global and domestic context are investigated. Common features of the development of post-modernism are described. Ukrainian artists joined the international trend in the second half of the 80's – early 90's, creating their own distinctive variant of postmodern art. There are three stages in the development of the movement: formation as a separate direction, Golden age of the "New wave" and decline of the movement. The basic features of artistic works of the artists are indicated. The life and creative work of the "New wave" is analyzed not only as an artistic direction but also as a social phenomenon.

Во второй половине 1980-х – начале 1990-х в Восточной Европе произошли важные геополитические, социальные и экономические изменения, которые сопровождались метаморфозами в культуре и мировоззрении людей. Переломный этап в истории совпал с распространением постмодернизма как определенной модели сознания и набора эстетических и философских принципов. «Постмодернизм – открытый набор подходов, позиций и стилей в искусстве и культуре, заявивших о себе с позиции протеста, развития или насмешки над одним или несколькими аспектами модернизма» [12: 30].

В это время создаются художественные группировки, такие как украинская «Новая волна». Художники обращаются к новым формам искусства, прибегают к созданию собственного художественного языка, опирающегося на определенные эстетические, смысловые и мировоззренческие основы. В первую очередь это связано с достижениями национального изобразительного искусства, которое возвращается к изображению видимой реальности. Мировоззренческий, художественный и социальный опыт художников того периода нуждается в переосмысле-

нии для лучшей ориентации в современных общественно-художественных процессах [2: 1].

Исследователи выделяют три этапа в развитии украинского трансавангардизма:

- 1987–1989 – время зарождения данного течения и его активного становления;
- 1990 – первая половина 1992 г., когда художники стали активно создавать и населять всевозможные «коммуны»;
- период постепенного угасания, который продлился с осени 1992 до середины 1994 г. [8].

В Украине в период перестройки в СССР (после 1985 г.) и распространения постмодернизма в живописи сложились благоприятные обстоятельства для формирования движения «Новая волна». Художники решились на смелые поиски новых форм художественного диалога с действительностью. До этого времени попытки позаимствовать хотя бы отголоски постмодернизма осуществлялись только в рамках так называемого «нонконформистского» (подпольного) искусства. В новых условиях на смену соцреалистическому канону приходит «оппозиционное» искусство, которое стремится влиться в общемировой художественный процесс [8]. Прослеживается тенденция к индивидуализации художественного мышления. Культурное взаимодействие с Западом ускорило процессы формирования новых художественных направлений и группировок.

Движению «Новая волна» присущи следующие особенности: в мировоззрении – персонализм, иррационализм, субъективизм, антисоветизм; в социальном поведении – образование неформальных сообществ, конфликтность, субкультурность; в эстетических предпочтениях – неоавангардизм, постмодернизм [2: 1].

Первые отклонения от традиционализма прослеживаются на 16-й Московской выставке (1986), которая стала резонансным событием, вызвав волну интереса общественности. Искусствовед Л. Авраменко писал: «Очередь желающих посетить экспозицию превзошла недавние очереди к Мавзолею. Власть старалась как можно скорее закрыть выставку... однако прецедент состоялся. Аналогичные экспозиции начали формироваться в Киеве, Минске, Тбилиси». Тем не менее, несмотря на то что выставка считалась переломной, здесь еще доминировало старое заказное искусство.

Ситуация развивалась динамично. Уже в 1987 г. при участии молодых критиков и художников прошла Республиканская молодежная

выставка в Киеве, где также наблюдалось парадоксальное сочетание старого и нового искусства. Именно здесь заявила о себе мощная одесская плеяда, в экспозицию которой вошли работы Александра Ройтбурда, Василия Рябченко, Сергея Лыкова, Зои Сокол, а также Александра Гнилицкого [11: 60] и одного из будущих лидеров поколения, киевского художника Арсена Савадова [11: 172]. Общая характерная особенность представленных работ – искренность и неангажированность. Оказалось, что в Украине работают отличные молодые художники, которые способны достойно продемонстрировать новое качество украинского искусства. Важным событием стала выставка в Киевском политехническом институте (1987), объединившая работы Александра Гнилицкого, Олега Тистола, Константина Реунова, Яны Быстровой, Марины Скугаревой, Александра Харченко, Глеба Вышеславского, Анатолия Степаненко и др. [8]. В 1988 г. на пленэр в небольшой городок Сиднев Черниговской области прибыло более сорока известных художников. О себе заявила условная группа в составе наиболее радикальных художников – Александра Ройтбурда, Павла Керестея, Романа Жука, Сергея Панича. На следующем пленэре (1989), ознаменовавшемся выставкой в Музее украинского изобразительного искусства, к группе примкнули Олег Голосий, Валерия Трубина и Александр Бабак.

Украинские художники, создав собственный самобытный вариант постмодернистского искусства, влились в общемировой процесс. Искусствовед и куратор Александр Соловьев, указывая на этот период, отметил: «Новая отечественная живопись стала все больше идентифицироваться с трансавангардным необарокко...» [6: 97]. Отличительная особенность визуального искусства на этом этапе – пристрастие к крупноформатной экспрессивной живописи. Картина, замешанная на цитатах и мифологии, стала стержнем, который объединил поколение «Новой волны». Художники пренебрегали формой ради достижения экспрессии [8].

Последующие выставки 1988–1989 гг. закрепили статус нового поколения. Знаменательным событием стала презентация на Всесоюзной молодежной выставке 1987 г. в Москве совместной работы Арсена Савадова и Георгия Сенченко «Печаль Клеопатры» [11: 172]. Большинство отзывов имели критическую интонацию, их авторы были возмущены намеренно грубой манерой живописи, которая, по их мнению, не имела ничего общего с высокой художественной культурой [1]. Тем не менее картина получила положительные оценки молодых критиков, а безусловным гуру в украинской арт-среде стал Арсен Савадов. Вскоре «Печаль Клеопатры» стала главным символом «другого» искусства.

Идеолог «Новой волны» Александр Соловьев отмечает, что в основе картины лежит не конный монумент Петра и работы Фальконе в Петербурге, а «Портрет принца Бальтазара Карлоса» Диего Веласкеса. Таким образом, произошло отделение украинской «Новой волны» от российского контекста и западной традиции, картина обратилась к опыту поп-арта.

Автономное положение и признание украинская «Новая волна» получила во время Всесоюзной молодежной выставки в 1988 г. в Московском Манеже. В выставке приняли участие Александр Ройтбурд, Валентин Раевский, Василий Рябченко, Сергей Лыков, Павел Керестей, Сергей Панич, Валерия Трубина, Дмитрий Кавсан, Олег Голосий, Константин Реунов, Александр Гнилицкий, Роман Жук и др. Тогда были представлены картины двух наиболее известных представителей «Новой волны»: «Меланхолия» Арсена Савадова и «Сакральный пейзаж Питера Брейгеля» Георгия Сенченко [8].

Исследователи выделяют определенные особенности, присущие работам адептов украинского художественного движения: огромные размеры полотен; применение однотонного фона; линейный рисунок в стиле украинской гравюры эпохи барокко; использование мифологизированных и романтизированных сюжетов [3: 123].

Уже к концу 1989 г. под влиянием активных общественных преобразований и поисков новой художественной выразительности в Украине сформировалось новое поколение в искусстве. Впервые за много десятилетий художники, отделившись от российского контекста, работали в русле общемировых тенденций. Их произведения соответствовали «актуальному искусству». Новый язык живописи – не моментальный, не синхронный событию, характерный подход – отражение внешней актуальности через метафоры, образы.

После провозглашения независимости Украины в 1991 г. перед искусством возник вопрос самоидентификации, необходимости пересказать современным языком содержание собственной культуры [1]. Одновременно культурное самоопределение происходило в сложном переплетении контекстов. Именно поэтому особенности современной культурной ситуации в Украине исследователь Г. Скляренко видит в решении проблемы «самоопределения в сложном переплетении контекстов – постсоветского и новодержавницкого, колониального и постколониального, национального и европейского, модернистского и постмодернистского» [7: 128].

На начало 1990-х гг. приходится расцвет и самый плодотворный период деятельности художников «Новой волны». На фоне экономического упадка и недееспособности официальных учреждений художники «Новой волны» создавали собственные субкультурные неформальные объединения (первые галереи, центры современного искусства, общественные объединения) [2: 7]. Популярной формой жизнедеятельности и местом свободы от каких-либо ограничений в то время становятся художественные сквоты.

Важнейшим центром движения остается Киев. На ул. Софиевской обитали Илья Чичкан, Илья Исупов, Павел Керестей, Арсен Савадов и Георгий Сенченко. Район радиальных улочек вокруг Майдана был местом компактного обитания богемы. Здесь возник знаменитый сквот имени Парижской коммуны, получивший свое название в честь одноименной улицы (теперь – ул. Михайловская), где совместно проживали представители движения – студенты или выпускники художественных институтов. Многие из них на волне первых успехов так и не закончили вузы, архаизм которых не сопрягался с новыми художественными практиками [9].

В условиях коммунального быта происходит поиск общей идентичности и сплочение художников. «Новая волна» формируется как социальное явление. Получает распространение новая форма общения – «тусовки», которые объединили не только свободомыслящих художников, но и весь молодежный авангард постсоветского искусства. Тогда же движением заинтересовались зарубежные критики [2: 2].

Этот период обозначился рождением нового художественного языка. Популярными формами самовыражения стали инсталляция, перформанс, видеоарт и фотография [4]. Живопись становилась неактуальной.

На рубеже 1980–1990-х гг. отчетливо утверждается принцип деканонизации картинности, пародийность, нивелирование идей классической эстетики [5: 58]. Произошли изменения в отношении художников и к самим себе: художники обратились к самоиронии и скептицизму. Вместо попыток решить глобальные проблемы человечества они стремились к выражению своих мыслей и внутреннего состояния [2: 7]. На смену запретам и табу пришел интерес к экстравагантному. Пытаясь подстроиться под ожидания зрителей, художники прибегли к созданию «милого» искусства. Гламур как разновидность китча, развлекательность, упрощенность – характерные черты работ художников середины 1990-х. Вместо прежней метафизической глубины во многих произведениях по-

является зрелищность [9]. Как отмечает О. Петрова, эстетике прекрасного был объявлен бой не на жизнь, а на смерть [5: 59].

«Новая волна» постепенно преобразовывалась из неформального в структурированное сообщество. Вследствие этого движение потеряло основные мировоззренческие ориентиры и стало социально-конформным. Оставаясь на позиции субкультуры, представители «Новой волны» в разных городах Украины на этом этапе пытались стать частью официальной культуры.

Завершающий этап развития движения – это время сворачивания и упадка движения, несмотря на то что украинские художники принимают участие в первых серьезных выездных проектах за рубежом.

Судьбоносную роль имела выставка «Штиль» (1992) в Киеве, с чем связан новый поворот в развитии движения «Новая волна». Сложились обстоятельства для перехода искусства в более умеренное русло. Значительно повлиял опыт художественного сближения с Западом (выставки украинских художников в Мюнхене и совместные украино-немецкие проекты) [10]. Как следствие, художники отказываются от трансавангардизма, и для украинского движения наступает период «штиля».

Таким образом, пережившая в 1980-е гг. свой апогей постмодернистская «Новая волна» в связи с тяготением искусства к целостности, структурности, ясности с началом 1990-х гг. постепенно приходит в упадок. Искусство Украины вступило в этап борьбы за свое выживание.

Итак, «Новая волна» привнесла в опыт современного украинского искусства образцы, которым еще только предстоит получить отечественное признание и занять соответствующее место в мировой культуре.

Литература

1. Баршинова, О. Сучасне українське мистецтво: історична пам'ять та світовий контекст // Коридор. Журнал про сучасну культуру, 2015. [Електронний ресурс.] Режим доступу: http://www.korydor.in.ua/ua/stories/suchasne-ukrayinske-mystetstvo.html#_ftnref6
2. Вишеславський, Г.А. «Нова хвиля» у візуальному мистецтві України кінця 1980-х – початку 1990-х (соціокультурний аспект) [Текст]: автореферат... канд. мистецтвознавства, спец.: 26.00.01 – теорія й історія культури / Г. А. Вишеславський. К.: Ін-т проблем сучасного мистецтва, 2014. 18 с.
3. Залевська, Ю.А. Зародження та розвиток постмодерністського стилю у культурі та мистецтві світу і України // Вісник ХДАДМ. 2013. № 2. С. 120–124.
4. Мироненко, В.А. Влияние постмодернистской культуры на становление искусства фотографии Киева 1990-х годов // Гуманитарные научные исследова-

ния. 2014. № 7. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://human.snauka.ru/2014/07/7338
5. Петрова, О.П. Украинский опыт радикального искусства. От бунта к рынку // Международный журнал исследований культуры. Теория искусства и художественное воображение XXI века. 2011. № 2(3). С. 55–66.
6. Сидоренко, В.Д. Візуальне мистецтво від авангардних зрушень до новітніх спрямувань: Розвиток візуального мистецтва України XX – XXI століть / Ін-т проблем сучасн. мист-ва Акад. мист-в України. К.: ВХ [студіо], 2008.
7. Скляренко, Г.Я. Тенденції мистецтва другої половини 1980–1990-х років у контексті української культури // Мистецтвознавство України. 1999. № 3. С. 127–136.
8. Соловьев, А., Ложкина, А. Новейшая история украинского искусства. «Новая волна» Часть I. 1987–1989. / А. Соловьев, А. Ложкина. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://top10-kiev.livejournal.com/279840.html
9. Соловьев А., Ложкина, А. Новейшая история украинского искусства. «Новая волна» Часть II. Поколение в зените. 1990-й – середина 1992 г. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://top10-kiev.livejournal.com/281049.html
10. Соловьев, А., Ложкина, А. Новейшая история украинского искусства. Новая волна, часть III. Лето 1992 – лето 1994: Искушение Европой и закат Парижской коммуны. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://spoononthemoon.blogspot.com/2010/03/point-zero.html
11. Українська нова хвиля: друга половина 1980-х / початок 1990-х років: кат. вист. / упоряд. О. Баршинова; авт. ст.: А. Мельник, Г. Скляренко, О. Баршинова, 2009. [Електронний ресурс.] Режим доступу: http://elib.nplu.org/object.html?id=6638
12. Харт, К. Постмодернизм / пер. с англ. К.Ткаченко. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. 272 с.

ПЕРЕСТРОЙКА И ДИЗАЙН: БЫЛА ЛИ ПЕРЕСТРОЙКА В ДИЗАЙНЕ?

Юлия Сланчак
(Беларусь/Литва)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ БЕЛАРУСИ ВРЕМЕН ПЕРЕСТРОЙКИ

This work is aimed at analyzing several socio-political and literary magazines and defining differences and similarities between them. I refer to such characteristics as design of the cover and pages, the character of photos and illustrations, the connection between text and image, and font selection. Also, I would like to identify how the Soviet past is represented in the magazines of the same period, as all these magazines somehow covered the subject of the Soviet regime. After 1985 the functioning of government institutions has been rebuilt, so their representation in periodicals has changed. While analyzing the three magazines that were published in Belarus at this period it can be seen that the design variates from conservative to experimental.

В своей статье я бы хотела сравнить несколько общественно-политических и литературно-художественных белорусских журналов времен перестройки, обращаясь к таким характеристикам, как оформление обложки, страниц, характер изображений, компоновка текста и изображения, выбор шрифта. Также мне бы хотелось выявить, как репрезентируется советское прошлое в журналах одного и того же периода. Я буду основываться на таких общественно-политических и литературно-художественных журналах, как «Родник», «Неман» и «Маладосць».

В первую очередь я остановлюсь на анализе нескольких номеров литературно-художественных и общественно-политических журналов «Неман» и «Маладосць» в период с 1985 по 1987 г., так как они имеют ряд сходств в оформлении. Оба журнала печатались в издательстве «Полымя» и начали свою деятельность приблизительно в одно и то же время («Неман» с 1952 г., а «Маладосць» с 1953 г.). Тематика журналов также схожа: они публиковали прозу, поэзию, публицистику, критические статьи, статьи на историческую и культурную тематику, документы, рецензии, переводы. Оба журнала существуют и по сей день. В рассматриваемый мной период главным редактором «Немана» был Анатолий Кудравец, редактором журнала «Маладосць» – достаточно известный белорусский поэт Анатолий Гречаников.

Для обложки «Немана» характерен узнаваемый контрастный антиквенный шрифт в названии. Обложки журналов слабо отличаются в данный период. Не присутствует никаких кардинально новых решений. Обложка делится на две части, которые связаны друг с другом только посредствам цветового решения (на данном примере 1985 г. – посредствам голубых оттенков), текст и изображение «существуют» в раздельных частях и не взаимосвязаны композиционно (рис. 1).

Рис. 1

Оформление страниц в «Немане» не изобилует какими-либо художественными элементами, стиль строгий. Большинство страниц с прозой ориентировано на книжное оформление: концентрация только на тематике текста, в текст не включены изображения. Более подробно следует рассмотреть оформление титульной страницы, страницы с содержанием, поэзией и последних страниц, так как они несколько отличаются от остальных.

В оформлении активно используются разделительные линии, что придает журналу еще большую строгость. Изображения не взаимодействуют с текстом, более того, в журнале почти нет рисунков, на отдельных страницах помещены лишь фото писателей, обычно с пояснительной подписью. Подпись ограничена краями фотографии. Фото с подписью размещаются в правой части страницы, а основной текст – слева. Только на разворотах с содержанием присутствуют рисунки: обычно это один рисунок, который размещен в строго отведенном ему месте – на четной странице (слева) с выравниванием по левому краю, рисунок никогда не размещен посередине страницы. Хотя рисунки принадлежат разным авторам, в целом они схожи по исполнению, что дополняет

единую стилистику журнала. На странице, где размещено содержание, также присутствуют разделительные линии такого же характера.

Композиционно интересно размещено название журнала по отношению к его номеру и дополнительным надписям: ширина надписи «ежемесячный литературно-художественный и общественно политический журнал» соответствует ширине обложки. Каждое расстояние строго выверено. Это еще раз подтверждает тезис о лаконичном и строгом оформлении каждой страницы.

На одной странице может присутствовать несколько шрифтовых гарнитур. Каждый шрифт имеет определенное значение: акцидентные крупные буквы с контрастными штрихами использованы в названии, для прозы используется антиквенный шрифт, для поэзии – гротескный. Также для обозначения фамилии автора, заголовка, названия произведения, описания фотографии используются шрифты разного начертания и кегля. Ничто не мешает удобочитаемости шрифта, отсутствуют рукописные шрифты. «Содержание» в разных номерах 1987 г. напечатано по-разному: в одном случае буквы находятся плотнее друг другу, а в другом разделены б*о*льшим расстоянием. Линии, ограничивающие надпись «Содержание», также расположены от нее дальше. Это объясняется логически: в первом случае указано большее количество произведений, соответственно, чтобы равномерно распределить расстояния между словами на странице, необходимо их сузить, во втором случае ситуация обратная.

Рис. 2

В макете обложки журнала «Маладосць» во второй половине 1980-х происходят существенные изменения. Обложка 1983 г. издания значительно отличается от последующих: используется текстовый логотип, сверху расположен номер выпуска и год, разделенные схематическим изображение цветка василька (рис. 2). Название журнала не связано с изображением стилистически, даже отделено от иллюстративной части

обложки линией. Стилистика иллюстраций близка к соцреализму с элементами стилизации.

Совсем другой подход к оформлению обложки можно наблюдать в 1989 г. (рис. 3). У журнала есть свой узнаваемый логотип: рукописный шрифт с правым наклоном, выполненный в белом цвете на черном прямоугольнике, который дополнен знаком цветка (предположительно василька) с меняющимся от номера к номеру цветом. Для обложек предусмотрен единый макет, поэтому композиция названия журнала, указания номера и года остается прежней, вместе с тем графика и цветовое оформление радикально меняются от номера к номеру. Иллюстративная часть обложки демонстрирует разные подходы к стилизации, отчего каждый номер выглядит уникальным, несмотря на стабильную композицию макета.

Рис. 3

Оформление страниц журнала имеет более декоративный и свободный характер по сравнению с журналом «Неман»: используется больше фотографий, рисунков. На развороте с содержанием надпись «У нумары» задействована в графической структуре. Присутствуют не только вертикальные разделительные линии, но и двойные, что усложняет их характер. Часто присутствуют рисунки, исполненные в разных техниках, или фотографии.

Страницы с поэзией обычно выполнены по одной схеме. В левом верхнем углу находится фото поэта, оно занимает определенное место на странице и не взаимодействует с текстом. Некоторые стихотворения разделены специальным декоративным знаком, состоящим из черных квадратов, также присутствует и более иллюстративный рисованный знак в конце страницы.

Многие страницы с прозой выполнены в той же манере, что и в «Немане». Но также присутствуют рисунки разного характера. Интересным примером является страница из напечатанного в «Маладосці» романа «Меч князя Вячкі», где рисунок располагается сразу на двух страницах разворота. Здесь также акцидентный шрифт названия произведения графически связан с рисунком и тематикой текста. Интересный ход заключается в том, что рисунок как бы «выходит» за пределы страницы. Еще одним примером является гротескный рисунок к рассказу Владимира Гравцова, где штрихи в рисунке имеют «дрожащую» форму. Здесь страница разделена на две симметричные части, что подчеркивает текст названия, разделенный посредством графической вставки. Оформление последних страниц выполнено по одной схеме, которая напоминает страницы из «Немана». Здесь также присутствуют черно-белые репродукции живописных и графических произведений белорусских художников.

В целом, так же как и в «Немане», имеет место определенная схема в использовании шрифтов, но шрифтовое решение более разнообразно, присутствуют рукописные и рисованые шрифты. В последнем примере шрифт названия контурный. Выделяется сам шрифт названия, который не всегда совпадает со шрифтом на обложке. Также в надписи «У нумары» интересен акцент на букве «ы». В «Маладосці» присутствуют оригинальные и экспериментальные решения в оформлении и шрифтовой графике. Тем не менее техники исполнения рисунка и варианты комбинирования рисунка и текста ограниченны.

Особого внимания заслуживает журнал «Родник», так как в нем соединено наибольшее количество различных техник работы с изображением и текстом, больше новых неординарных решений.

«Родник» – общественно-политический и литературный журнал, издававшийся в БССР с 1988 по 1991 г. и предназначавшийся для подростковой аудитории, судя по его тематике: музыкальные группы, современные писатели, письма читателей-подростков. Главным редактором журнала являлся белорусский поэт Владимир Некляев. В свое время журнал оказался единственным источником информации о ряде поэтов, писателей, сфере искусства, при этом публиковал и авторов-эмигрантов – Александра Гениса, Бориса Гройса, Петра Вайля. Возможно, с этим и связано неординарное оформление журнала: по сравнению с другими перестроечными периодическими изданиями БССР «Родник» выделяется наличием коллажей, репродукциями картин и плакатов, ис-

пользованием различных акцидентных шрифтов, яркой, привлекающей внимание обложкой.

Оформление обложки варьируется, но шрифт названия сохраняется. Только в названии номера за ноябрь 1988 г. в названии буква «д» слегка накладывается на букву «о» (рис. 4).

Рис. 4

Только через некоторое время закрепляется определенный стиль обложки. Оформление отдельных номеров выполнено согласно определенной схеме компоновки: в центре располагается квадратное изображение, в левом верхнем углу – название журнала, а слева внизу – слоган-фраза о том, что читатель может узнать из данного номера, гротескный шрифт слогана также неизменен. Вырабатывается определенный стиль журнала, отличающий его от других печатных изданий того времени со схожей тематикой (рис. 5). На обложках часто помещены плакаты или фотоплакаты.

Рис. 5

По сравнению с другими рассматриваемыми журналами в «Роднике» обнаруживается наибольшее количество новых стилистических подходов: работа с рисунками, фотографиями, изображения в технике коллажа, совмещение техник (фото и рисунок). Использовались техники и изображения, не характерные для печатных изданий того периода в БССР. Например, объединение нескольких рисунков, которые представляют собой почти комикс. Есть примеры страниц, где способом фотомонтажа достигнуто определенное стилистическое единство, например

акцент на зеленый цвет. Интересным решением является, например, расположение изображений на двух страницах одного разворота, но часть рисунка переходит на третью страницу второго разворота. Также на страницах появляются примеры фотомонтажа.

Текст располагается столбцами. Если изображение находится ближе к центральной части страницы, текст размещается вокруг него, но попрежнему столбцами, обычно не накладываясь на изображение. То есть текст и изображение связаны не композиционно, а только тематически. Были также попытки связать часть текста (введение и описание к фото) и изображение в единую структуру посредством их диагонального расположения. Иногда при наличии изображения внутри текста текстовые столбцы размещаются необычным образом. Но смысла или композиционной роли такие отступы не имеют. Еще одним интересным примером наложения текста на изображение является такое, при котором рисунок меняет цвет и насыщенность при соприкосновении с текстовым столбцом. В номерах 1989 г. разнообразные рисунки и изображения в смешанных техниках часто сменяются фотографиями.

На страницах журнала присутствует ограниченное количество шрифтовых гарнитур. В основном используются шрифты, распространенные в печатных изданиях того времени. Основная шрифтовая гарнитура для большей части информации и статей не меняется, может измениться только начертание (полужирное, курсив). Но зачастую читабельность такого шрифта снижается, когда он накладывается на какие-либо изображения. Активно используются различные акциденции в заголовках. Для названий статей в основном используется черный цвет, иногда голубой или розовый. Временами соединение текста и изображения нарушает удобочитаемость.

На примере «Родника» можно заметить, что начинается активное использование акциденций в заголовках, но текст все еще не связан с изображением композиционно, хотя отдельные попытки и предпринимались. В журнале используется большое количество различных техник работы с изображением, и это шаг вперед. Но все же единый стиль журнала так и не создан, что можно сказать и о многих других белорусских журналах. Присутствует и множество новых цветовых решений, но палитра так или иначе ограниченна. Расширились возможности работы с визуальным материалом посредством фотомонтажа, улучшилось качество бумаги. В журнале присутствуют разные шрифтовые гарнитуры, но свой «фирменный» шрифт не определен. Также отличительная черта «Родника» – наличие коммерческой рекламы на последней странице.

Все рассмотренные журналы так или иначе обращались к теме советской власти. Во времена перестройки функционирование властных институций переосмысливалось, следовательно, и их репрезентация в периодических изданиях претерпела изменения. Особенно это заметно в «Роднике». В журнале часто присутствуют смелые коллажи на политическую тему. Достаточно часто используются карикатурные и гротескные образы при создании рисунков для статей.

В отличие от «Родника», который появился в конце перестроечного периода и сразу зарекомендовал себя как журнал, на страницах которого создатели могли свободно писать и визуализировать любые темы, «Неман» и «Маладосць» не претерпели сильных изменений с момента своего создания. Они скорее обходят стороной политическую тематику, по крайней мере, в своем оформлении не обнаруживают это столь явно.

Проанализировав три журнала, которые выпускались в Беларуси в период перестройки, можно увидеть вариативность подходов в оформлении литературных журналов: от консервативных до экспериментальных.

Литература

1. Журнал «Неман». Изд. «Полымя». Экземпляры тиражей 1985 и 1987 гг.
2. Журнал «Маладосць». Изд. «Полымя». Экземпляры тиражей 1985 и 1987 гг.
3. Журнал «Родник». Изд. «Полымя». Экземпляры тиражей 1988–1991 гг.

Андрей Жуков
(Беларусь/Литва)

ФОРМИРОВАНИЕ ВИЗУАЛЬНОГО СТИЛЯ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ В КОНЦЕ 1980-х – НАЧАЛЕ 1990-х гг. НА ПРИМЕРЕ НОВОСТНЫХ ПОРТАЛОВ БЕЛАРУСИ И ЛИТВЫ

The main task of the article is to show the effect of perestroika in web-design and digital media on the example of two most popular news web-portals of Belarus and Lithuania. Much attention is given to the dependence of web-design on technological innovation, and we can see it in the comparative analysis of TUT.BY and DELFI.LT. Conclusions are drawn that media portals are developing with the times of hi-tech and they synchronize with each other.

Ведущими сервисами в предоставлении пользователям необходимой информации на просторах белорусского и литовского интернета являются медиапорталы TUT.BY и DELFI.LT. В данной статье представлен анализ графического и веб-дизайна этих медиапорталов, продемонстрированы особенности графических концепций на ранних стадиях их становления и на современном этапе развития. Подлинный визуальный материал взят с сервиса web.archive.org и представляет задокументированный срез развития информационных технологий в период с 2000 по 2015 г.

Анализ дизайна TUT.BY. Главным событием 2000 г. в белорусском интернете становится запуск портала TUT.BY, история которого началась 15 марта того же года после обсуждения идеи его разработки на форуме «Компьютерных вестей». Идея принадлежит Сергею Дмитриеву, и первоначально она заключалась в создании бесплатного почтового сервиса для белорусов, а позже трансформировалась в проект создания белорусского портала. Для посетителей портал TUT.BY открылся 5 октября 2000 г. Первоначально ресурс предлагал пользователям бесплатную почту, новости с архивом, погоду, курсы валют, цены на топливо и гостевую книгу. Чуть позже появились форумы и счетчики посещений. Стали оказываться услуги платного хостинга и продажи интернет-рекламы.

Автором самой первой версии дизайна 2000 г. портала является руководитель студии дизайна «PixelHead» Антон Грекович. Студия успешно

разрабатывала портал в 2000–2001 гг., и эта первоначальная версия просуществовала до 2003 г. включительно. Свыше 50% мониторов 2000 г. имели разрешение 800×600 пикселей, поэтому первая версия портала имеет фиксированную ширину и ограничение в 750 px, с учетом необходимой дополнительно ширины в 50 px для полосы прокрутки. Соответственно на современных мониторах первоначальный TUT.BY выглядит достаточно миниатюрно, в ограниченном пространстве ему присуща высокая шрифтовая плотность, в качестве гарнитур используются Verdana, Arial, Helvetica, Sans-Serif (рис. 1). Цветовое исполнение сдержанное, сочетает основные фирменные цвета (красный и синий) и оттенки серого. Наблюдаются характерные для WEB1.0 черты: статичное содержимое веб-страниц, примитивный контент в виде обычного текста либо с минимальным содержанием фото, использование информеров (курсы валют, погода, топливо).

Рис. 1

Архитектура главной страницы TUT.BY имеет следующую структуру: хедер состоит из логотипа (250×65 px) и рекламного баннера (470×65 px). Уровнем ниже находятся информеры курсов валют, погоды и цен на топливо. Слева от них блок авторизации в почтовом сервисе tut.by, а еще левее под логотипом находятся корпоративное меню из трех кнопок «Правила – Услуги – О нас» и следующий за ним рубрикатор по основным ресурсам. Далее модульная сетка делится на левое баннерное поле и основную контентную часть. В левой части мы видим краткий обзор свежих новостей и ряд рекламных баннеров (например, «Белорусская газета»).

Основной блок информации представляет тематический классификатор новостей («Беларусь», «Россия», «В мире», «Компьютеры», «Культура», «Спорт», «Авто», «Здоровье»), строку поиска, превью главной новости, ниже располагается полный список новостей на день и правое баннерное поле с актуальными анонсами, форумами и рекламой. Завершает страницу футер с копирайт-информингом и счетчиком посещений.

Постепенно портал пополнялся новыми разделами, проектами и сервисами. Появились поиск по Байнету, возможность публиковать бесплатные объявления, афиша, каталог сайтов, недвижимости, поиск работы. Так портал TUT.BY становится медиапорталом. Над следующей версией дизайна медиапортала TUT.BY в 2004 г. работала студия «Astronim*», которая преподнесла абсолютно новую модель структурной организации информации на веб-странице (рис. 2). Эта версия просуществовала до января 2010 г. В дизайне наблюдаются характерные для WEB 2.0 черты: стилевая разметка и значительный акцент на юзабилити.

Новый дизайн становится «резиновым», т.е. тянущимся во всю ширину любого размера окна браузера. Пространства становится больше, увеличивается объем контента, текст сопровождается пиктограммами, иконками и другими графическими элементами. В качестве гарнитур теперь вместо Verdana используется Tahoma и весь остальной список дополнительных шрифтов Arial, Helvetica, Sans-Serif. В цветовом исполнении появилось больше ярких оттенков, множество разноцветных плашек в заголовках разделов, не говоря уже об оранжевой строке Яндекс-поиска. При появлении социальных онлайн-медиа начинают проявляться свойства поколения WEB3.0, а именно возможность делиться информацией или постить статьи через свои аккаунты в социальных сетях. Все публикации теперь сопровождаются иконками социальных медиа, которые представляют полноценный элемент дизайна в композиции страницы.

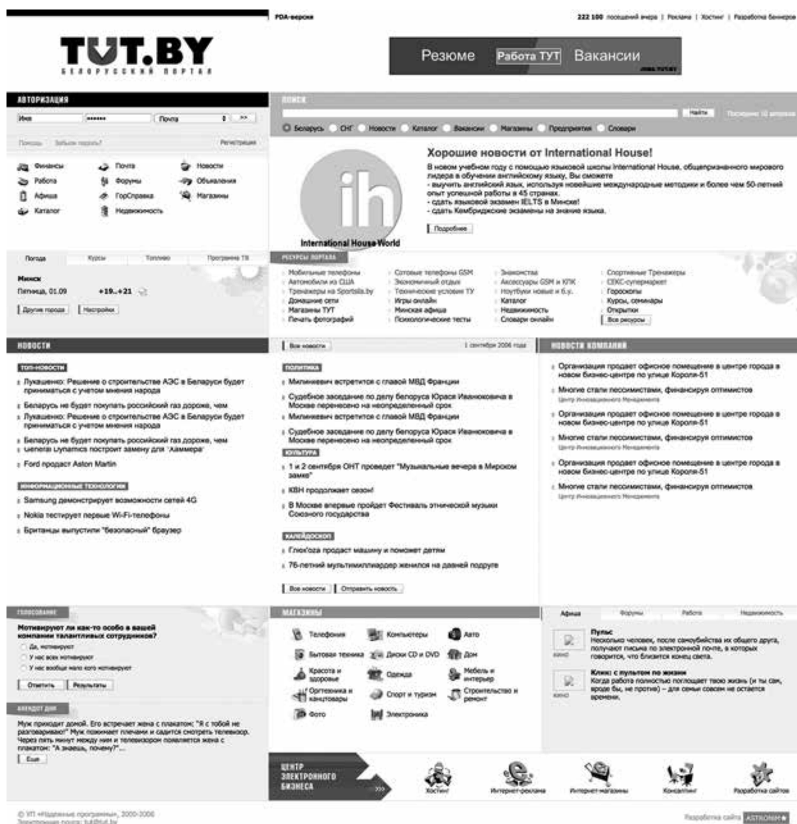

Рис. 2

Небольшую структурную реорганизацию и цветовую корректировку провела в конце 2010 г. та же компания «Astronim*» (рис. 3). Колорит страницы теперь содержит оттенки фирменных цветов – синего и красного. Появилось верхнее меню. А нынешний дизайн медиапортала TUT.BY появился сравнительно недавно, в июне 2013 г. (рис. 4). Насыщенный различного рода сервисами, он предстает в значительно измененном и более простом для восприятия варианте и при этом со значительно более объемным содержанием. Цветовое решение сведено к минимуму, фирменные цвета на преимущественно белом фоне, иногда

чередующегося с очень светло-серым оттенком. Колорит периодически разбавляют полноцветные фотографии. Гарнитуры шрифтов прежние – Arial, Helvetica, Sans-Serif. Теперь TUT.BY имеет адаптивный дизайн, который хорошо смотрится на любом экране независимо от его размеров и разрешения, начиная от смартфонов, IPad и до широкоформатных цифровых панелей онлайн-телевизоров.

Рис. 3

Анализ дизайна DELFI. А теперь рассмотрим, как эти же тенденции отразились в прибалтийском медийном аналоге – портале DELFI. Портал представляет сеть крупнейших новостных интернет-изданий в Прибалтике и до 2014 г. – в Украине. Ресурс публикуется на русском, латышском, литовском, эстонском и польском языках. Главными сервисами

портала являются актуальные и исчерпывающие новости, игры, удобная электронная почта, поисковая система, блоги, радио и множество тематических разделов.

Рис. 4

Новостные порталы DELFI начали свою работу в ноябре 1999 г., когда были открыты первые две версии сайта – эстонская и латышская. 3 февраля 2000 г. стартовал новостной портал www.delfi.lt – литовская версия DELFI. Позже были запущены русские версии в Латвии и Эстонии. Вес-

ной 2007 г. DELFI запустил украинский портал на русском языке и русскую версию в Литве. Весной 2012 г. начала работать польская версия литовского портала pl.delfi.lt. Исходя из всего многообразия языковых и региональных версий портала, рассмотрим актуальную для Литвы – DELFI.LT.

Первоначальная версия дизайна портала DELFI.LT от 3 февраля 2000 г. просуществовала довольно долгий период – до августа 2008 г. (рис. 5). В графике наблюдается характерная для WEB2.0 псевдотрехмерность: округлости, имитации выпуклых поверхностей, имитация отражений глянцевого пластика, объема.

Рис. 5

Если сравнивать с TUT.BY, – аналогий достаточно. Используется такой же набор гарнитур: Arial, Verdana, Helvetica, Sans-Serif (но в немного другой приоритетной последовательности для выбора браузером по умолчанию). Цветовое исполнение содержит контраст оттенков фирменных цветов (желтого и синего) с небольшим добавлением нейтральных градаций серого; некоторые шрифтовые ссылки выделяются бордовым или красным, периодически используются градиенты, иногда – тени. В целом создается впечатление достаточно ограниченной по глубине графики. Архитектуры первых главных страниц DELFI.LT и TUT.BY во многом подобны в плане модульной сетки и, соответственно, расположения элементов. Хедер состоит из верхнего меню базовых сервисов на синей плашке, под которой слева находится логотип, а справа от него один, иногда два рекламных баннера, еще ниже – основное меню. Под хедером модульная сетка делится на левое баннерное поле, основную информационную часть и правое баннерное поле. В левом баннерном поле находятся информеры курсов валют, погоды, опросник и различные рекламные баннеры. В основном информационном блоке сверху вниз: новостной поиск, перечень основных новостных рубрик и список заголовков основных актуальных новостей за день. В правом баннерном поле реклама, акции, баннеры. Завершает страницу футер с корпоративным меню и копирайт-инфо.

Рис. 6

Новая версия дизайна медиапортала DELFI.LT появилась в сентябре 2008 г. и просуществовала до ноября 2010 г. (рис. 6). Цветовая модель

остается прежней, но выглядит более элегантно за счет отсутствия градиентов и псевдотрехмерной графики. В сочетании с текстом широко используется фотоконтент. Также сервис активно применяет флеш-анимацию в рекламных баннерах, от чего выглядит довольно динамичным. Аналогично TUT.BY портал DELFI.LT постепенно обрастает всевозможными разделами, проектами и сервисами. Появились поиск в глобальном и региональном интернете, возможность создавать блоги и публиковать частные объявления, афиша, фотосервис, онлайн-телевидение и много прочих интересных разделов. Так портал DELFI.LT становится полноценным медиапорталом с сервисами широкого информационного спектра.

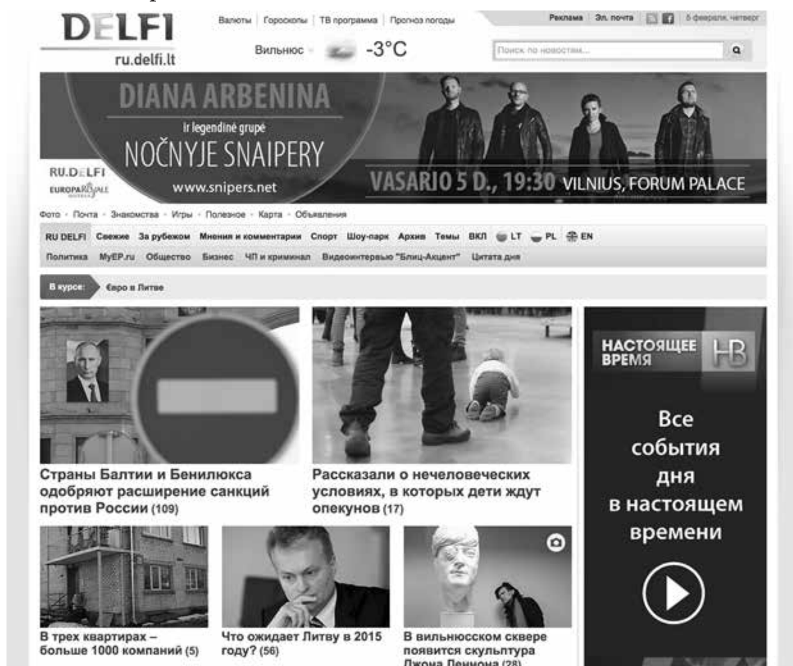

Рис. 7

Современная версия ресурса появилась в ноябре 2010 г. и существует по настоящее время (рис. 7). В сравнении с предыдущими версиями наблюдается структурная реорганизация информации в пространстве портала. Как и у TUT.BY, у DELFI.LT увеличился объем информации, что

выразилось в продолжительном скроллинге страницы, но в отличие от TUT.BY периода 2010–2013 гг. данный сервис имеет немного более высокую эстетическую привлекательность, скорее всего за счет насыщенности контента фотоматериалом. В этой тенденции наблюдается преимущественный рост юзабилити в контексте использования портала через мобильные устройства в условиях навигации touch screen. К сожалению, портал до сих пор не имеет отзывчивого веб-дизайна и не может автоматически гибко адаптироваться под различную ширину и разрешение дисплеев. Но имеет смысл говорить о мобильной версии портала, доступной в субдомене m.delfi.lt, для использования сервиса через мобильные устройства.

На примере изучаемых порталов можно сделать вывод: информационные технологии в цифровом медиапространстве WEB в большой степени развиваются синхронно. Оба ресурса начали свою жизнь в 2000 г., концептуальной идеей для каждого было создание бесплатного почтового сервиса и портала новостей. В процессе развития они приобрели широкий спектр информационных сервисов и сфер оказания услуг, набор которых практически одинаков для каждого из изучаемых медиапорталов. Можно выделить общие для порталов сервисы: электронная почта, новости, погода, гороскоп, курсы валют, блог, социальные сети, онлайн-карты, фотосервисы, афиша, частные объявления, онлайн-телевидение и т.п.

На ранних стадиях становления в дизайне медийных информационных технологий наблюдаются сходные тенденции развития, обусловленные внешними критериями. К их числу можно отнести такие факторы, как ограничение ширины в 750 пикселей и использование графики, ориентированной на цветопередачу мониторов в 16 бит. Сравнивая же современные версии изучаемых медиапорталов, можно сказать, что DELFI.LT присущ несколько более эстетический визуальный характер, вероятно, за счет грамотного и качественного использования фотоконтента, в то время как для TUT.BY характерен минималистичный, более сдержанный и консервативный визуальный стиль с акцентом на юзабилити. С точки зрения гибкости дизайна в условиях множественности используемых устройств просмотра DELFI.LT уступает отзывчивому веб-дизайну TUT.BY, поскольку не может адаптироваться к различным параметрам (габаритам и разрешениям) устройств вывода графической информации. И все же литовский веб-ресурс имеет мобильную версию портала, чего вполне достаточно для использования сервиса мобильными приложениями.

Литература

1. Центр электронного бизнеса TUT.BY. Благодарности. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://tutby.com/about/thanks/ Дата доступа: 14 января 2015 г., 13:40.
2. TUT.BY: 10 лет в истории Байнета. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://42.tut.by/202279 Дата доступа: 14 января 2015 г., 14:30.
3. TUT.BY: Размер не имеет значения. Белорусский портал TUT.BY адаптировался ко всем существующим мобильным устройствам. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://42.tut.by/342117 Дата доступа: 14 января 2015 г., 15:50.
4. Диалектика смерти TUT.BY или о неотвратимом конце: история, якорный сервис, твиттер и дизайн портала. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.alex-syritza.com/2013/11/tutby.html Дата доступа: 20 января 2015 г., 19:40.
5. Что такое DELFI? [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://ru.delfi.lt/help/about.php#ixzz3PE7svmUq Дата доступа: 14 января 2015 г., 22:22.
6. Грамотный выбор LCD монитора. Megaplus от 20.12.2000. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.reviews.ru/clause/article.asp?id=46 Дата доступа: 20 января 2015 г., 21:15.
7. Мониторы: ЖК или ЭЛТ? КомпьютерПресс 7'2004 [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://compress.ru/article.aspx?id=11351 Дата доступа: 20 января 2015 г., 23:00.
8. Browser Display Statistics [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.w3schools.com/browsers/browsers_display.asp Дата доступа: 2 февраля 2015 г., 13:20.
9. Развитие веб-технологий: основные тенденции и перспективы. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.4stud.info/web-programming/lecture9.html Дата доступа: 2 февраля 2015 г., 14:35.
10. Портфолио студии Астроним. Оффлайн дизайна TUT.BY. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://astronim.by/portfolio/index.html Дата доступа: 20 января 2015 г., 23:55.
11. Оригинал-копии TUT.BY [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://web.archive.org/web/20130401000000*/http://tut.by Дата доступа: 2 февраля 2015 г., 10:15.
12. Оригинал-копии DELFI.LT [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://web.archive.org/web/20050601000000*/http://delfi.lt Дата доступа: 2 февраля 2015 г., 11:35.

Карина Коваленко
(Беларусь/Литва)

КОНСТРУИРОВАНИЕ БЕЛОРУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ИЛЛЮСТРАЦИЯХ К БЕЛОРУССКИМ НАРОДНЫМ СКАЗКАМ

The article studies the specifics of the construction of Belarusian character in illustrations of Belarusian folk tales. It shows the difference between illustration techniques in creating a visual image. The article analyzes the development of awareness understanding by Belarusians of their own identity. It makes understandable the differences and similarities of image features: character's appearances and its attributes.

Целью моего исследования является выявление особенностей конструирования белорусской идентичности посредством иллюстраций к белорусским народным сказкам в различных изданиях в период с 1958 по 1991 г.

В современной культуре большое внимание уделяется дизайну книг и их иллюстрациям, и белорусские издания не являются исключением. Книги разного жанра иллюстрируются в совершенно разных стилях, с разными акцентами. Не каждая книга несет в себе характеристики отдельной национальности, однако с этой задачей должен справляться такой жанр, как народные сказки. В них обязательно должны присутствовать национальные мотивы, какие-то характерные для определенной национальной идентичности элементы и образы. Сказки являются фольклором и, следовательно, имеют глубокие исторические корни. Именно поэтому на примере белорусских сказок я пытаюсь проследить, как менялось понимание белорусской идентичности в разные годы, стилистику изображений, а также основные черты белорусских сказок, которые сохраняются до нашего времени.

Издание белорусских сказок 1958 г. На корешке и на обложке надпись «Белорусские народные сказки» имитирует старославянский шрифт (вытянутые буквы и скругленные засечки, межбуквенные просветы напоминают по форме капли) (рис. 1) .

Сразу бросаются в глаза широкие поля вокруг текста: каждое поле составляет ¼ часть страницы относительно его местоположения: верхнее

и нижнее поля – ¼ относительно вертикального пространства, а боковые поля – относительно горизонтального (причем поле рядом с местом склейки равно ¼ вместе с таким же полем соседней страницы) (рис. 2). Также отметим, что колонцифра расположена посередине, прямо под самим текстом, под стандартным интервалом между строчками и поэтому воспринимается, как часть текста. Буквицы с небольшой иллюстрацией находятся в начале каждой новой сказки, используется закругленная пластика букв, такого же размера и характера иллюстрации присутствуют на страницах новых разделов. Текст представлен на русском языке.

Рис. 1

Рис. 2

Изображения в книге нарисованы черной тонкой контурной линией с небольшим количеством деталей и черных пятен. В конце каждой сказки есть небольшая иллюстрация в зависимости от количества свободного места до конца страницы: если его немного, то используется небольшой декоративный растительный элемент, а если же места достаточно, то используется рисунок, по размеру не превышающий изображение рядом с буквицей. Можно сказать, что в данном случае дизайн книги

представлен минимальным количеством линий при максимальной выразительности образов. Несмотря на изобилие иллюстраций, все они миниатюрны, причем из-за наличия таких широких полей они кажутся еще меньше.

Несмотря на то что обложка в целом ассоциируется с богатырями Древней Руси (из-за боевой позы героя и чудища), в юноше на обложке мы видим легко узнаваемый образ белоруса: светлые волосы, черты лица (например, нос картошкой), и особенно бросается в глаза его белая, с красным белорусским орнаментом рубаха (рис. 2). Белорусский этнос представлен в изображениях отдельными деталями в одежде, чаще всего орнаментом, а также образами белорусов – жителей деревень. И если детали и одежда, бесспорно, соотносятся с белорусами, то сами персонажи сказок скорее являются стандартными, всеми узнаваемыми и понятными образами славянских народных героев.

Издания белорусских сказок 1973 и 1981 гг. В отличие от издания белорусских сказок 1958 г. в данных книгах используются уже привычный для нас размер полей и размещение текста на листе. Колонцифра расположена в углу печатного набора текста через стандартный интервал между строчками. Текст написан на белорусском языке, буквицы отсутствуют.

В этих изданиях иллюстрации представлены цветовыми пятнами, без контурной линии, нескольких цветов (3–4 цвета), которые используются с разнообразной светлотой и насыщенностью, благодаря чему создаются более объемные и интересные иллюстрации. Изображения созданы в технике литографии с дорисовкой небольшого числа тонких черных линий для придания большей выразительности образам; присутствуют лубки – народные картинки, которые характеризуются простотой образов, благодаря чему они выглядят очень ярко и выразительно и немного напоминают акварельные рисунки. Включение тонких черных линий иного характера добавляет детальной проработки и большей выразительности образам. При этом видны такие недостатки изображений, как неаккуратная работа с границами цвета, так как в некоторых иллюстрациях сразу бросается в глаза попадание цвета не только в свою область, но и в соседнюю. Как пример – заливка в миниатюрных элементах не того цвета (зеленый цвет лица одного из персонажей).

Бросается в глаза обильное использование растительных мотивов, чаще всего выполненных в виде соединения плоских цветных форм. Перед началом каждой новой сказки используется декоративный элемент бионического характера, чаще всего это цветок или декоративный

элемент с растительными мотивами, однако встречаются и вставки в виде силуэта животного либо какого-то бытового народного предмета (рис. 3). Такие же декоративные элементы присутствуют и в конце каждой сказки. Отметим, что на форзацах тоже появились изображения, в данном случае растительный декор.

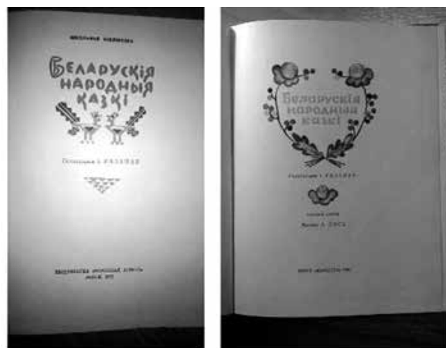

Рис. 3

Как и в издании белорусских сказок 1958 г., проследить в дизайне книги связь с белорусской культурой можно не сразу. Несмотря на совершенно иное выполнение иллюстраций, более объемные и многочисленные образы, белорусская идентичность выражается здесь в элементах одежды, в орнаменте и чертах лиц людей, где также используются образы народных героев. Декоративные узоры, напоминающие белорусские мотивы, встречаются практически на каждой иллюстрации; также мы видим более частое включение образа белоруса со светлыми волосами, в лаптях и рубахе с орнаментом. В издании 1973 г. используется узнаваемый белорусский орнаментальный декор на титульной странице, в то время как в книге 1981 г. используются растительные элементы.

Издание белорусских сказок 1979 г. В данном издании структура страницы построена таким образом, что текст подстраивается под изображения: на страницах, где они имеются, текст идет наборным столбцом в полстраницы. Иллюстрации небольшие, без ограничительной рамки, отличаются от иллюстраций прочих изданий тем, что герои изображаются с небольшими элементами окружения вроде забора или шторки, в то время как задний план отсутствует.

Иллюстрации выполнены в немного приглушенной гамме в отличие от ярких пятен книг 1973 и 1981 гг. Все изображения подробно прора-

ботаны, несмотря на отсутствие контурной линии, цвета хорошо различимы, и мы четко видим их границы, выполнены они в виде станковой графики. Как и в предыдущих изданиях, в конце каждой сказки используются небольшие декоративные растительные элементы с тем отличием, что здесь они представлены в виде черного контура.

Бумажная обложка, несмотря на свою выразительность, отнюдь не ассоциируется с белорусской национальностью, а скорее относит нас к рассказам Гоголя (например, «Вечера на хуторе близ Диканьки»). При этом обложка самой книги представляет собой небольшую иллюстрацию, выполненную с помощью трафарета, в котором больше угадывается, что это книга народных сказок, так как используется народный образ в лаптях и рубахе (рис. 4). И первая, и вторая обложки не имеют намеков на белорусскую принадлежность героев, а используют общие народные образы славянских сказок.

Рис. 4

Так же как и в предыдущих изданиях, принадлежность книги к белорусской культуре прослеживается достаточно скудно: в красных узорных орнаментах на белых рубахах героев и прочих тканых изделиях и в чертах лиц людей, которые представлены образами народных героев. Таким образом, можно сказать, что, несмотря на положительное развитие дизайна книг и иллюстраций, включение все большего количества элементов, до 1980 г. белорусские народные сказки очень слабо отражали особенности белорусского этноса.

Издания белорусских сказок 1990 и 1991 гг. Структура страницы в данных книгах представлена также, как и в изданиях сказок 1973 и 1981 гг.: привычный размер полей, наличие изображений размером с це-

лую страницу. Используется шрифт большего кегля, чем в предыдущих изданиях, колонцифра обозначена под всем текстом, посередине, через интервал в строчку, а в книге 1990 г. она включена в орнамент, который скорее даже построен вокруг нее (рис. 5).

Рис. 5

В отличие от предыдущих изданий иллюстрации в сказках 1990 и 1991 гг. отличаются своей стилизованностью и детальной проработкой, присутствует игра светотени, фигуры объемные, складки на одежде уже не просто намечены, а действительно прорисованы. В иллюстрациях используются и сочетаются между собой различные графические техники и степени проработки, более реалистичные изображения, выполненные в технике графического станкового рисунка. Как и в предыдущих книгах, в этих двух изданиях после каждого раздела следует небольшое изображение: в случае книги 1991 г. это небольшие декоративные соломенные орнаменты, а в книге 1990 г. – небольшие иллюстрации такого же размера, как и в начале разделов. Также в книге 1990 г. присутствует такой интересный прием в конце каждой сказки, как закрытие колонцифры плетеным соломенным элементом (такой же прием мы видим под иллюстрациями).

В этих книгах значительно ярче выражена белорусская идентичность, скорее ее даже трудно не заметить: книги сразу воспринимаются как часть белорусской культуры. В обеих книгах присутствует большое количество желтого цвета и всех его оттенков, что вызывает ассоциации с образами простых белорусов из народа, с нашими корнями (цвет соломы, хлеба, ржаного поля). Несмотря на совершенно разную стилизацию изображений, они все несут в себе составные части образа бело-

русов: будь то национальная одежда, черты лиц людей, изобилие декоративных деталей иллюстраций. Особенно ярко в этих книгах выступают декоративные элементы в начале сказок и в одежде героев: они выполнены в виде плетеного из соломы орнамента, который конструирует образ коренного белоруса. Обложки, обыгрывая желтый цвет, орнаменты и изображения, также говорят нам о белорусской идентичности.

Таким образом, в предыдущих изданиях сказок национальные мотивы использовались сдержанно и не сразу отсылали нас именно к белорусскому этносу, а в изданиях с 1990 г. применяются все имеющиеся средства и возможности передачи белорусской идентичности.

Выводы

Подводя итоги анализа изданий белорусских сказок 1958–1991 гг., можно сказать, что связь оформления сказок с белорусской идентичностью прослеживается через белорусскую атрибутику, сконструированные образы типичных белорусов и постепенно увеличивающееся количество орнаментального декора страниц. Обложки постепенно приходили к явному белорусскому образу, выраженному через цвета и многочисленные атрибуты белорусского быта и декора. Впрочем, стоит отметить, что, несмотря на явное увеличение количества декора и других способов выражения белорусской идентичности в иллюстрациях, до 1990 г. идентичность эта проявлялась незначительно и речь скорее шла о некоем общеславянском типе. Связь именно с белорусской национальностью просматривалась только при детальном анализе изображений или за счет наличия белорусскоязычного текста. Однако анализ рассмотренных изданий позволяет сделать вывод, что дизайн книг со временем совершенствовался и иллюстраторы постепенно находили способы поразному отображать немногочисленные белорусские мотивы и образы, создавая при этом вполне интересный и выразительный продукт, так или иначе отражающий белорусскую идентичность.

Литература

1. Беларускія народныя казкі / пересказ А. Якимовича; пер. с бел. Г. Петникова; худ. оформление А. Волкова. Гос. издат. БССР, редакция детской и юношеской литературы. Минск, 1958. 360 с.
2. Беларускія народныя казкі / склад. І. Разанаў. Мінск: Народная асвета, 1973.
3. Беларускія народныя казкі / склад І. Разанаў; маст. А. Лось. 2-е выд. Мінск: Юнацтва, 1981. 144 с.

4. «Хто з’еў прасвірку»: беларускія народныя казкі / Ул.А. Васілевіч, А.С. Фядосік. Мінск: Мастацкая літаратура, 1979. 244 с.
5. Беларускія народныя казкі / апрац. А. Якімовіча; уклад. М.А. Казбярук; маст. В.І. Валынец. Мінск: Юнацтва, 1990. 302 с.
6. «Хитрэй света не будзеш»: беларускія народныя чарадзейныя казкі / апрац. Х. Лялько; рэд. выд. Ул. Карызна; маст. Т.П. Березенская. Мінск: Юнацтва, 1991.

Виктория Андрукович
(Беларусь/Литва)

ПЕРЕСТРОЙКА: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ДИЗАЙН ТАБАЧНОЙ ПРОДУКЦИИ

No one pays attention to tobacco packaging and, in particular, to its design because cigarettes are a part of people's everyday life. However, time is running fast and a pack of cigarettes gradually turns into a part of history. The package reflects the peculiarities of production and technology, trends in design and art, and also historical events. But how do history and art affect thematic and graphic features of tobacco packs? Were there changes in the design of tobacco products of Perestroika period and, if so, what were they? These are the questions which this article answers with the help of comparative analysis of 3 periods: stagnation, perestroika and the period of the independent republic.

Сигареты – *продукт массового потребления*. На табачную упаковку, в особенности ее дизайн, не обращают достаточного внимания, ведь она – часть повседневной жизни человека. Однако время идет, и постепенно пачка сигарет превращается в часть истории. В ней отражаются особенности производства и технологий, тенденции в дизайне и течения в искусстве, а также исторические события. Но каким же образом история и искусство влияют на тематические и графические особенности табачной упаковки? Принесла ли перемены в дизайн табачной продукции перестройка, и если да, то какие именно?

Ответить на эти вопросы поможет сравнительный анализ трех периодов: застоя, перестройки и периода независимой республики.

Брежневский застой. В 1964 г. Хрущев был отстранен от власти, что стало началом нового советского периода, получившего в дальнейшем название «брежневский застой». Экономика страны достигла определенных успехов, что позволило повысить уровень и качество жизни рядовых граждан. В то же время усилилась борьба с инакомыслием, ужесточились режим и идеологическое давление [1, 7], что делало данный период не самым благоприятным для развития беларуского искусства. Тем не менее продолжали свою деятельность представители авангардных направлений, или андеграунда. В произведениях художников появляется больше

свободы в выборе сюжетов, начинаются поиски новых пластических и колористических техник, разнообразия в манере письма и типографике. И хотя «национальная» эйфория 1960-х гг. ушла в прошлое, художники продолжают обращаться к историческому прошлому страны, народному искусству и родным образам. Переосмысливается художественный опыт предыдущего десятилетия [6].

Рис. 1

Эти тенденции находят свое отражение и в дизайнерских поисках. В 1970-е гг. в дизайне табачной упаковки можно проследить определенную смену графического стиля (рис. 1). Во-первых, это можно связать с использованием другого типа печати. Если упаковки в соцреалистической манере печатались в технике литографии, то теперь доминирует трафаретная шелкография, более экономически выгодная, простая и быстрая в исполнении. Однако упаковки, оформленные в данной технике, проигрывали по возможностям рисунка: они были ограничены в количестве цветов и передаче мелких элементов, а рисунку была присуща плоскость. Во-вторых, причиной смены графического стиля является переосмысление художественного языка в искусстве, которое началось еще в 1950-х, появление новых техник и отход от натуралистичного изображения действительности. Так, рисунки на упаковках становятся более лаконичными и плоскостными, появляется стилизация. Часто образы отображаются лишь силуэтом, приобретают форму знаков. Ко всему прочему перестает использоваться золотое тиснение. Причина этого кроется в

необходимости снизить стоимость продукции, ведь позолота – дорогое удовольствие. Однако в элитных сигаретах, таких как «Золотое руно», оно сохраняется (рис. 2).

Рис. 2

Упаковкам 1970-х гг. присуща типографическая вариативность. Встречаются шрифты самого разнообразного характера: контрастная антиква нового стиля, гротески, рукописные, трафаретные и наклонные шрифты, шрифты с имитацией объема. Интересным является появление полууставного письма. Чаще всего оно встречается на упаковках с национальными чертами и обращается к старорусским традициям письма, которые существовали в стране до присоединения к Российской империи. Примером могут быть пачки сигарет «Гродненские» (рис. 3). Данная упаковка отличается креативностью оформления: орнамент составлен из советского логотипа фабрики, часть его вертикально отражена, а цвет инверсирован, что создает игру контрформы. Цветовое же решение, основанное на трех цветах, поддержано ритмической цветовой расстановкой букв в названии.

Весьма любопытным является изменение дизайна табачной упаковки «Нёман» (см. рис. 1). В отличие от прежней живописности и красочности имеет место плоскостное, стилизованное изображение, в котором используются лишь два цвета. Пейзаж становится достаточно формальным и не сразу считывается. Как и раньше, на пачке присутствует орнамент, но в данном случае он не окаймляет иллюстрацию, а пересе-

Рис. 3

Рис. 4

кает всю плоскость пачки, деля ее пополам. Такой же принцип был использован в упомянутых ранее сигаретах «Гродненские».

Не на всех упаковках находят отражение черты беларуской культуры. На упаковке сигарет «Минск» беларуским является лишь название марки, причем написано оно на русском языке. К другому типу упаковки, где национальные черты отсутствуют в изображениях, относятся такие сигареты, как «Фільтр», «Сузор'е», «Юбілейныя» и «Каларыт». Здесь беларуским является только язык, а сам дизайн упаковок достаточно абстрактен.

В интернациональных упаковках в 1970-е гг. начала активно появляться космическая тематика (рис. 4). Широко продаются марки, запущенные еще в 1950–1960-е гг., такие как «Лайка» (первая собака-космонавт, выведенная на орбиту в 1957 г.), «Спутник» (первый искусственный спутник Земли, запущенный в 1957 г.), «Орбита» и «Космас» (приурочены к первому полету человека в космос). Еще один пример – сигареты «Союз-Аполлон», которые стали выпускать в 1975 г. Их появление было посвящено совместному советско-американскому полету космических кораблей «Союз» и «Аполлон», известному как «рукопожатие в космосе».

Перестройка и табачный кризис. С приходом в 1985 г. к власти Михаила Горбачева в стране начинается перестройка. Провозглашается политика гласности и смягчается цензура, узаконивается частное предпринимательство и создаются совместные предприятия с зарубежными компаниям, имеют место глубокие сдвиги во внешней политике СССР,

взят курс на улучшение отношений с Западом. С усложнением преобразований и обострением политической борьбы страну настигает глубокий экономический кризис, что способствует нарастанию массовых антикоммунистических и антисоветских настроений, желанию перехода к рыночной экономике капиталистического типа [1, 7].

Табачное производство в 1980-е гг. также оказалось в состоянии кризиса. Сигареты пропадают с прилавков, талоны на них скапливаются за невозможностью использования, а продажа в основном базируется на «стихийных» рынках. Из-за недостатка табачной продукции популярными становятся самокрутки и самосад. Наиболее креативные и предприимчивые люди начинают собирать и продавать сигаретные бычки.

1980-е гг. знаменуются доминированием производства таких общесоветских марок, как «Космос», «Астра», «Полёт», «Беломорканал», «Памир» и т.д. Марки же национального характера становятся более редкими. Черты беларуской культуры в основном передаются не в изображениях, а в названиях упаковок. Рисунки на таких пачках встречаются крайне редко и в основном как знаковые формы. К примеру, интересная трансформация происходит с дизайном сигарет «Полесье» (рис. 5). Вместо живописного пейзажа на пачке появляется символ растительного характера, визуально напоминающий наборные орнаменты Франциска Скорины. Это формирует связь с историческим прошлым страны, происходит обращение к национальному наследию. Изменения коснулись также типографики: шрифтовая гарнитура меняется с рукописной на антикву с треугольными засечками и становится тяжелее по массе.

Рис. 5

В 1980-е происходит формализация изображений на упаковке, активно используются простые геометрические формы. Именно в эти годы дизайн табачной упаковки приобретает современные черты. Появляется характерная организация текста и графических элементов. Главное место начинает занимать название продукта, в нашем случае марка, и более важным становится типографическое решение, а иллюстративная часть оказывается второстепенной. Если раньше название сигарет играло роль своеобразной «подписи к картине», то теперь его визуальная форма стала использоваться в качестве идентификационного знака марки – логотипа.

Независимость и редизайн. Перестройка завершается крушением коммунистического строя и распадом СССР. Беларусь получает независимость. Изменения охватывают все стороны жизни страны, в том числе и работу дизайнеров.

В 1990-е гг. значительно увеличивается количество видов и жанров в изобразительном искусстве. Появляются новые имена в живописи и графике, а также активно работают представители старшего поколения. В дизайне раскрывает себя компьютерная графика, активно используется цифровая фотография. Особое значение приобретает искусство плаката. Вместе с тем в более массовой продукции начинается широкая волна коммерциализации. Стремление к быстрому коммерческому успеху приводит к преобладанию количества над качеством произведений. Отсутствие программы развития изобразительного искусства и дизайна отрицательно повлияло на общий уровень современной культуры. Особенно сильно это сказалось на дизайне. В произведениях появляется масса заимствований и попыток скопировать уже существующие работы. Ко всему прочему проблема с источниками финансирования продолжает замедлять развитие художественных направлений [6].

В 1990-е гг. продолжается упрощение в дизайне сигарет. Изображения на пачках перестают просто утверждать название марки, используется более символический, знаковый графический язык. Интересным примером является изменение в дизайне сигарет «Неман» (рис. 6). Если в 1960-е – 1970-е гг. изображение реки сохранялось, то теперь на пачке только графический знак, который лишь фигурально передает водную тематику. Ассоциацию с водной стихией поддерживают волнообразные линии, обрамляющие название сверху и снизу. Важным также является синий цвет пачки. Однако основное внимание концентрируется на названии марки, выделенном белым цветом.

Рис. 6

Рис. 7

Несмотря на превалирующую тенденцию к упрощению, встречаются и упаковки, дизайн которых, наоборот, усложнен. Пример – упаковка сигарет «Мiнск» (рис. 7). На ней появляется небольшой графический знак, изображающий минскую привокзальную площадь. Учитывая степень его упрощенности, можно утверждать его роль как логотипа марки. Несмотря на появившееся изображение, упаковка сохранила графическую лаконичность.

Изменения дизайна за достаточно краткий срок можно увидеть также на примере упаковки сигарет «Пуща» (рис. 8). Если в начале 1990-х гг. она выглядит достаточно формально и не изобилует элементами, то в конце того же десятилетия на ней появляется зубр на фоне леса, а шрифт из антиквы переходит в полуустав. К тому же в качестве фона используется линейчатая текстура, а название имеет двойную обводку. Печать золотой краской на насыщенно зеленом фоне также не представляется удачным: текст «сигареты с фильтром» практически не читабелен. Странным является переход при редизайне упаковки с беларуского языка на русский, что, кстати, не единичное явление. Таким образом, в оформлении упаковки появляются яркие национальные акценты и сильно усложняется графический язык, типографическое решение не обдумано и изобилует ошибками.

В 1990-е гг. в продажу выходит марка сигарет «Мирскi замак», что говорит о внимании к историко-культурным ценностям страны (рис. 9). Ее оформление имеет некоторое подобие с дизайном упаковки «Пущи»,

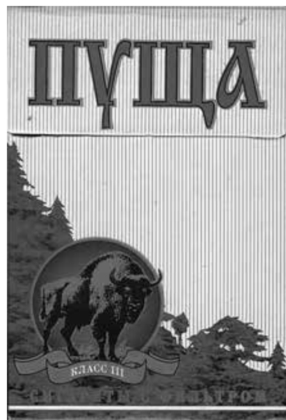

Рис. 8

Рис. 9

однако используется беларуский язык. Текст, традиционно антиквенный и набраннный позолотой, трудно считывается с темного, насыщенного фона. Можно заметить, что золотая краска использовалась в основном на упаковках с национальными чертами, а антиква стала основным шрифтом набора.

Кроме новых марок и редизайна старых фабрика продолжала выпускать всевозможные сигареты-легенды, такие как «Астра», «Прима» и «Космос». Дизайн некоторых из них остался в первозданном виде, некоторых – незначительно поменялся. В сигаретах «Астра» изменилась шрифтовая гарнитура: под ней появилась тень, которая сделала изображение объемным (рис. 10). Плашка, на которой размещался текст, также поменяла форму и приобрела двойной контур. На фоне снова появилась уже традиционная линейчатая текстура, которая была выделена вместе с названием фабрики позолотой, плохо считывающейся на коричневом фоне. Язык опять перешел с беларуского на русский.

Рассматривая разные упаковки 1990-х гг., можно заметить изменение в логотипе фабрики. Лаконичная форма табачного цветка переходит в сложную композицию из букв аббревиатуры названия предприятия, поддерживаемую с двух сторон грифонами. Шрифт, избранный для логотипа, крайне декоративен, и его витиеватость не позволяет распознать зашифрованные буквы. Кроме того, считываемость логотипа усложняется наличием контура. Грифоны же были навеяны дизайном папирос XIX в., где они держали плашку с названием фабрики.

Рис. 10

Выводы

Изобразительное искусство и его тенденции в зависимости от периода оказывают различное влияние на дизайн табачной упаковки как в графическом, так и тематическом отношении. Что же касается истории, то она также находит свое отражение в дизайне, но не в той мере, как искусство. Наиболее сильное влияние на дизайн оказывают изменения в экономике, что доказал период советской перестройки.

В период застоя меняется художественный язык оформления табачной продукции, рисунки становятся более стилизованными. В годы перестройки дизайн упаковки приобретает современные черты. Если раньше название сигарет играло роль своеобразной подписи к изображению, то теперь его визуальная форма стала использоваться в качестве знака-логотипа. Увеличение важности марки и уменьшение значимости рисунка отражает новое экономическое положение, в котором оказалась страна периода перестройки: развиваются рынок и частная собственность. Что же касается периода независимой республики, то изображения на упаковках подвергаются еще большему упрощению и зачастую превращаются в символические знаковые формы. Это сильнее приближает их к логотипам, придает коммерческую направленность. Обнаруживаются и постоянные попытки копирования западных образцов. При этом в 1990-е гг. ненадолго пробивается в дизайне национальная тематика, затихая к 2000-м, как и использование беларуского языка.

Литература

1. Семёнов, Ю. Россия: что с ней случилось в XX веке // Российский этнограф. Вып. 20. М., 1993. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://scepsis.net/library/id_128.html Дата доступа: 30.04.2015, 9:13.
2. Закон СССР от 24.04.1990 «О языках народов СССР» / Левоневский Валерий Станиславович, персональный сайт. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://pravo.levonevsky.org/baza/soviet/sssr0935.htm Дата доступа: 14.03.2015, 8:28.
3. Исаев, И.А История государства и права России: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2004. 797 с.
4. Деготь, Е. Русское искусство XX века. М.: Трилистник, 2000. 224 с. (Соцреалистическое искусство. С. 139–147).
5. Гройс, Б. Борьба против музея или демонстрация искусства в тоталитарном пространстве // 12.11.1998, «Арт-критика», Арт-Азбука. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://azbuka.gif.ru/critics/grois-borba-s-muzeyami Дата доступа: 28.05.2015, 15:36.
6. Борозна, М. Изобразительное искусство Беларуси XX века. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://artkurator.com/articles/XX_ru.html Дата доступа: 30.04.2015, 8:40.
7. Боффа, Дж. От СССР к России. История неоконченного кризиса. 1964–1994 / пер. с ит. Л.Я. Хаустовой. М.: Междунар. отношения, 1996. 320 с. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://scepsis.net/library/id_809.html Дата доступа: 30.04.2015, 9:11.
8. Герчук, Ю.Я. «Кровоизлияние в МОСХ», или Хрущев в Манеже, 1 декабря 1962 г. М. : Новое литературное обозрение, 2008 . С. 297–311.
9. Круталевич, В.А. На путях национального самоопределения: БНР – БССР – РБ / Академия наук Беларуси, Институт философии и права. Минск: Право и экономика, 1995. 138 с.

ИСТОРИЯ НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ: ВЫЗОВЫ ПРОШЛОГО / РАЗНООБРАЗИЕ БУДУЩЕГО

Георгий Николаенко
(Россия)

СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

The unprecedented social transformation of the XXth century, in particular, the end of the bipolar world, became the starting point for rethinking of history. The emergence of new independent states of the former Soviet Union has actualized the national discourse, which in turn put the society before a number of new problems; their solution is not so obvious than it may seem at first glance.

Ни для кого не секрет, что термин «история» может определяться поразному. Во-первых, историей называется совокупность наук, изучающих прошлое. Во-вторых, историей называется школьная образовательная дисциплина. В-третьих, в качестве истории может быть представлен некоторый рассказ. А также «историей» может называться некоторая последовательность событий прошлого, как, например, история какого-то определенного периода, государства или «всемирная история».

Предполагается, что история как наука призвана изучить все возможные источники о прошлом и на их основании сформировать представление об историческом процессе как последовательности событий, каждое из которых имеет свои причины и последствия. Однако функцией передачи знаний о прошлом обладает и другой социальный феномен – коллективная память.

Основное различие между историей и коллективной памятью лежит в отношении к свидетельствам очевидцев, т.е. к субъективному восприятию того или иного события. Память строится в основном на субъективном восприятии – представлениях очевидцев о событиях прошлого, их переживаниях, воспоминаниях и объяснениях. В свою очередь историческая наука так или иначе стремится к нейтральности, объективности и дистанцированию от оценочных суждений. По определению французского историка П. Нора, история и память различны, в первую очередь, характером допущений. Так, наука представляет собой «интеллектуальную операцию, заключающуюся в реконструкции прошлого на основе документов или иных следов, оставленных этим прошлым. Это всегда

гипотетическая операция, тогда как память имеет утвердительный и даже некоторым образом тиранический характер» [8: 75–76].

Социальные изменения XX столетия, в число которых входит индустриализация, повсеместное распространение массового производства и рост уровня урбанизации, привели к частичному, а иногда и полному уничтожению социальных образований прошлого. Так, «смерть крестьянства» в Европе как результат военной индустриализации и послевоенной реставрации привела к исчезновению такого феномена, как коллективная (в данном смысле спонтанная, народная) память. Подобная ситуация, приведшая к полной гегемонии истории, в свою очередь детерминировала целый ряд новых процессов, связанных с преобразованием под натиском «социального заказа» истории из состояния сугубо научной дисциплины в инструмент политической борьбы. Этот процесс политизации истории, по мнению А. Миллера [6: 6], происходит под действием двух факторов: а) внешнее влияние на историков; б) историческая аргументация в политике.

Первый фактор полностью гносеологический. Историк как субъект научной деятельности является членом общества, т.е. носителем набора различных установок, в том числе и политических. В ситуации интерпретации исторического события исследователь неизбежно будет подвержен влиянию собственных знаний и представлений, что и определяет субъективную природу исторической науки. Второй фактор является скорее отображением того, что процесс политизации истории распространяется не только и не столько на профессионалов, сколько на социум вообще (т.е. на публичную историю), что возможно через распространение исторической аргументации, использующейся политическими акторами.

С точки зрения П. Нора, актуализация прошлого в целом и истории в частности явилась следствием «кризиса идентичности», т.е. исчезновения традиционного способа рефлексии о прошлом – коллективной памяти при сохранении необходимости помнить исторические процессы, приведшие общество к его современному состоянию.

Процесс ускорения истории, начавшийся во второй половине XIX в., привел к значительному увеличению «плотности» так называемых поворотных моментов и важных исторических событий. Теперь на жизнь одного поколения приходилось сразу несколько исторических периодов, каждый из которых мог иметь отличную от предыдущего схему историко-политической легитимации и, как следствие, – ценностно-ориентированных представлений о прошлом (рис. 1).

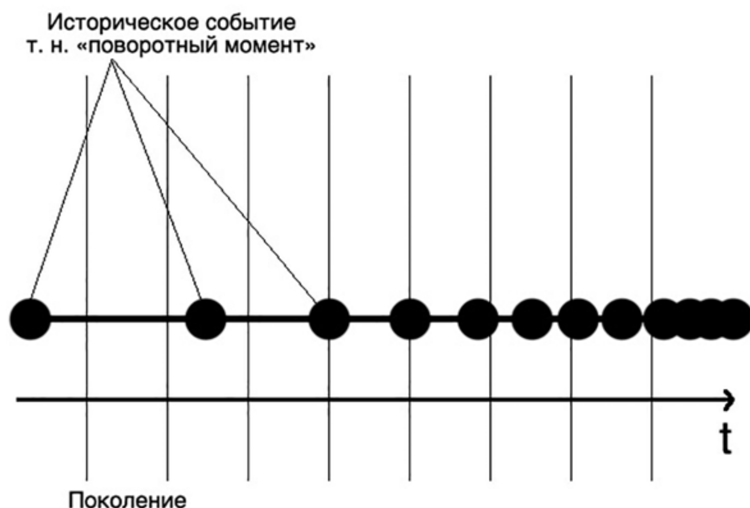

Рис. 1. Процесс уплотнения истории

Исчезновение стихийно образующейся коллективной (народной) памяти позволило в значительной степени интегрировать прошлое в стремительное настоящее. Так, когда в общественном дискурсе послевоенной Европы позиции коллективной памяти ослабли, то появилась возможность для повсеместного распространения так называемой официальной памяти, т.е. некоторых исторических конструктов, которые отражали бы интересы правящей элиты, в том числе легитимируя существующий политический и экономический порядок, а также принятую систему ценностей. Данный процесс актуализации истории назвали «историческим поворотом», что выразилось во многих странах в ряде политико-культурных действий.

По определению польского социолога Леха Нияковского, историческая политика представляет собой «намеренные и формально легитимные действия политиков и чиновников, которые направлены на укрепление, удаление или переопределение отдельных фрагментов общественной памяти. Эта политика реализуется путем интерпретации тех или иных эпизодов истории, избранных по политическим/партийным мотивам, путем создания новых школьных учебников истории, учебных планов и программ и т.д.» (цит. по: [7: 59]).

Основным субъектом исторической политики выступает государство, однако возможно появление и других игроков. Так, в обществах с сильной оппозицией историческая политика может быть представлена как совокупность официальной (про-властной) исторической политики и контрпамяти, т.е. отличных от официальных интерпретаций исторических событий.

Таким образом, можно прийти к выводу, сформулированному М. Маколи, что в условиях реализации исторической политики «процесс признания и преодоления прошлого определяется в первую очередь политическими интересами и интересами влиятельных акторов» [5: 139]. Иными словами, историческая политика не нацелена на поддержку исторических изысканий, а скорее, наоборот, направлена на легитимацию и установление гегемонии тех позиций, которые могли бы сыграть роль легитимирующих относительно действующей политико-экономической системы. Подобная политика формирует новую, искусственную коллективную память, где в качестве коллектива-источника выступает элита государства, его основные политические и экономические акторы. Увеличение событийной интенсивности приближает границы истории к так называемому настоящему. В связи с этим стирается граница между современностью и историей, что, в свою очередь, приводит к появлению такого процесса, как «криминализация истории». Так, события десятилетней, а то и пятилетней давности рассматриваются уже как исторические наравне с событиями прошлого и позапрошлого века. Однако если события недавнего прошлого оцениваются с точки зрения современных представлений и норм права, что вполне логично, то этот процесс оценивания начинает распространяться и на события полувековой, вековой и многовековой давности, что, конечно, может присутствовать в коллективной памяти, но неприемлемо в рамках исторической науки. Тем не менее на основе этих оценок формируется не только современная национальная идентичность ряда государств, но и картина их взаимопозиционирования.

Официальная историческая политика реализуется через ряд средств, в число которых входят система образования, музеи, памятные даты и праздники, фестивали, выставки, шоу-бизнес, литература, компьютерные игры и даже реклама. Сформированная историческая картина, существующая в сознании людей, даже в случае ее ложности (с точки зрения исторической науки) формирует социальные установки и представления о политике в частности и об обществе в целом. Подобный эффект формирования «удобной истории» достигается благодаря комме-

морации, т.е. формированию совокупности коллективных консенсусов вокруг ряда исторических событий, а также практик (коммеморативных ритуалов), связанных с памятью об этих событиях. Коммеморативные нарративы внедряются в память индивида с самого раннего детства, сначала в период первичной социализации в семье, через коммуникацию и досуг, а после в рамках образовательного процесса, в особенности на уроках истории. Сформированная таким образом коллективная историческая память выступает в качестве механизма формирования национального сознания. «В то время, как в коллективной памяти все внимание уделено определенным сторонам прошлого, отброшенными неизбежно оказываются все другие аспекты, считающиеся несущественными или потенциально опасными для хода повествования и передачи основного смысла прошлого с определенных идеологических позиций» [4: 19].

Внедрение и акцентуация событий, входящих в состав «удобной истории», фрагментируют исторический процесс и зацикливают его, так как события закрепляются ежегодными коммеморативными ритуалами (рис. 2, 3). Итак, коммеморативные практики преобразовали линейную модель истории в циклическую, в рамках которой на протяжении одного года воспроизводится совокупность коммеморативных ритуалов, в число которых входят, например, Парад Победы, День Города и т.д.

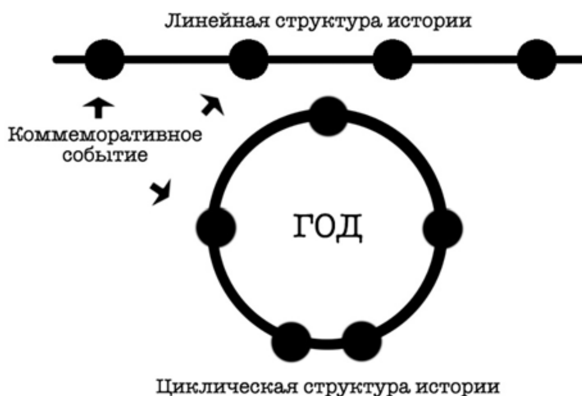

Рис. 2. Преобразование модели истории

Таким образом, исторический процесс предстает в качестве коллективной памяти, имеющей фрагментированную структуру. Стоит заме-

тить, соглашаясь с тезисом П. Нора, что «то, что мы называем памятью сегодня, это уже не память, а история» [8], иными словами, коллективная память, в связи с проводящейся исторической политикой, перестала быть спонтанной и, как следствие, представляет собой достаточно упорядоченную совокупность сконструированных интерпретаций событий прошлого. В качестве фрагмента выступает коммеморативный образ какого-либо события прошлого (реального или вымышленного), которое относилось бы к значимым. «Великие события – это те события, которые, как считается, определили последующее развитие и, соответственно, придали ореол сакральному прошлому» [2: 198].

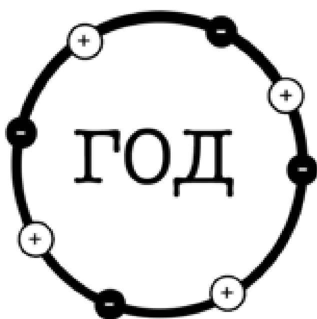

Рис. 3. Схема коммеморативной структуры года

В коллективной памяти, основанной на «удобной истории», события-фрагменты должны иметь простые и яркие образы. Простота обеспечивается через так называемую «черно-белую историю», иными словами, через трансляцию однозначных, предельно простых трактовок событий (рис. 4). В рамках черно-белой истории все события подразделяются на радостные и трагические. Выбор «цвета» интерпретации события определяется идеологией. Такая схема особенно эффективна в школе, где преподавание на основе однозначно радостных и однозначно трагических интерпретаций событий с узнаваемыми образами «хороших» и «плохих» деятелей в разы эффективнее, нежели попытки объяснить исторические события с разных точек зрения.

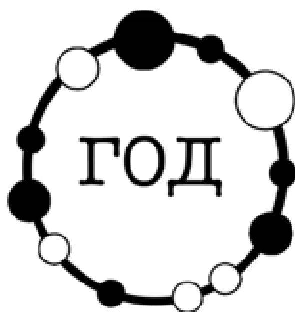

Рис. 4. «Черно-белая» схема коммеморативных событий и ритуалов

Акцентированные коммеморативные события обычно рассматриваются как «поворотные моменты», т.е. исторические события, повлекшие за собой значительные изменения и, так или иначе, определившие настоящее (рис. 5). Поворотные моменты подразделяются на два условных типа: «уход» (конец старой эпохи) и «вход» (начало новой эпохи). Также в истории выделяется ряд «знаковых событий», т.е. отдельных радостных или трагических событий, которые могли бы быть олицетворением чего-либо (например, героизма, самоотверженности, патриотизма и т.д.). К знаковым могут причислять события, не сыгравшие в реальной жизни той важной роли, которая им приписана, например крейсер «Аврора» в качестве символа Октябрьской революции, образ Василия Ивановича Чапаева как героя Гражданской войны, Ги Моке как олицетворения французского Сопротивления и т.д.

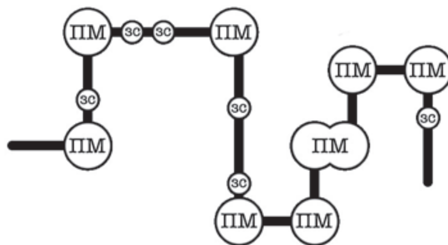

Рис. 5. Структура истории как процесса, обусловленного «поворотными моментами»

«Осуществляя выбор событий и способов увековечивания прошлого, нация (точнее национальные элиты) одновременно выбирает свое будущее. Поэтому, прежде всего, "вспоминается" то, что созвучно современности, актуализируется ею и соответствует преследуемым политическим целям, и, соответственно, "забывается" то, что препятствует их достижению, поскольку политика памяти традиционно связана и с практиками избирательного забывания» [3: 106]. По этим причинам «коллективной амнезии» подверглись такие события, как ввод РККА в Польшу в 1939 г., советско-финская «зимняя» война и т.д.

Коллективная амнезия обеспечивается рядом действий, в число которых входят: а) уничтожение индивидуальной памяти; б) маргинализация коммеморативных установок и практик; в) уничтожение идентичностей, традиций и ритуалов, ценностей; г) физическое уничтожение носителей памяти об историческом событии.

Акцентуация коммеморативных событий происходит по степени их консолидационного потенциала и потенциала идеализации. Так, на данный момент наиболее важным положительным коммеморативным событием в России является Великая Отечественная война. Именно Великая Отечественная война, так как Вторая мировая война включает в себя пакт Молотова – Риббентропа, ввод советский войск на территорию Польши в 1939 г., Катынский расстрел и советско-финскую войну. Все эти четыре события «забыты», так как не могут быть использованы в качестве консолидирующих по ряду оснований, в числе которых невозможность единой трактовки их причин и их роли, а также их последствий.

В отличие от них Великая Отечественная война идеально подходит в качестве базиса национального консенсуса по следующим причинам: единая трактовка событий ВОВ в советскую эпоху и сейчас; сохранение в памяти большинства семей воспоминаний родственников – участников войны; как пример тотальной консолидации общества против внешнего врага; сочетает в себе как элементы трагизма, так и радости, апеллируя к обеим эмоциям; может служить примером демонстрации силы – как властной вертикали, так и народа; и др.

Историческая политика может легитимировать внутреннюю и внешнюю политику государства с помощью ряда средств, среди которых: а) теории «особого пути»; б) криминализация и виктимизация истории.

Теории особого пути представляют собой особый коммеморативный нарратив, в рамках которого формируется представление об особом месте и особом пути развития нации и который имеет под собой исторические основания. Именно историческая политика является основанием

таких политических явлений, как, например, немецкий «Особый путь» (Deutscher Sonderweg) или американская исключительность (American exceptionalism).

Немаловажным фактором также является процесс криминализации и виктимизации истории, в рамках которого ряд исторических событий может интерпретироваться как «преступления». Именно на основе этого фактора строится историческая политика бывших соцстран, формирующая коммеморативный нарратив вокруг «советской оккупации», «советской экономической эксплуатации» и т.д.

Аналогичным образом происходит и формирование образа врага (как внутреннего, так и внешнего). С помощью коммеморативного нарратива и ярких образов складывается определенный образ «другого», который может быть позитивным, нейтральным или негативным. Так, в Российской Федерации формируется позитивный, «братский» образ Беларуси. Этот процесс происходит за счет апелляции к общему славянскому происхождению, общности истории и т.п. Абсолютно противоположный исторический образ «вечного врага» формируется вокруг США, и особенно критике подвергается внешняя политика этого государства. Стоит отметить, что в случае с «братской» Беларусью коммеморативный нарратив игнорирует ряд исторических фактов, противоречащих «братской концепции», в число которых, например, можно отнести белорусское национал-освободительное движение, в то время как непримиримый нарратив вокруг США полностью игнорирует совместную победу США и СССР во Второй мировой войне.

Литература

1. Nora, P. Recherches de la France (Bibliothèque des histoires). Paris: Gallimard, 2013. 608 p.
2. Shils, E. Center and Periphery: Essays in Macrosociology. Chicago, 1975. 263 p.
3. Ачкасов, В. А. «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 4. С. 106–123.
4. Зерубавель, Я. Динамика коллективной памяти // Империя и нация в зеркале исторической памяти: сборник статей. М.: Новое издательство, 2011. 416 с.
5. Маколи, М. Историческая память и общество сограждан // Pro et Contra. 2011. № 51 (1–2). Январь – апрель. С. 134–149.
6. Миллер, А. Россия: власть и история // Pro et Contra. 2009. № 2. Май – август. С. 6–23.

7. Траба, Р. Польские споры об истории в XXI веке // Pro et Contra. 2009. № 3-4. Май – август. С. 43–64.
8. Филиппова, Е.И. История и память в эпоху господства идентичностей (интервью с действительным членом Французской академии историком Пьером Нора) // Этнографическое обозрение. 2011. № 4. С. 75–84.
9. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3 (40-41) [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html
10. Нора, П. Расстройство исторической идентичности // Электронный журнал «Мир истории». 2010. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.historia.ru/2010/01/nora.htm

Екатерина Евсикова
(Россия)

ПРОШЛОЕ В ЗЕРКАЛЕ НАСТОЯЩЕГО: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ (КОЛЛЕКТИВНОЙ) ПАМЯТИ

The article deals with the genesis of the notion of collective historical memory. Much attention is given to M. Halbwach`s concept of collective memory. It gives a detailed analysis of main areas of Russian memory studies. The article is of interest to students studying sociology, history and political science.

Долгое время память воспринималась исключительно как некий индивидуальный процесс, позволяющий человеку сохранять, накапливать и воспроизводить знания и навыки. Однако с развитием общественных наук, углублением и расширением социальных теорий стало понятно, что это не совсем так. В научный оборот понятие «коллективная память» было введено французским социологом Морисом Хальбваксом. В труде «Социальные рамки памяти» [5] он попытался показать, что феномен памяти должен рассматриваться не только на уровне личных воспоминаний отдельного человека, но и на уровне коллективного процесса, передающего из поколения в поколение набор определенных исторических (как негативных, так и позитивных) сообщений, связанных с опытом какой-либо определенной группы людей. Таким образом, опираясь на концепцию М. Хальбвакса, следует различать два типа памяти [10]. К первому типу относится индивидуальная (автобиографическая) память – личная, внутренняя, возникшая на основе собственного опыта. В качестве второго типа выделяется коллективная (историческая) память – социальная, внешняя, заимствованная память, в рамках которой индивид практически полностью полагается на чужие опыт и воспоминания. Историческая память отдельного человека пополняется и расширяется в результате изучения истории, знакомства с искусством и литературой, а также рассказов очевидцев, как устных (например, личные воспоминания бабушек и дедушек), так и письменных (мемуары, автобиографии, личные письма), посещения «мест памяти» [3: 40] и др. Безусловно, данные два типа памяти находятся в неразрывной связи и

могут проникать друг в друга. В памяти индивида нет строгих рамок между индивидуальной и социальной памятью. Так, каждое отдельное воспоминание может иметь в своей структуре как элементы индивидуальной памяти (т.е. те картины, непосредственным свидетелем которых был индивид), так и коллективной (т.е. картины, полученные индивидом от социального окружения). Однако в рамках теории М. Хальбвакса эти два типа памяти оказываются отдаленными друг от друга, развивающимися по отдельности, более того, они не получают четких определений, что и послужило толчком к дальнейшему развитию исследований в этом направлении.

Последующее развитие концепции исторической и коллективной памяти связано с именами Пьера Нора, Яна Ассмана, Алейды Ассман, Поля Рикера и др. Французский историк П. Нора, продолжая исследования М. Хальбвакса, разрабатывает концепцию мест памяти, главной функцией которых является сохранение общего прошлого различных групп. Анализ процессов смены «мест памяти» [3: 40], забвения одних и возобновления памяти о других или же рассмотрение непрерывного обращения к определенным «местам памяти» [3: 40] на протяжении всей истории человечества позволяет зафиксировать, изучить и описать изменения коллективного (в том числе и исторического) самосознания, а также очертить идентичности отдельных социальных групп. Немецкими исследователями Я. и А. Ассманами [1: 19–20] была предложена модель коллективной памяти, включающая четыре вида памяти: миметическую (связанную с использованием письменных указаний для ведения некоторой деятельности), предметную, коммуникативную и культурную. Наряду с исследованиями Ассманов внимание заслуживает работа «Память, история, забвение» французского философа и историка П. Рикера [4], в которой он рассматривает вопросы соотношения истории (дисциплины), а также коллективной и индивидуальной памяти.

Подчеркнем, что хотя историческая память попала в поле зрения ученых еще в начале XX в., значительный исследовательский интерес к данному феномену активно развивается лишь в 1960–1980-х гг. на Западе и немного позднее, в 1990-х гг., в России и странах постсоветского пространства. Возобновление внимания к вопросам исторической памяти связано, на наш взгляд, с мощнейшими социальными, политическими, а также экономическими трансформациями, произошедшими в мире после окончания Второй мировой войны, распада Советского Союза и т.п. Стремительная смена политического устройства постсоветских стран, происходившая в последнее десятилетие XX в., повлекла за собой изме-

нения в различных сферах общественной жизни, в том числе запустила процессы переосмысления исторического прошлого, трансформации идеологической парадигмы.

В подобных условиях социолог может зафиксировать дуализм между «советской» и «постсоветской» картиной мира, а возможно, и выделить переходный вариант – «трансформационную» картину мира. Текущие геополитические события, такие как революции в странах арабского мира, Евромайдан, активизация деятельности ИГИЛ и другие, дестабилизирующие политическую обстановку и влекущие за собой необходимость перестройки большинства институтов, также порождают потребность в апелляции к коллективной исторической памяти. Более того, такие процессы, как глобализация, туризм, а также миграционные волны, нахлынувшие на Европу в последнее время, подталкивают страны к «сохранению своего наследия», а следовательно, заставляют обращаться к области исторической памяти, механизмам ее сохранения. Таким образом, мы видим, что именно коллективная историческая память становится объектом многократно усилившегося в последние годы интереса. Хочется отметить, что если на протяжении всего прошлого века главным образом имело место теоретическое развитие концепций исторической памяти, то сегодня мы наблюдаем возросший эмпирический интерес к данной теме, а также развитие теоретической базы в определенных ключевых направлениях, в частности изучение механизмов сохранения, формирования исторической памяти, проблематики забвения, исторической политики, пропаганды.

Обратимся к опыту российских исследований в области исторической памяти, в рамках которых нами будут рассмотрены два типа: академические исследования, а также социологические опросы аналитических исследовательских центров, позволяющие фиксировать текущее состояние исторической памяти, а также в перспективе наблюдать за ее трансформацией. Такие исследовательские институции, как, например, Левада-Центр [8], Всероссийский центр изучения общественного мнения [7], Фонд «Общественное мнение» [9] и др., активно занимаются изучением мнений, представлений и знаний населения России об отдельных исторических событиях, деятелях (как политики, так и культуры, науки и т.п.), эпохах и т.п. Обычно данные исследования проводятся накануне тех или иных годовщин. Среди актуальных тем, затронутых не так давно, можно выделить опросы, посвященные исследованию отношения к ельцинской и брежневской эпохам, тому, насколько население осведомлено о предстоящих государственных праздниках, а также о том, когда про-

исходили важные исторические события, сыгравшие огромную роль в истории страны, о знании исторических личностей и т.п.

Например, накануне праздника «День России» в 2015 г. силами социологов Левада-центра [8] был проведен опрос о том, знают ли россияне, что конкретно будет праздноваться 12 июня. В результате опроса [6] были выявлены два наиболее часто встречающихся варианта ответа: 50% опрошенных знают о том, что 12 июня празднуется «День России», а 33% считают, что в этот день отмечается День независимости России (следует отметить, что так праздник назывался в народе в период с 1992 по 2002 г.). Социологи Левада-центра отмечают, что в 2000 г. данный праздник был неизвестен 28% населения, а к 2015 г. эта цифра уменьшилась до 10%. Таким образом, можно сделать вывод о том, что праздник с каждым годом становится более узнаваемым. С точки зрения социологов Левада-центра, это происходит благодаря увеличению количества пропагандистских мероприятий государства, например, установке напоминающих баннеров. Однако популярность данного праздника, а также таких, как День народного единства и День Конституции, пока не может сравниться с Днем Победы, который выступает объединяющим событием для всего населения России и занимает важное место в рамках коллективной памяти населения страны.

Результаты данных исследований не только интересны самому населению страны, но и активно продвигаются в СМИ, а также в рамках академических исследований, так как зачастую центры имеют архивные базы данных. Таким образом, появляется возможность использовать результаты опросов в контексте научной деятельности, проводить сравнительные исследования, связанные с изучением исторической памяти нескольких поколений. В рамках академических исследований возрастает интерес к изучению механизмов формирования и изменения коллективной памяти, государственной исторической политики, к анализу элементов контрпамяти (дискурс, транслирующийся через основные СМИ, образование (школьные учебники по истории) и т.п.).

Например, в статье Е.С. Богомягковой и др. [2: 138–147] представлены результаты исследования, посвященного анализу исторической памяти студентов двух крупнейших вузов Санкт-Петербурга относительно событий 1993 г. В качестве теоретической рамки в исследовании были выбраны концепции исторической памяти М. Хальбвакса и французского философа М. Фуко. Дело в том, что, согласно официальной версии событий о путче 1993 г., действия президента Ельцина были признаны незаконными, следствием чего является попытка его отстранения от долж-

ности и назначение и.о. президента РФ А.В. Руцкого. В рамках данного исследования была выдвинута гипотеза о том, что через социальные институты, являющиеся источниками формирования исторической памяти (СМИ и институт образования), транслируется другая версия событий, отличающаяся от официальной. В ходе исследования был проведен контент-анализ СМИ (видеоматериалы и статьи, размещенные на официальных сайтах ведущих российских каналов и газет и посвященных событиям 1993 г.) и учебников по истории России (разделы, посвященные путчу 1993 г.), а также интернет-опрос студентов и индивидуальные интервью. В результате исследования данная и еще ряд гипотез были подтверждены, таким образом, можно говорить о том, что историческая память студентов находится под воздействием контрпамяти.

В рамках современной исторической политики история, в частности память как носитель, форма истории, обладающей тотальной гегемонией в обществе, постоянно находится под «перекрестной пропагандой», которая так или иначе проводится в своих интересах всеми силами, имеющими доступ к информационным и символическим ресурсам. Конечно, подобные политические методы не новы и существуют примерно с момента зарождения массовой культуры и СМИ, однако интенсивность их использования растет по экспоненте, начиная со времен биполярного мира и продолжаясь в современный трансформационный период, характеризующийся сменой полюсов. С нашей точки зрения, социология как наука, трансформируясь под влиянием внешних факторов, все же не должна превращаться в ангажированный инструмент политических войн. Напротив, ее задача – развивать теоретический и методологический арсенал для изучения (а не конструирования) памяти – одного из основополагающих социальных феноменов со столь изменчивой структурой.

Литература

1. Ассман, Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
2. Богомягкова, Е.С., Евсикова, Е.В., Николаенко, Г.А. Историческая память студентов о путче 1993 года // Наше прошлое: ностальгические воспоминания или угроза будущему? Материалы VIII социологических чтений памяти Валерия Борисовича Голофаста. СПб., СИ РАН, 9–11 декабря 2014 г.; ред. и сост. О.Б. Божков. СПб.: Эйдос, 2015. 368 с.

3. Нора, П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 17–50.
4. Рикёр, П. Память, история, забвение / пер. с фр. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
5. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
6. 90% россиян знают, что будут праздновать 12 июня // Левада-Центр. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.levada.ru/2015/06/09/90-rossiyan-znayut-chto-budut-prazdnovat-12-iyunya/
7. Всероссийский центр изучения общественного мнения. Официальный сайт. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.wciom.ru/
8. Левада-Центр. Официальный сайт. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.levada.ru/
9. Фонд Общественное Мнение. Официальный сайт. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://fom.ru/
10. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41) [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html

Марына Цыруль
(Беларусь/Літва)

«СТАЛІЦА КАНТРАБАНДЫСТАЎ»: МЯСТЭЧКА РАКАЎ У МІЖВАЕННЫ ПЕРЫЯД (1920–1930-я гг.)

The article describes the cultural peculiarities in the socioeconomic development of the small Belarusian town Rakov in the interbellum period (1920-1930). The main research sources (the recollections of the Jewish population of Rakov, interviews with the prominent Belarusian artist Phelix Yanushkevich, the autobiographical novel by S. Pesetsky "The Lover Of Ursa Major") identified the need to pay special attention to the past of Rakov and its dwellers due to the border location between Poland and the BSSR. The active enterprising activity of the Jewry defined the economic prosperity of Rakov in this period. The analysis of the infrastructure of the town has estimated the significant role of the Jewish activity in the growth of economic power and the formation of a stable and flourishing multi-ethnic and multi-confessional part of the town.

Адным з перспектыўных напрамкаў гістарычных даследаванняў з'яўляецца мікрагісторыя, якая дазваляе павялічваць маштаб прыбліжэння. Прадметам нашага мікрагістарычнага даследавання з'яўляецца мястэчка Ракаў міжваеннага перыяду. Крыніцамі дадзенага даследавання сталі: успаміны жыхароў Ракава яўрэйскай нацыянальнасці, інтэрвью з мясцовым жыхаром, скульптарам і мастаком Феліксам Янушкевічам, аўтабіяграфічны раман Сяргея Пясецкага «Каханак Вялікай Мядзведзіцы».

Дата 18 сакавіка 1921 г., калі было падпісана Рыжскае мірнае пагадненне, а ў першыя дні красавіка змешанай камісіяй была ўсталявана дзяржаўная мяжа паміж савецкай Расіяй і Польшчай, азначала канец савецка-польскай вайны і, між тым, новы этап у жыцці Ракава. Жалезная заслона зачынілася ў непасрэднай блізкасці ад Мінска, усяго ў 30 кіламетрах, адчыніўшы адначасова Ракаву дзверы ў новае жыццё і прадвызначыўшы новы этап гістарычнага развіцця для заходнебеларускага мястэчка не толькі ў культурным плане, але і ў сферы эканомікі. Мястэчка апынулася ў складзе Польшчы, атрымала статус горада (miasta) і да 1927 г. было цэнтрам гміны Навагрудскага ваяводства, пасля Ракаў уваходзіў у склад Маладзечанскай гміны Віленскага ваяводства.

Горад стаў памежным, рэжымным, і тая акалічнасць, што дзяржаўная мяжа праходзіла ўсяго ў 1,5 км ад паселішча, паспрыяла хуткаму эканамічнаму ўзлёту мясцовасці. Прычынай гэтаму была кантрабанда, што квітнела на памежжы.

З гэтага часу па абодва бакі адной этнічнай тэрыторыі жыццё пачалося рознае, калі абстаноўка на баку Саветаў, дзе панавала эканамічная разруха, была куды складаней, чым на польскім баку, і кантрабанда стала проста непазбежнай з'явай у выніку недахопу прамысловых тавараў і прадуктаў харчавання і з'яўлялася адным з фактараў, які аказаў значны ўплыў на эканамічную сітуацыю на памежжы і ў цэлым у БССР і Польшчы. Колькасць нелегальна правозімых праз мяжу тавараў залежыла ад развіцця прамысловай вытворчасці, узроўня беспрацоўя, сістэмы памежнай аховы па абодва бакі мяжы.

Асаблівая і далёка не апошняя роля ў кантрабанднай справе адводзілася Ракаву, так званаму «перапраўному пункту», якім ён на той час з'яўляўся, месцам, дзе перамытнікі адпачывалі і збіраліся зноў «на справу».

Даволі цікавыя звесткі пра зараджэнне і характар незаконнага гандлю ў міжваенным Ракаве даносяць словы вядомага беларускага жывапісца, карэннага жыхара мястэчка Фелікса Янушкевіча: «Ненатуральная граніца, якая падзяліла напоўнены сваякамі раён, з аднаго боку, перарэзала сямейныя адносіны, а з другога – стварыла эканамічны базіс для кантрабанды. Гэта быў фактычна сямейны бізнес» [1]. Праз мяжу хадзілі ўсе памежныя беларусы, хадзілі па-сямейнаму: сваяк да сваяка. Бізнес быў пастаўлены на шырокую нагу і ўтвараў своеасаблівы «сямейны падрад», заснаваны на трывалых сямейных сувязях, таму яго і не «завалілі» [1]. Хоць многіх мяжа развяла па розныя бакі тэрытарыяльна, але аб'яднала магчымасцю зарабіць хутка і шмат, праўда, рызыкоўна.

Шмат цікавостак пра нялёгкую і вельмі небяспечную справу перамытніка можна даведацца з аўтабіяграфічнага рамана Сяргея Пясецкага «Каханак Вялікай Мядзведзіцы». На працягу рамана, дзеянне якога адбываецца ў 1920-я гг. у Ракаве, яго героі займаюцца кантрабандай па ўсёй мяжы ад Стоўбцаў да Радашковічаў, носяць у СССР «тавар» – панчохі, спірт, скуры. Праводзяць праз мяжу «фігуркі» – уцекачоў з Савецкага Саюза. Возяць таксама спірт у Польшчу, перавязаўшы цела скотчам. Узамен неслі «злоту вавёрку» і «срэбну лісіцу», грашовыя адзінкі розных наміналаў. Зразумець, як жа самі перамытнікі бачылі сваю працу, дапамагаюць наступныя цытаты з рамана:

«Граніца кіпіць жыццём. Партыя за партыяй, ноч у ноч перамытнікі ідуць за граніцу. Яны працуюць шалёна. Ім ледзьве хапае часу на прапіванне зробленых грошай. Амаль не бачым дзённага святла, бо ўдзень спім пасля доўгай працоўнай ночы <…> Мы нічога не чытаем. Палітыкай увогуле не цікавімся. Ужо некалькі месяцаў не бачыў газет. Усе нашы думкі віруюць каля адной тэмы – граніцы. А пачуцці каля некалькіх іншых, у залежнасці ад густу і тэмпераменту: гарэлка, музыка, песні, гульні ў карты, жанчыны» [3: 36].

Неабходна зрабіць акцэнт на тым, што пад кантрабандыстамі часам хаваліся шпіёны: «Тыя, хто адседжваўся, хутчэй, гэта быў шпіянаж. Яны пад прыкрыццём кантрабанды займаліся фактычна зборам інфармацыі, агентурнымі рэчамі <…>» [1].

Звычайна «перамытнікі» Ракаўшчыны хадзілі невялікімі «партыямі» па 5–7 або 12 чалавек і нярэдка мелі пры сабе зброю, асабліва калі гаворка ішла аб кантрабандзе сярэдняга або буйнога памеру. Колькасць людзей у такіх групах знаходзілася ў абавязковай залежнасці ад колькасці тавару, што перакідваўся праз мяжу. На чале ж такой «партыі» практычна заўсёды знаходзіўся «важак зграі», праваднік, чалавек спрактыкаваны і вельмі ўважлівы, чалавек-шчасліўчык, што, у першую чаргу, было звязана з яго асцярожнасцю, выдатным веданнем маршруту, што дазваляла рухацца па гушчары так упэўнена, нібы ён ішоў днём па добра вядомай яму дарозе, чалавек, які валодаў здольнасцю знаходзіць кірунак «нюхам». Чалавек-арыентыр у цемры для сваіх «калег», меўшы заўсёды «запраўлены за каўнер курткі канец белай хусткі» [3: 47], каб палегчыць назіранне за ім, што дапамагала групе трымацца разам і не сысці з правільнага шляху.

У сталай небяспецы і празмерных грашах цячэ жыццё ў пагранічным Эльдарада. Адважны і прадпрымальны дзядзюк бярэ ўсё большыя вышыні. Распараджаецца тысячамі даляраў. Перастае насіць тавар, пачынае «вадзіць фігуркі» [3: 108].

Застацца незаўважаным з’яўлялася, мабыць, галоўнай задачай кантрабандыста, што адбілася на набыцці рознага кшталту звычак, перанесеных пазней і ў рэаліі паўсядзённага жыцця: ціха хадзіць і казаць напаўголас, асаблівая манера паліць... Кожная спроба перасекчы мяжу была напоўнена вялікай рызыкай і часам масай непрыемнасцяў: гэта напружанне, хваляванне ўперамешку з адрэналінам, хвіліны чакання і нецярпення, нервы... Як тут кантрабандысту не закурыць! Паліць прыходзілася з асаблівай асцярожнасцю: каб агеньчык ад цыгарэт не паслужыў сігналам-маяком для памежнікаў ці ж іншых надзвычайных службаў,

якія займаліся адсочваннем кантрабандыстаў, палілі выключна ў рукаў, «палілі павольна, прагна ўцягваючы ў грудзі тытунёвы дым» [3: 45].

Узімку кантрабандысты прапівалі ўвесь заробак, хто як: «нашы хлопцы п'юць шклянкамі, а жыды – чаркамі» [3: 69]. Зразумела, што і яўрэі-ракаўчане не засталіся ў баку ад такога сродку заробку. І сапраўды, «у той перыяд, калі памежнікі былі слабыя і дрэнна арганізаваныя, нам удалося пераправіць у Расію ўсё, што можна было б перавезці: адзенне, галантарэя, цукар; а наўзамен – прывозілі золата, брыльянты, футра і іншыя дарагія тавары. Кожная такая "язда" была вельмі выгаднай. Гэты просты прыбытак быў прывабным, таму займаліся ім ўсе. Старыя і маладыя, мужчыны і жанчыны, усе былі паглынутыя бізнесам кантрабанды. Рамеснікі пакінулі свае майстэрні, уладальнікі крамаў пакінулі сваіх кліентаў, настаўнікі хедэра пакінулі свае Талмуды, мяснікі свае крамы. <…> Усе жылі кантрабандай, не баючыся рызыкі. Доўга барадатыя яўрэі з пэйсамі блукалі ў памежных лясах, зімовымі начамі, у кампаніі здаравенных і тоўстых неяўрэйскіх жанчын. Ракаў быў напоўнены шыкоўнымі тканінамі і залатымі ланцугамі, дарагімі мяхамі і дыямантамі шыпаваных залатых бранзалетаў. Усё ашалела: ні сямейнага жыцця, ні жыцця наогул, проста вар'яцтва кантрабанды».

Малавядомы Ракаў праславіўся як гандлёвы горад, і яго імя было прызнана ва ўсёй краіне. Дзверы самых цудоўных крам у Вільні і Варшаве былі адкрыты для яўрэяў Ракава, і крэдыт – столькі, колькі душы заўгодна, толькі «купіце наш тавар».

«Усе грамадскія абавязкі былі закінутыя ў тыя дні, і дзяржаўныя ўстановы былі паралізаваныя. Ці быў хто настолькі дурны, каб займацца патрэбамі супольнасці, калі золата лілося на вуліцах, і віно, і лікёр цяклі як вада?» [5].

Адну з цікавостак пра ракаўскіх кантрабандыстаў даносяць успаміны Ф. Янушкевіча, зусім выпадкова ўступіўшага ў дыялог з адным дзядзькам на ракаўскім рынку, па словах якога: «І мая мама вазіла <…> . Як зараз помню: яна прыпёрла воз золата. Мой дзядзька жменяй з гэтага возу ўзяў золата, і я яму і зараз кажу, каб аддаў». Не толькі мужчыны, але і жанчыны займаліся рызыкоўнай справай.

У той час, калі на заходні бок везлі золата, какаін, «тавары ў сацыялістым свеце былі абмежаваныя <...>. Спірт насілі адсюль (з Заходняй Беларусі. – *Заўв. аўт.*) і пёрлі туды, значыць попыт быў. А там, дарэчы, у Савецкім Саюзе крышавала гэту "спіртаношу" КДБ, таму што расейская вытворчасць не магла дагнаць медыцынскага стандарта. <...> Спірт як бы цэнтральна паступаў ў Менск і зліваўся ўвесь ў медыцыну» [1].

Ракаў ператварыўся ў сапраўдную «беларускую Адэсу», трапіўшы ў залежнасць ад прагі да лёгкага прыбытку і акунуўшыся цалкам ў кантрабандысцкую дзейнасць, якая назаўсёды пакінула след на выбітнай гісторыі мястэчка, перыяд якой доўжыўся чатыры гады (з 1920 да 1924 г.), але адгалоскі якой яшчэ цягам даволі доўгага часу давалі аб сабе знаць, бо «ў Ракаве было столькі золата, што аж да 1960-х гг. на рынку разлічваліся выключна золатам» [4].

Выводзячы кантрабанду, якой жыла амаль кожная сям'я на памежжы, у свет дамінанты, нельга, аднак, не закрануць і пакінуць па-за ўвагай іншыя сродкі заробку, якія існавалі ў міжваенным Ракаве паралельна з нелегальным гандлем. Так, ва ўмовах памежжа кемлівымі прадстаўнікамі яўрэйскага насельніцтва (на 1921 г. у Ракаве налічваліся 1421 яўрэй, 1605 каталікоў, 297 праваслаўных [4]) адкрываліся кавярні, рэстараны і крамы, апошніх у Ракаве, па словах Ф. Янушкевіча, налічвалася 96 [1]. Бліжэй да 1930-х гг. у Ракаве дзейнічалі таксама гатэлі, казіно, публічныя дамы [4], прычым, па некаторых звестках, афіцыйных бардэляў у горадзе было 2 [4], па іншых – 4 [7].

Дастаткова насычаную інфармацыю пра інфраструктуру паселішча на памежжы пакінуў Сяргей Пясецкі, пачынаючы з яўрэяў, якія даюць «хлопцам» на рэалізацыю тавар, да геаграфіі «малін» ці «мялін», якія месціліся ледзь не ў кожным хутары на савецкім баку. Працягам дадзенага апісання інфраструктуры мястэчка можа быць цытата з рамана: «Дабраліся да велізарнага, як вокам сягнуць, пляца, застаўленага вазамі. Сярэдзіну рынка займаў вялікі аднапавярховы прастакутнік з крамаў. Па краях пляца таксама былі жыдоўскія крамкі, чайныя, заезжыя дамы і рэстараны. Недалёка ад крамак знаходзіліся буданы вандроўных гандляроў і шаўцоў» [3: 93].

У Ракаве, па даных на 1929 г., меліся: мэр/бурмістр, кіраўнік паліцыі (камендант), доктар, стаматолаг, аптэкар, 2 адвакаты, гандлёвы агент, 3 акушэркі, аптэчныя склады Беранштэйна і Левіна, яўрэйскі банк, 5 крам вопраткі, 3 кандытарскіх, крама галаўных убораў, галантарэйныя крамы, крама музычных інструментаў, гарбарня, 5 гасцініц, 3 рэстараны, дробная піваварня і бар пры ёй, абутковая крама, млын, прадуктовыя крамы, крама шкла і фарфора, 3 крамы тытуню і тытунёвых вырабаў, 1 крама вырабаў з бавоўны, «Зэльцерская вада», 6 крам металічных вырабаў, 41 крама бакалейных тавараў, 5 крам збожжа/круп, 4 пякарні, фотаатэлье. Працавалі тут і кавалі, ганчары, краўцы, мылавары, майстры па пашыву абутку, вырабу сельскагаспадарчых прылад, скураных вырабах, мяснікі [7].

У сярэдзіне 1930-х гг. Ракаў па праву лічыўся адным з самых буйных цэнтраў ганчарных промыслаў у Заходняй Беларусі. Вытворчасцю ганчарнага посуду ў мястэчку было занята 15 сем'яў, з іх 13 хрысціянскія, 2 яўрэйскія. Для 10 сем'яў ганчарства было асноўнай формай заробку, для астатніх, што мелі зямлю, – дадатковай. Колькасць занятых у кожнай майстэрні залежала ад попыту на ганчарны посуд. У сярэднім у кожнай майстэрні працавала ад 3 да 5 наёмных рабочых. Ганчароў, якія выраблялі посуд, было 20 чалавек, астатнія выконвалі дапаможную работу (нарыхтоўвалі гліну, абпальвалі вырабы). Ганчар атрымліваў за 1 капу гаршкоў 0,5–3 злотых у дзень (у залежнасці ад памеру гаршкоў). На працягу дня здольны ганчар мог вырабіць адну капу гаршкоў вялікага, 2 капы – сярэдняга, 3 капы малога памеру [2].

Колькасць усёй прадукцыі ракаўскіх ганчарных майстэрняў складала штогод 350 000 адзінак. Для параўнання: у Івянцы ў той час ганчарствам займалася 9 сямейных прадпрыемстваў, у Радашковічах толькі адно [2].

Успаміны прадстаўнікоў яўрэйскай дыяспары раскрываюць жыццё ў міжваенным Ракаве з асаблівага боку, даносячы даволі цікавыя звесткі пра жыццёвы ўклад ракаўскіх яўрэяў: «Сям'я Казлоўскіх жыла ў Ракаве да 1933 г., займаючы вялікі дом, у якім мелася пяць пакояў. Бацька, Барух Казлоўскі, працаваў разам з цесцем Пінкасам Грынгольц. Займаліся шавецтвам, мелі сваю майстэрню і краму. Сям'я мела мясцовага найміта, які жыў разам з імі і займаўся сельскай гаспадаркай» [8]. Варта зазначыць, што ва ўспамінах не задзейнічаны беларускія ці польскія імёны, хаця вядома, што ў міжваенны час у Ракаве меўся і «польскі элемент, асаднікі <...>, якіх у 1939 годзе адправілі ў Сібір» [1].

Яўрэі адыгрылі выключна важную ролю ў эканамічным развіцці мястэчка, што відавочна з вышэйпералічаных аб'ектаў інфраструктуры Ракава, побач з якімі мільгацяць яўрэйскія прозвішчы. Таму да месцу будуць словы настаўніцы мясцовай школы Ганны Жылінскай (2005 г.): «Шкадуем, што зараз у мястэчку яўрэяў няма. Вось мая маці казала, што калі б быў такі чалавек, я цябе дзесяць разоў лепш бы за яго аддала, чым за нашага. Бо добрыя былі людзі. Бацька мой рос сіратой, часта не было за што паесці, і некаторыя яўрэі бясплатна давалі яму ежу. Увогуле, за тым часам дзякуючы яўрэям у мястэчку трымаўся высокі культурны ўзровень, багатыя людзі прыязджалі ў Ракаў і не грэбавалі мясцовымі таварамі» [4].

З новаз'яўленняў Ракава варта адзначыць магістрат, паліцэйскі пастарунак, польскую сямігодку, дом культуры (Людовы дом), яўрэйскі драматычны гурток, уласны футбольны клуб «Макабі», бібліятэкі (у по-

льскай і яўрэйскай школах). Адпачыць можна было на танцах, дзе нават адчуваўся ўплыў моды. «Дзяўчаты былі ярка прыбраныя. Тыя з іх, якія мелі прыгожыя ногі, насілі вельмі кароткія сукенкі. Хлопцы мелі пераважна цёмна-сінія, карычневыя, зялёныя і светлыя гарнітуры. Камізэлькі ж і гальштукі, якія выглядалі з-пад расшпіленых фрэнчаў, былі самых фантастычных колераў і ўзораў» [3: 138].

Ракаў у 1930-я гг. мог ганарыцца чысцінёй і ўяўляў сабой плошчу з крамамі, ад якой у чатыры бакі свету разыходзіліся вулкі з драўлянай забудовай. Гэты факт указвае на тое, што ў гэты перыяд Ракаў захаваў лінейную структуру гатычнага мястэчка. Цагляных дамоў не было. Большасць пабудоваў насіла шматфункцыянальнае значэнне: жытло, крама, склад ды інш. Яўрэйскае насельніцтва жыло ля цэнтра, а хрысціяне – бліжэй да палёў і межаў паселішча [4].

Між тым нельга не адзначыць, што падчас Другой сусветнай вайны ракаўскія яўрэі былі знішчаныя, мястэчка спалена, «памянялася структура дамоў, людзі ад'ехалі» [1], аднак культавыя пабудовы, сярод якіх Спаса-Праабражэнская царква і Касцёл Маці Божай Ружанцовай, засталіся некранутыя.

Па словах Ф. Янушкевіча, «Ракаў – гэта сёння вёска. Раней гэта быў проста горад. Тут быў другі ўклад» [1]. Звычайны на сённяшні дзень аграгарадок Ракаў валодае даволі добра развітой інфраструктурай: сярэдняя школа, бальніца, пошта, сельскі савет, лясніцтва, аўтастанцыя, прамкамбінат і інш. У суботу і нядзелю цэнтрам усёй акругі становіцца Ракаўскі базар, на які з'язджаюцца з бліжэйшых і дальніх вёсак, а таксама з Мінска. Усё змянілася, і сёння нават цяжка сабе ўявіць, што калісьці гэта быў найбуйнейшы цэнтр кантрабанды на савецка-польскай мяжы. Але паселішча і да гэтай пары не згубіла адчуванне сваёй «местачковасці», пра якую нагадваюць брукаваная дарога па вуліцы Даміниканскай, касцёл і царква, што знаходзяцца побач, старыя яўрэйскія могілкі як жалобны ўспамін аб тых людзях, дзякуючы якім Ракаў квітнеў сваёй прадпрымальніцкай дзейнасцю і поліканфесіянальнай адметнасцю.

Літаратура

1. Інтэрвью з Феліксам Янушкевічам, запісанае аўтарам 22.04.2015.
2. Лабачэўская, В. Ганчарная вытворчасць у мястэчку Ракаў у 1934 годзе (з асабістага архіва Вольгі Лабачэўскай).
3. Пясецкі, С. Каханак Вялікай Мядзведзіцы. Мінск: В. Хурсік, 2009. 351 с.

4. Сямашка, В. Невядомы Ракаў: могілкі пад базыльянскім крыжам. Мінск: Медысонт, 2014. 310 с.
5. Starovin, A. The Town from the End of the Nineteenth Century to the Thirties... Jewishgen.org. Tel-Aviv, 2013. [Electronic resource.] Mode of access: www.jewishgen.org/yizkor/rakow/Rak023.html Data access: 02.05.2015.
6. [Electronic resource.] Mode of access: http://budzma.by/projects/living_history/kakain-myazha-i-rakau-chastka-pershaya-nyama-taho-a-shto-bylo.html Data access: 04.05.2015.
7. Business Directory for Rakov in 1929 // Rakov 2005. [Electronic resource.] Mode of access: http://www.latlevitan.com/rakov/rkv_pages/rakov_bus_dir1929.html. Date of access: 03.05.2015.
8. Esther, W. About herself and relatives fate before WW2 in Raków. Virtual shtetl. [Electronic resource.] Mode of access: http://www.sztetl.org.pl/en/article/rakow-1558/. Data access: 02.05.2015.

Agata Penddrak
(Poland)

MEMORY, IDENTITY AND HISTORICAL POLICY IN UKRAINE AFTER PERESTROIKA AND THE REGAINING OF INDEPENDENCE

Рассматриваются сложные политические вопросы, связанные с политикой памяти в Украине. Проблемные вопросы памяти и идентичности проанализированы с учетом обширного и все еще живого слоя национальных мифов, которые в сочетании с влиянием постсоветского наследия усиливают стремление к пересмотру существующего исторического нарратива.

The 20th century really began for the small nations of Central and Eastern Europe with the assassination of Prince Ferdinand in Sarajevo in 1914 and ended with the signing of the Bialovezha Accords in 1991. These dates are, of course, symbolic because they denied classic chronology. [Hroch M., 2003] However, they represent a closed unit, a cause-effect sequence of events, without which the afore-said 1991 and the collapse of one of the largest empires in the history of the 20th century would not have happened. These unconventional time frames are a testament of cruel and bloody years, during which along with the slogans of freedom and equality concentration camps, gulags, nuclear arms were created, and – it would seem – extremely precious human existence was turned into the quantity and value of production. The long awaited modernity, together with the progress of civilization, also brought indifference. For nations that were part of the USSR, or fell under the influence of the empire, the beginning of the end of Soviet Union had been preceded by the earlier events aimed originally at rebuilding the system, namely the reform of the General Secretary of the CPSU Central Committee Mikhail Gorbachev that was reflected in the slogans "perestroika", "uskorieniye" and "glasnost". [Bazylow L., Wieczorkiewicz P., 2005]

Pretty soon it became clear, however, that the "reconstruction" would not be stopped. Especially freedom of speech and the press have become important causes of social change, which, combined with the growing national liberation movements, blew the empire from the inside. The phrase "the greatest geopolitical catastrophe of the twentieth century" meant the termination of what the people of the Soviet Union had been whispering about "in the

kitchen". [Figes O., 2010] The creators of change underestimated the strength of the liberated words, the consequences of which carried disclosure of the long-known horror stories of the oppressed and frightened people. Topics that had been a taboo were discussed on the pages of the press released of censorship. Information about the years of persecution, denunciations, labor camps became public. Fueled by stories of maimed physically and mentally soldiers who came back from the Afghan front heralded the beginning of the end of the system. [Alexievich, 2015b]

The situation has been no different in independent Ukraine since 1991. Freedom of speech, which had to fix the Soviet system led to the disintegration of the USSR, but what is especially important, has not solved the problems formed after the Bialovezha Accords, creating more and more new unanswered questions. The new post-Soviet reality did not meet the expectations of the citizens of the former empire. First of all the early 1990's brought about chaos and uncertainty: the deepening economic crisis was associated with the collapse of industrial plants, raging inflation, higher and higher unemployment, wild privatization, lawlessness and criminalization of the still "red" elite. Economic insecurity deepened political and social anarchy, which resulted, among other things, from the leakage of borders, ethnic conflicts and the struggle for power in the new republics and the problem of legitimacy. [Hrycak, 2009]

Society that had been created in the Soviet Union had considerable difficulty in defining its direction. Homo Sovieticus was still there; it was the creation of the propaganda empire, a citizen without nationality, religion and family in the traditional sense, who was unconditionally devoted to the Party, dedicated to advancing the spread of communism, the development of the international proletariat and the fight against the imperialist enemy – the West. Decades of propaganda and censorship had created a passive and unreasoning man. [Alexievich, 2015a] Post-Soviet reality required from the ruling elite to develop new tools to create its description. It took the new legitimacy of the actions of leaders of the state public need to justify the actions of policy direction changes. The key social acceptance has become a method and purpose of state-building project, which the former had achieved. In creating this particular historical policy, what we know today – after two years we did not have time, constructive, combining different environments, public debate and plan for its implementation. Hence, the first years of independence appear in retrospect as a rather chaotic period, and policies pursued by the authorities, designed to help in the creation of national identity, attachment to the new state as well as acquiescence in the decisions of power, has become in practice a collection of myths that are based on broader national history as well as on the Soviet past.

The crowning of old-centuries fascination project "Ukraine" has become an independent state. [Gellner E., 1991] This does not mean, however, that it automatically became a project of all its citizens, or that there was only one version. The term "new" in relation to political elites referred rather to the new political order; the same faces were among the nomenclature of the old, red system. Often, after 1991 in the structures of the companies or the local government not the case for any personnel changes, former executives became owners, the privatization process itself was unclear and often illegally, over its course and watched criminal groups, drawing profits from the illegal takeover state so far property.[Riabczuk, 2012]

The "new" independence, however, was primarily a challenge of integration. Ukraine had in its history statehood only a short episode of several years of independence, during which very often occurred illegal taking of power by various, often conflicting interest groups [Yekelchyk, 1997] The range of that power does not coincide geographically with the area of an independent state. The most visible dividing line ran along the historical borders, dividing the country into east and west, symbolically represented by the extreme in its history and character of the city: Russian-speaking, and the post-Soviet industrial Donieck- heart of the Donbass and strongly associated with the tradition, intelligence, Ukrainian – speaking Lviv.[Riabchuk M., 2003] The first quickly gained fame of infamous pro-Russian, separatist manifesting extreme moods, reluctant nationalist model which is promoted by activists of the "Ukrainian Piedmont," or Galicia. This "myth of two Ukraines" [Riabchuk, 2004] was gaining more and more popularity. Built on the classic principle of opposites, enrolling in the popularity of the theory of Samuel P. Huntngtona's "clash of civilizations", which in this case was interpreted as an eternal struggle between barbaric, even the Asian East, which for centuries has been unsuccessfully trying to conquer civilization developed the European west. [Huntington, SP, 1996] In this way, the myth of "two Ukraines" became the foundation of Ukraine "imaginary" [Wilson, A., 2000], the resulting solution to the needs of a particular government, pursuing a specific goal.

Independence merely adds to the problematic historical narratives. This was particularly significant, given the non-existence of statehood history - the territory of independent Ukraine for years belonged to different political agendas under which the ethnic Ukrainian population constituted a minority. A nation in the modern sense developed by nineteenth century without its emanations in the form of a nation-state. Hence the nation's history was written "from below" by typing in the current created by Foucault – counter – history – discourse of the oppressed, demanding a revision of the existing or-

der. [Solarska M., 2011] Quite the reverse cognitive perspective presents the history of Russia – here state emerged faster than it could educate people in terms of civic conscious and political identity. A stronger also in Ukraine need to reinforce the undisputed founding myth, that legitimizes the decisions of the new government, but also, and above all, that dispels doubts about the legitimacy of an independent state, or further – neighbors with respect to any claims frontier territories.[Himka, J.P, 2012]

A key founding myth of Ukraine's history and Zaporozhye Cossacks. The idea of Ukrainians, as creators and bearers of the nation appears, according to him, the lands of today's Ukraine with the advent of the Cossacks, who are originally multiethnic population, inhabiting the frontier areas, with military character of the community. The first mention of the Cossacks appears approx. XV century, which combined, according to the Ukrainian historian Yaroslav Hrytsak with the discovery of America by Christopher Columbus. [Hrycak, 2000] Conquest of the New World initiated the Modern and the division of the world into rich and innovative West and the poor East, what happened to the relationship determining the perception of colonized territories and their inhabitants for the next centuries. The increase in grain prices and related radicalization of exploitation of serfs, has led to frequent riots and escapes. Since Ukraine was at that time "the breadbasket of Europe", these processes were particularly strong and numerous right there, the most determined and defiant refugees created shortly after the power of the Wild Fields and the nucleus of the Ukrainian state, and so the myth of the Cossack lost Arcadia. One of the key elements is its symbolic nature of this community – the essence of the idea of the heroic struggle for freedom against the invaders. [Krzemiński, 2009] Scheduled between this perfectly in the centuries-long, difficult history is on the border – in constant uncertainty and threat from more powerful neighbors – in the sphere of national – Polish, Russian Empire, Turkey, in the religious – Catholic, Orthodox Christianity and Islam in the socio – economic – landowners and Jews. This connection with the aforementioned process, which took place after the conquest of America – Spain banished Jews and Arabs, and the Thirty Years War, which occurs a little over 100 years later, explicitly legitimizes the uniform religious country in Western Europe. This is what the West is over, the East started – rebels of the Wild Fields, gathered around a charismatic Bohdan Khmelnytsky, they fought about myth – Ukraine without the Lord, Jew and Jesuit, which was a breakthrough, to which the world comes only at the end of the eighteenth century, when the French Revolution constituted free country politically, economically and religiously.

Arcadian Cossacks, a somewhat happy childhood land of the nation, of which the fight takes Cossack, yearning for freedom, full of discord on external oppression – is a classic figure of poetry and prose romance. [Wojciechowski M., 2006] A very important role in the often lively, wild and innocent Ukrainian nature,, but also a wealth of folk elements – dances, customs, cuisine and, most importantly, language. Ukrainian, for many years pushed out of the public space, stigmatized as the language of uneducated, primitive village, where users have no chance of social advancement, getting a good job. This is crucial if we take into account the strength of ingrowth of words in tradition and scooping of their power. Judith Butler says in his work on "excitable speech", which is a special case of "injurious speech. "Both terms refer to statements which escape the control of the speaker, they may take said harmful function, which is not clear from the context that the hostile intentions of the speaker, but centuries-old tradition, cultural practice, their existence and maintains continuity and consistency of historical group that it creates. [Butler J., 2010]

1991 and an independent Ukrainian state has forced authorities to organize the issue of memory and create a coherent historical policy. Symbolic Memory is a collection of memories of living history participants, among whom play significant roles family histories, which are somewhat intangible legacy of successive generations, handed down in the family secretly, despite the prevailing censorship in Soviet society. This is a kind of "underground history of the Nation," his life a second, illegal circulation of the nation conscious of its identity and curve, which he is doing. But what is very important, Ukrainian memory symbolic is the triumph of the history of oral, doubly excluded – by their opposition, disloyal to the power of nature, but also by the forbidden language, the word takes on new power – is not only a carrier of information and emotion, but awareness and membership to a specific group and culture. Created by language narrative conventions they are not merely a reflection of the depicted reality, but produce this image. [White H., 2009] The creators and carriers of atavistic longings done to a Ukrainian national poets, Lesiya Ukrainka, Ivan Franko and Taras Shevchenko. From a linguistic perspective, the most important of their works should be regarded Ukrainian-poetry - which in turn stems from the nature of the Ukrainian language – the main spoken, it was spoken most often at home, and so expressed emotions and described antiquated stories, it does not apply as expressed in Russian – the official language of power – that is, politics, administration and law.

According to Charles Maier, the memory can be most broadly divided into the "hot" and "cold". An example of this first is the Holocaust, the second while communism. The "cold storage" is characterized, despite official condemnation

of the crime, lack of institutional "recognition" of public debate. [Maier Ch.S., 2002]. In a similar tone, on the subject speaks Oksana Zabuzhko. She sees the twentieth-century history of Ukraine as a time of hypocritical and do not overwork, especially because of its modern stage coincided with the colonial times. Years of Communism imprint society from the founding myth of "national awake", concealing and deforming the history and the present. [Zabużko, 2014] The most difficult narrative problems, here's polarized optics perception of World War II and the Holodomor, or Great Famine. Both of these events with times of Soviet Ukraine pose for the independent common heritage, which, however, does not speak with one voice. World War II became a subject of debate within the Ukrainian, in which both sides stood the representatives of one nation. The main axis of conflict is the attitude of the inhabitants of the west of the country to the Red Army and those living in the east to the Ukrainian Insurgent Army. East and West in turn glorify one, considering these second as collaborators and traitors. It is very difficult that almost every family in the Soviet Union suffered during the war losses, emotional attitude to it and the years of collective amnesia deepened the gulf between points of view. [Riabchuk, 2015]. In turn, Holodomor, in the most affected area of present central and eastern Ukraine (Ukrainian Soviet Socialist Republic from 30'), for many years silenced, reduced to famine, which in the 30s' affected many areas of the Soviet Union, the main reason for the bringing into climatic conditions, not be bound to the criminal policy of the Communist Party leadership. Belittling the tragedy, calling into question the genocidal character or even his questioning, introduced divisions within the nation, taking victims the right to overwork this loss, which is contrary to the natural law of life and death, so also explain ourselves so much tragedy. [Zabużko, 2014]

Both of these myths were the major elements of historical policy created by the presidents of independent Ukraine, especially during the presidency of Leonid Kuchma and Viktor Yushchenko. This first tried to achieve some kind of balance, based on emphasizing major events for both narrative. He tried to maneuver between cultivation, particularly visible in the east of the country, the memory of the great victory in the Patriotic War, in which it shoulder to shoulder with other "brotherly nations" defeated fascism and rehabilitate historical UIA, allowing the regional evidence of memory in the form of street names, monuments, school academies. [Zhurzhenko, 2012] It is hard to talk about the all- ukrainian dialogue that seems to be impossible primarily due to the classification of characters and attacking enemies to western Ukraine, which until now part of the II Polish Republic, cooperation with the Nazi Germany was often dramatic choice seemingly "lesser evil"

which it was perceived as an opportunity to gain independence, by which the sacrifice of life fought the UIA soldiers. For eastern part of the country, strongly still with full of nostalgy to Soviet era, which experience the terror, the purges and the Holodomor, the Red Army, and promises of a better life after the war, was a liberator. A major obstacle to the necessary dialogue to use these tensions by politicians of different options, treatment Galician forms of nationalism as a stencil, an attempt to institutionalize the national memory. Viktor Yushchenko resisted their policies pursued by highlighting the breakthrough in the development of the Ukrainian Holodomor identity. Crime internationalize, it was considered genocide against the Ukrainian nation. Victimization has become the most important element of the historical (re) narratives - Ukraine presented as an eternal victim, persecuted by their neighbors. Exaggerates and emphasizes nation-sacrifice, which becomes the legitimacy of independence in the embodiment of moral superiority. [Jilge W., 2010]

A completely new element discourses of identity in today's post-Yushchenko and post-Yanukovich Ukraine, are described in the reportage of this year's Nobel Prize winner, Svetlana Alexievich, the disaster at Chernobyl [Alexievich, 2012] and the war in Afghanistan. [Alexievich, 2015b] Both of these events are a common feature of the history of all peoples of the former USSR and the fact that it occurred in the relatively recent past, makes live direct participants of the events. The national historiography not yet managed with overworking these stories, especially that there was a one-time parallel to state level perestroika and, consequently, the disintegration of the country. They become thus present on the new map symbolic geography as an instrument of (geo) politics of memory. [Zhurzhenko, 2013] In addition to this communist past and already discussed politics of memory, its elements are also energy policy and economic hegemony (or not) in Europe. [Zhurzhenko, 2003].

Recent events in Ukraine demonstrate that the problem of politics of memory, exploration of identity and vitality of myths in the public discourse on this issue extremely relevant. Willingly used by various political forces, for whom history is often a tool of manipulation and power struggles. Well-known historians and anthropologists work of Benedict Anderson, Imagined Community, undermined the old- centuries myth of national unity - an intricately structured system of beliefs and practices that is perceived as a social right, without her actually much in common. [Anderson B., 1997]. As in this context it is to express non-existent, a mythical (sic) unit? How to construct the right questions when considering research on identities? How to build a coherent dialogue on the most controversial events, especially recent history? It's hard to find a clear solution to these problems. However, you can indicate

social group, which should take over their reflection. These are Ukrainian intellectuals whose moral duty, according to Zabużko, "cross the East European intelligentsia," or repairing the distortions of political history. [Zabużko, 2014] The archetypal way this is expressed in the phrase "mission Fortinbras," which is to rely on a symbolic mastery of chaos after the tragedy, imposing a new order of the narrative. [Zabuzhko, 1999] The symbolic gesture is in the context of the Ukrainian intended to enable the history of the Ukrainian intelligentsia in the current European and even the world. The means to achieve these objectives is to recover lost in the 30 'with "executed by firing squad generation" historical continuity. Ukraine is to appear in this discourse as an intersection of cultures and influences – among other things Byzantium and neolatin culture, without dominating any of the trends. Ukrainian Fortinbras have so restore running forgotten, concealed and non-uniform distortions nation-story, full of diversity, but ready to discuss a common future.

Literature

1. Aleksijewicz Swiatłana, Czarnobylska modlitwa, Czarne 2012
2. Aleksijewicz Swiatłana, Czasy secondhand. Koniec czerwonego człowieka, Czarne 2015a
3. Aleksijewicz Swiatłana, Cynkowi chłopcy, Czarne 2015b
4. Anderson Benedict, Wspólnoty wyobrażone, Kraków 1997
5. Bazylow Ludwik, Wieczorkiewicz Paweł, Historia Rosji, Wrocław 2005
6. Butler Judith, Walczące słowa. Mowa nienawiści i polityka performatywu, Warszawa 2010
7. Figes Orlando, Szepty, Warszawa 2010
8. Gellner Ernest, Narody i nacjonalizm, Warszawa 1991
9. Himka John-Paul, Interventions: Challenging the Myths of Twentieth-Century Ukrainian History, [in:] The Convolution of Historical politics, edit. Alexiei Miller, Maria Lipman, Budapest 2012
10. Hroch Miroslav, Małe narody Europy, Wrocław 2003
11. Hrycak Jarosław, Historia Ukrainy 1772-1999. Narodziny nowoczesnego narodu, Lublin 2000
12. Hrycak Jarosław, Nowa Ukraina. Nowe interpretacje, Wrocław 2009
13. Huntington Samuel P., Zderzenie cywilizacji i nowy kształt ładu światowego, Warszawa 1997
14. Jilge Wilfried, Competition Among Victims? The Image of the Other in post-Soviet Ukrainian Narratives on World War II, Kiev 2010
15. Riabczuk Mykoła, Dwie Ukrainy, Wrocław 2004
16. Riabczuk Mykoła, Syndrom postkolonialny, Wrocław 2015
17. Solarska Maria, (S)przeciw historia, Bydgoszcz 2011

18. White Hayden, Poetyka pisarstwa historycznego, Kraków 2009
19. Wilson Andrew, The Ukrainians, New Haven 2002
20. Yekelchyk, Ukraine: Birth of Modern Nation, New York 1997
21. Zabuzhko Oksana, Chroniky wid Fortinbrasa, Kiev 1999
22. Zabużko Oksana, Ukraiński palimpsest, Wrocław 2014

Articles:

23. Krzemiński Adam, Walka na mity, http://www.polityka.pl/tygodnikpolityka/kraj/289079,1,walka-na-mity.read, [14 IX 2015], 2009
24. Maier Charles S., Hot Memory … Cold Memory. On the Political Half-Life of Fascist and Communist Memory, http://www.iwm.at/read-listen-watch/transit-online/hot-memory-cold-memory-on-the-political-half-life-of-fascist-and-communist-memory/, [12 X 2015], 2002
25. Riabchuk Mykola, Raider's state, http://www.eurozine.com/articles/2012-05-11-riabchuk-en.html, [16 X 2015], 2012
26. Riabchuk Mykola, Ukraine: One State, Two Countries?, http://www.eurozine.com/articles/2002-09-16-riabchuk-en.html, [18 X 2015], 2003
27. Wojciechowski Marcin, Polityka historyczna. Wariant kozacki, http://wyborcza.pl/1,75477,3574215.html, [14 X 2015], 2006
28. Zhurzhenko Tatiana, Heroes into victims, http://www.eurozine.com/articles/2012-10-31-zhurzhenko-en.html, [15 X 2015], 2012
29. Zhurzhenko, Tatiana, The Geopolitics of Memory, http://www.eurozine.com/articles/2007-05-10-zhurzhenko-en.html, [15 IX 2015] 2013
30. Zhurzhenko Tatiana, The Myth of Two Ukraine, http://www.eurozine.com/articles/2002-09-17-zhurzhenko-en.html, [15 IX 2015], 2003

Константин Савицкий
(Беларусь)

ПРОЦЕСС ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН

The article deals with the political, legal, economic and social transformation in Poland after the 1989 Polish Round Table Agreement in the context of their presentation in the textbooks on the history of modern times for secondary educational institutions in the former Soviet Union (Belarus, Russia, Ukraine, and Kazakhstan).

Изучение истории помогает индивиду лучше ориентироваться в культурно-историческом наследии мира. Вместе с тем в школьной программе по истории наиболее отчетливо проявляется оценочный аспект тех или иных событий, отношение к ним общества либо тех общественных сил, которые отвечают за выработку у подрастающего поколения определенных оценочных установок.

Трансформационные процессы в Польше не первый год рассматриваются как чрезвычайно важный объект истории, оказавший большое влияние на процессы в Восточной Европе. Данный вопрос является неотъемлемой частью учебной программы по истории Новейшего времени в системе среднего образования. Суть его такова.

«Круглым столом» (1989 г.) назывались переговоры между правительством и оппозицией, в ходе которых обсуждались преобразования, необходимые для продолжения существования Польши. После «Круглого стола» в Польше произошла трансформация, охватившая все сферы жизни общества.

Перед оппозицией в Польской Народной Республике (ПНР) стояли три основные цели: переход к демократической политической системе, рыночной экономике и гражданскому обществу в суверенном государстве. Речь шла об утверждении совершенно новой модели функционирования государства, экономики и общества.

Процесс трансформации политического устройства предусматривал переход от авторитарного государства к демократическому. Существо-

вавшая ранее социалистическая система опиралась на главенствующую роль коммунистической партии, монолитность власти и социалистическую законность. Преобразования должны были привести общество к системе демократического парламентаризма, которая опиралась бы на политический плюрализм, разделение властей и демократическое правовое государство.

«Круглый стол» в Польше имеет давнюю предысторию, уходящую своими корнями в 70-е гг. прошлого века. В декабре 1970 г. правительством были повышены цены на продовольственные и некоторые непродовольственные товары. Повышение цен вызвало недовольство граждан, которое перешло в манифестации. Это подтолкнуло значительную часть интеллектуалов к мысли, что польский народ осознал, насколько неудачным оказалось сотрудничество ПНР с социалистическим блоком, т.е. неприемлемость для страны социалистической системы.

В польском журнале «Культура» в статье «Выводы польского декабря» югославский литератор и политический деятель Милован Джилас писал: «Декабрьский бунт на Побережье в 1970 г. подтверждает неорганизованность и эфемерность "национального коммунизма", а также некомпетентность коммунизма как системы вообще, пока он опирается – и не существует ни одного факта, что это не так – на монополию одной партии, одной группы олигархов в политике и экономике» [9].

В 1974 г. госдолг составил 100% от экспорта Польши, в связи с этим дотации фермерам сократились, что повлекло за собой трудности в снабжении населения продовольствием. Очевидно, что со второй половины 1970-х гг. социально-экономическая ситуация в Польше продолжала стремительно ухудшаться. Социальная напряженность росла, возникло недовольство руководством страны, затем разочарование в «реальном социализме», который оказался не в состоянии удовлетворять материальные запросы общества. Растущее недовольство вылилось в волну забастовок в 1976 г. и особенно в 1980 г. И хоть руководство ПНР не отказывалось от силового сценария решения конфликта, введя в 1981 г. в стране военное положение, однако оно было вынуждено вступить в переговоры с протестующими. В ходе событий начала 1980-х гг. на лидирующие позиции в протестном движении вышел независимый профсоюз «Солидарность», возглавляемый Лехом Валенсой. Именно «Солидарность» организовала в 1988 г. общенациональную забастовку и вынудила руководство ПНР начать переговорный процесс, приведший к падению в Польше коммунистического режима.

Развал социалистической системы был обусловлен стремлением общества внедрить изменения, оговоренные за «Круглым столом». Постепенно начиналось внедрение демократических принципов, отмена цензуры, введение политического плюрализма и гарантий гражданских прав. Новая правовая система нашла свое выражение в Конституции (1997) [8], Законе об избирательном праве (1992), в развитии местного самоуправления.

По результатам «Круглого стола» был создан двухпалатный парламент – сейм и сенат. Раздел IV Конституции Польши посвящен сейму и сенату. Институт президентства был введен в 1989 г. Данный институт вводился с оговоркой, что этот пост должен занять представитель правящей на тот момент Польской объединенной рабочей партии (ПОРП), соответственно президентом страны был избран генерал Войцех Ярузельский.

В 1989 г. экономика Польши оказалась на грани катастрофы. Внешний долг составлял 28,1 млрд злотых, инфляция достигла 351,1% в год, производство упало на треть, почти половина польских предприятий оказались на грани банкротства [7, 10]. Министр финансов в правительстве Тадеуша Мазовецкого Лешек Бальцерович предложил план действий для трансформации экономической системы государства. «План Бальцеровича», состоявший из 10 законопроектов, был принят президентом и парламентом 31 декабря 1989 г. В частности, разрешалась приватизация государственных компаний иностранными инвесторами, вводился запрет Национальному банку на эмиссию, утверждался единственный курс для злотого. Кроме того, Бальцерович и его команда отпустили практически все цены на продовольствие. Под контролем государства остались только жилищно-коммунальные тарифы и общественный транспорт. Платой за переход к рыночной экономике стали высокая безработица и мгновенный рост цен. Тем не менее реформы принесли положительный эффект уже весной 1990 г., когда инфляция была замедлена, а дефицит бюджета сокращен. К 1992 г. рост ВВП составил 2,6%, а к 1995 году – 7% [11].

Трансформация в Польше послужила катализатором для политических, экономических и общественных преобразований в Восточной Европе. Населению стран социалистического лагеря после «Круглого стола» в Польше стало понятно, что правящие партии не будут пытаться удержать власть силовым путем.

Как же освещаются эти процессы в школьных учебниках постсоветских республик?

В белорусском учебнике «Всемирная история, XIX – начало XXI в.» для учащихся 11-го класса [3] рассмотренные выше события описаны предельно кратко. В пособии упоминаются: легитимация «Солидарности»; свободные выборы; первое некоммунистическое правительство во главе с председателем «Солидарности» Тадеушем Мазовецким; 1990 г. – президентские выборы, победу в которых одержал Лех Валенса; трудный переход к рыночной экономике. Не выделены вопросы трансформации политической и экономической систем, а также не описаны предпосылки для данных преобразований. Интеграция Польши в международные политические структуры никак не освещена.

В украинском учебнике «Всесвітня історія. 11 клас» [4] вопрос рассматривается чуть шире, чем в белорусском, но тоже не в полной мере. Отмечаются такие факты, как: непринятие народом коммунистической партии, что нашло отражение в результатах выборов в сейм и сенат в 1989 г.; быстрый темп приватизации; создание Вышеградской группы; вступление Польши в НАТО. Слабо освещены политическая, экономическая и интеграционная стороны данной проблемы.

В российском учебнике «Всеобщая история: 11 класс» [5] отражены следующие факты польской истории в период трансформации общества: признание принципов парламентской демократии и гражданского общества; выборы 1989 г., «Солидарность» заняла 99/100 мест в парламенте, глава правительства Тадеуш Мазовецкий; победа на президентских выборах Леха Валенсы; шоковая терапия; инфляция; безработица; разочарованность общества изменениями; выход из кризиса в 1993 г.; вступление Польши в ЕС 1 мая 2004 г. Не уделено внимания предпосылкам изменений, трансформации политической системы, а также интеграции Польши.

В казахстанском учебнике «Всемирная история: Учебник для 11 класса» [2] по данному вопросу изложены следующие факты: выборы в сейм в июне 1989 г.; вступление «Солидарности» в некоммунистическую оппозицию; создание некоммунистического правительства во главе с Тадеушем Мазовецким; проведение шоковой терапии; падение жизненного уровня населения и рост безработицы; победа на президентских выборах Леха Валенсы; признание польским обществом «экономического чуда», рост ВВП в 1993–1995 гг.; реформа системы социального обеспечения; уменьшение уровня безработицы (20% в 2002 г.); вступление в НАТО в 1999 г., вступление в ЕС в 2004 г. Данный учебник раскрывает вопрос экономической, политической и общественной трансформации Польши, а также ее интеграции, но не рассматривает предпосылки данных процессов.

Подводя итоги, можно отметить, что процесс трансформации Польши, являясь первым в своем регионе, подал пример сплоченности народа в борьбе с тоталитарным режимом и являлся примером для стран-соседей. Исходя из этого, можно утверждать, что рассмотрение этого вопроса заслуживает должного внимания на уровне среднего образования. К сожалению, в школьных учебниках Беларуси, России и Украины этот вопрос освещается слишком кратко, хотя сам процесс оказал влияние на общественное отношение к правящему режиму. Стоит отметить, что в Казахстане, где польская трансформация не оказала особого влияния на общественность, эта тема раскрыта более полно. Можно предположить, что отображение данного вопроса в учебниках свидетельствует об отношении общества к процессу трансформации в Польше, выражая государственные концепции трактовки новейшей истории.

Литература

1. Войташчик, К.А. Трансформация политической системы в Польше после 1989 года – эффекты и новые вызовы // Современная политическая наука: нравственные регулятивы. Минск, 2012. С. 29–47.
2. Всемирная история: учебник для 11 кл. обществ.-гуманит. направления общеобразоват. шк. / Т.С. Садыков, Р.Р. Каирбекова, С.В. Тимченко. 2-е изд., перераб., доп. Алматы: Мектеп, 2011. 296 с.
3. Кошелев, В.С. Всемирная история, XIX – начало XXI в.: учеб. пособие для 11-го кл. общеобразоват. учреждений с рус. яз. обучения / В. С. Кошелев; метод. обеспечение М.А. Красновой. Минск: Изд. центр БГУ, 2009. 239 с.
4. Ладиченко, Т.В. Всесвітня історія: підручн. для 11 кл. загальноосвіт. навч. закл. (рівень стандарту, акадэмічний рівень). К.: Грамота, 2011. 224 с.
5. Пленков, О.Ю. Всеобщая история: 11 класс: учебник для учащихся общеобразовательных учреждений / О.Ю. Пленков, Т.П. Андреевская, С.В. Шевченко; под общ. ред. академика РАН В.С. Мясникова. М.: Вентана-Граф, 2011. 336 с.
6. Скворцова, Д.С. Польша и Европейский союз: путь к интеграции (1989–2004 гг.) // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. Белгород, 2010. С.92–97.
7. Dług szybko rośnie, Skarb Państwa 630 mld zł pod kreską / money.pl. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.money.pl/gospodarka/wiadomosci/artykul/dlug;szybko;rosnie;skarb;panstwa;630;mld;zl;pod;kreska,61,0,590141.html Дата доступа: 01.05.2015.
8. Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej. Warszawa, 1997.
9. Milovan Dżylas. Wnioski z Polskiego Grudnia // Kultura. № 3/282. Paryż, 1971. S. 49.

10. Roczne wskaźniki cen towarów i usług konsumpcyjnych od 1950 roku / Główny Urząd Statystyczny. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://stat.gov.pl/obszary-tematyczne/ceny-handel/wskazniki-cen/wskazniki-cen-towarow-i-uslug-konsumpcyjnych-pot-inflacja-/roczne-wskazniki-cen-towarow-i-uslug-konsumpcyjnych-w-latach-1950-2014/ Дата доступа: 26.04. 2015.
11. Wzrost gospodarczy w polsce na tle innych krajów unii europejskiej / Maria Jodłowska. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.rynekpracy.pl/artykul.php/typ.1/kategoria_glowna.27/wpis.891 Дата доступа: 27.04.2015.

МЕСТО ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В СОВРЕМЕННОЙ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Филипп Подберёзкин
(Беларусь)

«BLAWASSER» – БИТВА НА КУЛИКОВОМ ПОЛЕ В НЕМЕЦКИХ ХРОНИКАХ

The main aim of the article is to collect and evaluate all the accessible data about the 1380 battle of Kulikovo in the northern German and Prussian chronicles in order to compare their information with the information of Russian chronicles, recreating the most plausible sequence of events. The phenomenon of the battle of Kulikovo is perceived as a part of Russian national mythology, according to which the Russians won the battle. The article seeks to investigate the origin of the German news about battle, which entirely contradicts the Russian news. In the study of these aspects the origin of the German news is discussed through the personal and political history of the dynastic conflicts in Eastern Europe at the end of the fourteenth century. The author tries to give his own interpretation of the battle, based on both German and Russian texts.

Битва на Куликовом поле 1380 г. между русскими и татарами до сих пор является «проблемным местом» в российской историографии. Несмотря на множество спорных вопросов относительно хронологии событий, достоверности летописных сведений, победа на Куликовом поле заняла прочное место в российской национальной мифологии и находится как бы вне возможной источниковедческой критики, с помощью которой можно было бы по-иному интерпретировать предпосылки, ход и результаты сражения. В настоящей статье мы попытаемся рассмотреть битву в русле как иностранных (немецких), так и русских письменных источников. Дело в том, что лаконичная информация немецких хроник об этом важном событии противоречит русским летописным сообщениям. Что это за сообщения, а также что о них знают отечественные историки, будет показано ниже.

Тексты. В VII главе девятой книги «Wandalia» (1519) каноника из Любека Альберта Кранца есть рассказ о великой битве между русскими и татарами (перевод мой. – *Ф.П.*):

«Также в это время была в одном месте, по имени Флавассер (Flawasser), великая битва между русскими и татарами, никогда прежде неслыханная между людьми. Ибо были убиты в ней около 200 000 чело-

век. Обычай этих народов не таков, как у нас, когда стоят друг напротив друга. Они же скачут туда и сюда и обстреливают друг друга из луков. Победа склонилась к русским, которые захватили малую добычу скота, ибо иной добычи эти народы не знают. Однако недолго радовались русские победе, так как татары объединились с литовцами и поразили русских, отобрали у них награбленный скот. Это случилось в год Господа нашего и Спасителя от рождения тысяча трехсот восемьдесят первого» [6: 309].

Согласно исследователю историописания Кранца Вио Нордману, это сообщение заимствовано Кранцем из более ранней хроники «Chronica novella» любекского хрониста Германа Корнера [14: 126]. Использование любекской хроники в качестве источника для «Вандалии», а в частности – текстов, касающихся событий XIII–XV вв., установлено другими исследователями творчества Альберта Кранца [16: 17–19; 17: 33]. Итак, под 1380 г. у Германа Корнера есть такое сообщение:

«Великая битва произошла на Блавассер (нем. Blowasser – синяя вода) между рутенами и татарами, и поражены были 400 000 человек. Рутены недолго радовались победе и великой добыче. Внезапно появились литовцы и татары, которые помогали им. Они победили русских и отняли у них добычу» [9: 74].

Согласно издателю хроники Корнера, этот сюжет мог быть заимствован из хроники леземейстера Детмара, который, предположительно, начал писать свой труд в 1385 г. [15: 68]. Таким образом, Детмар из Любека был современником битвы на Куликовом поле:

«В то же самое время была большая стычка у синей воды (blowasser) между русскими и татарами; с обеих сторон пало 400 000, русские выиграли там битву. Как только они хотели отправиться с большой добычей, пришли литовцы к ним поперек, которые были попрошены татарами о помощи, и отобрали у них добычу и поразили многих из них на поле» [8: 313].

Похожие сообщение мы находим в прусских хрониках – Иоанна фон Позилге и «Торуньских анналах», авторы которых тоже были современниками происходящего:

Иоанн фон Позилге:

«В этом году (1380. – *Ф.П.*) была большая война во многих землях; а именно сражались русские с татарами у синей воды, с двух сторон поражено 11 000 человек. Однако русские удержали поле (победили. – *Ф.П.*), и, когда возвращались они с битвы, пришли литовцы, приглашенные татарами для помощи, и поразили русских совершенно, и взяли добычу, которую те отобрали у татар» [13: 46–47].

«Торуньские анналы»:

«В этом году рутены и татары имели великую битву. Поражено было 400 000. Русские превозмогли» [18: 114].

Итак, сюжеты любекских хроник Детмара и Корнера схожи в своих сообщениях о «литовском ударе». В «Торуньских анналах» нет сообщения о битве литовцев с возвращавшимися русскими. Эти наблюдения позволяют предположить, что хроника Детмара и хроника Иоанна фон Позилге имеют общий оригинальный (письменный или устный) источник, в то время как «Торуньские анналы» опираются на какой-то иной независимый источник, отличный от первого. Сведения одной из этих хроник попали на страницы более поздней хроники Германа Корнера и «Вандалии» Альберта Кранца.

Постановка вопросов. Новгородская первая летопись, так же как и другие русские хроники московской редакции, сообщает нам традиционную, «русскую версию» битвы:

«1380: Сиа же суеяся победа князю великому месяца сентября в 8… князь же великий Дмитрий… сам приехал Богом храним в столный и великий град Москву, в отчину свою, с братом Володимером» [5].

Итак, согласно летописной традиции, после битвы русские возвращаются спокойно домой. Нет никаких упоминаний о «литовском ударе». Сравнительный анализ сюжетов обуславливает постановку следующих вопросов: каково происхождение немецких сведений; что имеется в виду под битвой у «Blawasser» в немецких (любекских и орденских) хрониках и «Flawasser» у Кранца? Ответив на два этих вопроса, можно попытаться реконструировать контекст, в который помещены сообщения. Ниже мы поговорим о том, что знали о «немецкой версии» российские историки, начиная с Н.М. Карамзина.

Российские историки о «литовском ударе». Противоречие между русскими и немецкими источниками по поводу такого события, как Куликовская битва, вызвало интерес у некоторых русских историков.

Впервые указывает на немецких хронистов Н.М. Карамзин в своей «Истории государства Российского». В примечаниях к пятому тому «Истории» Карамзин цитирует сообщение «Вандалии» Кранца, а также сообщение Иоанна фон Позилге. Сообщение Кранца о собрании торговцев в Любеке, которое следует после описания битвы («Quo etiam tempore in Lubica coe us agebatur et convenius urbium omnium de societata, quam Hansam dixere»), интерпретируется Карамзиным таким образом:

«Последнее место выписано здесь для того, что оно может изъяснить, каким образом сведали в Германии о Донской битве: купцы Ганзейские, в

1381 году имевшие съезд в Любеке, могли привезти туда вести из Новгорода, с ними союзнаго» [2, прим. 81].

Сообщение Иоанна фон Позилге также цитируется Карамзиным. Карамзин отмечает, что река Непрядва и Дон никогда не назывались «Синей водой». Относительно же «литовского удара» Карамзин не говорит ничего.

Другую версию предложил русский исследователь начала XX в. В.Г. Лянскоронский, который в своей монографии «Русские походы в степи…» комментирует версию Карамзина и дает собственную филологическую интерпретацию названию «Flawasser». Под «Blawasser» примечаний Карамзина Лянскоронский понимает «Flawasser» (как у Кранца). Согласно Лянскоронскому, Кранц перепутал битву на Куликовом поле с битвой на «Синей воде» между Мамаем и Тохтамышем в 1380 г., где битва, согласно Лянскоронскому, происходила у водопада: т.е. у Кранца должно было быть «Fallwasser», а не «Flawasser», и речь идет об обычной речевой ошибке, свойственной средневековым писателям [4: 85–86].

Современный русский исследователь С.Н. Азбелев интерпретирует сведения немецких хроник в свете своей гипотезы, допускающей участие новгородцев в битве на Куликовом поле. На основе литературных источников (русский эпос конца XIV–XV вв.) Азбелев доказывает участие новгородцев в битве в рамках договора о взаимной помощи, заключенного раннее московским князем с Новгородом. Таким образом, согласно Азбелеву, русских Кранца можно рассматривать как новгородцев, возвращавшихся домой с поля боя, но никак не главное войско князя Дмитрия Донского [1].

Анализ происхождения сообщений. Наиболее важным вопросом является происхождение немецких сообщений. Аргументация сторонников «новгородской версии» заключается в следующем: Ганза имела свои конторы только в двух русских городах – Новгороде и Пскове; немецкие хронисты используют устный источник, а именно русский или немецкий (последний происходит от русского); в 1381 г. в Любеке было собрание, на котором могли обсуждаться проблемы, связанные с Новгородом; на нем же ганзейскими купцами могли быть озвучены сведения о битве на «Синей воде» (опять же подкрепленные устным авторитетом).

Попробуем рассмотреть каждый из названных аргументов. Во-первых, у Ганзы было не две, а одна контора на Руси, в Пскове находился лишь филиал первой [11: 302] – во многом это уменьшало ареал «информационного поля» Ганзы на Руси. Во-вторых, уже вышеупомянутые различия в сообщениях «Торуньских анналов», хроник Детмара и Иоанна

фон Позилге указывают на возможность разных устных источников для этих хроник. Следовательно, было как минимум два источника информации. В-третьих, ганзейские собрания, где обсуждалась тема Новгорода, проходили не только в Любеке летом 1381 г., но и в октябре 1380 г. в Висмаре [10: 280]. В-четвертых, для того чтобы оценить возможность передачи информации о «русских вещах», необходимо проанализировать два собрания – в октябре 1380 г. (Висмар, где участвовали послы из Любека), а также в июне 1381 г. (Любек, где находились ливонские и прусские представители). Во время собрания в октябре говорилось о происшествии с неким Гейденриком из Данцига и его жалобе на Новгород:

«Далее встал Гейденрик из Данцига и жаловался, что его добро, которое он привез в Новгород, там теперь отобрали и запечатали. В Новгород послали послов с письмами…» [там же].

24 июня 1381 г. в Любеке человек великого магистра из Пруссии сообщал об актуальных проблемах в отношениях с Новгородом:

«Затем говорил Хинрик из Алена, человек великого магистра из Пруссии… о том, что необходимо уплатить штраф за оскорбление нашего купца новгородцами, а также вернуть ему его деньги… решили послать письма в Новгород, дабы решить эту неприятность» [там же, s. 283].

Фактичность двух собраний и короткие сообщения о них, относящиеся к Новгороду, позволяют утверждать следующее: с одной стороны, информационное пространство Ганзы было ограничено, с другой, нам также неизвестно, были ли Хинрик и Гейденрик в Новгороде; все это, однако, не может указывать на невозможность варианта, при котором сообщение было передано именно из Новгорода. Во время собраний в 1380 и 1381 гг. информацию давали два человека, связанные непосредственно с Ганзой (Гейденрик) либо с Орденом (Хинрик из Алена). В этих собраниях принимали участие также и другие представители Ордена – из Торна. *Исходя из этого, можно предположить, что оба этих человека могли сообщить разную информацию о «русских делах».*

В собраниях принимали участие не только представители из Пруссии, но также из Ливонии, непосредственно связанные с Новгородом и Ливонией. Известно также, что у Ордена была хорошо разветвленная сеть информаторов в Литве, откуда доходили сведения не только о литовцах, но и о русских. Это позволяет сказать, что в 1381 г. информация о битве у «Синей воды» могла иметь ливонское происхождение.

Все вышесказанное позволяет сделать следующие выводы: мы не можем отвергать «новгородскую версию» (ввиду вариативности ее проис-

хождения); однако этот вариант не может полностью удовлетворить нас, поскольку мы говорим уже о трех возможных источниках – прусском, ганзейском, ливонском; три источника могут означать три варианта происхождения.

Анализ филологической интерпретации. В.Г. Лянскоронский под «Синей водой» понимает «Flawasser» Карамзина, таким образом, делается вывод, что речь идет о более ранней битве Мамая и Тохтамыша. Эта версия имеет ряд минусов: во-первых, Лянскоронский основывается только на слове «Flawasser», взятом Карамзиным у немецкого хрониста Альберта Кранца. Любекские хроники ни Карамзиным, ни Лянскоронским не рассматриваются. Однако и у Детмара, и у Иоанна фон Позилге, и в «Торуньских анналах» употребляется «Blawasser». Очевидно, что позднейший писатель Альберт Кранц просто перенял «Flawasser» как «Blawasser». А значит, Лянскоронский анализирует не непосредственно данные любекских хроник, а примечание Карамзина; в любом случае слово «Fallwasser» (старонем. «водопад») не могло стать «Flawasser», так как «Flawasser» перенято Кранцем из ранних любекских хроник; слово «Flawasser» не может быть изменено как «Fallwasser», так как русское «водопад» по-немецки – «Wasserfall», а «Fallwasser» имеет совсем другое значение. Кроме того, битва между Тохтамышем и Мамаем у Калки 1380 г. была битвой между татарами. Там не было литовцев и русских – следовательно, история этой битвы противоречит немецким сведениям. Интерпретация Лянскоронского не может приниматься нами как версия битвы. Она не имеет под собой ни филологического, ни событийного обоснования.

Анализ «новгородской версии». Российский исследователь С.Н. Азбелев полагает, что новгородцы помогали московскому князю Дмитрию Ивановичу в рамках договора между Москвой и Новгородом. Хотя это мнение было озвучено автором давно, еще в рамках советской историографии, оно до сих пор является спорным и не принимается большинством историков (например, такие исследователи, как Г.Е. Дубровин, А.В. Мартынюк, называют эту теорию «фантазмом»). Эта версия важна для нас, так как позволяет объяснить дальнейшие передвижения русских войск после битвы.

Предпосылки данной версии следующие: участие новгородцев в Куликовской битве косвенно подтверждается русским литературным источником «Задонщина»; в 70-е гг. XIV в. между князем Дмитрием и Новгородом действовал оборонительный договор. Согласно этому договору новгородцы должны были помогать Москве против Литвы; лояль-

ность новгородцев князю подтверждается также и возведением церкви св. Дмитрия Солуньского.

По следующим причинам эта версия является для нас все же неприемлемой. «Задонщина» как литературный источник имеет особую специфику. Нельзя однозначно определить, когда точно было написано произведение (примерно 80-е гг. XIV – начало XV ст.). Даже если автор произведения был современником события, налицо его промосковская идеологическая заданность. Сегодня уже бесспорно, что как «Слово о полку Игореве», так и «Задонщина» не только текстуально, но и идеологически сходны. Цель обоих произведений – воссоединение русских земель против их врагов. Участие Новгородской земли как одной из важнейших земель Руси в данной схеме, безусловно, необходимо. Однако, несмотря на договор, с зимы 1379 г. в Новгороде сидел литовский князь Юрий Наримонтович, с 1383 г. – его брат Патрикей [5: 367]. Таким образом, Новгород проводил двухполюсную политику. Это было оправдано тем временем, когда баланс сил Москвы, Литвы и татар не был постоянным. Можно только предположить, что население Новгорода симпатизировало Дмитрию Донскому в его борьбе с татарами. Таким образом, версия об участии новгородцев в битве у «Blawasser» не может быть признана удовлетворительной.

Промежуточный вывод. Мы должны исходить из того, что немецкие сообщения позволяют сформулировать по меньшей мере три возможные версии их происхождения. Происхождение слова «Blawasser» пока неизвестно, филологической интерпретации не хватает лингвистической компетенции и она нуждается в доработке. Необходимо говорить, по большей части, о войсках князя Дмитрия и его союзников, без новгородцев.

Немцы, Новгород и братья Ольгердовичи: немецкая версия событий. Необходимо определить роль и место литовцев в событиях накануне и после битвы на Куликовом поле в 1380 г., а также проследить отражение их активности на Руси в 1379–1382 гг. в русских и немецких источниках. Думается, это позволит нам выйти на возможный источник немецких сообщений.

Ранее мы уже отмечали, что, несмотря на заключение оборонительного договора между Новгородом и Москвой против Литвы, новгородцы пригласили литовского князя Юрия Наримонтовича:

«(1379) Тои же зимы прииха в Новгород князь Литовьскыи Юрьи Наримантович» [5: 367].

Одновременно братья великого князя Ягайло, Андрей и Дмитрий Ольгердовичи, сбежали на службу к московскому князю Дмитрию Ивановичу и стали врагами Ягайло. Скиргайло Ольгердович, так же как и Юрий и Патрикей Наримонтовичи, были союзниками князей Ягайло и Витовта. Русские летописи сообщают об участии двух братьев Ольгердовичей в Куликовской битве на стороне московского князя. При этом Никоновская летопись сообщает нам о союзе князя Ягайло и татарского темника Мамая:

«И отселе от страны Литовскиа князь Ягайло Литовский, иже прииде со всею силою Литовскою поганому Мамаю и Татаром на помощь, а християном на пакость, но и от тех Бог избавил…» [3: 66].

Этого сообщения, однако, нет в литовских хрониках, которые повествуют нам о напряженном противостоянии между князем Ягайло и его дядей Кейстутом в это время. Очевидно, что Ягайло не мог прийти с «силою Литовскою» на помощь темнику Мамаю в сентябре 1380 г.; вряд ли династические споры между Чингизидами волновали его больше, чем вопрос о его собственной власти в Литве. Однако мы знаем, что литовские войска уже в следующем 1381 г. осаждали вотчину Андрея Ольгердовича – Полоцк. Это событие упоминается во всех новгородских и московских летописях. Новгородская летопись говорит:

«Тои же осени стоял князь Литовьский Скиргайло под Полотском с Немечьскою ратью, и много бысть им тягости; и прислаша к Новугороду просящее помоци… и не бысть им помощи от Новагорода» [4: 368].

Скиргайло и его «немецкая рать» попали на страницы немецких хроник. Помимо сообщений фон Позилге, Детмара и «Торуньских анналов», подробно об этом повествует также хроника Виганда из Марбурга:

«Тем временем, как уже было сказано, когда сын Ольгерда был королем в Полоцке, рутены подумали, что им не надлежит иметь языческого короля, и изгнали его. Затем Скиргайло с большим войском пошел на Русь, замышляя захватить Полоцк; но рутены обороняли город, поэтому Скиргайло послал послов к ливонскому магистру, прося его, обещая дать ордену часть земли в вечное владение, так как рутены сильно сопротивлялись ему и хотели изгнать его, магистр с начальниками своими и великим войском прибыл под Полоцк, борясь с язычниками, и через 11 дней стал под Полоцком и не хотел отступить. Скиргайло подарил магистру обещанную землю, на которой магистр построил замок без всякой опоры» [19: 262-264].

«Торуньские анналы»:

«В том году около дня святого Лаврентия ливонцы со Скиргайло, сыном когда-то короля литовцев Ольгерда осадили город Руссии Полоцк, стояли там до 14 недель; но ничего не добились» [18: 116–117].

Хроника Детмара:

«В том же году король Полоцка Скиргайло, брат того короля Ягайло, был изгнан русскими из города Пскова; они посадили его верхом на коня и выгнали из города. Это задело его; он объединился с христианами и магистром Лифляндии и пошел в Литву. Христиане и литовцы пошли походом к Полоцку и осадили город с двух сторон. Магистру Лифляндии они предложили сдаться; но хотели они лучше умереть, чем сдаться королю Скиргайло. Обложили они город на 16 недель; но не взяли город» [там же].

У Иоанна фон Позилге:

«В этом году около дня святого Лаврентия ливонцы и Скиргайло с литовцами осаждали Полоцк у русских недель 14, однако ничего не добились» [там же].

Итак, сообщения фон Позилге и «Торуньских анналов» идентичны: кратко упоминается совместная осада магистром и Скиргайло Полоцка в день св. Лаврентия, их неудача. Наиболее подробные сообщения – Виганда из Марбурга и Детмара – различны по содержанию: у первого называется причина недовольства полочан Скиргайло (язычество князя), первая неудачная осада самим Скиргайло, подарок последнего магистру и неудачная совместная осада. У Детмара мы читаем о позорном изгнании князя, его объединении с магистром. То обстоятельство, что сюжет об осаде Полоцка в 1381 г. упомянут сразу четырьмя хронистами, свидетельствует об известности данного события не только на Руси, но и среди братьев Ордена. Хроника Виганда из Марбурга – герольда читалась рыцарям-участникам литовских рейзов [7: 457], вероятно, этим можно объяснить акцентирование противостояния язычников, русских и христиан, а также земель в «Руссии», принадлежащих ливонскому магистру. В целом подробное повествование об осаде, несколько версий произошедшего свидетельствуют о наличии нескольких устных источников – весьма вероятно, что ими были сами участники похода – «немецкая рать» князя Скиргайло.

Необходимо отметить также и общую активность отдельных литовских князей и их отрядов на Руси в период 1378–1382 гг., о чем уже говорилось выше. Мы не знаем, где находился Скиргайло осенью 1380 г. Возможно, он действовал в это время против братьев Андрея и Дмитрия – в свете этого предположения кажется не случайным упоминание

в «Софийской первой летописи» похода князей Владимира Андреевича и Андрея Ольгердовича «на Литву» в 1379 г., а также возможного удара литовцев на русских, возвращавшихся домой после битвы с татарами в 1380 г. В любом случае, немецкие рыцари и прусские, ливонские братья Ордена, находившиеся со Скиргайло на протяжении долгого времени, могли послужить устными источниками для сообщений хроники Детмара и Иоанна фон Позилге. Также непосредственные свидетели могли сообщить эту информацию на Ганзейском собрании 1381 г. Сообщение «Торуньских анналов», где нет упоминания о «литовском ударе», могло прийти от немецких купцов из Новгорода, которые не имели такой детальной информации о событиях 1380 г., как рыцари и братья, участвовавшие в полоцком походе 1381 г. Немецкой хронистике знаком и такой сюжет, как осада Москвы Тохтамышем в 1382 г. [8: 321].

Выводы

Таким образом, проведенная критика источников и анализ историографических концепций в связи с учетом внутренней обстановки Восточно-Европейского региона того времени позволяет сделать следующие выводы: 1) *было несколько устных источников*, откуда немецкие хронисты могли черпать информацию о битве на «Blawasser» (Куликово поле, 1380); 2) можно предположить, что *на страницы ганзейской хроники Детмара и хроники Иоанна фон Позилге попадает «литовская версия»* событий, согласно которой имело место нападение отдельного литовского отряда на часть русского воинства; «Торуньские анналы» сообщают нам «новгородскую версию»; 3) *главным источником сообщений нижненемецких и орденских хроник стали устные свидетельства рыцарей и братьев из ордена*, учавствовавших в походе на Полоцк вместе со Скиргайло; данное предположение подтверждается как относительным совпадением времени осады Полоцка и конфликта русских с татарами, так и высокой активностью литовских отрядов в 1379–1382 гг. на Руси, возросшей ролью литовских князей в политической жизни Новгорода и Москвы.

Литература

1. Азбелев, С.Н. Новгород и Куликовская битва // Новгород и Новгородская земля. История и археология Новгорода. Вып. 21. СПб., 2007. С. 13–19.
2. Карамзин, Н.М. История государства Российского. Т. V. СПб., 1819.

3. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской Летописью // ПСРЛ. Т. 11. СПб., 1897.
4. Лянскоронский, В.Г. Русские походы в степи в удельно-вечевое время и поход князя Витовта на татар в 1399 году. СПб., 1907.
5. Полн. собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская летопись. СПб., 1888.
6. Alberti Krantz Wandalia oder die Beschreibung Wendischer Geschichte… Stephan Makropius. Lübeck, 1600.
7. Boockmann, H. Die Geschichtsschreibung des Deutschen Ordens. Gattungsfragen und «Gebrauchssituationen» // Geschichtsschreibung und Geschichtsbewußtsein im späten Mittelalter: Vorträge und Forschungen. Bd. 31. Sigmaringen, 1987.
8. Chronik des franciskanischer Lesemeisters Detmar, nach der Urschrift und mit Ergänzungen aus andern Chroniken / hsg. von Dr. F.H. Grautoff / erster Theil, bei Perthes und Besser. Hamburg, 1829.
9. Die Chronica Novella der Hermann Korner / hsg. Von Jakob Schwalm. Göttingen, 1895.
10. Die Recesse und andere Akten der Hansetage von 1256–1430. Bd. II. Leipzig, 1872.
11. Dollinger, P. Die Hanse. Stuttgart, 2012.
12. Heinrich von Lettland. Livländische Chronik. Würzburg, 1959.
13. Jahrbücher Johannes Lindenblatts oder Chronik Johannes von der Pusilie Officials zu Riesenburg, hsg. Johannes Boigt und Fridrich Wilchelm Schubert. Königsberg, 1823.
14. Nordman, V.A. Die Wandalia des Albert Krantz: eine Untersuchung. Helsinki, 1934.
15. Sandfuchs, T. Detmar von Lübeck // Verfasserlexikon. Bd. 2. Berlin, 1980.
16. Schaerfenberg, P. Die Saxonia des Albert Krantz: Dissertation. Kiel, Meiningen, 1893.
17. Schäfer, E. Zur Geschichtsschreibung des Albert Krantz: Rostoker Habilitationsschrift, 1898.
18. Scriptores rerum Prussicarum. Dritter Band / hsg. von Dr. Theodor Hirsch, Dr. Max Töppen und Dr.Ernst Strehlke. Leipzig, 1866.
19. Wigandi Marburgensis, equitis et fratris ordinis Teutonici Chronicon seu annales. Posnaniae, 1842.

Паліна Скурко
(Беларусь/Літва)

СПОСАБЫ КНІГАРАСПАЎСЮДЖАННЯ І ФАРМІРАВАННЕ ЧЫТАЦКІХ СУПОЛЬНАСЦЯЎ ВА УСХОДНЯЙ ЕЎРОПЕ РАННЯГА НОВАГА ЧАСУ

The article deals with the problem of the readers and books in the Grand Duchy of Lithuania and Russia mostly in the 16th–17th centuries. At that time readers in Eastern Europe were an informal group, which, however, may be considered as a separate entity. They were people of different religious denominations, social statuses, but the common feature was the presence of common interests, aspirations and markers of self-determination. All the readers in each of the countries were united by the culture of reading and book using with its inherent features.

Чытачы ў краінах Усходняй Еўропы ранняга Новага часу – група нефармальная, якую тым не менш магчыма вылучыць у асобную супольнасць. Гэта людзі розных канфесій, сацыяльнай прыналежнасці, адметнасць якіх заключалася ў наяўнасці агульных інтарэсаў, імкненняў, маркераў самавызначэння. Чытачы складалі супольнасць, якая ўмацоўвалася за кошт сваёй разнастайнасці, інтэлектуальных кантактаў унутры групы і сутыкненняў з іншымі групамі.

Варта зазначыць некалькі шляхоў, якімі кніга магла патрапіць да чытача ў ВКЛ і Расіі ранняга Новага часу. Найперш праз пакупку: яе маглі прадаваць самі друкары ды аўтары, кнігарні, вандроўныя гандляры, перакупшчыкі. Кнігагандляры ў Вільні нават мелі сваю спецыялізацыю: Марцін Пенкальскі прадаваў філасофскую і іншую навуковую літаратуру, Казімір Вярбоўскі – у асноўным літаратуру рэлігійную (псалтыры, малітоўнікі, жыціі і г.д.), а таксама граматыкі і старажытных аўтараў [27: 171–172]. Купцы з ВКЛ вывозілі кнігі ў Расію.

Для Расіі таксама быў характэрны гандаль як асноўны спосаб кнігараспаўсюду, але асноўнымі адзінкамі ў гэтым гандлі былі не кнігарні, а асобныя прадаўцы. Часам уласніцкія і купчыя запісы ў кнігах паказваюць на асобу прадаўцоў і пакупнікоў і нават дазваляюць пабудаваць ланцужок кнігаўласнікаў. Характэрны прыклад – запісы з актоіха 1594 г. з фондаў Цэнтральнай навуковай бібліятэкі НАН Беларусі. Інскрыпцыі сведчаць, што цягам XVII ст. кніга была ва ўласнасці, прынамсі, чатырох

чалавек. Спярша ў «попа Григо*ря* Семенова с(ы)на», які купіў яе за «два рубля с половиною» [1, арк. 13–181]. Поп, верагодна, жыў у Маскве, бо праз пэўны час (але яшчэ ў першай палове XVII ст.), «приве*з* ту книгу с Москвы Данило Исаков ... Ѡзевъ по*т*писа*л* … Степано*в* с(ы)нъ Поря*д*нинъ волочанинъ» [1, арк. 3–47]. Магчыма, аўтар запісу паходзіць з сяла Вышні Валачок (цяпер горад Цвярской вобласці), і кніга была прывезена з Масквы ў Цвярскі рэгіён. З заклеенай і абрэзанай падчас рэстаўрацыі інскрыпцыі можна меркаваць, што актоіх быў укладзены ў царкву. А 10 студзеня 1641 г. нехта Стэфан – святар гэтай царквы ці перакупшчык – прадаў кнігу папу (імя апошняга не чытаецца) [1, арк. 129–240]. Гэта мог быць поп Іосіф, які выступае як наступны прадавец актоіха: «Ѡхта*и* по*п* ИѠси*в* продол подпис[а]лъ» [1, арк. 35, 73, 111].

Запіс паказвае, па-першае, на адзіны цэнтр кнігапродажу ў Расіі – Маскву. Акрамя продажу пры Пячатным двары асобныя кнігі прадаваліся на гандлёвай плошчы, у гароднінных і кніжных радах, а таксама святарамі каля Спаскага моста [2: 166–167; 130: 615, 622–623]. У адным з гэтых месцаў поп Рыгор і набыў згаданы актоіх. З запісу відаць, што святары выступалі асноўнымі прадаўцамі ўжыванай кнігі.

Пасля прыбыцця з Масквы ў рэгіён кніга была ўкладзена ў царкву. Кніжны ўклад – яшчэ адзін спосаб кніжнай міграцыі на тэрыторыі Усходняй Еўропы ранняга Новага часу. Больш за тое, менавіта ў гэты час уклады становяцца надзвычай пашыранымі, чаму спрыяе з'яўленне і распаўсюджанне друкаванай кнігі.

У Расіі дзейнічала дзяржаўная сістэма кнігаразмеркавання, менавіта яна ў многім фарміравала чытацкую супольнасць. Напрыклад, калі ў 1683 г. у Маскве выйшла кніга «Увет духовный», то большая частка накладу была адразу ж купленая Патрыяршым казённым прыказам, які размеркаваў кнігі па епархіях і загадаў прыходскім святарам прачытаць кнігу «всенародно многажды» [3: 24]. Спісы з друкаванай кнігі з'явіліся ў хуткім часе. На адным з рукапісаў захаваўся запіс пра продаж. Цікава, што цана рукапісу перавышала першасную цану друкаванай у Маскве кнігі больш чым удвая. Відавочна, святары былі літаральна вымушаныя займець тэкст гэтай кнігі.

Царкоўная цэнзура не дазваляла перапіскі «ненадзейных» кніг, творы з індэксаў забароненых («ложных») кніг павінны былі быць спаленыя [23: 61]. За XVII ст. у Маскве было надрукавана ўсяго некалькі кніг свецкага зместу. Такія кнігі прыходзілі ў Расію з-за мяжы, найперш з ВКЛ. Дзяржаўныя ўлады перыядычна забаранялі імпарт «літоўскіх» выданняў; за чытанне «ложных» кніг пагражала «пакаранне агнём» [5:

24]. Тым не менш чытачы знаходзілі спосабы абыходжання абмежаванняў. Такім спосабам было перапісванне кніг. Так, адной з самых цікавых сфер для ўсходнееўрапейскага чытача была астралогія. Расійскія чытачы вымушаны былі задавальняць сваю цікавасць таемна. У выніку ўзнікалі гібрыдныя рукапісныя творы: на хрысціянскай аснове – астралагічная надбудова. У адным падобным над пералікам дзён памяці ў кожным месяцы размешчаны мініяцюры заставак і астралагічныя надпісы кшталту: «Март есть тепл и мокр. Овен есть знамя огню, а держит главу и лицо»: эрудзіраваны чытач лічыў сапраўднай сувязь органаў, частак цела, чатырок стыхій, знакаў задыяку і месяцаў» [20: 71]. Перапіска кніг у ВКЛ служыла прагматычным, інструментальным мэтам: яна была спосабам хуткага распаўсюджання патрэбнага тэксту. У прадмовах надрукаваных кніг, напрыклад, Іван Фёдараў звяртаўся не толькі да чытачоў, але і да тых, хто захоча кнігу перапісаць.

З дакументаў відаць, што кнігі ў Новы час ужо цыркулявалі паміж чытачамі: іх давалі пачытаць і перапісаць. Пра пазычаныя кнігі ўзгадвалі нават у апошняй волі. У запавеце 1573 г. Гаўрыла Васілевіч Бокій-Печыхвосцкі згадвае, што пазычыў кнігі «розным особам» і просіць выканаўцаў тастаменту сабраць усё «на одно местцо» і зберагаць да паўналецця яго дзяцей [25: 93]. Найчасцей кнігі завяшчалі нашчадкам: кніжная міграцыя адбывалася ў межах адной сям'і. Але здаралася, што кнігі пераходзілі і ва ўласнасць устаноў, паступалі ў шырокі ўжытак. Берасцейскі месціч Гурын Федаровіч па запавеце 1624 г. усім родным пакінуў па кавалку зямлі, а кнігі размеркаваў паміж цэрквамі і блізкімі: праваслаўнаму шпіталю перадаў Евангелле напрастольнае, актоіх, псалтыр; царкве, пры якой будзе пахаваны, трэбнік астрожскага друку; царкве Св. Спаса – евангелле вучыцельнае; пакроўскай царкве ў Славатычах – Біблію. Найбольш цікавыя ахвяраванні блізкім: Грыцку Фесеві – Апостал і Псалтыр Скарыны, Скарынаў Апостал – Грыцку Поповічу, а малітоўнік – Сцяпану Аляшковічу; Перхуру Паповічу – «книга Пчола и вси польские книжки и молитвеник», а ўнуку Алесю – Маргарыт. Трэбнік, малітоўнік і часоўнік Федаровіч пакідае зяцю Васілію, які павінен іх перадаць у якую-небудзь царкву [7: 243].

Кнігі завяшчалі і навучальным установам. Так, М. Радзівіл Чорны ўсе наяўныя экзэмпляры Берасцейскай Бібліі завяшчаў Віленскаму кальвінскаму збору, дзе ён будзе пахаваны, і школе пры ім [26: 20]. Віленскаму ўніверсітэту завяшчаў свой кнігазбор віленскі епіскап Юрый Альбіній – аўтар некалькіх прац па антычнай літаратуры, які валодаў вялікім кнігазборам, дзе былі нават аўтары са спісу забароненых кніг. Вялікі князь

Жыгімонт II завяшчаў універсітэту бібліятэку Ягелонаў. Праўда, частка яе была раскрадзена акружэннем вялікага князя ў Кнышыне з той падставы, нібы Жыгімонт застаўся ім вінен, і цяпер яны забіраюць сваю долю [90: 54–56].

Кніжныя крадзяжы – яшчэ адзін шлях кніжнай міграцыі. Кнігі скрадалі, нягледзячы на адмыслова зробленыя ахоўныя надпісы з пагрозамі – абавязковы элемент укладнога запісу – найперш з прычыны іх матэрыяльнай каштоўнасці. Па смерці шляхціца Марціна Вольскага ў 1582 г. з яго маёнтка Карсаковічаў было скрадзена некалькі коняў, сёдлы, дарагая вопратка, зброя, воск, мёд, пярыны, падушка, мыла, ланцуг... У канцы вопісу возны ўпамінае кнігі: «библея, постыля и статут писаный», пасля чаго пераходзіць да пераліку забранай ежы [4: 57–58]. Юры Андрэевіч, гараднічы і ключнік замку слонімскага, скардзіўся ў суд на свайго слугу, які ўцёк з рэчамі гаспадара, прыхапіўшы пярсцёнкі, футры, кажухі, каўнер, а таксама загадкавую чорную скрынку, у якой 9 кашуляў, чорным і белым ядвабам вышываных, абрус, ручнік, тры каўпакі, а таксама «тестамент польский новый, а инших книг потребных польских четверы» і разнастайныя дакументы [15: 73].

Напрыканцы варта зазначыць яшчэ адзін спосаб кнігараспаўсюджання – праз падарунак. Вядома дастаткова выпадкаў выкарыстання кнігі як падарунка, што таксама пашырала кніжныя сеткі. Напрыклад, кіеўскі мітрапаліт у канцы XVI ст. падарыў кнігу «Апостал» «ихъ велможному пану Ивану» з пажаданнем «доброго здоровия и вшаликих радостий хвуртун на часы долгия и пана Бога верне» [11: 73]. Возны (следчы) Упіцкага павета падарыў Статут ВКЛ «Яну Поляку русчизны не умеющему», каб той, верагодна, вучыўся [16: 164].

Чытачоў з Расіі яднаў удзел у абыходжанні абмежаванняў у сферы чытання. Патрыярхі, мітрапаліты, чорнае і белае святарства, цары, дваране і месцічы карысталіся кнігамі, што незаконна траплялі з захаду, а таксама рукапіснымі кнігамі дараскольнага перыяду. Інтымнае чытанне было рэгламентавана, аднак заставалася асабістай справай чытача. Існаванне пагроз і забаронаў, звязаных з чытаннем, выклікала да жыцця цыркуляцыю ўзаемных падазрэнняў у ненадзейнасці, пра якую сведчыла сама датычнасць да чытання. Карыстаючыся забароненымі кнігамі, расійскія чыноўнікі і царкоўныя саноўнікі падазравалі ў гэтым і навакольных.

Становішча чытачоў у Вялікім Княстве адрознівалася. Цэнзура існавала таксама, аднак распаўсюджвалася хутчэй на выдаўцоў і кнігагандляроў, чым на чытачоў. Дзяржава падтрымлівала каталіцкую царкву і яе літаратуру, у той час як прадстаўнікам усіх астатніх веравызнанняў

прыйшлося згаджацца з новымі законамі. Так, у 1610 г. з'явіўся закон, што забараняў друк кірылічных палемічных выданняў [15: 193]. Паводле гэтага закона, выдавец «Трэнаса» М. Сматрыцкага трапіў у турму. Афіцыйнай прычынай санкцый стала друкаванне «пасквіляў і бунтаў супраць духоўнай і свецкай улады». Загад Жыгімонта III забараняў пад пагрозай штрафу прадаваць і купляць кірылічныя выданні – іх належала паліць [15: 93–94]. Паралельна былі накіраваныя лісты віленскім войту і магістрату пра закрыццё адзінай праваслаўнай Святадухавай друкарні, арышт яе работнікаў і знішчэнне прадукцыі. Кнігагандлярам прыйшлося трываць кніжныя «рэвізіі» езуітаў. Спаленні пратэстанцкіх кніг мелі месца ў Вільні і ў іншых гарадах з 1580-х гг., а іх пік прыйшоўся на першую палову XVII ст. [17: 144]. М.К. Радзівіл Сіротка, вярнуўшыся ў 1584 г. з падарожжа ў Палесціну, спаліў на Рынкавай плошчы ў Нясвіжы Брэсцкую і Нясвіжскую Бібліі, а пазней запрасіў у Нясвіж езуітаў [23: 74]. Праз канфлікт каталіцкай і пратэстанцкай шляхты ў Вільні вучнямі езуіцкага калегіума быў знішчаны кальвінскі збор разам з бібліятэкай; улады вымушана вынеслі яго за гарадскія сцены. Кірхі, школы, бібліятэкі пры іх былі спаленыя ў Вільні і Троках у 1611 г., у Навагрудку ў 1662 г., дзе на месцы школы і бібліятэкі кальвіністаў размясціўся каталіцкі архіў і бібліятэка [13: 211–225; 14: 226–251]. З пачатку XVII ст. у Рэчы Паспалітай былі распаўсюджаныя спісы забароненых каталіцкай царквой кніг і аўтараў, створаныя Рымам. З сярэдзіны XVII ст. пратэстанцкі друк «эміграваў» з ВКЛ [18: 144–148].

У той жа час каталікі карысталіся перакладамі твораў праваслаўных палемістаў на польскую мову: так, І. Галятоўскі ў кнізе «Месія праўдзівы» сабраў усе еўрапейскія стэрэатыпы пра яўрэяў і за грошы Аляксея Міхайлавіча надрукаваў кнігу па-польску. У нянавісці да яўрэяў праваслаўныя і каталіцкія палемісты другой паловы XVII ст. былі адзінадушныя; Галятоўскі заклікаў усіх хрысціян паліць яўрэйскія кнігі. Такім чынам, яўрэйскія чытачы складалі аўтгрупу для астатніх чытачоў ВКЛ, прычым не толькі хрысціянаў, але і мусульманаў – татар, якія хутка ўспрынялі мясцовую мову, чыталі тыя ж свецкія кнігі, хоць і захоўвалі сваю веру [24: 37–45]. Такім чынам, значная група чытачоў з прычыны этнічнага паходжання была выключаная з чытацкай супольнасці ВКЛ.

Як зазначае І. Кон у сацыялагічнай нататцы пра інтэлігенцыю, толькі фарміраванне групы выхадцамі з розных слаёў робіць яе аўтаномнай ад кожнага і нараджае ў яе ўласную самасвядомасць, якая выходзіць за межы саслоўнай прыналежнасці. Тое ж, здаецца, можна сказаць і пра групу чытачоў [12: 360–361]. Па-першае, распаўсюджаным тыпам

чытання і ў ВКЛ, і ў Расіі было чытанне групавое: у сям'і або грамадзе (распаўсюджана на расійскай поўначы). Па-другое, інтэлектуальная дзейнасць, заўсёды звязаная з чытаннем, патрабуе і абмену думкамі. Такі абмен можа даць стварэнне чытацкіх сетак. Супольнасць чытачоў фарміравалася пад уплывам унутраных інтэнцый кожнага з членаў супольнасці, аднак менавіта з індывідуальных інтарэсаў узнікаў агульны групавы інтарэс (у распаўсюдзе кола чытання, асартыменту і магчымасцяў, ва ўсталяванні інтэлектуальных кантактаў). У выніку інтарэсы чытачоў як групы супадалі.

У ВКЛ дзейнасць чытацкіх гурткоў і сетак была дастаткова адкрытай. У Расіі іх дзейнасць была ўскладнена цэнзурай, суровымі, часам анахранічнымі законамі, якія забаранялі карыстацца як замежнымі, так і мясцовымі кнігамі. Аднак чытачы ў барацьбе з цэнзурай імкнуліся здабыць цікавыя для іх тэксты. Сеткі, відавочна, дзейнічалі ў закрытых супольнасцях: гэта мог быць кнігаабмен «келейным чытвом» сярод манахаў аднаго манастыра або кніжныя падарункі сваякам, абмены ў межах сям'і, грамады.

Чытацкія супольнасці ВКЛ і Расіі мелі некалькі агульных рысаў. Для чытачоў з абедзвюх краін кніга была матэрыяльнай каштоўнасцю, і пры ўкладзе ў царкву, апісанні маёмасці зазначалася не столькі назва кнігі, колькі яе афармленне. Але чытачы абедзвюх краін усведамлялі кнігу не толькі як матэрыяльную, але і як духоўную каштоўнасць, прычым гэта было характэрна для чытачоў усіх станаў. Варта заўважыць паважлівае стаўленне да кніг, іх беражлівае захоўванне. Часта кнігі не захоўвалі дома, а трымалі разам з дакументамі, гаспадарчымі рэчамі, насеннем. Для кніг замаўлялі новы пераплёт, часам у дзясяткі разоў даражэйшы за саму кнігу, дбалі пра іх захоўванне і лёс (у 1636 г. віленскі мяшчанін адпісаў царкве Святога Духа Евангелле ў чырвоным аксаміце, срэбрам апраўленае, а таксама ўсе кнігі, «што па мне застануцца») [6: 472].

Літаратура

1. Актоіх. М., 1594. К16–18 / Ср199.
2. Бакланова, Н.А. Русский читатель 17 в. // Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967. С. 156-193.
3. Белянкин, Ю.С. Рукописная традиция «Увета духовного» в конце XVII в. // Книга в информационном обществе. М., 2014. С. 23–25.
4. Березкина, Н.Ю. Библиотеки и распространение научных знаний в Беларуси XVI–XX вв. Минск, 2011.

5. Грицевская, И.М. Чтение и четьи сборники в литературной культуре русских монастырей XV–XVII вв. Томск, 2013.
6. Духовное завещание виленскаго мещанина Семена Ивановича Азарича // Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссией. Т. 9. Вильна, 1878. С. 470–475.
7. Духовное завещание мещанина брестскаго Гурина Федоровича // Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссией. Т. 6. Вильна, 1872. С. 242–243.
8. Забелин, И.Е. История города Москвы. Ч. 1. М., 1902.
9. Заявление Юрия Андреевича об увозе его человеком доверенных ему вещей и денег // Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссией.Т. 22. Вильна, 1895.С. 73–74.
10. Іванова, Л.С. Берасцейскія старадрукі XVI ст. у кантэксце культурных сувязей ВКЛ і Еўропы // Silva rerum nova. Штудыі ў гонар 70-годдзя Георгія Галенчанкі. Вільня; Мінск, 2009. С. 155–161.
11. Кириличні рукописні книги у фондах Львівської наукової бібліотеки ім. В. Стефаника НАН України: каталог. Львів, 2007.
12. Кон, И.С. Размышления об американской интеллигенции // Новый мир. 1968. № 1. С. 175–197.
13. Косман, М. Кальвіністы ў культуры Вялікага Княства Літоўскага // З гісторыі і культуры Вялікага Княства Літоўскага. Мінск, 2010. С. 211–225.
14. Косман, М. Рэфармацыйная і контррэфармацыйная школьная адукацыя на беларускіх землях ВКЛ // З гісторыі і культуры Вялікага Княства Літоўскага. Мінск, 2010. С. 226–251.
15. Лист короля Сигизмунда III-го обывателям в. кн. Литовскаго, воспрещающий продажу и куплю русских книг // Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссией. Т. 8: Акты Виленского гродского суда. Вильна, 1874. С. 93.
16. Немировский, Е.Л. Книги кирилловской печати 1551–1600. М., 2009.
17. Нікалаеў, М.В. Гісторыя беларускай кнігі. Т. 1: Кніжная культура Вялікага Княства Літоўскага. Мінск, 2009.
18. Нікалаеў, М.В. Шэдэўр брэсцкай друкарні // Помнікі мастацкай культуры Беларусі. Мінск, 1989. С. 144–148.
19. Оповеданье врадника маршалка господарьскаго... Валента Осецкого // Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссией. Т. 21. Вильна, 1894. С. 185–187.
20. Орлова, Е.В. Рукопис «Святцы с дополнительными статьями» в контексте русской астрологической книжности 16 в. // Книга в информационном обществе. М., 2014. Ч. 1. С. 70–72.
21. Подтвердительная привилегія короля Яна III, данная цеху виленских переплетчиков // Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссией. Т. 21. Вильна, 1894. С. 83–86.
22. Послание А. Курбского княгине Чарторыйской // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2001. С. 423–425.

23. Соболевский, А.И. Образованность Московской Руси XV–XVII веков. СПб., 1894. 221 с.
24. Шпирт, А.М. «Мессия правдивый» Иоанникия Галятовского // Славяноведение. Вып. 4. С. 37–45.
25. Яковенко, Н.М. Паралельний світ. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI–XVII ст. Київ, 2002.
26. Augustyniak, U. Testamenty ewangelikow reformacyjnych w Wielkim Ksiкstwie Litewskim. Warszawa, 1992.
27. Topolska, M.B. Czytelnik i książka w Wielkim Księstwie Litewskim w dobie Renesansu i Baroku. Wroclaw, 1984.

РЕЖИМЫ РАБОТЫ С НАСЛЕДИЕМ: СМЕНА ПАРАДИГМ

Елена Сосина
(Беларусь/Литва)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ГРОДНО: РЕКОНСТРУКЦИЯ VS. УНИЧТОЖЕНИЕ НАСЛЕДИЯ

This is a case study of Grodno's historical center reconstruction, which was carried out with numerous violations of the law on the protection of heritage. Grodno is a unique city with a glorious history, and its material traces in the form of castles, churches, and places of memory make a historical and cultural heritage. The main problem lies in the fact that this heritage despite laws and public protests is not properly guarded and is sometimes deliberately destroyed. The existence of the problem explains the topicality of this work. The purpose is to study the issues and problems related to the preservation of the historical and cultural heritage as well as the threats arising from the improper intervention on the example of the reconstruction of the historical center of Grodno.

Имеющееся у того или иного народа историческое наследие может многое поведать об истории общества, его особенностях, культурной и социальной жизни. Несомненно, это то, чем люди должны гордиться, сохранять и передавать наследникам. В данной статье в качестве примера рассмотрено уникальное историческое наследие Гродно, проблемы его сохранности и особенности трансформации.

Исторический центр любого города – сложный развивающийся организм, где сосредоточены функции административно-общественного характера, транспортного сообщения и жилые дома, а иногда и промышленные предприятия. В случае с Гродно это «усложняется» фактом наличия уникального историко-культурного наследия – остатков былого королевского величия города.

Исторический центр города занимает около 200 га с общей площадью застройки 168,54 тыс. м^2 [8]. На территории города расположено множество объектов, включенных в Государственный список историко-культурных ценностей РБ, на которые распространяются требования Закона Республики Беларусь «Об охране историко-культурного наследия». Среди наиболее ценных: Коложская (Борисоглебская) церковь XII в. 0-й категории ценности; комплекс Старого замка XI–XIX вв. 1-й катего-

рии ценности; исторический центр г. Гродно XII–XX вв. 1-й категории ценности, включающий в себя 300 исторических объектов рядовой застройки, исторический ландшафт и культурный археологический слой; комплексы монастырей XVI–XIX вв. 2-й категории ценности; дворцовые комплексы, историческая застройка улиц Ожешко и Замковая, другие здания и сооружения 2-й категории ценности.

Гродно – город, который строился и развивался столетиями, переживал спады и подъемы (неоднократные смены власти, оккупации, войны, разрушения и т.п.), и сегодня его можно назвать уникальным как по статусу имеющихся объектов историко-культурного наследия, так и по их числу. И тем более вопиющим кажется тот факт, что это наследие не только не оберегается должным образом, но и порой осознанно уничтожается.

Факты свидетельствуют, что Гродно в результате предпринимаемых перестроек, так называемой «реконструкции исторического центра», методично лишается своей аутентичности, а памятники архитектуры не спасает ни охранный статус, ни наличие их в Списке архитектурных ценностей. Главными задачами, которые должны были решить проекты реконструкции, являлись разгрузка центра города от транспорта, создание мест для проведения массовых мероприятий, внешнее «облагораживание» центра с последующим созданием привлекательного образа туристической дестинации.

Реконструкция и трансформация исторического центра проходила в несколько этапов: планировалось изменить транспортные схемы (что подразумевало изменение планировки площади, расширение старого моста до четырех полос в нескольких вариантах, закладка подземного тоннеля), а также благоустроить площадь и близлежащие улицы. Следует отметить при этом, что какого-либо публичного обсуждения данных планов не было, как и не было информации для ознакомления о предстоящих работах.

Представители общественности, прежде всего историки и краеведы, местные жители, дорожащие историко-культурным наследием, осознав нависшую над ним угрозу, выступили против планов по реконструкции площади, моста, ряда отдельных сносов и реконструкций, разработав и опубликовав «Предложения по развитию транспортной системы города Гродно». Этот проект был направлен на максимальный отвод транспорта из исторического центра и превращение его в полностью пешеходную зону, при этом максимально избегая вторжения в историческую ткань города.

Попытки представителей инициативной общественности защитить уникальную городскую среду Гродно не только не имели успеха, но и вызвали жесткое противодействие властей. Так, выступление губернатора Гродненской области В. Савченко, публично заявившего в адрес инициативной группы защитников наследия: «Где эта оппозиция, дайте их мне. Чего Антоненко им здесь в ноги кланялся?» [12], не оставило сомнений в том, что историки и местные жители реально лишены права высказывать свое мнение и влиять на судьбу города.

Тем не менее это не остановило представителей общественности (Игорь Лапеха, Алесь Смоленчук, Андрей Чернякевич, Андрей Вашкевич и многие другие небезразличные граждане), выдвигавших альтернативные, вполне осуществимые с инженерной точки зрения и более приемлемые с точки зрения сохранности историко-культурного наследия варианты. Однако все эти предложения и варианты игнорировались, а задуманное чиновниками и исполнителями проектов исполнялось с незначительными изменениями. Местные власти оправдывали свои действия тем, что все работы необходимы, причем необходимы в первую очередь для удобства самих жителей города: увеличение количества парковочных мест, транспортных развязок, инфраструктуры, улучшение внешнего облика с целью развития туризма, благоустройства центра и пр.

История реконструкции исторического центра города последних лет может служить примером проводимой властями «политики урбицида» [9]. По меткому замечанию руководителя «Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры» Антона Остаповича, основной причиной развала и даже уничтожения историко-культурного наследия Беларуси является в первую очередь система власти: «у цяперашніх чыноўнікаў сапраўды індыфэрэнтнае стаўленьне да гісторыі. Плюс яшчэ бракуе элемэнтарнай культуры, нармальнай адукацыі. Разуменьне прыгажосьці праз гламур аграгарадка, мабыць, вельмі моцна ўплывае і на адносіны да помнікаў...» [10].

Следует отметить, что работы в историческом центре города вступили в многочисленные противоречия с национальным законом «Об охране историко-культурного наследия в Республике Беларусь» и положением «Об охране археологических объектов при проведении земляных и строительных работ». Богатейший исторический материал, целые пласты и культурные слои, формировавшиеся на протяжении многих столетий, вместе с историческими находками уничтожались тяжелой строительной техникой и без разбору вывозились на свалку, что ставило под сомнение планы по представлению Гродно в качестве сохранившегося

уникального уголка истории, проекты представить этот древний город с богатой историей как аутентичный город-музей. Вот только краткий перечень урона, нанесенного историко-культурному наследию Гродно:

1. Возле памятника-танка уничтожен весь культурный слой XIV в. площадью не менее 300 м^2. После работ тяжелой техники на этом месте все было засыпано, «выровнено» песком, а потом укатано тяжелой техникой. При этом полностью уничтожена брусчатка на улице Старой, несколько последних десятилетий находившаяся под землей.

2. Весь сквер (территория была заселена уже в XV в.) между памятником и площадью был при прокладывании коммуникаций и закладывании подпорных стенок перерезан траншеями глубиной до 2,5 м, при этом были разрушены фундаменты домов, которые располагались здесь перед войной. В сумме площадь разрушений на данном этапе составила около 500 м^2.

3. Полностью уничтожен культурный слой на месте выкопанной ямы под подземный переход на месте двора Дворца Радзивилла XVII в. (общая площадь около 400 м^2). Вместе с культурным слоем уничтожены фундаменты и своды подвалов здания XVIII в. с остатками кафельной печи.

4. При прокладке канализации и водопроводных труб вдоль всей площади (насквозь пересекая рынок второй половины XIV в.) была вырыта траншея общей протяженностью около 200 м, шириной 2 м и глубиной до 3,5 м, тем самым уничтожившая весь культурный слой. Были затронуты и разрушены: угол дворца Радзивиллов; части фундаментов торговых рядов, что были между дворцом Радзивиллов и Ратушей (XVI в.); видимые в культурном слое остатки деревянной мостовой XVI–XVII вв.; фундаменты нескольких домов по ул. Мостовая (заложены в XV–XVI в.). Общая площадь – около 30 м^2.

5. Раскопаны и уничтожены фундаменты зданий XVII–XVIII вв. рядом с дворцом Текстильщиков и домом купца Муравьева.

6. Более 120 фасадов зданий по ул. Социалистической, К. Маркса, Кирова, Свердлова, Замковой, пл. Советской, ул. Советской, Тельмана, Городничанской, Урицкого, Большой Троицкой, Молодежной и пр. приобрели после проведенных реконструкций монохромность и безликость, наглядно демонстрируя «понимание культуры через гламур агрогородка» [10].

7. Разрушены канализационные колодцы XIX в.

8. По всей площади уничтожена брусчатка XIX – начала XX в., которая находилась под асфальтом. Общая площадь составляет не менее 2000 м^2.

9. Извлечены и вывезены каменные плиты и бордюры 1930 г. с надписями «Magistrat miasta Grodna».

10. Уничтожены почти все деревья, многим из которых было более 80–100 лет.

11. Разрушена традиционная планировка площади – радиальная структура с выходами на площадь всех главных улиц города, характерная для большинства больших европейских городов.

В последнее время работы с наследием в Гродно, направленные на восстановление и реставрацию памятников, напоминают скорее банальный технический ремонт, который не учитывает историческую память города. Можно резюмировать, что в результате широкомасштабных мероприятий, направленных в первую очередь на решение сиюминутных конъюнктурных задач, таких как благоустройство исторического центра в стиле «евроремонта» или перераспределение транспортных потоков с концентрацией их движения в непосредственной близости от ценнейших памятников, сохранение и даже само существование этих памятников оказывается под угрозой, хотя чиновниками данные мероприятия были названы удачными реконструкциями, а город – «одним из лучших объектов года в Республике» [5].

Выявлено, что проведенная реконструкция Старого моста и Советской площади не только не способствовала решению транспортной проблемы в городе, но и ухудшила ее. Кроме того, сохранение значительного транспортного потока в непосредственной близости от уникальных архитектурных памятников (Коложская церковь, Старый и Новый замки, Кафедральный собор Святого Франциска Ксаверия, Костел Обретения Святого Креста и монастырь бернардинцев, Рождество-Богородичный монастырь, Баториевка, дом Муравьева) чревато угрозой их сохранности.

Подводя итог, можно отметить, что, несмотря на наличие обширной нормативно-правовой базы по вопросам охраны и использования историко-культурного наследия, на практике имеет место произвол властей в данных вопросах, а реальные возможности для контроля практически отсутствуют. Печальный опыт показывает, что даже если проводятся открытые обсуждения, к мнению общественности, как правило, не прислушиваются.

Литература

1. Алешин, А.Б. Реконструкция. Сохранение или уничтожение? Часть 1. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://archi.ru/press/russia/press_current.html?nid=1650 Часть 2. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://archi.ru/press/russia/press_current.html?nid=1651
2. В Гродно усиливается кампания против разрушения исторической части города. Белапан. 7 мая 2007 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://harodnia.com/p56.php
3. Гродно – реконструкция или уничтожение? // Белорусский партизан. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.belaruspartisan.org/politic/239638/
4. В дворцовые подвалы – по подземному переходу. Что изменится после реконструкции Советской площади?// Вечерний Гродно. 4 мая 2005 г. № 18. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://harodnia.com/p01.php
5. За реконструкцию Советской площади дали диплом // Вечерний Гродно. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.vgr.by/glavnaja-novost/1644
6. Гродно: в неравной борьбе побеждают власти // 18/08/2007 Медыя-кампанія «Журналісты за гістарычную спадчыну». [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://spadchyna.ximik.info/modules.php?name=News&file=article&sid=57
7. Лашкевич, К. Древний Гродно под угрозой уничтожения. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://news.tut.by/society/81560.html
8. Пресс-конференция гродненского горисполкома по вопросам реконструкции города // Блог Гродно s13. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://s13.ru/archives/1832
9. Глубокая реконструкция // 10.05.2010 СН-плюс. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.sn-plus.com/culture/959-l-r.html
10. Астаповіч, А. Спадчына, якую мы амаль страцілі. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://harodnia.com/p01.phphttp://www.svaboda.org/content/article/24552595.html
11. Біяграфія Гарадзенскіх вуліц. Ад Фартоу да Каложы. Гарадзенская бібліятэка, 2012. Kolegium Europy Wshodnej im. Jana Nowaka-Jezioranskiego we Wroclawiu, 2012. Минск: Лимариус, 2009. 369 с.
12. Навукова-метадычная здрада. От 19 апреля 2007 года. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://harodnia.com/a51.php

Анастасія Зайцава
(Беларусь/Літва)

ПЕРСПЕКТЫВЫ АФІЦЫЙНАЙ МАНУМЕНТАЛІСТЫКІ Ў БЕЛАРУСІ (на прыкладзе помнікаў Леніну)

The purpose of this paper is to determine the prospects of Lenin monuments as part of the current historical and cultural heritage of Belarus through analyzing approaches to the conservation of Soviet heritage in Eastern Europe and Baltic countries. When we turn to examples of preservation/destruction and the use of Soviet monuments in selected countries, it becomes clear that their experience can be useful for our "era of Lenin monuments" heritage.

Праблема памяці з'яўляецца зараз актуальнай, асабліва для рэгіёна Усходняй Еўропы і краін Балтыі, дзе розныя памяці на працягу апошніх двух дзесяцігоддзяў уступілі ў стан канфлікту. Найбольш актыўная дыскусія разгарнулася вакол той часткі ранейшай спадчыны, якая мела хутчэй сімвалічную каштоўнасць, чым рэальную. Помнікі савецкага часу, якія выконвалі шэраг задач, у тым ліку палітычных дамінантаў у гарадской прасторы, згубілі свой першапачатковы сэнс і сталі аб'ектамі, якія ўсё больш і больш прыцягвалі ўвагу з-за таго, што не ўпісваліся ў тыя сістэмы карадынат прасторы і часу, дзе яны першапачаткова з'явіліся. Сярод такіх помнікаў-сімвалаў савецкага часу побач з помнікамі савецкім салдатам-вызваліцелям ці савецкім танкам-вызваліцелям галоўнае месца належала так званым «правадырам» і асабіста У.І. Леніну.

Трансфармацыйны перыяд канца 1980-х – пачатку 1990-х гг. у краінах былога сацыялістычнага лагера прывёў да адмовы ад ранейшых гістарычна-палітычных сімвалаў, якія нагадвалі пра існаванне папярэдняга палітычнага рэжыму. Праз 25 гадоў мы можам назіраць вынікі трансфармацыйнага працэсу і на падставе аналізу дзеянняў, якія датычыліся захавання/знішчэння савецкай спадчыны (у прыватнасці помнікаў Леніну) у краінах Усходняй Еўропы (Расія, Украіна) і Балтыі (Літва, Латвія, Эстонія, Польшча), можам акрэсліць магчымыя і перспектыўныя накірункі выкарыстання савецкай спадчыны, транслюючы іх на шматлікія помнікі Леніну ў Беларусі.

Першымі з праблемай дэсаветызацыі спадчыны сутыкнуліся краіны Балтыі. У Літве гэты працэс пачаўся ў канцы 1980-х – пачатку 1990-х. Па ўсёй Літве помнікі савецкай эпохі былі дэмантаваныя, у 1991 г. з Лукішскай плошчы ў Вільні быў прыбраны помнік Леніну. Шматлікія дэмантаваныя помнікі трапілі на склады і двары камунальных прадпрыемстваў у сувязі з адсутнасцю ўсталяванага парадку іх захоўвання. Пытанне аб захаванні або знішчэнні паўстала ў новай незалежнай Літве, таму ў 1998 г. Міністэрствам культуры Літвы быў аб'яўлены конкурс на абсталяванне экспазіцыі скульптур савецкага перыяду, у якім перамагла публічная ўстанова «Hesonosklubas». Так, у 2001 г. у Друскеніках быў адкрыты Грутскі парк (Grūto parkas), у народзе празваны «Парк савецкага перыяду». Акрамя гэтага, у 2008 г. літоўскі сейм прыняў Закон аб савецкай і нацысцкай сімволіцы. Сёння парк Грутас з'яўляецца папулярным турыстычным і адукацыйным аб'ектам, а таксама добрым прыкладам прагматычнага падыходу да захавання савецкай спадчыны, улічваючы, што Літва амаль цалкам адмовілася ад савецкіх сімвалаў.

У Латвіі пасля набыцця незалежнасці ў 1991 г. таксама была ўведзена заканадаўчая забарона на выкарыстанне гербаў, гімнаў і сцягоў СССР і Латвійскай ССР, а ў 2003 г. Закон аб сходах, пікетах і шэсцях быў дапоўнены папраўкай, якая забараняе дэманстраваць стылізаваныя пад гэтыя сімвалы прадметы і выявы.

Што тычыцца галоўнага савецкага сімвала, то ў пачатку 1990-х у Латвіі таксама былі прыбраны ўсе помнікі Леніну. У 2006 г. быў адноўлены музей Леніна ў Рызе. Прадпрымальнік, які ініцыяваў аднаўленне музея, казаў: «Галоўная ідэя – не дапусціць, каб насельніцтва забыла аб тым, што ў нашай гісторыі былі і такія падзеі, якія не прывялі ні да чаго добрага» [1]. Зараз, аднак, музей Леніна ў Рызе не працуе. Тады ж, у 2006 г., Рыжскае агенцтва па помніках разам з Рыжскай думай планавалі стварэнне «Парка савецкай скульптуры ў Рызе». Аднак гэты праект быў прыпынены, і, такім чынам, у Латвіі няма спецыяльна арганізаваных экспазіцый савецкай манументальнай скульптуры.

Лёс Леніных у Латвіі даволі складаны і разнапланавы: яны былі дэмантаваныя, але не ўсе знішчаныя. Звесткі, сабраныя ў інтэрнэце, дазваляюць вылучыць некалькі тэндэнцый: тыя помнікі, што захаваліся, знаходзяцца або на складах, або ў прыватнай уласнасці, і некаторыя экспануюцца на турыстычных аб'ектах, але яны не маюць ніякай прывязкі да месца, захоўваюцца там па волі ўласнікаў і іх колькасць не пераважае больш за 10–15 помнікаў. Да таго ж шмат Леніных было распрададзена ці скрадзена і пераплаўлена [2]. Самым знакамітым прыкладам з'яўляецца

ліепайскі Ленін, які быў пераплаўлены ў Нямеччыне на званочкі. Такія сувеніры «маюць персанальны нумар, герб Ліепаі і профіль “правадыра”. Рашэнне прадаць немцам помнік, які належаў гораду, Ліепайская дума прыняла яшчэ ў пачатку 1990-х. Усяго з манумента вырабілі 500 званочкаў […] У Нямеччыне было прададзена каля 60 такіх званочкаў, за якія даход склаў 15 000 еўра» [3].

Парламент Эстоніі ў 2007 г. унёс папраўку ў Крымінальны кодэкс, які таксама забараняе выкарыстанне ў грамадскіх месцах савецкай сімволікі. У тым ліку быў прыняты закон, згодна з якім дазваляецца «прыбіраць помнікі ці іншае збудаванне, якія наносяць пагрозу грамадскаму парадку і міжнароднаму прэстыжу Эстоніі» [5].

Помнікі Леніну, таксама як у Латвіі і Літве, былі дэмантаваныя на працягу 1990–1993 гг. Далейшы іх лёс невядомы. Аднак некалькі Леніных усё ж такі засталося на абшарах Эстоніі. У канцы 2006 г. Эстонскі гістарычны музей прапанаваў перанесці ідэалагічна непрымальныя помнікі ў парк манументальнай скульптуры, які ствараўся на базе музея. Так, некалькі скульптур і бюстаў «правадыра» захаваліся і зараз знаходзяцца ў Эстонскім гістарычным музеі і музеі акупацыі ў Таліне, то бок з’яўляюцца часткай экспазіцыі. Але адзін з самых цікавых і канцэптуальных Ленінаў экспанаваўся каля Музея сучаснага мастацтва ў Пярну (сам помнік з Таліна). Для яго гісторыя аднавілася ў 2000 г., ён з’яўляўся часткай экспазіцыі пад назвай «Прощай, XX век», а пазней загорнуты ў чорны поліэтылен пад назвай «Запрещенная история», без галавы і без рукі, што і дазволіла аўтару зрабіць новы канцэпт з захаванага бронзавага тулава Леніна. Галава ў тулава за восем гадоў змянілася тры разы: спачатку гэта была лямпачка, потым галава расійскага фізіка Георга Рыхмана і апошняя была заменена на галаву прэзідэнта Канстанціна Пятса. Аднак помнік стаяў толькі з часовага дазволу гарадскога ўпраўлення, і ў 2008 г. ён усё ж такі па загадзе гарадской улады быў прыбраны, адвезены на склад, і далейшы яго лёс на сённяшні дзень невядомы.

У Польшчы таксама існуе закон, які забараняе выкарыстанне савецкіх сімвалаў; закон быў падпісаны ў 2009 г. Пытанне савецкага/рускага для польскай грамадскасці вельмі складанае было ва ўсе часы і ёсць такім зараз. Можна прасачыць, як дыскусійныя і кампрамісныя напрамкі адносна савецкай спадчыны (дыскусія вакол будынка Палаца культуры і навукі), так і негатыўнае стаўленне да помнікаў савецкай эпохі, у асноўным да помнікаў салдатам Чырвонай Арміі.

Калі мы звяртаемся да «ленінскай эпохі», то Польшча не можа «пахваліцца» вялікай колькасцю помнікаў «правадыру сусветнага прале-

тарыята», аднак усё ж такі ёсць і знакамітыя помнікі. Самым вялікім ва ўсёй Польшчы быў помнік, усталяваны ў 1973 г. да ўгодак нараджэння У.І. Леніна ў Кракаве на галоўнай плошчы (Aleja Róż). Ужо ад часу ўсталявання помніка на працягу 16 год прадпрымаліся спробы разбурэння помніка. У 1989 г. помнік быў дэмантаваны, і тады ж пачаўся дэмантаж астатніх помнікаў. Самага вялікага Леніна Польшчы праз 2 гады набыў шведскі мільянер, і сёння помнік можна ўбачыць у «мястэчку асаблівасцей» пад Стакгольмам. У 2011 г. у Проніне было паднята патынне аб вяртанні помніка Леніну выключна ў мэтах развіцця турыстычнага накірунку, аднак пытанне выклікала моцную дыскусію і акрэсліла праціўнікаў гэтай ідэі [10]. Трэба дадаць, што ў Проніне з 1947 па 1990 г. існаваў музей У.І. Леніна, які з'яўляўся даволі папулярным турыстычным аб'ектам, аднак пасля распаду СССР быў ліквідаваны, як і ўсе згадванні пра камуністычны рэжым. Зараз помнік Леніну, які быў часткай экспазіцыі былога музея Леніна, знаходзіцца ў Музеі сацрэалізму ў Казлувцы (Люблінскае ваяводства). І гэта не адзіны музей у Польшчы, які мае на мэце збор, захаванне, забеспячэнне даступнасці прадметаў савецкай эпохі ў розных яе праяўленнях падчас існавання Польшчы сацыялістычнага ладу. Такія музеі знаходзяцца ў Кракаве (з 2008 г.), Рудзе-Слёнскай (з 2010 г.) і іншых раёнах Польшчы.

Актыўна пачаўся працэс пераасэнсавання «савецкага» ў Расіі пасля развалу Савецкага Саюза, і гэты працэс ад пачатку меў радыкальны характар для краіны, якая з'яўлялася радзімай савецкай ідэалогіі. Першым быў прыбраны помнік Ф. Дзяржынскаму з Лубянскай плошчы ў Маскве ў 1991 г. Аднак пазней гэты працэс пайшоў больш павольнымі тэмпамі. Адной з галоўных дыскусій для расійскага грамадства з'яўляецца, бясспрэчна, дыскусія, звязаная з Маўзалеем. Цела Леніна ў Маўзалеі стала самым галоўным сімвалам і ўжо, можна сказаць, пераўтварылася ў «помнік». Пытанне аб пахаванні ўздымаецца яшчэ з 1990-х гг. (1997 г., пачатак 2000-х гг., 2006, 2008, 2011 гг.). Аднак было прынята рашэнне аб тым, што Ленін не будзе пахаваны, пакуль жывыя людзі, для якіх знаходжанне яго ў Маўзалеі істотнае. У той жа час з кожным годам узрастае колькасць людзей, якія выступаюць за пахаванне цела Леніна. Па даных вынікаў апытання, якое праводзіў у 2012 г. «Фонд грамадскай думкі», за гэта выступаюць 56% грамадзян, такім чынам, за шэсць гадоў іх колькасць павялічылася на 10% [6].

Згодна з Адзіным дзяржаўным рэестрам аб'ектаў спадчыны (помнікаў гісторыі і культуры) народаў Расійскай Федэрацыі, у ім знаходзіцца 1145 помнікаў У.І. Леніну, 1029 помнікаў маюць статус федэральнага ці рэгія-

нальнага значэння (55 – федэральнага, 974 – рэгіянальнага) [4]. На сённяшні дзень мы можам назіраць асобныя выпадкі дэмантажу, а часцей вандалізму. У 2009 г. быў падарваны помнік «правадыру» ў Пецярбурзе каля Фінскага вакзала, аднак праз год ён быў адноўлены на тым самым месцы пасля рэстаўрацыі. У Пушкіне таксама падарвалі помнік Леніну ў 2010 г., які замяніў зруйнаваны помнік у 2004 г. Яшчэ некалькі такіх выпадкаў было ў іншых гарадах Расіі, аднак нельга казаць аб іх масавасці. 2012 год «азнаменавала» вылучаная прапанова ў Дзяржаўнай Думе, што прыйшоў час «дэленінізацыі» расійскіх гарадоў, і ідэю падтрымалі. Асноўным аргументам было жаданне перасунуць помнікі «далей ад вандалаў», а таксама тое, што яны патрабуюць фінансавання на іх догляд, а гэта вялікія фінансавыя ўкладанні, апроч гэтага, дэмантаж помнікаў трэба ажыццяўляць толькі са згоды мясцовага насельніцтва. Аднак прапанова так і засталася прапановай, не набыўшы юрыдычнай сілы. Разам з гэтым нельга абмінуць той факт, што ў цэнтры Масквы знаходзіцца Парк мастацваў «Музеон» – адзін з найбуйнейшых музеяў скульптур пад адкрытым небам у Расіі. Яго калекцыя ўтрымлівае ўнікальныя помнікі савецкай эпохі, бюсты, манументы, партрэты, што трапілі ў працэсе заснавання музея ў 1992 г. [8].

Больш складаным і жывым прыкладам, дзе можна прасачыць пачатак трансфармацыйнага працэсу і пазбаўлення ад сімвала савецкай эпохі, з'яўляецца Украіна. Украінскі прыклад «ленінападу», які пачаўся 8 снежня 2013 г. у Кіеве, яскрава адлюстроўвае радыкальны характар у дачыненні да помнікаў Леніну. Амаль што ўсе паваленыя помнікі разбураюцца, а не дэмантуюцца. Усяго на дадзены момант (27 кастрычніка 2015 г.) ва Украіне «ўпаў» 851 помнік Леніну [7]. Нязвыклая трансфармацыя помніка правадыру адбылася ў Адэсе. Тут па просьбе працоўных калектываў прадпрыемства і жыхароў з дамоў паблізу манумент пераўтварыўся ў першы ў свеце помнік Дарту Вэйдэру, які плануецца ўвесці ў турыстычныя маршруты [9]. Разам з тым навукоўцамі ўжо была прадпрынята спроба назваць прычыну зносу помнікаў «правадыру»: яна палягае ў тым, што ў грамадстве, і асобна ў асяроддзі навукоўцаў, адсутнічае адзіная зразумелая людзям канцэпцыя гістарычнай памяці. Падаецца, паўнавартасна даследаваць дадзены кейс можна будзе толькі праз некалькі гадоў.

Беручы пад увагу прыведзеныя прыклады, мы можам акрэсліць будучыя перспектывы помнікаў Леніну ў Беларусі. На дадзены момант беларуская грамадскасць, і ў тым ліку дзяржава, павольнымі крокамі ступае на шлях пераасэнсавання каштоўнасці афіцыйнай савецкай ма-

нументалістыкі, аднак радыкальных рашэнняў не прадпрымае. Разам з гэтым помнікі Леніну прыходзяць у заняпад, што складае праблему не толькі для дзяржавы, якая не мае фінансавых сродкаў для іх утрымання (рэстаўрацыя альбо аднаўленне), але і для грамадзян, як, напрыклад, «помнікі-забойцы». З аднаго боку, такое становішча, як «бомба запаволенага дзеяння», можа доўжыцца даволі доўга, і тады помнікі з часам самі «пакінуць» сваё месца без старонніх намаганняў – іх знішчыць час. З другога боку, такая пагроза можа прымусіць дзяржаву або грамадства прыняць агульнае рашэнне аб будучыні помнікаў. У той жа час ужо прасочваецца пазітыўная тэндэнцыя з боку нешматлікіх раённых ўлад, якія персанальна прымаюць рашэнні аб дэмантажы помнікаў «правадыру», але пакуль толькі з-за іх занядбалага стану.

Другі напрамак, які сёння мае месца быць, гэта калекцыяніраванне. Варта ўзгадаць, што ў 90-я гг. XX ст. прыватнае калекцыяванне савецкай сімволікі было модным на Захадзе – у Швецыі, Францыі, ЗША, Вялікабрытаніі, куды трапілі некаторыя помнікі з былога Савецкага Саюза і зараз там прадстаўлюць аб’ект атракцыі. Магчыма, калі б Беларусь вырашыла арганізаваць аўкцыён па продажы помнікаў Леніну, то гэтая не зусім звычайная для постсавецкай рэчаіснасці справа магла б мець поспех. А вырučаныя сродкі маглі б пайсці на дабрачыннасць або праграму развіцця беларускай нацыянальнай манументалістыкі – вырыянтаў, падаецца, будзе хапаць. Яшчэ адным музеем на Беларусі, які будзе гатовы сабраць пад сваім «дахам» помнікі савецкай афіцыйнай манументалістыкі, з’яўляецца гісторыка-культурны комплекс «Лінія Сталіна», які ўжо ўславіўся ледзь не апошнім у Беларусі помнікам Сталіну. Гэты «савецкі скансен» мае вялікі шанец у будучыні стаць самым знакамітым ва Усходняй Еўропе ці нават у свеце, калі збярэ самую буйную калекцыю помнікаў афіцыйнай манументалістыкі дзякуючы толькі помнікам Леніну з усёй Беларусі.

Апроч гэтага, мы можам назіраць сучасную тэндэнцыю, якая стала магчымай дзякуючы сучасным тэхналогіям, што дазваляюць калекцыяніраваць не толькі матэрыяльныя праявы творчасці на тэму «ленініаны», але і фотаздымкі помнікаў і дзяліцца з усімі ахвотнымі ў інтэрнэце. Гэта таксама можа быць прыкладам захавання, але віртуальнага. Пры гэтым трэба адзначыць, што ў 2012 г. інфармацыю пра Леніных можна было знайсці па большай частцы толькі ў блогах на LIVEJOURNAL, а ўжо сёння гэтыя звесткі намаганнямі людзей з усёй постсавецкай прасторы пераўтварыліся ў буйнейшы сайт – LENINSTATUES.RU, прысвечаны толькі помнікам Леніну з асноўнай мэтай падлічыць, колькі насам-

рэч існавала помнікаў «правадыру». Таксама ёсць прыклады калекцыянераў, якія збіраюць фотаздымкі тых Леніных, якія больш выклікаюць усмешку ці здзек ад свайго выгляду, бо з'яўляюцца дыспрапарцыйнымі і часам зусім не ўпісваюцца ў сваё наваколле. Помнік Леніну у г. Пінску стаў адным з самых шуканых у інтэрнэце. Няўдалыя канструктыўныя асаблівасці самога манумента зрабілі з яго помнік-жарт, якім мясцовыя жыхары з задавальненнем дзеляцца з турыстамі.

Літаратура

1. В Риге воссоздают музей Ленина. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://link.ac/57tJ6 Дата доступа: 10.03.2014.
2. Ленин в Латвии. Livejournal.com. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://renatar.livejournal.com/157447.html Дата доступа: 12.02.2014.
3. Ленин зазвенел в Лиепае. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.d-pils.lv/news/2/239483 Дата доступа: 08.05.2014.
4. Памятники истории и культуры народов Российской Федерации. Объекты культурного наследия. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://kulturnoe-nasledie.ru/ Дата доступа: 10.05.2014.
5. Парламент Эстонии разрешил сносить советские памятники. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://lenta.ru/news/2006/11/09/monuments/ Дата доступа: 10.05.2014.
6. Россияне выступают за захоронение тела Ленина. Майдана. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.aif.ru/society/people/274753 Дата доступа: 10.05.2014.
7. Сайт памятники Ленину. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://leninstatues.ru/ Дата доступа: 11.03.2014.
8. Сайт Парк Музеон. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.muzeon.ru/ Дата доступа:10.05.2014.
9. Трансформация Ленина: в Одессе появился первый в мире памятник Дарту Вейдеру Ленину. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://dumskaya.net/news/pervye-v-mire-pamyatnik-dartu-vejderu-otkroetsya-051649/ Дата доступа: 22.10.2015.
10. Góralski spór o pomnik Lenina w Poroninie. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://link.ac/57tF6 Дата доступа: 13.05.2014.

Анастасия Соколова
(Беларусь)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФИНСКОГО И БЕЛОРУССКОГО НАЦИОНАЛЬНЫХ КОСТЮМОВ

The aim of the research is to examine and compare the Belarusian and the Finnish national costumes as well as to reveal their specific character (with their ornaments) as an expression of aesthetic, moral, religious and everyday picture of the world. The subject of the analysis is the traditional costumes that are represented not only as bright original elements of the cultures but also as a synthesis of various types of decorative art. The focus is on the clothes of the ruling classes because they were subject to transformations in accordance with changes in artistic tastes over the time. The analysis of certain elements of the Finnish and the Belarusian national costumes is made to determine entire cultural and semantic meanings. Comparative and semiotic methods are widely used in the paper.

Целью исследования является изучение национального костюма, в том числе и его орнаментальных знаков, как способа выражения эстетической, нравственной и религиозной культуры. Предмет исследования – национальные костюмы Финляндии и Беларуси как способ передачи картины мира. В статье значительное внимание уделяется анализу фактического материала, так как целостному культурно-смысловому значению орнамента предшествует анализ отдельных знаков как частей культурного текста орнамента в культуре финского и белорусского народов. В исследовании применяются сравнительный метод, семиотический метод (позволяющий рассматривать костюм как часть системы культуры, представляющий текст, выстроенный по законам знаково-символической системы), структурный и функциональный анализ (позволяющий представить костюм как совокупность знаковых систем и определить закономерности функционирования костюма и его элементов в культуре).

Народный костюм – не только яркий самобытный элемент культуры, но и синтез различных видов декоративного творчества, вплоть до середины XX в. донесшего традиционные элементы кроя, орнамента, использования материалов и украшений, свойственных национальной одежде в прошлом. Именно в орнаменте проявляется коренная черта народного

искусства – традиционность. Для национального костюма характерна повторяемость образов и мотивов в виде их варьирования, которые являются свидетелями многовековой этнической истории народа. В национальном костюме можно проследить взаимосвязь элементов материальной, духовной культуры и народного искусства. Исследование данного вопроса началось в 70–80-е гг. XIX в., когда появились работы, посвященные изучению семантики узоров, базировавшиеся на сведениях об археологических памятниках, на летописных, этнографических и фольклорных материалах [9, 10].

Народный костюм есть проявление народной культуры. Костюм включен в систему мировоззрения и мировосприятия этноса. Его нельзя рассматривать лишь как набор предметов, так как костюм имеет свою философию, свое значение. Символическая система костюма позволяет сохранить живую связь между поколениями, развивать народное художественное творчество [7, 11].

В 2010 г. финскому национальному костюму исполнилось 125 лет. В Финляндии насчитывается более 400 разновидностей национальных костюмов. В Беларуси разнообразие народных костюмов достигает 80.

Особенность национальной одежды в Финляндии состоит в том, что она различалась по регионам и в ней нет понятия единства. Финское народное платье разделено на две группы: западное и карельское. Региональные отличия более заметны в женском одеянии, в то время как мужское одеяние имеет тенденцию отражать общие преобладающие тенденции платья. Женский костюм был рассчитан на презентацию человека внутри социума, т.е. в его основе лежали символы для «своих». Мужской костюм был рассчитан на восприятие вне данной этнической культуры, его символика была нацелена на «чужих». По костюму можно было установить, откуда приехал его владелец.

Традиционный финский мужской костюм состоит из рубашки, длинных брюк или бриджей до колена, жилета, жакета или пальто, шляпы или кепки, шарфа, носков и ботинок.

Белорусский мужской национальный костюм включает в свою очередь рубашку (кошулю), брюки (портки), жилет, кожух, армяк, свиту, а также пояс.

В обеих культурах мужские рубашки были белого цвета, имели прямой рукав и разрез посередине, обшитый орнаментом. Однако в Беларуси носили рубашки навыпуск, поверх штанов, обязательно подпоясывая цветным поясом. В Финляндии рубашка заправлялась в брюки, не

выглядывала из-под жилета. Жилет у финнов выполнял функцию оберега, одевшие его чувствовали себя более защищенными.

Сходство брюк в обоих национальных костюмах состоит в том, что их изготавливали из льна, использовали ноговицы/носки для удержания брюк и их защиты от грязи. В обеих культурах брюки темного цвета. Однако у финнов брюки были часто до колен и имели темно-синий оттенок. Жилеты финнов большей частью полосатые, без карманов. Финны носили их круглый год. У белорусов безрукавки шились из одноцветного, обычно темного полотна. Практически во всех жилетках были небольшие кармашки. Жилетки носили в основном в холодное время года.

Финский жакет со спины имел сборки, подчеркивающие талию, часто был под цвет брюк. Финны придерживались тенденций в моде в большей степени, чем белорусы. А в Беларуси армяк представлял собой длинный однобортный пиджак, обтянутый грубым домотканым сукном.

Особенностью мужского национального белорусского костюма является «насоў», касталан – длинное белое наплечное покрывало с прямой спиной и с широким отложным воротником. «Насоў» носили как летом, так и зимой. В зимнее время касталан надевался на пальто, чтобы уберечь его в лесу, в дороге, на работе. Качество и новизна материи подчеркивали статус, и можно было узнать, к какому сословию принадлежит человек. У финнов данный элемент как часть национального костюма не выявлен.

В обеих культурах схожа форма головных уборов – низкие шляпы с широкими полями. Головной убор играл важную социальную роль в самоопределении финнов и белорусов. Белорусы и финны носили меховые шапки, обтянутые сверху сукном. Но белорусы использовали также солому для изготовления головных уборов.

Как в финской, так и в белорусской культуре были распространены кожаные мокасины, сапоги, лапти, постолы. Большое внимание уделяли практичности вещей, что сохранилось до сих пор. У финнов в символике обуви были распространены мотивы дерева. Использовались металлические украшения, которые несли символы существ нижнего мира, например, лягушки. Семантика обуви связана с нижним миром. Обувь сочетали с вязаными черно-белыми или цветными узорными чулками. Мужчины носили и высокие сапоги на подъеме, но только черные.

Что касается национального женского костюма, в обеих культурах женский традиционный костюм более разнообразен, чем мужской, кроме того, он богаче украшен. Внешний вид женщины строго соот-

ветствовал ее возрасту и статусу: девочка, девушка, невеста, замужняя, вдова, пожилая женщина, старуха.

Костюм финской женщины состоит из блузы, юбки, лифчика или «киртла», передника, жакета, головного убора, ботинок и носков. Типичные принадлежности включают драгоценности, пояса, платки и «свободные карманы». На костюме юго-восточных финнов отдельные детали вышивались орнаментом, отражающим карельское и северорусское влияние [3, 5, 12]. Белорусский женский национальный костюм включает такие элементы, как рубашка, юбка, фартук, безрукавка (гарсет), а также полотенце и пояс.

Финская и белорусская рубашки украшены на груди вышивкой с орнаментом красными нитками. Однако у финнов распространен отложной воротник, разрез находится слева, по краю вышивки, и застегивается у горла пряжкой. В восточной части страны до начала XIX в. сохранялась несшитая поясная одежда (hurstut). Она состояла из двух полотнищ, которые были на лямках, идущих через плечо, закрывали одно правый, другое – левый бок. В белорусской женской сорочке преобладал стоячий тип воротника, который застегивался на две пуговицы спереди или сбоку. У белорусок не было принято украшать подол, потому что юбки были длиннее сорочек [1, 2].

Юбки были в клетку или полоску, наверх надевали фартук как в Беларуси, так и в Финляндии. Вертикальная полоска преобладала у финнов, горизонтальная – у белорусов. Голубой цвет мог использоваться на юге Финляндии. Фартук – необходимая часть костюма у женщин обеих стран всех возрастов в праздничные и будние дни. Длина фартука была чуть меньше длины юбки. Сверху материал фартука мелко присборивался на узком пояске. Фартук украшали спиральными нитями, лентами, тесьмой, кружевом. Украшать начинали снизу. Фартук изготавливался из плотной ткани с белой основой [4, 5].

Безрукавка – составная часть женского комплекса одежды. Существовало два основных вида гарсета: короткий до талии и приталенный удлиненный. С помощью шнурков безрукавка туго стягивалась, одновременно заменяя собой лиф. Традиционным материалом для изготовления одежды являлся лен. Жилет у финнов изготавливался из ажурной ткани, а лифчик был с короткой спиной и с тонкими лямками. К ним прилагались наплечные платки.

Головные уборы белорусок считаются самой важной, колоритной, интересной и живописной частью костюма. По их виду можно было определить статус, возраст и материальное положение женщины. Все го-

ловные уборы строго подразделялись на девичьи и женские. Замужние женщины на протяжении многих веков носили убор, который состоял из трех компонентов: обруча, чепца и наметки (длинный кусок полотна). Замужние женщины обеих культур носили кружевной льняной чепец. Открытые головные уборы были в форме венца или повязки у девушек. В Финляндии широко был распространен шелковый чепец. Женщины носили тану (tanu) – матерчатую кепку, тыккимыссы (tykkimyssy) – шелковую кепку, кепку в форме рога или имеющую форму шляпы [2, 10, 11].

Обувь также является важным компонентом. На территории Беларуси лапти и постолы одинаковы как у мужчин, так и у женщин. Черевики – кожаная обувь на высоких или низких каблуках. Они носились только по праздникам или в наиболее зажиточных семьях. Изготавливались часто без различия правой и левой ноги. Женская праздничная обувь отделывалась узорной строчкой, цветной кожей, лентами. Чем выше сапог, тем богаче его носитель.

Ношение пояса выполняло охранительную функцию, так как он отделял зоны, связанные с верхним и нижним мирами и представлениями о добре и зле. Пояса ткали, вязали, плели из ниток домашнего изготовления, окрашенных в различные цвета. Пояс был необходим как в мужском, так и в женском костюме двух культур.

В обеих культурах были распространены украшения из простых материалов, костей, камней, бусы: стеклянные, янтарные, коралловые, у зажиточных слоев – иногда жемчужные, рубиновые. При собирании бусин в единое украшение придерживались симметрии. Элементом народного костюма Беларуси являлись платки, выполнявшие в народном быту не только утилитарно-декоративные, но и обрядовые функции. У финнов платки не являлись элементом народного костюма, большее внимание уделялось драгоценностям [11, 12].

Орнаменты в декоративном искусстве народа свидетельствуют о его далеких предках. Вышивки в обеих культурах размещались на манжетах, воротниках, по краю одежды. В национальных костюмах используются геометрические фигуры (ромб, крест, точки), растительный орнамент, изображение солнца. Использовались точки с кружочком, в виде диска, колеса. Люди находят в орнаменте природные силы и явления. Прослеживаются яркие черты язычества. Изображения орнамента встречаются на поясах, головных уборах. Преобладали три цвета: красный, белый, черный. Горизонтальные орнаментальные полосы вышивались на передниках у женщин. У финнов можно наблюдать наличие зооморфного ор-

намента: изображения зверей и птиц. У белорусов солнце обозначалось крестом с 4-6-8-12 лучами, а у финнов было в виде семилучевого узора.

При вышивании использовался лен как основной материал одежды. Материалы производили вручную. Сюжетные рисунки в орнаменте были почти всегда криволинейны. В ходе длительного исторического развития шло усложнение одних и упрощение других узоров, а также заимствование «из чужих земель». Имущественные различия в костюме финнов выражены в качестве материи (чем больше человек тратил ткани на костюм, тем богаче он был), у белорусов данные различия выражены слабее. При пошиве костюма у финнов использовалась полосатая ткань [4, 5, 13].

В обеих культурах каждый объект предметного мира наряду с утилитарной функцией имел символическое, сакральное значение. Орнамент являлся своеобразным отображением культуры и быта. К важным факторам можно отнести также и высоту сапога, шапки. Все это свидетельствует о том, насколько точны и продуманны были малейшие детали вышивания и насколько непрост был подход к его изготовлению. Практически все материалы производились вручную.

Литература

1. Беларускі народны касцюм / Л. І. Маленка; [маст. Э. Э. Жакевіч]. Мінск: Ураджай, 2001.
2. Бялявіна, В.М., Ракава, Л.В. Жаночы касцюм на Беларусі. Мінск: Беларусь, 2007.
3. Дучыц, Л.У. Касцюм жыхароў Беларусі X–XIII стст.: паводле археалагічных звестак. Мінск: Беларуская навука, 2005. 80 с.
4. Маленко, Л. И. Белорусский костюм XIX–XX вв. Мінск: Белорусская наука, 2005.
5. Маслова, Г.С. Народная одежда русских, украинцев, белорусов в XIX – нач. XX вв. // Восточно-славянский этнографический сборник. М., 1956.
6. Маслова, Г.С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978. 142 с.
7. Русский народный костюм: Государственный исторический музей. М.: Сов. Россия, 1989. 310 с.
8. Фадзеева, В. Беларуская народная вышыўка. Мінск, 1991.
9. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://anthropology.ru/
10. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://cheloveknauka.com/
11. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.erudition.ru/
12. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://slavyanskaya-kultura.ru/slavic/tradition/yetnokulturnaja-semantika-narodnogo-ornamenta.html
13. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://studopedia.ru

Дарья Глушкова
(Беларусь/Литва)

РЕСТИТУЦИЯ ДВОРЦОВО-ПАРКОВЫХ АНСАМБЛЕЙ И УСАДЕБ КАК НЕДВИЖИМОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ОПЫТ ПОЛЬШИ

The article provides specifics of the restitution process regarding historical and cultural architectural monuments such as palace and park ensembles and former mansions in the Republic of Poland as a systemic transformation country. The subject of the research is jural relation regarding immovable cultural heritage in discourse of denationalization. The study of the specifics of the Polish restitution experience by means of qualitative research (expert interviews; analysis and synthesis of scientific publications) allows to conclude that restitution of the monuments concerned can be a guarantee of their recovery and functioning.

После падения коммунизма стало возможным проведение реституции имущества в бывших республиках Советского Союза и странах Центральной Европы. Реституция – это восстановление прав собственности на национализированное коммунистами или конфискованное нацистами недвижимое имущество. Принятие Закона о реституции стало критерием для оценки глубины трансформаций в постсоциалистических странах, так как реституция связана с понятием правового государства и частной собственности. Закон о реституции активно реализуется в таких странах Центральной и Восточной Европы, как Литва, Латвия, Эстония, Сербия, Чехия, Словакия, Болгария и др. Польская Республика – единственная страна посткоммунистического пространства, входящая в состав Европейского Союза, где Закон о реституции не был принят, но реституционные процессы реализуются через суд.

Один из видов собственности, национализированный коммунистами или конфискованный нацистами в Польше, – это недвижимые памятники, занесенные в список историко-культурного наследия: дворцово-парковые ансамбли и усадьбы. Архитектура этих домов стала типичной для польских просторов, своеобразие интерьеров и фамильных реликвий выделяло поляков среди других европейцев. Дворцово-парковые комплексы использовались под нужды государства, со временем их состояние ухудшалось. На сегодняшний день большое число из них на-

ходится в запущенном состоянии, не охраняется местными властями и часто подвергается вандализму.

На протяжении Второй мировой войны немцы на территории Польши с 1939 г. изымали недвижимое имущество у помещиков и использовали его в своих целях. С 1944 г. с приходом коммунистов частная собственность помещиков была национализирована согласно Декрету правительства Польского комитета народного освобождения от 6 сентября 1944 г. о реализации аграрной реформы. После Второй мировой войны в Польше исчезло 11 тыс. усадеб. Интерьеры, реликвии, предметы искусства и др. были уничтожены или разграблены.

После кардинальных перемен общественного и политического строя в стране в 1989–1990 гг. возможность возвращения дворцово-парковых ансамблей и усадеб становится одним из способов восстановления и функционирования недвижимого культурного наследия. При этом очевиден вопрос: как вернуть недвижимую собственность бывшим владельцам, если она входит в список недвижимых культурных объектов, учитывая отсутствие в польском законодательстве закона о реституции?

Сложившийся к тому моменту механизм осуществления реституции или компенсации ущерба за утраченное имущество в Польской Республике предполагал разделение рассматриваемых в судебном процессе дел на две группы [4: 102–103]:

1. При утрате недвижимого имущества в результате действия нормативных актов, принятых в послевоенный период, с сентября 1944 г. до сегодняшнего времени.

2. Возвращение недвижимости, утраченной во время войны с 1939 по 1945 г.; вопрос компенсации за эту недвижимость вытекает из международных соглашений или принятых затем изменений законодательства последующими правительствами Польской Республики.

Дела представителей первой группы, которые желают вернуть или получить компенсацию за утраченную недвижимость, рассматриваются согласно принятым актам на основе послевоенного законоположения. Они включают в себя возврат сельскохозяйственных и лесных территорий, территорий с озерами и другими водоемами. Возвращение территорий несельскохозяйственного назначения осуществляется в соответствии с иным законодательством.

Чтобы решить проблему и определить условия передачи таких культурных недвижимых объектов, как дворцово-парковые ансамбли и усадьбы, бывшие владельцы, заинтересованные в их возвращении, обращались к министру культуры и искусства с просьбой о решении

возникающих в этих делах проблем. Омбудсмен просил Министерство определить предполагаемый путь их урегулирования. Министр же занял позицию, согласно которой до момента полного урегулирования вопроса о недвижимости данной категории в законодательных актах о реприватизации решение следует основывать на содержании закона от 29 июня 1958 года «О территориальном хозяйстве и национализации недвижимого имущества», который дает возможность передачи усадеб и дворцово-парковых комплексов их владельцам либо правовым наследникам за символическую плату. Данную позицию омбудсмен в полном объеме признает [4: 109].

Практика показывает, что бывшие владельцы или их прямые наследники, заинтересованные в возврате своей собственности подобной категории, имеют все шансы на получение их обратно только в том случае, если недвижимость не подвергалась национализации вслед за Декретом от 6 сентября 1944 г. (преобладающее число таких комплексов было изъято незаконно). Они могут обратиться в суд, требуя аннулирования решения, принятого вопреки законодательству и с нарушением прав собственников. В противном случае, когда объект был национализирован государством в рамках закона, бывшие владельцы или их наследники могут обратиться в местную государственную администрацию с просьбой о передаче им земли в постоянное пользование и о продаже расположенных на ней зданий и сооружений за так называемую символическую плату. При этом они могут ссылаться «на право первого покупателя» в качестве бывшего владельца.

Таким образом, главным основанием для восстановления прав собственности на изъятый или национализированный дворцово-парковый ансамбль становятся доказательства отсутствия его связи с землями сельскохозяйственного назначения в период с 1944 по 1990 г. Реституция такого объекта через обращение в местные административные органы возможна при следующих условиях [4: 109]:

- если имение было изъято до принятия Декрета от 6 сентября 1944 г., что является нарушением прав собственника;
- если имение было национализировано согласно Декрету от 6 сентября 1944 г., при наличии подтверждения, что земли не являются землями сельскохозяйственного назначения.

Если возвращение в натуральном виде невозможно, к примеру недвижимость уже имеет владельца, который ее приватизировал, то бывшим владельцам или их законным наследникам может выплачиваться компенсация. В случае если этого добиться не удалось, можно обратиться в

местные административные органы с предложением о выкупе участка за символическую плату на основании статуса бывшего владельца или его законного наследника. Но часто государство выставляет бывшему владельцу огромную и необоснованную сумму за дворец в руинах, что становится причиной их отказа от выкупа. Такие поместья сами по себе на данном этапе являются убыточными. Согласно мнению помещика Ежи Маньковского, государство думает, как сторож: «Не будем включать свет и содержать здание, лучше выключим все для экономии, но если клиент появится, заработаем на продаже» [2]. Если следовать логике правительства, то создается впечатление, что фактически сознательно разрушенные здания имеют экономическую ценность и бесплатная передача объекта достаточно сильно ударит по бюджету. Но если посмотреть с другой стороны, то усадьба стоит неиспользуемой, не приносит прибыли и не может служить в таком состоянии источником налоговых поступлений [2].

Как говорилось ранее, реституция предполагает частную собственность, которая является основой современной экономической системы в странах либеральной демократии в государствах-членах Европейского Союза. Таким образом, физические лица, владеющие землей, могут существенно повлиять на экономику государства, используя свои знания для восстановления исторического памятника и рационального использования земельного участка. Существует достаточно много случаев, когда бывшие владельцы находят деньги у стратегических инвесторов или спонсоров, выкупают и отстраивают дворцово-парковые ансамбли и усадьбы. Но вопрос экономического положения бывших владельцев или их законных наследников, претендующих на восстановление прав собственности на изъятое или национализированное недвижимое имущество, тем не менее всегда остается сложным.

Важными для внимания являются идеи польского экономиста Ольгерда Багневского, который предлагает выход из этого положения, адаптированный к условиям Польской Республики. В тех случаях, когда государство не имеет возможности вернуть бывшим владельцам или их законным наследникам, уже доказавшим свои права на него согласно актуальному законодательству, недвижимое имущество «в натуральном виде», существует альтернативный вариант: компенсация как возмещение ущерба за утраченную собственность. Естественно, государство, имеющее смелость называть себя правовым, не может придумывать оправдания, чтобы избежать выплаты компенсаций, аргументируя отсутствием средств.

Второй нерешенный до сих пор аспект – это противоречия между экономической логикой современного польского государства, которая предполагает доминирующую долю частной собственности, в то время как большая часть конфискованного недвижимого имущества, в основном земли сельскохозяйственного назначения, продолжает рассматриваться как государственное. Агентство сельскохозяйственной недвижимости – государственная организация, которая имеет все права собственности и распоряжения на национализированные ранее земли и еще не подвергнутые разгосударствлению. В том случае, когда восстановление прав утраченной собственности невозможно в натуральной форме, выходом из ситуации станет выплата компенсации в форме, не отягощающей государственный бюджет. Но каким образом в таких условиях возместить ущерб без ущерба для казны?

О. Багневский предлагает использовать метод, который он назвал «реприватизация с прибылью для всех». Согласно его идее, необходимо начинать с простой формы реституции – возвращения недвижимости в натуральном виде. Необходимо учитывать тот факт, что под управлением Агентства сельскохозяйственной недвижимости на сегодняшний день числится более 2 млн га земли [8], что приблизительно равнозначно площади, изъятой в результате проведения земельной реформы согласно Декрету от 6 сентября 1944 г. в период правления коммунистического режима на территории Польши. Со стороны бывших владельцев и их наследников было подано реституционных исков примерно на 550 тыс. га. Сравнив данные в 2 млн и 550 тыс., можно утверждать, что существует реальная возможность возвращения в физическом натуральном виде [1]. Теоретически есть возможность удовлетворить иски, когда невозможно возвращение конкретно той земельной недвижимости, которая принадлежала бывшим владельцам.

В тех случаях, когда нет шансов на реализацию возврата в натуральном виде, можно выплатить компенсацию в форме, не отягощающей государственный бюджет. Такие компенсации правительство могло бы поместить на специальные банковские счета, использование которых можно осуществлять под контролем государственного бюджета, например на покупку жилой площади или приобретение ценных бумаг внутри Польской Республики. Последнее в результате обменных операций привело бы к возрастанию индекса Варшавской фондовой биржи. Кроме того, часть требований по данным задолженностям ввиду рассеянности по свету значительной части наследников бывших владельцев недвижимого имущества поступала бы из-за границы, а часть – изнутри поль-

ского государства. Вклады на таких счетах могут быть ориентированы на инвестиционные проекты строго внутри Польши. При нынешнем ослаблении состояния конъюнктуры и вероятности дальнейшего развития мирового кризиса усиление позиции индивидуальной собственности и возможность инвестиций могут стать определяющими факторами для предотвращения нежелательного развития событий и наиболее выгодным и перспективным выходом из положения.

Следующая идея Багневского основывается на факте наличия качественного высшего образования у людей, которым на данный момент удалось восстановить права собственности на недвижимое имущество. Земля и уровень интеллекта и навыков выступают здесь в виде определенного капитала. В сумме эти два фактора создают оригинальную схему: когда лицо возвращает себе недвижимое имущество в процессе реституции, то происходит объединение капитала и «know-how» – иначе, базового фактора развития экономики, частной собственности на землю и основного источника добавленной стоимости – «know-how» [1]. «Know-how» – это знания, используя которые собственники могут находить инвесторов, привлекать спонсоров, оформлять кредиты в банках и пускать в дело денежные средства для рационального и прибыльного оперирования землей-капиталом, а также реставрировать и восстанавливать функционирование дворцово-парковых ансамблей и усадеб как неотъемлемой части польского культурного наследия и польской идентичности.

Также польский экономист отмечает последствие реприватизации в виде укрепления среднего класса в Польше. По приблизительным подсчетам, число реципиентов собственности в результате реприватизации вместе с их семьями превысило бы 1 млн человек – слой, который приведет к укреплению польской политической системы.

Наилучшим и экономически благоприятным решением реституции для Польской Республики является, согласно Багневскому, осуществление ее в строго определенном порядке: в первую очередь возврат конкретной недвижимой собственности, затем возврат альтернативного недвижимого имущества и, наконец, выплата компенсации способом, адекватным экономической ситуации. Эта схема предусматривает развитие частной собственности, развитие экономики отдаленных от крупных центров территорий, содействие решению проблемы безработицы, включая при этом привлечение в сельскую местность людей с «know-how», что будет способствовать оживлению периферии. Важно учитывать и фактор мотивации, связанной с эмоциональной привязанностью

к месту, стремлением возродить его в качестве семейного достояния [2]. Но это одна сторона, существует также и подход, основанный на личной выгоде. Достаточно людей, которые заинтересованы в первую очередь в получении прибыли в виде денежной компенсации. Значительное число усадеб и дворцово-парковых ансамблей находятся в запущенном состоянии, а некоторые и вовсе представляют собой руины. Данное обстоятельство ставит перед людьми вопрос оценки своих возможностей для их восстановления. Иногда бывшие владельцы возвращают себе семейную собственность из принципа. Как подчеркнула профессор социологии Гражина Скомпска, в основном те, кто восстанавливает свои права на дворцово-парковые ансамбли и усадьбы, вне зависимости от их состояния, – это люди аристократического происхождения.

Один из примеров связан с Яном Тарновским – наследником графа Станислава Тарновского, недвижимое имущество которых в местечке Дукля было национализировано коммунистами. Реституция дворцово-паркового ансамбля, в котором уже на протяжении долгого времени находится государственный исторический музей, началась с обращения в местный административный орган Станислава Тарновского в 1990 г. Первый положительный ответ был получен от администрации в 2009 г., и только в 2011 г. решением суда было объявлено о восстановлении прав собственности на комплекс уже наследникам скончавшегося Станислава Тарновского. Решение основывалось на главном обстоятельстве: непричастности объекта к территориям сельскохозяйственного назначения.

Реституция дворцово-паркового комплекса никаким образом не повлияла на работу музея. Ян Тарновский считает, что нет необходимости закрывать музей, ведь он служит обществу. В своем интервью в 2005 г. он подчеркнул важность установления доброжелательных контактов с настоящими владельцами, подразумевая сотрудничество, которое приведет к компромиссу для обеих сторон. На сегодняшний день государственный музей арендует здание дворца в качестве помещения для экспозиции.

Таким образом, анализ опыта реализации реституции в Польской Республике позволяет сделать вывод, что здесь существует много недостатков, если учитывать исполнение реприватизационных законов в других странах системной трансформации. Тем не менее польское правительство все-таки осуществляет восстановление прав собственности на незаконно изъятое недвижимое имущество. Позитивным моментом можно считать то, что есть отдельные организации, которые заинтересованы в проведении и совершенствовании реституции на терри-

тории Польши, в частности, Товарищество польских помещиков. Они занимаются разработкой экономической модели, основанной на идеях польского экономиста Багневского, и адаптацией ее под экономическую систему и законодательство Польской Республики. Сохранение культурного наследия в форме дворцово-парковых ансамблей и бывших усадеб является неотъемлемым элементом процесса восстановления польской культуры.

Литература

1. Bagniewski, Olgierd. Reprywatyzacja z zyskiem dla wszystkich // Ziemianie XXI wieku. 26 listopada. 2010. S. 2
2. Jaruzelska-Kastory, Katarzyna. Zacząć od spraw niemożliwych // Ziemianie XXI wieku. 26 listopada. 2010. S. 2
3. Kaminski, Krzysytof. Rodzinie i miastu // Wywiad tygodnia. 2005. 10–16 czerwca.
4. Potasznik, Wojciech. Utracone majątki. Zwrot i odszkodowania. Warszawa: Potasznik, 2005. 366 p.
5. Realizacji prawa do rekompensaty z tytułu pozostawienia nieruchomości poza obecnymi granicami Rzeczypospolitej Polskiej: USTAWA z dnia 8 lipca 2005 r. (Dz. U. Nr 169, poz. 1418).
6. Rydel, Maciej. Jeszcze dwory nie zginęły // Ziemianie XXI wieku. 26 listopada 2010. S. 3
7. Shirmer K. Marcin, Reprywatyzacja w krajach Europy środkowo-wschodniej po 1989 r. // Wiadomości Ziemiańskie. Jesień 2014. № 59. S. 5–9.
8. Felinska, Małgorzata. Sprzedajecie? Sprzedajemy! 2011. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://przedsiebiorcarolny.pl/index.php?content=1442 Дата доступа: 10.05.2015, 19.00.
9. Obwieszczenie ministra rolnictwa i reform rolnych z dnia 18 stycznia 1945 r. Dziennik Ustaw. № 3. 18–22 с. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://isap.sejm.gov.pl/DetailsServlet?id=WDU19450030013 Дата доступа: 10.05.2015, 19.00.
10. Property Restitution in Central and Eastern Europe Washington: Bureau of European and Eurasian Affairs, 2007. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://2001-2009.state.gov/p/eur/rls/or/93062.htm Дата доступа: 20.03.2015, 22.30.
11. Restytucja mienia po roku 1989: MIENIE PRYWATNE. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://propertyrestitution.pl/Restytucja,mienia,po,roku,1989,regulacje,prawne,11.html#mienie_prywatne Дата доступа: 22.04.2015, 19.00.
12. Tło historyczne: Przesiedlenia ludności. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://propertyrestitution.pl/Tlo,historyczne,1939,-,1945,8.html Дата доступа: 22.04.2015, 19.00.
13. Zniszczenia wojenne. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://propertyrestitution.pl/Tlo,historyczne,1939,-,1945,8.html Дата доступа: 22.04.2015, 19.00.

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ УРБАНИЗМА И НОВЫЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

Валерия Прилипко
(Беларусь/Литва)

ПОНЯТИЯ «ВЛАСТИ» И «ГРАЖДАНИНА» В ДИСКУССИЯХ О ПРОЕКТАХ «УМНЫХ ГОРОДОВ» (Smart cities)

The article deals with the topic of smart cities, which are considered as a new stage of the urban space development. The paper is divided into three parts, each of which describes aspects and processes connected with smart urban space. The author describes the term «smart city», its history and ways of development. The article mentions positive and negative sides of such a mode of urban space. The author focuses on the terms «power» and «citizen» in the context of smart cities characterizing citizens that are living in smart cities, ways of acting power, and showing how these terms are different from traditional ones. The article includes a comparison of four projects of smart cities from developed and developing countries.

Последние несколько лет во всем мире говорят о появлении нового типа городов – городов будущего. Smart cities, как их называют, существенно отличаются от современных информационных городов, сочетая в себе преобладающую сферу услуг и внедрение цифровых технологий для функционирования практически всех сфер городского пространства. Данный тип городов представляет собой новую ступень развития городского пространства. Это города, в которых практически все сферы жизни людей автоматизированы, а технологии являются неотъемлемой принадлежностью каждого жителя. Акцент в таких городах сделан на предоставлении гражданам комфорта и безопасности за счет оказания большего количества услуг в сравнении с традиционными городами и за счет получения большего количества информации о горожанах. «Умный город» – это город, в котором наблюдение ведется 24 часа в сутки и в котором практически не существует понятия «личная информация». Вследствие этого уже на данном этапе нужно обращать внимание на понятия власти и гражданина, которые формируются в контексте «умных городов» и обладают новыми характеристиками.

Понятие и история «умных городов». Smart cities, или, как их еще называют, города будущего, представляют собой новый концепт, о кото-

ром впервые стали говорить в середине 1990-х. Основное же развитие данная концепция получила после 2009 г., когда компания IBM – основной игрок в развитии проектов умных городов – зарегистрировала его как торговую марку. Существует большое количество определений умного городского пространства, а каждая компания вкладывает в понятие свой смысл. Одно из определений, к которому я обращаюсь в работе, представлено в статье «Smart Cities: Definitions, Dimensions, Performance, and Initiatives». «Умный город» здесь понимается как центр высшего образования, в котором проживают квалифицированные сотрудники [6]. Совет «умных городов» вкладывает в свое определение совершенно иной смысл, утверждая, что это тип города, в котором цифровые технологии встроены во все городские функции [5]. Однако, несмотря на различия, можно выделить ряд черт, присущих всем вариантам определения. Речь идет о сочетании шести компонентов, которые делают город умным. К ним относятся умная экономика, умная мобильность, умная окружающая среда, умные люди, умная жизнь и умное правительство.

Умная экономика, как пишет итальянский профессор Альберто Ваноло, включает в себя гибкость рынка труда, интеграцию в международный рынок, а также способность трансформироваться. К умной мобильности относят наличие коммуникационных и информационных технологий в городском пространстве, а также современных, устойчивых и безопасных транспортных систем. Умное правительство представляет собой участие граждан в процессе принятия решений, а также прозрачность системы управления, доступность политических услуг и качество политических стратегий. Далее – умная окружающая среда, которая включает рациональное использование природных ресурсов и возможность управления ими, а также сведение к минимуму загрязнения среды. Следующим компонентом является умная жизнь – качество жизни, которое измеряется наличием культурных и образовательных услуг, туристических достопримечательностей, социальной сплоченностью, здоровой окружающей средой, личной безопасностью и обеспечением жильем [4: 5].

Кроме того, говоря о Smart cities, мы можем иметь в виду два типа городов. Первые – крупные, уже существующие города, чаще всего мегаполисы, которые трансформируются в Smart cities. Примером могут служить Амстердам, Стокгольм или Барселона. Другой тип Smart cities – это города чаще всего небольших размеров, с четко обозначенными границами. Они сразу строились или строятся по целостным проектам и изначально являются «умными», например Лаваса (Индия), Сонгдо (Южная Корея).

Безусловно, исследуемый феномен обладает рядом положительных и отрицательных черт. Говоря о положительных, стоит прежде всего упомянуть о том, что умные города продают комфорт. Растущее количество используемых технологий помогает горожанам в повседневной жизни, делая ее более комфортной, а «умный город» – приятным местом для проживания. В пример можно привести большое количество сервисов, ориентирующихся именно на создание комфорта для горожан, скажем, снабжение всех пенсионеров специальными чипами для контроля за их здоровьем и др. Далее – безопасность. Большое количество информации о горожанах и использование в городском пространстве информационных и коммуникационных технологий делает жизнь людей безопасной. Например, приложение, которое позволяет родителям контролировать путь детей в школу и обратно. Также «умный город» продается как пространство для творческих и креативных жителей, в котором они могут воплотить в жизнь новые идеи и реализовать свой потенциал, что позволяет, в свою очередь, постоянно совершенствовать город и делать его все более умным.

Первый из минусов: «умные города» вмешиваются в уже существующее и действующее городское пространство, в котором имеется сложившаяся социальная, политическая и экономическая организация. «Умные города» внутренне дифференцированы. Даже если город обладает качеством «умный», это не значит, что все его области и все городское пространство умные в одинаковой степени. Чаще всего акцент сделан на трансформацию отдельных элементов или районов, оставляя другую часть без внимания. Еще одним негативным аспектом являются сомнения в полезности тех или иных продаваемых сервисов. Примером может служить использование «умных счетчиков». С одной стороны, именно такие счетчики помогают контролировать потребление различных ресурсов и могут содействовать его снижению, тем самым делая город более экологически чистым, а также экономным. С другой стороны, как отмечает Элке Раут, затраты на установку данных счетчиков в домах горожан часто больше, нежели потенциальная экономия коммунальных услуг. В результате использования умных счетчиков в среднем экономия составляет от 1,5 до 2%, что эквивалентно 30 евро, в то время как установка такого счетчика обойдется каждой семье в среднем в 400 евро и увеличит потребление электроэнергии на 3% в год [3: 6].

Понятия «власти» и «гражданина» в контексте «умных городов». Далее я фокусируюсь на понятиях власти и гражданина в контексте «умных городов», а также на информационном аспекте «умного города»,

связанном с этими понятиями. Анализ показывает, что проживание в «умном городе» требует от горожан обладания определенными качествами: образованностью, гибкостью и креативностью, конкурентоспособностью, мобильностью и открытостью. Говоря о последнем, стоит отметить, что для жителей умных городов практически не существует понятия личная информация. Вследствие использования огромного количества технологий и сервисов увеличивается поток информации, которая поступает в руки государства и может также использоваться третьими лицами. Именно поэтому возникает вопрос об информационной безопасности в умных городах.

С одной стороны, большое количество данных, используемое в «умных городах», делает жизнь горожан безопасной и комфортной для проживания. К примеру, родители могут не волноваться за своих детей, когда оставляют их одних дома или же когда они идут в школу, потому что в любой момент с помощью своего смартфона могут «следовать» за своим ребенком. С другой, такие объемы личной информации делают жителей более уязвимыми. Здесь понятие уязвимости может рассматриваться с нескольких сторон. Во-первых, вся информация содержится на специальных серверах, которые могут взламываться хакерами. Во-вторых, информация часто продается частным компаниям, которые используют ее в своих целях.

Переходя к процессу управления «умным городом», прежде всего нужно отметить, что власть в «умном городе» предполагает частичное ее осуществление на расстоянии. С одной стороны, речь идет о внедрении различных сервисов и технологий в процесс управления городом. Интернет и новые технологии являются основой, своеобразным связным звеном между государством и гражданами. С другой, имеет место внешняя манипуляция горожанами со стороны государства. Так, исследователь Альберто Ваноло утверждает, что само понятие «smartness» становится полем социального контроля. То есть проживание в «умном городе» предполагает соответствие статусу «умного» гражданина, к примеру, обязывая его постоянно обучаться и быть «гибким», заботиться об окружающей среде и т.п. Тем самым правительство может сформировать любой образ гражданина, причем так, что последние не будут замечать манипуляций со стороны государства [4: 11–12].

Кроме того, стоит отметить, что умный город представляет тип пространства, в которой паноптическая модель осуществления власти, описанная М. Фуко, уже неактуальна, на смену ей приходит описанный З. Бауманом синоптикон, при котором каждый индивид может наблю-

дать за каждым. В этой ситуации люди сами загоняют себя в рамки, распространяя информацию о себе, им уже не нужен жесткий контроль. Сравнивая паноптикон и синоптикон, Бауман пишет: «…предпосылкой и результатом действий такого института (паноптикона) было обездвиживание подвластных ему людей – наблюдение велось, чтобы не позволить им вырваться на свободу или по крайней мере исключить самостоятельное, случайное, беспорядочное движение. "Синоптикон" по определению имеет глобальный характер; в ходе наблюдения наблюдатели "отрываются" от своей местности – переносятся, хотя бы мысленно, в киберпространство, где расстояние уже не имеет значения, даже если физически они остаются на месте» [1].

Что представляет собой «умный город» на практике? В заключение я хотела бы представить результаты сравнительного исследования четырех проектов «умных городов». Для сравнения я выбирала по два города из двух различных контекстов: два проекта из развитых стран – Австрии и Голландии и два из развивающихся стран БРИКС – Китая и Индии. Это проекты как существующих городов, которые трансформируются в умные (Амстердам, Вена, Нингбо), так и городов, построенных с нуля (Дхолера).

В ходе исследования было выяснено, что смысл «умного города» в разных странах с разным уровнем экономического развития понимаются совершенно по-разному. Граждане тоже занимают разное положение, а власть нацелена на разные объекты. В европейских проектах система власти является прозрачной и открытой, а горожане занимают центральное место городского пространства. В проектах развивающихся стран власть нацелена на привлечение новых партнеров и действует под девизом «минимум правительства, максимум управления» или же, например, в ситуации с Нингбо, ориентирована на развитие мощной индустриальной базы, также для привлечения партнеров. В европейских проектах речь идет о новом уровне развития и организации городского пространства с учетом всех новейших технологий. Такой город направлен на повышение уровня жизни и на общее развитие страны. Если мы говорим о проектах в развивающихся странах, то здесь они являются скорее своеобразным способом привлечения внимания инвесторов, которые впоследствии будут сотрудничать и помогать не только городу, но и стране в целом. В данной ситуации речь идет о политике предпринимательского урбанизма, которой придерживается правительство, порой пренебрегая интересами горожан.

Литература

1. Бауман, З. Глобализация и ее последствия для общества. [online]. [просмотрено]: http://yanko.lib.ru/books/cultur/bauman-globalizaciya-8l.pdf Дата://yanko. 03.04.2014; 19:54].
2. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Fuko_Tyrm/ Дата://www.g: 12.04.2014, 22:41.
3. Rauth, E. Smart tales of the city. Eurozine, 2015. 9 p.
4. Vanolo, A. Smartmentality: The Smart City as Disciplinary Strategy. [N.L.], 2012. 17 p.
5. Definitions and overviews. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://smartcitiescouncil.com/smart-cities-information-center/definitions-and-overviews Дата доступа: 08.04.2015, 11:20.
6. Smart Cities: Definitions, Dimensions, Performance, and Initiatives. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.researchgate.net/publication/267038770_Smart_Cities_Definitions_Dimensions_Performance_and_Initiatives Датаiativese: 01.04.2015, 17:20.

Марина Тойберман
(Беларусь/Литва)

КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРАКТИК ГОРОДСКОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ И ТЕНДЕНЦИЯ К УВЕЛИЧЕНИЮ ВИЗУАЛИЗАЦИИ КОНТЕНТА В ГОРОДСКИХ ИЗДАНИЯХ г. ВИЛЬНЮСА («Pravda», «370», «N WIND»)

The focus of the paper is the tendency of increasing visualization of content in urban lifestyle magazines and the role, which the phenomenon of such magazines plays in the constructing representations and practices of urban consumption. I compared 2 formerly and 1 currently published Vilnius urban magazines - Pravda (2004-2010), 370 (2011-2014), N WIND (2014->), which have a stable approach to the design and content solutions both stylistically and substantively. This comparison has revealed the changes in ideas and perceptions of what Vilnius urban lifestyle magazines in the 2000's-2010's are like. It makes it possible to address questions like: What kind of view of the city and urban consumption urban lifestyle magazines create? What kind of citizens do such magazines address? What is the role of visual content in these urban magazines and how does it change over time?

В рамках данного текста анализируются несколько городских изданий г. Вильнюса, существовавших ранее («Pravda», «370») и ныне существующих («N WIND»). Целью работы является определение роли данных журналов в становлении образа горожанина, его/ее выбора при осуществлении практик потребления, его/ее взгляда на городскую жизнь.

Чем же являются городские издания для города? Любое городское издание, вероятно, можно рассматривать как объективацию культурного производства, результат определенных креативных практик. Э. Каррид отмечает четыре направления, по которым креативные практики могут влиять на город: 1) создание определенного удобства, или потребительской ценности; 2) развитие или изменение города; 3) формирование «бренда» города; 4) создание рабочих мест и дополнительных доходов [4]. Данная систематизация кладется нами в основу анализа роли городского журнала в городском развитии.

Обращаясь к нашим примерам – городским журналам г. Вильнюса, важно отметить то, как Вильнюс репрезентируется в этих журналах. От издания к изданию Вильнюс все больше представляется как город с богатым культурным и материальным производством и потреблением. И если применительно к изданию «Pravda» мы можем говорить о доминировании именно культурного потребления, то в «370» и «N WIND» это «богатое», разнообразное потребление обретает действительно комплексный характер. Причем речь идет именно о потреблении «качества жизни». Как пишет Каррид, «наш высокий уровень жизни позволяет большему количеству людей искать эстетические продукты и места, которые балансируют на вершине треугольника потребностей Маслоу» [4: 379]. Городские издания и делают «эстетические» активности, практики и места видимыми для жителей Вильнюса.

Акцент именно на «качестве жизни» побуждает задуматься: а о чем, собственно, идет речь? Является ли городское потребление потреблением продуктов собственного производства или же нет? В современном мире, на мой взгляд, акцент на «местном» выглядит в большей степени «заигрыванием» с туристами; что же касается горожан, то это скорее отрицание реального положения вещей. Здесь уместно обратиться к метафоре «отпечатков следов» [1], предлагаемой Эшем Амином и Найджелом Трифтом и помогающей осознать, что современный город уже фактически не существует лишь внутри собственных физических рамок, т.е. важно исключить «представление о городе как о замкнутом (содержащем) пространстве» [1]. Осознавая включенность Вильнюса и его жителей в многочисленные глобальные связи, мы можем задать вопрос: каким же оказывается подход к потреблению в городе, если этот город уже включает в себя связь со всем миром?

В работе Ллойда и Кларка можно обнаружить одну из самых важных характеристик горожанина-потребителя: «От потребителей больше не требуется преодолевать огромные расстояния, чтобы испытать разнообразие возможностей потребления» [7, 9]. Речь идет о том, что авторы называют «эстетическим космополитизмом». Имеет место концентрация в определенных точках города объектов потребления со всего мира. «Жители все больше действуют подобно туристам в своих городах» [7, 9], подчеркивают авторы, и данное утверждение удачно описывает характер репрезентации городского потребления в городских изданиях. Я полагаю, что, следуя Джону Урри, можно говорить о том, что многие представления городской действительности конструируются применительно к формату взгляда (gaze), посредством которого обнаруживает

себя «аура отличия» [9: 189]. Взгляд «туриста» (а в нашем случае и горожанина) может быть самым разным: романтическим, коллективным, зрительским, относящимся к окружающей среде, антропологическим либо же их комбинацией. Практики, осуществляемые туристом (горожанином), опосредуются тремя измерениями: пространственным, временным и институциональным [9: 190]. Последнее Урри определяет как «наложение туризма на другие связанные формы активности, такие как шоппинг, спорт, культура, хобби, образование и частичное проживание на территории» [9: 190]. Можно предположить, что городские издания, будь они направлены на горожан и/или туристов, опосредуют их практики во всех трех направлениях, делая более «видимыми» определенные места в городе, воспроизводя определенные позиции с определенной периодичностью (временн*о*е измерение более актуально для постоянных жителей города), а также исходя из собственного контента, который позволяет соединять понятие «город» с выбранными создателями практиками городского потребления.

Чтобы осмыслить упомянутый контент, обратимся к эволюции городских lifestyle изданий, используя идеи работы Мириам Гринберг «Branding Cities: A Social History of the Urban Lifestyle Magazine». Примеры, анализируемые автором, – это журналы разных городов США в период с 1960-х по 1990-е гг., «потребительские журналы, которые соединяют идентичность и потребительские привычки своих читателей в брендированный "образ жизни" (lifestyle) данных городских территорий» [6: 231].

Гринберг подчеркивает, что, по мнению многих теоретиков, пространство города производится не только физически, но и посредством социального воображения, постоянно трансформирующейся культурной репрезентации [6]. Возникает понятие «urban imaginary», которое объединяет конструируемую разными способами репрезентацию города [6]. И медиа уже не только продают продукты городского воображаемого, но и могут их конструировать, внедрять. Автор отмечает, что если речь идет о городском воображаемом в клиентоориентированном, связанном с потреблением виде, то в таком случае мы можем называть данное явление брендингом города [6]. В частности, Гринберг описывает интерес корпораций к процессу подобного брендинга, осуществляемого в том числе и посредством медиа: «Посредством брендинга эти группы стремятся сконструировать эмоциональные связи между превращенным в товар городом и его становящимися все более раскованными потребителями среднего и высшего классов [...] таким образом, чтобы

уже само название города вызывало в воображении целый ряд образов и эмоций, а с ними и впечатление их ценности. В конечном счете они надеются, что идентичность их города совпадет с его коммерческим изображением, получаемым за счет рекламы, СМИ и культурных индустрий и может быть продана, как если бы она была реальным товаром» [6: 230].

Изучаемые Гринберг примеры выявляют направления репрезентации города. Среди них одним из применимых к современным реалиям видится «city-as-attitude» [6: 230], достаточно близкий к типу изданий, описываемому в нашей работе, – городской lifestyle-журнал. Как и в примерах Гринберг, городские журналы г. Вильнюса (особенно «370» и «N WIND») завязаны на определенном «уровне», предварительном знании, вкусе потребителей (зачастую представителей среднего класса), который достаточно изощрен, интеллектуален, воспитан. Журналы репрезентируют город как consumer-friendly именно для данной категории потребителей, предлагая потребление, культурное и материальное, отвечающее «уровню», задавая тем самым соответствующую установку.

Городское lifestyle-издание не только включает в себя репрезентацию тех или иных практик потребления и в целом города как пространства удобного и качественного потребления, но и само является объектом потребления. Сам по себе журнал должен являться частью «качества жизни», соответствовать ему, что диктует определенную организацию. В работе «Visual Consumption in the Image Economy» Дж. Шредер анализирует, на мой взгляд, значимое здесь понятие визуального потребления. Современная экономика организована вокруг «внимания» (attention [8]), вниманием обеспечивается успешность, запоминаемость, узнаваемость тех или иных проектов, в силу чего визуальное потребление выходит на передний план. Согласно автору, описание современного рынка невозможно без понимания значимости изображений в его функционировании.

Эта тенденция является логическим продолжением процесса, начатого с того момента, когда «взгляд фланёра (а также, может быть прототипически, взгляд фланёрки) был захвачен – или, точнее, куплен – эффектной демонстрацией потребительских товаров» с дальнейшим «распространением роли фланёра на всё общество» [3]. Речь идет о том, что берет свое начало в XIX в., когда «товарный фетишизм выходит наружу – и в этом заключается мощный импульс “визуализации” культуры» [2: 254]. И поскольку коммерческий успех тех или иных бизнесов зависит от их видимости, то и в изданиях, в которых они эту видимость «приобретают», важно, чтобы она действительно проявлялась и была

легко считываема беглым взглядом современного горожанина, падкого, подобно туристу, на поиск в родном городе «уникального опыта».

В данном случае важно понимать контекст Вильнюса, для которого появление подобных городских изданий и «товарный фетишизм» с интенцией к визуализации потребления в принципе должны быть рассмотрены с учетом постсоветского опыта. В работе «Класс, культура и потребление: репрезентация стратификации в пост-коммунистической Латвии» Дайна Эглитис описывает изменение самого понятия «нормальности», когда с победой капитализма «нормальными» становятся отличие, индивидуальность, что невозможно без потребления в соответствии с должным «вкусом». Именно потребление, а не образование говорит о «статусе» [5] в данном контексте. И со временем реклама от традиционных форматов переходит к более сложным медиумам, таким как, например, городские издания. Также усложняется и потребление, определяющее «отличие»: становится важным культурное потребление (что мы можем наблюдать в издании «Pravda»), а далее и определенная комбинация самого разнообразного потребления, объединяемая в определенный стиль жизни («370», «N WIND»).

Однако вернемся к исходным моментам нашего рассуждения – видимости и соответствии «вкусу». Стремление отвечать вкусам и интересам целевой аудитории привело такое, например, издание, как «370», к визуальному насыщению каждого разворота крупными изображениями, современными приемами верстки, типографики, иллюстрации, фотографии. Это в корне отличает его от куда более простого в организации «предшественника» – журнала «Pravda», в котором материалы размещались зачастую крайне монотонно (например, фотопроект, где на нескольких разворотах издания размещалось по одному фото, отцентрованному по отношению к самому пространству разворота).

«370» обладал более актуальным форматом – форматом журнала-газеты, который, с одной стороны, ускорял процесс просмотра, а с другой, позволял использовать более крупные изображения и необычные визуальные приемы. Следовательно, существенно различались форма и организация рекламы в пространстве рассматриваемых нами изданий. Если в журнале «Pravda» реклама традиционно занимала определенные страницы, развороты или четко очерченные участки, то в «370» предметы и практики потребления представлялись в виде привлекательных изображений, размещенных самыми разнообразными композиционными способами в пространстве разворота (а иногда и выходя за него). В «Pravda» для практик смотрения были отдельные темы, например отчеты с меро-

приятий, фотопроекты. Центральный же разворот, который можно было вырвать из журнала, организовывался по принципу плаката-афиши. Можно утверждать, что афиша – это тоже репрезентация практик потребления, но культурного. Однако нельзя сказать, что в «370» была некая доминанта практик потребления материального. Скорее в нем находило свое отражение полное смешение всех практик, так сказать, «на равных», где парфюм и музыкальный альбом, фестиваль и дизайнерский столик – равные элементы «стиля жизни», «уникального опыта», «уровня».

Потребление репрезентировано в «370» таким образом, что создается впечатление куда более сложной системы взаимосвязанных практик из разных сфер жизни. На мой взгляд, подобное, условно говоря, «требование» к потенциальному потребителю является четким отражением городского потребления в 2010-е гг. Культурное и материальное потребление не противопоставляются друг другу – «либо богатый любитель дорогих вещей, либо сложноорганизованный человек изысканных культурных вкусов»; горожанин может быть и тем, и другим. И более того, воплощать в себе уникальную комбинацию всех «трендовых» практик потребления.

Этими изменениями, так сказать, «облегчается» жизнь потребителя. Чтобы знать содержание журнала «370», не обязательно вчитываться в его статьи, достаточно просто пролистать череду ярких картинок. И этим журнал отличается от «Pravda». В принципе, для знакомства с «370» уже не нужно было и знание литовского языка, что позволяло включать в понятие «горожане Вильнюса» и жителей-экспатов.

Однако оба издания («370» и «Pravda») остались в прошлом. Если причины закрытия «Pravda» становятся более или менее понятными при изучении изменений, происходивших с городским потреблением (и, в принципе, городским «образом жизни»), то причины закрытия такого актуального визуального издания, как «370», следует проанализировать подробнее. Ключевым моментом в прояснении ситуации может стать сравнение «370» с его преемником – журналом «N WIND». «N WIND» представляет собой издание такого же формата, как и «370». Вместе с тем сама философия «северного ветра», заявленная его создателями, в корне отличается от «370». «N WIND» уже не традиционное городское издание (не только и не столько для горожан и о городе), журнал заявлен как голос всего «северного» региона (балтийских и скандинавских стран). Тем не менее его центральный фокус – все-таки город Вильнюс. Это ли не пример переопределения и еще большего расширения понятия «локальность»?

Приобретение джинсов «Acne» в Швеции (пошитых на фабрике в Литве, но отсутствующих в продаже в Вильнюсе), посещение фестиваля в Эстонии (в котором, вполне вероятно, будут представлены литовские музыканты), посещение магазина латвийских дизайнеров, организованного «N WIND» в Вильнюсе (или литовских дизайнеров в Риге), – все это делает практики потребления, соотносящиеся с образом жизни современного горожанина, менее опосредованными территориально. Теперь не только производство может оказаться внешним по отношению к городу, но и само потребление. Тем не менее именно «образ жизни» возвращает нас к ассоциации с горожанином. Современный горожанин принадлежит всему миру, но аккумулирует содержание последнего в рамках своей «локальной» городской жизни. И городские издания представляют возможность следить за изменениями как в практиках потребления, так и в понимании «образа жизни» горожанина.

Литература

1. Амин, Э., Трифт, Н. Внятность повседневного города // Логос. 2002. № 3-4. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/amin.html Дата доступа: 02.11.2015, 20:20.
2. Горных, А.А. Монтаж как историческая форма // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность / под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова, В.Л. Круткина. Саратов: Научная книга, 2007. С. 348–367.
3. Дэвид, Б.К. Потребление и город, современность и постсовременность // Логос. 2002. № 3-4 [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/klark.html Дата доступа: 02.11.2015.
4. Currid, E. Bohemia as Subculture; «Bohemia» as Industry. Art, Culture, and Economic Development // Journal of Planning Literature. May 2009. № 23. P. 368–382. [online]. [cited 2015.11.30].
5. Eglieis, D. Class, Culture, and Consumption: Representations of Stratification in Post-communist Latvia // Cultural Sociology [online]. [cited 2015.11.30]. Available from Internet: <http://cus.sagepub.com/content/5/3/423>.
6. Greenberg, M. Branding Cities: A Social History of the Urban Lifestyle Magazine // Affairs Review. Vol. 36. November 2000. № 2. P. 228–263. Available from Internet: <http://uar.sagepub.com/content/36/2/228.full.pdf>. [online]. [cited 2015.11.04].
7. Lloyd, R., Clark, T.N. The City as an Entertainment Machine // Proceedings of the Prepared for presentation at the annual meeting of the American Sociological Association, 2000. P. 1–19. Available from Internet: <http://www.sociologia.unimib.it/DATA/Insegnamenti/4_2996/materiale/the%20city%20as%20an%20entertainment%20machine.doc [online]. [cited 2015.11.05].

8. Schroeder, J.E. Visual Consumption in the Image Economy // Proceedings of the Elusive Consumption. Karin Ekström and Helene Brembeck, eds [online]. Oxford: Berg, 2004. P. 229–244. Available from Internet: <https://www.academia.edu/3727999/Visual_Consumption_in_the_Image_Economy>.[cited 2015.11.05].
9. Urry, J. Consuming Places. International library of sociology, Psychology Press, 1995. P. 186–193. Available from Internet: <https://www.hse.ru/data/2014/06/14/1323854873/John%20Urry%20Consuming%20Places%20International%20Library%20of%20Sociology%201995.pdf>. [cited 2015.11.05].

София Вилкопец
(Беларусь/Литва)

ЭКОТУРИЗМ И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ

Nowadays most of the cities take a policy of "sustainable development" as a strategic choice, where questions of ecology are the main ones. Vilnius also develops this way and hence ecotourism is becoming an urgent necessity here. Urban ecotourism could serve as a standard for different types of tourism, which take place in urban space. Moreover, its development could help to deal with a range of issues: the acquisition of individuality and development of a new kind of tourist destination, defending rights of local people, acquisition of new jobs and financial benefits for local residents, etc. Important elements of this type of tourism are education and interpretation as part of socio-cultural eco-projects. Properly designed projects can help to raise a new generation of people who would be interested in the protection and development of both the environment and the city. It will also help to make a platform for high quality life for the present and future generations, sustainable urban development for a long period of time as without awareness of citizens it is problematic to talk about sustainability of different eco-projects.

Вследствие технического прогресса и экстенсивного развития общество столкнулось с рядом экологических проблем, особенно характерных для крупных городов, где вместе с чрезмерной концентрацией на сравнительно небольших территориях населения, транспорта и промышленных предприятий образуются антропогенные ландшафты, далекие от состояния экологического равновесия. Немалое влияние оказывает на становление данной ситуации туризм, принявший сегодня глобальный характер, в том числе и по масштабам влияния. Различные туристические дестинации столкнулись при этом не только с экологическими проблемами, но и с такими проблемами, как потеря индивидуальности места, ущемление прав коренных жителей, негативное влияние на их культуру. В результате, с одной стороны, у туристов понижается спрос на посещение таких мест, с другой, не учитывается, хотят ли жить в подобном городе сами местные жители. Вместе с тем туризм может оказывать и положительное влияние, поскольку он является одним из лучших генераторов доходов посещаемых городов, предоставляя новые рабочие

места, позволяя улучшить уровень жизни и содействуя развитию инфраструктуры. Особый интерес в этой связи представляет экотуризм.

Содержание данного понятия включает в себя достаточно широкое поле с соответствующими принципами и нормами. В частности, Международное общество экотуризма предлагает такое определение: «Ответственное путешествие в природные территории, которое содействует охране окружающей среды, поддерживает благосостояние местных жителей, включая в себя интерпретацию и образование» [12]. Принято считать, что в рамках экотуризма путешествия организуются на природных территориях, которые находятся за чертой города либо в поселениях, адаптированных к природной местности, и не нарушают природного ландшафта. При этом образование относится к обучению как работников так и обслуживаемых туристов.

Параллельно имело место и развитие понятия «городской экотуризм», однако условия городской среды фактически не учитывались исследователями при формулировке общего понятия «экотуризм». Термин «городской экотуризм» получил распространение в публикациях 1990-х гг., когда этот вид туризма начал активно развиваться в городах Канады, США, Австралии и Новой Зеландии, а в дальнейшем в городах ряда стран Азии, Африки, Латинской Америки. В Европе этот вид туризма пока мало распространен.

В 2015 г. Генеральной Ассамблеей ООН было подчеркнуто: «Необходимо содействовать развитию устойчивого туризма, в том числе экотуризма, для искоренения нищеты и охраны окружающей среды» [14], что, в частности, будет содействовать достижению целей развития тысячелетия. Резолюция, поддержанная ООН, значительно шире по масштабу, чем предшествующие, и основывается на резолюции ООН по экотуризму 2012 г., а также на докладе, подготовленном UNWTO. Она принималась на основе общего консенсуса 107 государств. «UNWTO приветствует способность туризма содействовать устойчивому развитию во всем мире» [14], сказал Генеральный секретарь UNWTO Талеб Рифай. Широкая поддержка этой резолюции отражает растущее осознание жизненно важной роли, которую играет туризм в интересах устойчивого будущего для всех, и открывает двери для вспомогательных национальных стратегий и международного финансирования.

Директор коммуникации Международного общества экотуризма Аяко Эзаки отметил, что мы можем увидеть значение городского экотуризма, «принимая во внимание опыт и уроки, полученные от лучших примеров экотуризма и применяя их к туристическому опыту в город-

ских дестинациях таким образом, что позволит путешественникам получать ценную информацию о местной культуре, истории и образе жизни, а также минимизировать отрицательное воздействие, наряду с низкой отдачей туристических активностей или зеленых гостиниц, и максимально увеличивать положительное воздействие, включая волонтерские каникулы или поддержку социальных активностей» (цит. по: [7: 32]). Однако в городской среде реализация экотуризма гораздо сложнее, нежели в природных зонах, требует более тщательного прояснения, какие туры, а также используемые ресурсы в рамках данной среды можно отнести к экологическим, а какие нет. Необходимы также исследования потенциала речных и парковых зон как туристического ресурса, поскольку они могут предоставить хорошую площадку и возможности для реализации социально-культурных экопроектов.

Международным обществом экотуризма было также указано, что в основании экотуризма лежат три главных элемента: сохранение, сообщества, интерпретация. «Сохранение» учитывается в том смысле, что, предлагая на рынок долгосрочные решения, экотуризм обеспечивает эффективные экономические стимулы для сохранения и повышения биокультурного разнообразия, помогая защитить природное и культурное наследие планеты. «Сообщества» представлены в плане создания благоприятных условий развития, включая новые рабочие места, т.е. экотуризм является эффективным средством для расширения возможностей местных сообществ в борьбе с бедностью и достижении устойчивого развития. В свою очередь, «интерпретация» имеет в виду, что «акцентируя обогащение личного опыта и экологического сознания через интерпретацию, экотуризм способствует более глубокому пониманию природы, местного общества и культуры» [12].

В этом плане экологический туризм имеет потенциал развития в городской среде, позволяя предотвратить возможные пагубные последствия, которые могут иметь место в туристических дестинациях. Вместе с тем городской зеленый туризм также создает преимущества при рекламе города, что может способствовать привлечению большего числа потенциальных туристов. Важное место в городском экотуризме, как и в общем экологическом, отводится образованию. В свою очередь, благодаря разработанным для этого социально-культурным проектам предоставляется возможность расширения экологической образованности городских жителей.

Необходимо отметить, что в настоящее время различные европейские города, особенно столицы, стремятся к устойчивому развитию,

«зеленому» планированию. Одним из инструментов экологической политики Европейской комиссии является «Европейская премия зеленого капитала» (EGCA), которой оцениваются местные усилия по улучшению окружающей среды, экономики и качества жизни в городах. В дополнение к этому Европейская комиссия реализует ряд экологических планов действий, которые поддерживают европейские города и местные общины, способствуя их более устойчивому развитию. Тем самым подчеркивается необходимость развития городского экотуризма.

Обратимся в этой связи к опыту Вильнюса. Данный город обладает большим количеством природных зон, которые составляют 64% его территории. Вильнюс занимает 13-е место в европейском списке «зеленых» городов, что делает его лучшим в Восточной Европе и лучшим в списке среди городов с низким доходом. В настоящее время вильнюсский муниципалитет рассматривает в качестве приоритетной задачи «зеленое» планирование и развитие города, способствуя реализации различных соответствующих проектов. Все это позволяет Вильнюсу реализовать полноценную стратегию развития как экодестинации.

Таким образом, концепция экологического туризма от простой идеи путешествия по природным местам и низкого уровня воздействия на окружающую среду была расширена до понимания, что рассматриваемый вид туризма может способствовать устойчивому развитию различных типов поселений. Вместе с тем экотуризм также может выступить в качестве стандарта, к которому необходимо стремиться при реализации различных видов туризма в городской среде. Поскольку ключевыми измерениями рассматриваемого вида туризма являются образовательное и интерпретационное, то важное место в нем занимают социально-культурные экопроекты. Грамотно реализованные такого рода проекты позволяют развивать экологическую культуру как туристов, так и местных жителей. Необходимо отметить, что в городской среде реализация экотуризма гораздо сложнее, нежели в природных зонах. Существует обширное поле для необходимых исследований, требуется более детальное рассмотрение того, какие туры можно отнести к экологическим, а какие нет, нужно работать над критериями и регламентом реализации экологического туризма в городе. Вильнюс предоставляет хорошую площадку для организации экотуров. Зона возле реки Нерис, а также городские парки могут выступить в качестве основной площадки реализации различных социально-культурных проектов.

Литература

1. Cheia, G. Ecotourism: definition and concepts // Journal of tourism. 2013, issue 15. P. 56–60.
2. Dodds, R., Joppe, M. Urban Green Tourism: Applying ecotourism principles to the city. Toronto: Ryerson Polytechnic University, 1998. P. 33–39.
3. Gibson, A. et al. Ecotourism in the city? // International journal of Contemporary Hospitality Management. 2003. № 15 (6). P. 324–327.
4. Maas, J. and et al. Green space, urbanity, and health: how strong is the relation? // Epidemiol Community Health. 2006, volume 60, issue 6. P. 587–592.
5. Pinto, A. Ecotourism case studies in the United States. USA, Burlington: The International Ecotourism Society, 2000. 104 p.
6. Rahemtulla, Y.G., Wellstead, A.M. Ecotourism: understanding the competing expert and academic definitions. Edmonton: Natural Resources Canada, 2001. 17 p.
7. Suchi, R. Eco-tourism's new itinerary // Green business quarterly.2011. P. 32–35.
8. Varini, K. Urban ecotourism: How urban tourism could be sustainable and environmentally friendly? Chur: University of Applied Sciences HTW Chur, 2014. 8 p.
9. Wu, Y.Y., Wang, H.L., HO, Y.F. Urban ecotourism: Defining and assessing dimensions using fuzzy number construction // Tourism Management. 2009. № 31 (6). P. 739–743.
10. Amp Clobal Youth. World Insight Essay Series: Greening Urban Tourism: Progress in Urban Ecotourism. 2013. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://ampglobalyouth.org/students/world-insight-essay-series-greening-urban-tourism-progress-in-urban-ecotourism/ Дата доступа: 1 марта 2015, 09:20.
11. European Comission. European green capital. 2015. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://ec.europa.eu/environment/europeangreencapital/about-the-award/policy-guidance/index.html Дата доступа: 21 апреля 2015, 11:30.
12. The International Ecotourism Society. What is ecotourism? 2015. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.ecotourism.org/what-is-ecotourism Дата доступа: 1 марта 2015, 09:11.
13. United Nations. Department of Economic and Social Affairs. World's population increasingly urban with more than half living in urban areas. 2014. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.un.org/en/development/desa/news/population/world-urbanization-prospects-2014.html Дата доступа: 29 апреля 2015, 10:38.
14. UNWTO. UN General Assembly: Sustainable tourism is a tool for poverty reduction and environmental protection. 14 January 2015. http://media.unwto.org/press-release/2015-01-14/un-general-assembly-sustainable-tourism-tool-poverty-reduction-and-environm Дата доступа: 2 марта 2015, 10:25.

Алена Перезолова
(Россия)

ТРЕНДЫ ОТКРЫТОСТИ ГОРОДСКОЙ ПОЛИТИКИ В МОСКВЕ

The paper examines aspects of openness of information in urban governance via Internet technologies. Moscow is actively developing the technology infrastructure that allows to make free internet access in the city, parks and in the subway. Thereby infrastructure resources and institutional mechanisms of open access are created. In this case it requires the initiative and participation of citizens. With multiple information resources citizens are able to evaluate, monitor and participate in public discourse. The use of technology makes it possible to increase mass public participation in public policy, which promotes decentralization. The above-mentioned instruments carry certain risks that may occur in government organizations in case of lack of rapid response to the changes.

Ключевым элементом сетевого общества становится дискурс, который трансформирует образ политики посредством инструментального и технологического развития институтов политического участия и выражается в требовании публичности. В Москве на данный момент пилотные проекты, направленные на открытость городской политики, функционируют по коммуникативной модели. Функционально значимым является портал государственных и муниципальных услуг, который функционирует с 2011 г. Он содержит информацию обо всех доступных услугах, обеспечивает доступ к электронным базам и архивам различных городских ведомств. Все части портала работают по типовому принципу: регистрация – выбор волнующей проблемы – жалоба – ответ чиновника.

Информационная открытость реализована в запуске портала открытых данных[1], который, как электронный справочник городской инфраструктуры Москвы, обобщает данные более чем о 200 тыс. городских объектов. Детальная информация о структуре доходов и расходов Москвы размещена на сайте «Открытый бюджет Москвы»[2], где можно

1 Портал открытых данных Правительства Москвы. URL: data.mos.ru

2 Открытый бюджет Москвы. URL: budget.mos.ru

выяснить объемы финансирования и посмотреть ключевые показатели эффективности исполнения. Обратная связь посредством портала подразумевает, что каждый житель города может видеть, как правительство Москвы распоряжается деньгами города, и может предложить меры экономии.

Потребность в открытости проводимых конкурсов на закупку оборудования для участников рынка и субъектов бизнеса отражена на площадке для размещения информации о товарах и услугах на портале «Поставщики»[3], где представлена информация о государственных закупках для объективной оценки рынка предложений и привлечения малого и среднего бизнеса к исполнению государственного заказа города Москвы. Данный портал является ресурсом выбора на основе объективной информации, где создаются условия конструктивного диалога на площадке открытой конкуренции в стремлении к минимизации ресурсов, использования технологии электронного документооборота посредством отсутствия дублирования и создания единого информационного пространства для всех участников размещения заказов.

С целью создания туристической привлекательности открыт портал «Узнай Москву»[4], где собраны истории знаменитых и примечательных московских домов, рассказанные краеведами и простыми горожанами. Портал построен по принципу Википедии: каждый может предложить свой собственный маршрут или добавить информацию по объектам, включая аудиовизуальные элементы. Новые сервисы появляются соответственно с увеличением функционала городских возможностей. Например, после введения платных парковок был запущен новый сервис и информационный портал – московский паркинг, где собрана информация, связанная с парковкой: причины введения платы, стоимость, резидентские соглашения, информация об условиях для льготных категорий населения, штрафы, эвакуация.

В качестве реализации потребностей развивающегося гражданского общества и адаптации прогресса технологий правительство Москвы запустило пилотный проект «Активный гражданин»[5], претендующий на статус площадки проведения публичных консультаций и даже ресурса со-управления, поскольку формально считается системой электронных референдумов города. Заметим, что проект, перешедший от информационной стадии на стадию публичных консультаций, стартовал с запуска

3 Портал «Московские закупки». URL: zakupki.mos.ru

4 Портал «Узнай Москву». URL: um.mos.ru

5 Проект «Активный гражданин». URL: http://ag.mos.ru/

в 2011 г. портала «Наш город» и приложения «Мобильная приемная», с помощью которых стал возможен общественный контроль качества выполняемых городскими службами работ и оказания услуг. Согласно социологическим данным, уже 51% жителей Москвы знают о существовании проекта, причем за год был зарегистрирован миллионный участник[6] и было проведено 453 голосования, что свидетельствует об устойчивом развитии практики организации публичных консультаций с горожанами. Есть и проблемы в проекте электронных референдумов, поскольку подавляющее большинство вопросов подразумевают положительные ответы, а решения являются скорее не институциональными, а корректирующими существующие нормативные акты и институты. Большинство вопросов относится к обязательной деятельности правительства для развития городской инфраструктуры, а открытые или альтернативные вопросы отсутствуют. Тем не менее по результатам референдумов принят ряд значимых решений институционального характера: внесен законопроект о запрете продажи алкоэнергетиков, определен дизайн двух станций метро, запущен ряд новых автобусных маршрутов и др. И хотя электронные референдумы не имеют юридической силы, они являются формой публичных консультаций для привлечения горожан к участию в принятии решений на уровне городской политики.

Интерес к созданию мобильных приложений для работы с государственными органами возник и у частных организаций. В 2012 г. был запущен независимый онлайн-ресурс «Сердитый гражданин»[7], который создан с целью улучшения качества жизни и сокращения дистанции между гражданами и государством, для жалоб на любые нарушения, связанные с деятельностью как государственных органов, так и коммерческих компаний. Типовой принцип действия портала заключается в максимальном удобстве и простоте обращения к государственным органам и именуется как «решение проблем в 2 клика». Задача заключается в том, чтобы увидеть проблему (к примеру: свалка во дворе, грязный подъезд, просроченные продукты, смс-спам, ямы на дорогах, бездействие чиновников). Обозначив проблему, необходимо добавить ее на сайт, после чего осуществляется автоматическая отправка официального заявления в ответственные организации. Еще один сервис с более оптимистичным названием «Довольный гражданин»[8] разработан на базе

---

6 Число участников проекта «Активный гражданин» превысило миллион человек. URL: http://www.mos.ru/press-center/themes/news/index.php?id_4=31767

7 Портал «Сердитый гражданин». URL: www.angrycitizen.ru

8 Портал «Довольный гражданин». URL: http://socialsys.ru/

Microsoft Dynamics CRM; на этой же системе работают похожие сервисы в Милане и Лондоне. Использование продуктов Microsoft является неизбежным трендом для администраций, стремящихся сделать управление в городе более технологичным. Ориентация на пользователей услуг и удобства работы системы вынуждает прибегать к покупке готовых решений в лучшем случае, если бюджет позволяет такие траты. Создание собственных технологических платформ – дело дорогостоящее и по карману лишь богатым субъектам в РФ. Москва способна позволить себе создавать собственные технологические платформы на базе Департамента информационных технологий, который не является монополией, поскольку в Москве применяются и неофициальные ресурсы.

В числе негосударственных ресурсов можно отметить негосударственные порталы обращений, в их числе: «РосЯма»[9], «РосЖКХ»[10] и др. Порталы выступают ресурсом объединения граждан, которые столкнулись с некомпетентностью дорожных и коммунальных служб, не выполняющих свои обязательства. На портале размещена полезная информация о правильном заполнении жалобы, оформлении обращения и сроках рассмотрения. Статистическая информация находится в открытом доступе и дополнена фотографиями с описанием проблем на дорогах, все это обеспечивает удобство и доступность сервиса. Заметим, что портал обладает открытым кодом и описанием интерфейса программирования приложений API (Application Programming Interface).

С точки зрения функциональной значимости существование каналов взаимодействия с населением – это явная необходимость построения линий коммуникации с органами власти и организации внутреннего межсекторального взаимодействия. Относительно категоризации данного ресурса нельзя дать однозначный вывод. С одной стороны, порталы являются принципиально новой формой коммуникации, но, с другой стороны, данная форма предоставления информации не является инновационной. Порталы есть лишь опосредованный способ оказания государственных услуг. В случае неготовности самой системы быть более оперативной и мобильной удобные сервисы могут потерять свой потенциал публичности вследствие недоверия со стороны граждан.

Тем не менее использование порталов позволяет увеличить прозрачность работы государственных органов и способствует снижению

9 «РосЯма» – портал для объединения граждан, которые столкнулись с некомпетентностью дорожных служб. URL: http://rosyama.ru/

10 «РосЖКХ» – портал, созданный для гражданского контроля в работе служб ЖКХ. URL: http://roszkh.ru/

коррупционного фактора. Главным условием привлечения публичности является доступность и простота обращения в использовании порталов. Поскольку порталы выступают дополнительным инструментом коммуникации и обладают большей привязкой к индивиду, сервис позволяет выделять интересующие пользователя электронные услуги и проводить различного рода мониторинги и статистический анализ. Наращивание удобства использования является основным условием успешности, поскольку пользователи должны видеть качественные улучшения работы государственных организаций. Если заполнение обращения будет слишком сложным или долгим, то граждане просто не почувствуют разницы с обычной процедурой решения вопросов или вообще потеряют интерес к решению городских проблем. Поэтому важным является информирование и оповещение о статусе запроса обращения.

Москва активно развивает инфраструктуру, позволяющую сделать свободным доступ в интернет в черте города, в парках, в метро. Тем самым создаются инфраструктурные ресурсы и институциональные механизмы открытого доступа. От граждан в таком случае требуется инициатива и участие. Информационная безопасность также необходима, поскольку порталы консолидируют в себе данные о пользователе, которые запрашивают городские порталы для предоставления электронных сервисов. Помимо всего, институт порталов еще больше отделяет субъектов друг от друга, поскольку имеет место обезличенность взаимодействия, что потенциально ведет к снижению личных контактов. В концепции порядка открытого доступа [1: 22] подразумевается равенство граждан, демократический характер государства и безличность предоставления услуг. Первые два критерия закреплены в Конституции, однако о безличности стоит говорить только при высокой степени развитости политических институтов.

Мишель Фуко [2: 143] подчеркивал значимость отношений, существующих независимо от индивидов, т.е. формирования качественных политических институтов, где минимален человеческий фактор. Рассмотрение института порталов обращений граждан в рамках изучения элементов политики открытого доступа связано с определением качественных характеристик реализации принципа обезличенности оказания услуг. Именно обезличенность является движущим механизмом для гибкости институтов, качество организации работы которых измеряется способностью функционирования без привязки к личности чиновника. Порталы становятся принципиальным средством проведения политики открытого доступа и содействуют снижению коррупциогенных факто-

ров. Следуя логике Мишеля Фуко, посредством использования технологий возможно массовое публичное участие во властных решениях, что способствует децентрализации управления.

Тренды развития информационных городов становятся вызовом для расширения открытости городской политики. Требуется грамотный менеджмент для организации аналитического управления городом и мониторинга измеримых данных, создания аналитических технологических платформ и разработки системы информационной безопасности, организации интернет-присутствия государственных структур посредством сайтов и порталов и привлечения технологических продуктов крупнейших IT-корпораций в целях рационализации управления. Благодаря множеству информационных ресурсов, в том числе интернет-платформ, горожане способны оценивать, осуществлять мониторинг и участвовать в публичном дискурсе.

Литература

1. Норт, Д., Уоллис, Д., Вангайст, Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во института Гайдара, 2011.
2. Фуко, М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2002.

Научное издание

ЕВРОПА-2015.
ЭФФЕКТ ПЕРЕСТРОЙКИ:
РЕЖИМЫ И РИСКИ МНОГОГОЛОСОГО ЗНАНИЯ

Материалы международной студенческой научной конференции
15–16 мая 2015 г.
Вильнюс

Сборник научных трудов

В авторской редакции
(ответственность за недостоверность фактов, приведенных в текстах, несут авторы)

Ответственный редактор *Г.Я. Миненков*

Корректоры *Е.В. Савицкая, Ю.В. Стулов*

Технический редактор *О.Э. Малевич*

Дизайн обложки *В. Андрукович*

Взгляды авторов могут не совпадать с мнением редакции

Европейский гуманитарный университет
г. Вильнюс, Литва
www.ehu.lt

Подписано в печать 17.04.2016.
Формат 60x84 $^{1}/_{16}$. Усл. печ. л. 32.

Отпечатано «Petro Ofsetas»
Račių g. 24 LT-03156
Vilnius Lithuania